

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2023, Том 3, № 5

Подписано к публикации: 09.06.2023

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

Е-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2023

Содержание

Попова Е.О., Мельниченко А.А., Курбакова О.Д., Птаховская В.В. Мультимедийный журналистский нарратив как эффективная форма репрезентации контента	6-13
Захра О. Лингвокультурологические особенности употребления арабских имен	14-19
Набокова Е.Н. Английские фразеологизмы как объект лингводидактики	20-24
Сорокин Н.С. Искусственный интеллект в новостных агентствах: опыт применения	25-29
Ярзада Биби Салиха Морфологические свойства имени прилагательного в персидском языке в сопоставлении с русским языком	30-36
Краснощёков Е.В. Выражение посессивных отношений с помощью изафетных конструкций в иранских языках	37-43
Мацаберидзе Г.В. Литературоведческий анализ образных сравнений в описании женских персонажей в романе Э. Золя «Западня»	44-49
Панкова М.В. Трансформации шерлокианы в поликультурной киноадаптации	50-54
Курц М.А., Керимова К.Р. Лингвостилистические аспекты перевода детской литературы с английского на русский язык	55-62
Салимова Г.Н., Тагиров У.М., Исхакова Р.Р., Исхакова Г.С. Особенности научного стиля русского и башкирского языков	63-66
Ткачёва Р.А., Михайлова Н.Д., Кузнецова А.А. Художественная деталь как инструмент анализа художественного мира рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда»	67-73
Шамсутдинов Д.И. Репрезентация лингвокультурной ситуации в интертекстуальном тезаурусе современных старшеклассников: результаты эксперимента (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	74-77
Васильева А.А., Бабенцева Р.О. Способы перевода неличных форм глагола на примере инфинитива и его конструкций на основе анализа текста научного стиля	78-82
Колтунова С.В., Чернявская Н.Э. Конференц-перевод: теоретический аспект	83-88
Макурина И.Ю. Языковая реализация категорий «сильный/слабый» в авиационном английском языке	89-93

Манджиева С.В., Халгаева Д.Д., Радоченко Д.Н., Джалсанова Е.С., Тюрбеева Б.А. Способы словообразования жаргонной лексики хакеров	94-98
Цуканова Д.В., Семанина А.А. Этнокультурные особенности преподавания русской лексики франкоговорящим обучающимся	99-104
Даулань М. Вербализация концепта «медицина» в русской и английской медицинской рекламе	105-108
Даутов Г.Ф., Хайруллина А.С. Особенности творчества Гаяза Исхаки	109-114
Кабакова С.А. Мотив убийства в поздних произведениях В.М. Шукшина	115-120
Новикова Л.Д. Специфика передачи лингвистических средств языкового воздействия при переводе рекламных текстов	121-125
Роббек Л.В. Особенности функционирования фразеологизмов в языке олонхо (лексикографический аспект)	126-131
У Цзыпэн Сопоставительное исследование военных метафор в российских и китайских эпидемических новостях с точки зрения семиотики	132-136
Цыганкова А.А. Переключение кодов как маркер идиостиля Умберто Эко	137-143
Кажарова М.А. Магия слова: языковые манипуляции в юридическом, политическом и социальном дискурсе	144-152
Лопатин А.Л. «Минна фон Барнхельм – “истинная комедия” эпохи Просвещения»	153-159
Рудых А.В. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в исследованиях литературоведов Китая	160-165
Ван Мэйянь, Пинежанинова Н.П. Прямая и несобственно-прямая монологическая персонализация в функционально- стилистическом аспекте (на материале романа В.В. Набокова «Король, дама, валет»)	166-175
Люй Вэньтин Метафорическая репрезентация концепта «Детство» (на материале русской и китайской фразеологии)	176-181
Вяльяк К.Э. Синтаксические особенности испаноязычного рекламного текста	182-186
Ильина О.Ю. Образ Германии в оде «Хвала немцам» („Das Lob Germaniens“, 1727) И.К. Готтшеда	187-190

Магомедова П.А., Итуева М.Т. К вопросу о религиозном концепте <i>молитва</i> в арабском и русском языках	191-195
Узенцова Е.А., Молчанова С.Е. Некоторые особенности репрезентации концепта <i>легкость</i> в рекламе	196-201
Керимов К.Р., Шихшалилов М.П. Грамматические конструкции сравнения в арабском даргинском и русском языках	202-204
Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Особенности представления темы судьбы поэта в творчестве Гэ Мая	205-208
Степанов А.А. Музыкальные инструменты и музыканты в сонетах Уильяма Шекспира как разновидность образа музыки	209-212
Чэнь Исинь Теория «трех миров» Мао Цзэдуна в новостном дискурсе	213-217
Джиоева З.Е. Специфика криминалистической терминологии в русском и осетинском языках	218-223
Дровосекова И.Н. Мир семьи в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»	224-228
Сюе Хуньянь О переводе и издании на русском языке китайской научно-фантастической литературы XXI века	229-233

*Попова Е.О., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Мельниченко А.А.,
Курбакова О.Д.,
Птаховская В.В.,
Российский университет дружбы народов*

Мультимедийный журналистский нарратив как эффективная форма репрезентации контента

Аннотация: в статье рассматривается явление мультимедийного журналистского нарратива как одного из способов репрезентации контента в ответ на «усталость» аудитории от подачи в новостях «голового» факта. Мультимедийный нарратив функционирует в области нарративной журналистики и новых медиа. Авторы отмечают, что свойства, которыми обладают такие материалы (нарративные и мультимедийные), дают не только новые возможности представления контента, но и позволяют читателю погружаться в историю с помощью новых средств. Среди нарративных свойств в данной статье выделены: последовательность повествования, наличие конфликта, система персонажей-героев и экспрессивно-выразительные средства (языковые и экранные), среди мультимедийных свойств авторы выделяют: визуальное представление, интегративность и интерактивность.

В качестве доказательства эффективности использования мультимедийного журналистского нарратива в СМИ проведен анализ четырёх российских и зарубежных специальных проектов.

Ключевые слова: новые медиа, мультимедийный нарратив, эффективное воздействие, текст, фотография, инфографика, анимация, видео, аудио

Для цитирования: Попова Е.О., Мельниченко А.А., Курбакова О.Д., Птаховская В.В. Мультимедийный журналистский нарратив как эффективная форма репрезентации контента // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 6 – 13.

В последнее время можно наблюдать появление новых тенденций в сфере журналистики и обновление отношений между адресантом и адресатом массовой коммуникации. Новости как представление «голового» факта теряют значимость, читатель начинает уставать от сухого информационного потока [24], СМИ вынуждены искать новые способы и формы подачи материала, чтобы привлечь внимание аудитории. Одним из таких способов становится использование нарратива, его выбор объясняется особой структурой человеческого мышления: читатель легче воспринимает информацию, переданную ему описательно. Сам нарратив сейчас претерпевает изменения, обусловленные воздействием эпохи: он начинает включать в себя не только текстовые элементы, но и элементы мультимедиа.

Существует два подхода к пониманию мультимедиа, высказанные М. Дезе, исследователем мультимедийной журналистики: оформление новостей на сайте с применением разных медиаформатов (например, изображения, текста, анимации) и «интеграция новостей» через разные медиаплатформы [1]. Мультимедиа нашли широкое распространение в медийном мире: сейчас не осталось СМИ, которые публиковали бы только текстовый контент, он всегда сопровождается видео, фото и разными гиперссылками.

Мультимедийность тесно связана с конвергенцией, поскольку понятие «конвергенция» включает в себя «мультимедийность» [17]. Мультимедийные характеристики контента являются основным признаком современных интернет СМИ вместе с интерактивностью и гипертекстуальностью. Эти три характеристики вместе проявляются в мультимедийном характере публикаций СМИ, когда адресант играет ключевую роль, поскольку только он может «запустить» историю, привести в действие навигационные элементы.

Стоит отметить, что вместе с появлением нового способа представления информации появляется и новый способ ее восприятия через мультимедийную составляющую, об этом говорит исследователь медиа-конвергенции А.А. Мирошниченко [19]. Информация должна быть соответствующе оформлена – через звукотекстовые образы с использованием так называемого «синтетического языка». Через привлекательное оформление авторы стремятся привлечь внимание потребителей контента к вопросам, поднимаемым в материале. В мультимедийном контенте основным останется чувственное восприятие, именно через него аудитории передаются смыслы, оно содействует формированию целостного «информационного образа» [22].

Мультимедийные материалы можно классифицировать в зависимости от степени включенности в них адресата [2] и выделить: **континуальные** (интеграция адресата в материал слабая, аудитория просто «линейно» знакомится с материалом, сам материал мономедийен, используются лишь некоторые дополнительные статичные элементы), **комбинированные** (основная отличительная черта – высокий уровень интерак-

тивности, используется множество мультимедийных элементов, пользователь может управлять ходом сюжета), **иммерсивные** (создается эффект присутствия, адресат погружен в дополнительную реальность).

Интересно отметить, как интерактивность и мультимедийность меняют традиционные журналистские понятия, например, журналистский текст в цифровой среде становится медиатекстом, который можно определить как «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [23, 13]. Касаемо медиатекстов, интересно мнение Т.Г. Добросклонской, исследователя в сфере медиалингвистики, которая считает, что текст – это сообщение, а медиатекст – сообщение вместе с каналом его распространения [13]. Существует еще одно понятие, отражающее функционирование вербальных (речевых форм) передачи сообщения и невербальных, то есть относящихся к другим системам знаков, форм – «креолизованный текст», который представляет собой мультимедийный проект, в котором письменный текст соединен с изображением, звуковыми эффектами и прочими интерактивными элементами, используемыми для формирования целостного повествования и создания соответствующего воздействия на аудиторию.

Повествование является важным элементом в мультимедийном проекте, поскольку нарратив не просто направляет внимание адресата на то или иное событие, а подсказывает, как следует думать о событиях, придавая им определенную коннотативную окраску [10]. Особенный характер нарратив имеет в цифровом пространстве, поскольку может быть представлен как бесконечная гипетекстуальная последовательность, это делает все интернет-пространство одной гиперисторией, включающей множество нарративов [21]. Если при обычном повествовании нарратив обладает способностью удержать аудиторию, то в случае добавления к нему мультимедийных возможностей, это уникальная способность нарратива усиливается в несколько раз за счет воздействия на разные органы восприятия аудитории.

Для исследователя мультимедийного сторителлинга Дж. Стивенса мультимедийная история – это «комбинация текста, фотографий, видео, аудио, графики и интерактивного интерфейса, представленная на веб-сайте в нелинейном формате, в котором каждый вид информации дополняет другой, но не является избыточным» [7]. М. Лукина дает такое определение мультимедийному нарративу: «история, рассказанная с помощью нескольких мультимедийных средств и собранная таким образом, чтобы, с одной стороны, каждая ее грань дополняла и развивала общий рассказ, с другой – недоступность или невозможность воспроизведения одного из элементов не искажала общий смысл сюжета» [14, с. 269-270].

Можно выделить ряд черт, характерных для мультимедийного контента: «модульность, интерактивность, гипетекстуальность и неиерархичность» [18]. Нарратив присутствует на всех семиотических уровнях: семантическом (сюжет), синтаксическом (дискурс), прагматическом (методы повествования и степень интерактивного включения аудитории) – и новые медиа влияют на все эти уровни [6]. На семантическом уровне происходит поиск соотношений между формой и содержанием нарратива, на синтаксическом – поиск новых способов представления повествования, а на прагматическом – появляются новые способы участия аудитории в ходе повествования.

Среди особенностей, характерных для формата мультимедийного нарратива можно выделить [20]: **сюжетность** (то есть наличие рассказываемой истории, ее идеи и тематика), **инструментальность** (возможность выбора средств выразительности для представления истории на экране), **наличие платформы**, на которой размещен материал (ее выбор зависит от мультимедийных возможностей) и **интерактивность** (степень погружения аудитории). Интерактивность часто становится одной из решающих категорий в мультимедийном нарративе, и, в зависимости от степени интерактивности, мультимедийные нарративы можно разделить на: мультимедийные лонгриды, веб-докьюментари и проекты, использующие дополненную реальность [20].

Упомянем некоторые модели классификации мультимедийного журналистского нарратива, предлагаемые разными исследователями. Например, Р.К. Эрнандес и Дж. Ру предлагают модель классификации в зависимости от степени интерактивности [2], которая включает: **linear** (истории, которые отличаются линейным повествованием, порядок восприятия истории предопределен, такая история мономедийна, но имеет прямые или косвенные мультимедийные добавления), **shell** (это нелинейный тип истории, аудитории предоставляется возможность самостоятельно перемещаться по повествованию), **comprehensive** (это тоже нелинейный тип истории, который дает возможность потребителю свободно по ней перемещаться, он отличается от предыдущего тем, что все элементы открыто представлены друг за другом, без какой-либо «оболочки») и **immersive** (в этом типе истории создается полноценная трехмерная среда с дополненной реальностью).

Интересно также исследование Л. Торлациус, которая предлагает модель классификации мультимедийных нарративов в зависимости от возможностей перемещения по проекту [8], она выделяет проекты: **последовательной структуры**, когда элементы выстроены в ряд в соответствии с хронологическим или ло-

гическим порядком, **решеточной структуры**, когда элементы равнозначным и навигация по ним происходит посредством меню, **иерархичной структуры** и **гиперсети**, когда элементы расположены в ассоциативном порядке.

Поскольку мультимедийный журналистский нарратив находится на пересечении понятий «нарратива» и «мультимедийности», то он обладает свойствами, заимствованными с обеих сторон, среди них хотим выделить:

нарративные свойства: последовательность повествования (организованность элементов, наличие причинно-следственных связей), наличие конфликта, наличие системы персонажей-героев, использование экспрессивно-выразительных средств (как языковых, так и экранных);

мультимедийные свойства: визуальное представление (воздействие на зрительные органы восприятия), интегративность, одновременное воздействие на различные органы чувств, интерактивность.

Далее определим обязательные элементы мультимедийного журналистского нарратива, обусловленные как его нарративными, так и мультимедийными характеристиками. Однако, стоит отметить, что все семиотические элементы взаимодействуют друг с другом, рассказывая одну большую историю.

Исследователь мультимедийного журналистского нарратива Т. Хиппала [3] выделяет следующие семиотические элементы мультимедийного проекта: **text-flow** (под которым он подразумевает простой текстовый блок), **photography** (фотографии), **dynamic image-flow** (видео), **map** (карты), **page-flow** (дословно «поток страниц» то есть некий макет, который предполагает прокрутку страниц), **animation** (анимацию), **dynamic illustration** (анимированные иллюстрации), **static illustration** (обычные статические иллюстрации), **static image-flow** (комиксы). Мы к этой классификации хотели бы добавить еще аудиоэффекты, которые оказывают огромное воздействие на аудиторию при потреблении информации, оформленной в мультимедийную форму, а также инфографику, которая сейчас пользуется особенной популярностью [25]. Рассмотрим каждый из этих элементов.

Текстовый блок. Именно текст становится основой любого мультимедийного проекта, удачное оформление и качественная «упаковка» не сделают мультимедийный нарратив известным, если в его основе не заложена история, которая может «зацепить» аудиторию. Например, Д. Качанов [15] предлагает выделить три модели проявления текста в мультимедийном нарративе: текст как основа повествования (когда остальные элементы занимают второстепенное место, они лишь иллюстрируют, дополняют то, что сказано в тексте), текст как «скрепляющий элемент» (в этом случае большая часть истории рассказывается через иллюстрации, видео, инфографику, а текст лишь служит элементом для «скрепления» этих частей) и текст как справка.

Фотография. Хотя изначально фотография появилась в журналистике для подтверждения достоверности написанного, она играет важную роль для формирования образов у читателей. Очень долгое время, до появления возможности создания фейковых фотографий, фотография могла быть элементом верификации журналистского материала. Более того, часто от качественной фотографии зависит успех и внимание аудитории к новостному материалу [16], это опять же связано с характером человеческого мышления: мы легче воспринимаем информацию, представленную визуально. У фотографии есть несколько основных функций [26]: передача информации об изображаемом событии или герое, привлечение внимания аудитории, иллюстрация текста, подтверждение изложенного в текстовом блоке. На наш взгляд, в мультимедийном журналистском нарративе фотография полностью выполняет все эти функции.

Аудио. Этот элемент мультимедийного нарратива включает шумы, звуки, музыку и любые другие звуковые эффекты, когда оказывает задействован аудиальный канал восприятия информации. Среди аудиоэффектов особое место имеют различные звуки, которые дополнительно закрепляют эффект присутствия для аудитории.

Видео. Видео становится эффективным каналом воздействия на аудиторию, поскольку еще легче чем звук и фотография воспринимается человеком и позволяет вовлечь его в нарратив. Кроме того, видео формирует эффект присутствия, который имеет ключевое значение для нарратива.

Карты. Этот элемент наиболее часто используется в нарративах, связанных с какой-то местностью, поскольку позволяет аудитории более точно представить место событий или расстановку сил.

Анимация. Это чаще всего мультипликационное изображение, оно является последовательностью визуальных элементов. Анимация привлекает внимание аудитории, усиливает эмоциональный эффект нарратива и содействует созданию образности. Кроме того, язык мультипликации интуитивно понятен и не требует дополнительных разъяснений [27].

Иллюстрации. Это статические изображения, представляющие собой рисунки, отличные от фотографий и анимации. Они также выполняют функции привлечения внимания, пояснения истории и визуализации.

Инфографика. Этот мультимедийный элемент помогает аудитории ориентироваться в огромном массиве информации, представленной в интернете. В инфографике данные переработаны и представлены в удобном для восприятия виде графиков и таблиц.

Рассмотрим использование вышеописанных мультимедийных элементов на примерах реальных мультимедийных спецпроектов российских и зарубежных СМИ: российского информационного агентства ТАСС, новостного интернет-издания Lenta.ru и британской вещательной корпорации BBC.

Спецпроект «Место подвигу: 5 историй настоящих героев» [12] был опубликован на сайте российского информационного агентства ТАСС 25 ноября 2022 года. В нем в форме подкаста рассказана история пяти разных людей, каждый из которых имеет свою уникальную историю, в которой проявляются их героические качества: Бегум Багандова создала фонд помощи для матерей детей с инвалидностью, Айдын Камбаров, будучи равнодушным полицейским, много лет спасал людей даже в свое нерабочее время, Фанур Мухамадиев вытащил женщину из пожара, Магомед Нагалаев бесплатно чинит инвалидные коляски, а Мария Пяциц помогает детям-сиротам. Истории этих людей рассказаны ими самими в ходе аудио интервью, которые можно прослушать, в этом случае данный формат не только способствует эффекту присутствия (благодаря качеству звука и аудиоэффектам возникает впечатление нахождения в студии рядом с интервьюируемым и журналистом), но и позволяет наиболее точно передать эмоции и настроение героя, что способствует созданию его портретного образа в сознании слушателя. Кроме того, представляется возможность не только прослушать, но и одновременно прочитать основные моменты из интервью, наиболее важные и значительные фразы героев представлены в виде выносных цитат. То есть информация поступает не только через аудио, но и через визуальное восприятие.

Данный мультимедийный проект обладает всеми нарративными свойствами: истории героев рассказаны в хронологической последовательности ими самими, дополнительную смысловую нагрузку несут сопутствующие вопросы ведущей подкастов о чувствах и мыслях героев. В каждой из историй четко прослеживается конфликт, их действия – это ответ на социальные проблемы общества. На наш взгляд, все эти истории объединяет равнодушие героев. Кроме того, в материалах использованы экспрессивно-выразительные средства, как экранные (выносные цитаты, иллюстрации), так и языковые (эпитеты, метафоры, использованные героями в своих рассказах). Мультимедийные свойства также ярко выражены в проекте. Хочется особенно отметить визуальное представление: проект представлен в форме газеты с интерактивными элементами с использованием решеточной структуры, этот проект можно отнести к нелинейным, поскольку навигация по материалу зависит лишь от читателя, он сам решает, с какой истории начать ознакомление с информацией. В ходе ознакомления происходит одновременное воздействие на различные органы чувств аудитории. Среди использованных в мультимедийном проекте элементов можно выделить: текстовые блоки, записи аудиоподкастов, красочные иллюстрации (особенно хочется отметить, что в материале не используется ни одной фотографии, портреты героев представлены в виде digital-иллюстраций, созданных по фотографиям героев) и выносные цитаты.

Еще один примечательный с точки зрения использования мультимедийных элементов спецпроект российского интернет-издания Lenta.ru «Мировая история санкций» [4] был опубликован после ужесточения санкций западных стран против Российской Федерации из-за начала военной операции на Украине. В проекте представлен опыт нахождения под санкциями пяти стран: Кубы, Ирана, КНДР, Венесуэлы и Сирии – сложный исторический материал передан в простой форме мультимедийного проекта с использованием нарративных техник.

Наибольшее внимание в этом проекте заслуживают анимационные элементы, иллюстрирующие текстовые блоки. Также из мультимедийных элементов используются фотографии, карты и иллюстрации. Интерактивные элементы, краткие текстовые блоки, наглядное представление материала – все это позволяет сделать информацию простой и понятной для массового потребителя. Но нарративными характеристиками этот проект обладает в неменьшей степени: исторические факты раскрыты в хронологической последовательности (что очень важно, авторы не добавляют лишней информации, которая сделала бы текст тяжелым для чтения), конфликт в материале, хотя и не выражен напрямую, но читатель, находясь в одной информационной среде с авторами, понимает их конфликтные отсылки. Отдельно хочется отметить экспрессивно-выразительные средства, используемые авторами, в этом мультимедийном проекте присутствуют экранные средства, они проявляются в иллюстрациях и анимации. Особенно яркими являются языковые средства: использование превосходной степени «жесточайшие санкции», использование коннотативно окрашенных слов «легко променяли», метафор «маховик насилия», эпитетов «изнурительная война». По классификациям Р.К. Эрнандеса и Дж. Ру и Т. Торласиус этот мультимедийный спецпроект можно отнести к нелинейному типу истории (читатель сам может выбрать с какой страны начать ознакомление с материалом) с реше-

точной структурой навигации (элементы истории равнозначны, и навигация по ним происходит посредством меню).

Еще один мультимедийный спецпроект Lenta.ru интересен с точки зрения наиболее полного использования всевозможных мультимедийных элементов. Спецпроект «Великая Победа» [11] был опубликован к 75-летию победы в Великой Отечественной войне. Этот проект сначала дает общее понимание о «пути к Великой Победе», а затем предоставляет возможность ознакомиться с интерактивным представлением историй подвига советских героев Великой Отечественной войны: летчиков Михаила Плоткина и Ахмет-Хан Султана, партизана Александра Германа, миротворца Хансултана Дачиева, гвардейца Батора Басанова, снайпера Федора Охлопкова и разведчика Михаила Доможакова. Их истории, рассказанные в материале, обладают всеми чертами нарратива: ярко-выраженными причинно-следственными связями, хронологической последовательностью событий (хотим отметить, что повествование о каждом герое полноценно содержит все части журналистского текста: индивидуальное оригинальное вступление о каждом герое, информативная основная часть, с подробными данными о местоположениях, расстановке войск, фамилиях участников событий и трогательное заключение, подводящее итог жизни героя). Особенно хочется отметить художественные блоки, дающие описания чувств и эмоций участников событий. В материале используются экспрессивно-выразительные средства как экранные (видео, анимация), так и языковые (эпитеты, метафоры).

Таким образом, данный проект отличается использованием максимального количества мультимедийных элементов, интегрированных в повествование. В первую очередь, это текстовые блоки (с использованием нарративных техник, как было отмечено выше), старые фронтовые фотографии, портреты героев, которые придают достоверности и особым образом воздействуют на потребителя контента. Также используется видео, с него и начинается ознакомление с проектом, авторы предлагают посмотреть короткий ролик, содержащий общие положения о Великой Отечественной войне, проиллюстрированные хроникальными кадрами. Анимация в проекте заслуживает особенной оценки, поскольку не просто иллюстрирует материал, а «подстраивается» под читателя (при движении компьютерной мыши по экрану все анимационные элементы тоже приходят в движение), наглядные карты иллюстрируют ход боев, описанных в текстовом блоке. Особого внимания заслуживает звуковое сопровождение, которое в совокупности с остальными элементами становится ключевым для формирования эффекта присутствия. В целом, мультимедийный спецпроект можно отнести также к нелинейному типу истории, но, что касается структуры, на наш взгляд, он имеет смешанный тип, сначала структура нарратива последовательная, а затем решетчатая (когда читатель может самостоятельно выбрать, с историей какого из героев ознакомиться первым).

Рассмотрим также пример мультимедийного журналистского нарратива в британской журналистике. 8 августа 2020 года британской вещательной корпорацией BBC был опубликован мультимедийный проект «The inferno and the mystery ship» [5], посвященный взрыву в порте Бейрута. В ходе повествования авторы пытаются не просто передать происходящие события, но и выяснить, кто виноват в произошедшем. Особый интерес представляет начало повествования с использованием нарративных техник. Авторы используют стилистические и лексические элементы характерные для художественной литературы, поэтому начало материала больше походит на художественную книгу.

Мультимедийный проект обладает следующими нарративными свойствами: события излагаются в хронологической последовательности, начиная с возможных первопричин и заканчивая последствиями, между всеми элементами устанавливаются причинно-следственные связи, авторы используют языковые экспрессивно выразительные средства: эпитеты, метафоры, нарративные техники. В материале присутствует несколько очень примечательных мультимедийных элементов, среди которых анимационное представление масштаба разрушений, произведенных взрывом, видео, интегрированные в повествование, анимированные фотографии, в материале представлены сканы документов и карты в подтверждение предположений, высказанных авторами относительно виновных в произошедшем. В качестве героев в материале упомянут экипаж корабля, их портреты создаются с применением экспрессивно-выразительных средств. Следовательно, этот мультимедийный нарратив можно классифицировать как линейное повествование (поскольку порядок ознакомления с информацией определен авторами) с последовательной структурой.

Таким образом, мультимедийный журналистский нарратив является эффективным ответом на запросы современного потребителя информации: в нем информация представлена в интерактивной форме, за счет чего оказывается воздействие на разные чувства потребителей контента. Благодаря нарративной составляющей, мультимедийный журналистский нарратив соответствует повествовательному характеру человеческого мышления, а экспрессивно-выразительные средства, использование которых характерно для журналистского нарратива в целом, воздействуют на эмоциональную составляющую. Визуальное представление и возможность «включения» адресата в ход истории позволяет мультимедийному нарративу через привле-

чение внимания к специальным элементам (текстовые блоки, фотографии, аудио, видео, карты, анимация, иллюстрации (статические и анимированные), инфографика) привлечь внимание к поднимаемой проблеме.

Следовательно, использование мультимедийного журналистского нарратива в СМИ позволяет удержать потребителя информации и вызвать наибольший отклик на материал, тем самым такой нарратив становится наиболее эффективной формой репрезентации контента.

Литература

1. Dewze M. What is Multimedia Journalism? // Journalism Studies. 004. Vol. 5. № 2. P. 139 – 152.
2. Hernandez R., Rue J. The Principles of Multimedia Journalism: Packaging Digital News. N.Y.; L.: Routledge, 2015. P. 15.
3. Hiippala T. The multimodality of digital longform journalism // Digital Journalism. 2017. № 5 (4). P. 420 – 442.
4. Lenta.ru. Мировая история санкций // Lenta.ru. [Электронный ресурс]: Lenta.ru. Электрон. дан. 2022.
5. Ruhayem R., Adams P. The inferno and the mystery shi // BBC. [Электронный ресурс]: BBC. Электрон. дан. 2020.
6. Ryan M.L. Will New Media produce new narratives?. University of Nebraska Press, 2004. P. 337 – 359.
7. Stevens J. Tutorial: Multimedia storytelling: Learn the secrets from experts. Berkeley Graduate School of Journalism, 2014.
8. Thorlacius L. Visual Communication on Websites. Fredriksberg: Roskilde Universitetsforlag, 2009. P. 124.
9. Vaughan T. Multimedia: Making It Work. N.Y.: McGraw-Hill? 2010. P. 10.
10. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. The University of Wisconsin Press, 1978. P. 41 – 62.
11. Варшавчик С. Великая Победа // Lenta.ru. [Электронный ресурс]: Lenta.ru. Электрон. дан. 2020.
12. Волошина А., Волкова Б. Место подвигу: 5 историй героев, живущих среди нас // ТАСС. [Электронный ресурс]: ТАСС. Электрон. дан. 2022.
13. Добросклонская Т.Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 28 – 34.
14. Интернет-СМИ: Теория и практика: учеб. пособие. М.: «Аспект Пресс», 2010. С. 269.
15. Качанов Д.Г. Повествовательные функции различных элементов в мультимедийном журналистском произведении // Вестник ВГУ. Серия: филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 89 – 92.
16. Ковалева Л.А. Место и роль фотоизображения в современных методах передачи информации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. С. 193 – 197.
17. Кульчицкая Д.Ю. Конвергенция и мультимедийность: точки пересечения и отличия // Медиа альманах. 2014. № 6. С. 12 – 16.
18. Кульчицкая Д.Ю. Мультимедиа и СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. № 2. С. 100 – 105.
19. Мирошниченко А. Форматы подачи и упаковки контента в условиях медиаконвергенции // Медиаконвергенция, которая изменила мир? Сборник статей к открытой сессии по медиаконвергенции / Под ред. М.С. Корнева. М.: РГГУ, 2014. С. 63 – 74.
20. Качкаева А.Г., Шомова С.А. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 163.
21. Прасолова Е.В. К вопросу о нарративности мультимедийной истории как нового жанра интернет-СМИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. С. 253 – 256.
22. Прасолова Е.В. Мультимедийная история: особенности восприятия массовой аудиторией // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2016. № 1. С. 118.
23. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.
24. Сокрута Е.Ю. Нарративные характеристики новостного дискурса в эпоху новой медиальности // Новый филологический вестник. 2018. № 2. С. 39 – 46.
25. Суворова В.С. Место инфографики в современном медиатексте // Огарев-online. 2020. № 4. С. 10.
26. Фотожурналистика в современных СМИ: метод. пособие. СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. С. 25.
27. Юмашев Д.О. Анимация в системе средств массовой информации: развитие коммуникативного потенциала анимации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2015.

References

1. Dewze M. What is Multimedia Journalism? *Journalism Studies*. 004. Vol. 5. № 2. P. 139 – 152.
2. Hernandez R., Rue J. *The Principles of Multimedia Journalism: Packaging Digital News*. N.Y.; L.: Routledge, 2015. P. 15.
3. Hiippala T. The multimodality of digital longform journalism. *Digital Journalism*. 2017. № 5 (4). P. 420 – 442.
4. Lenta.ru. Mirovaja istorija sankcij. Lenta.ru. [Jelektronnyj resurs]: Lenta.ru. Jelektron. dan. 2022.
5. Ruhayem R., Adams P. The inferno and the mystery shi. BBC. [Jelektronnyj resurs]: BBC. Jelektron. dan. 2020.
6. Ryan M.L. Will New Media produce new narratives?. University of Nebraska Press, 2004. P. 337 – 359.
7. Stevens J. Tutorial: Multimedia storytelling: Learn the secrets from experts. Berkeley Graduate School of Journalism, 2014.
8. Thorlacius L. *Visual Communication on Websites*. Fredriksberg: Roskilde Universitetsforlag, 2009. P. 124.
9. Vaughan T. *Multimedia: Making It Work*. N.Y.: McGraw-Hill? 2010. P. 10.
10. White H. Historical Text as Literary Artifact. *The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding*. The University of Wisconsin Press, 1978. P. 41 – 62.
11. Varshavchik S. Velikaja Pobeda. Lenta.ru. [Jelektronnyj resurs]: Lenta.ru. Jelektron. dan. 2020.
12. Voloshina A., Volkova B. Mesto podvigu: 5 istorij geroev, zhivushhih sredi nas. TASS. [Jelektronnyj resurs]: TASS. Jelektron. dan. 2022.
13. Dobrosklonskaja T.G. Mediatekst: teorija i metody izuchenija. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 2005. № 2. S. 28 – 34.
14. Internet-SMI: Teorija i praktika: ucheb. posobie. M.: «Aspekt Press», 2010. C. 269.
15. Kachanov D.G. Povestvovatel'nye funkcii razlichnyh jelementov v mul'timedijnom zhurnalistskom proizvedenii. *Vestnik VGU. Serija: filologija. Zhurnalistika*. 2020. № 3. S. 89 – 92.
16. Kovaleva L.A. Mesto i rol' fotoizobrazhenija v sovremennyh metodah peredachi informacii. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2017. S. 193 – 197.
17. Kul'chickaja D.Ju. Konvergencija i mul'timedijnost': točki peresečenija i otlichija. *Media al'manah*. 2014. № 6. S. 12 – 16.
18. Kul'chickaja D.Ju. Mul'timedia i SMI. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2012. № 2. S. 100 – 105.
19. Miroshnichenko A. Formaty podachi i upakovki kontenta v uslovijah mediakonvergencii. *Mediakonvergencija, kotoraja izmenila mir? Sbornik statej k otkrytoj sessii po mediakonvergencii*. Pod red. M.S. Korneva. M.: RGGU, 2014. S. 63 – 74.
20. Kachkaea A.G., Shomova S.A. *Mul'timedijnaja zhurnalistika: uchebnik dlja vuzov*. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. S. 163.
21. Prasolova E.V. K voprosu o narrativnosti mul'timedijnoj istorii kak novogo zhanra internet-SMI. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*. 2015. S. 253 – 256.
22. Prasolova E.V. *Mul'timedijnaja istorija: osobennosti vosprijatija massovoj auditoriej*. *Vestnik RUDN. Ser.: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2016. № 1. S. 118.
23. *Sovremennyj mediatekst: uchebnoe posobie*. otv. red. N.A. Kuz'mina. Omsk, 2011. 414 s.
24. Sokruta E.Ju. *Narrativnye harakteristiki novostnogo diskursa v jepohu novej medial'nosti*. *Novyj filologičeskij vestnik*. 2018. № 2. S. 39 – 46.
25. Suvorova V.S. Mesto infografiki v sovremennom mediatekste. *Ogarev-online*. 2020. № 4. S. 10.
26. *Fotozhurnalistika v sovremennyh SMI: metod. posobie*. SPb.: S.- Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikacij», 2016. S. 25.
27. Jumashv D.O. *Animacija v sisteme sredstv massovoj informacii: razvitie kommunikativnogo potencijala animacii*. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija*. 2015.

*Popova E.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Melnichenko A.A.,
Kurbakova O.D.,
Ptakhovskaya V.V.,
Peoples' Friendship University of Russia*

Multimedia journalistic narrative as an effective form of content representation

Abstract: the article examines the phenomenon of multimedia journalistic narrative as one of the ways of representing content in response to the "fatigue" of the audience from the presentation of a "naked" fact in the news. Multimedia narrative functions in the field of narrative journalism and new media. The authors note that the properties possessed by such materials (narrative and multimedia) give not only new opportunities for presenting content, but also allow the reader to immerse himself in history with the help of new means. Among the narrative properties in this article, the following are highlighted: the sequence of narration, the presence of conflict, the system of characters-heroes and expressive means (language and screen), among the multimedia properties, the authors distinguish: visual representation, integrativity and interactivity.

As a proof of the effectiveness of the use of multimedia journalistic narrative in the media, an analysis of four Russian and foreign special projects was carried out.

Keywords: new media, multimedia narrative, effective impact, text, photography, infographics, animation, video, audio

For citation: Popova E.O., Melnichenko A.A., Kurbakova O.D., Ptakhovskaya V.V. Multimedia journalistic narrative as an effective form of content representation. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 6 – 13.

Захра О.,
Северо-Кавказский федеральный университет

Лингвокультурологические особенности употребления арабских имен

Аннотация: в настоящей статье произведен анализ коммуникативных и структурно-семантических особенностей арабских имен собственных, используемых для номинации лиц. Описываются особенности этимологии антропонимов в арабской лингвокультуре, частеречевые источники их происхождения, типичные аффиксы, выступающие в качестве средств деривации имен собственных, а также рассматриваются особенности арабских личных имен как следствия использования социокультурно обусловленного антропонимического шаблона, включающего пять частей (исм, кунья, насаб, лакаб, нисба). Особо подчеркиваются трудности, возникающие в ходе рецепции арабских наименований лиц представителями российского и западноевропейского социума. Как результат исследования в публикации сделан вывод о детерминированности выбора арабского личного имени культурными и религиозными традициями различных стран арабского мира, которая способствует актуализации в качестве этимологических источников личных имен исламских религиозных реалий, номинаций физических и географических явлений, а также растений и животных. Практическая значимость результатов, описанных в данной статье, связана с потенциальной возможностью их применения в изучении арабского языка русскоязычной и англоязычной аудиторией, а также в практике перевода официальных документов с арабского на русский и английский языки.

Ключевые слова: антропоним, имя собственное, личное имя, фамилия, исм, кунья, насаб, лакаб, нисба

Для цитирования: Захра О. Лингвокультурологические особенности употребления арабских имен // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 14 – 19.

В современной лингвистике происходит в следствие тенденции к экспансионизму, связанному с укрупнением изучаемых объектов [3, с. 19], акцентирование человеческого фактора как детерминанты коммуникативных и когнитивных векторов развития языковой системы [2, с. 6]. Данное обстоятельство способствует выдвиганию на передний план в описании языковых феноменов разного объема номинантов субъекта коммуникативного действия, основной движущей силы языкового развития и представления при помощи языка объективной картины мира. В качестве языковых единиц, выполняющих упомянутую выше функцию, следует упомянуть имена собственные, которые относятся к системе антропонимической номинации и используются в нарративном дискурсе, для которого характерна «совместная кооперативная деятельность в его пространстве множества адресантов и адресатов» [1, с. 148]. Все они, будучи участниками коммуникативного действия, вербализованного при помощи языка, имеют лингвистические номинации, призванные как идентифицировать того или иного коммуниканта, так и охарактеризовать его в аксиологическом плане.

Цель данной статьи – изучение лингвокультурологических особенностей употребления имен собственных в арабском мире. Материалом исследования послужили словари имен собственных, кодифицирующие имена собственные указанного выше типа [4, 14]. Под именем в лингвистике традиционно понимаются знаки речи, с помощью которых участник коммуникативной деятельности номинирует окружающие его субъекты, предметы и явления, а также обращается к иным коммуникатам в ходе межличностной интеракции. Все, что нас окружает, может быть идентифицировано путем присвоения ему подходящего наименования с тем, чтобы мы могли делать различие между окружающими феноменами. Подобная номинация варьируется в рамках различных культур, а потому ее анализ в рамках отдельных языковых сообществ актуален с точки зрения анализа типологического разнообразия систем номинации вообще и антропонимов в частности в разноструктурных языках.

Далее охарактеризуем особенности имен собственных в пространстве арабской лингвокультуры. С точки зрения носителя арабского языка, представляется важным выбор благозвучного имени для ребенка, ибо согласно арабским традициям именно по личному имени производится первое впечатление о собеседнике, которое может быть как положительным, так и отрицательным [5, с. 177]. Фамилия в арабском языке связана с референциальной отсылкой к характеристике рода и семьи номинируемого человека. После произнесения фамилии о человеке мгновенно создается положительное или отрицательное впечатление в зависимости от того, как к его семье относятся в обществе: у фамилий есть значения, которые обладают положительной коннотацией, а также существуют фамилии с дерогативной семантикой [6, с. 148]. Когда родители дают имена своим детям, они склонны избегать имен, которые могут нарушать их социальные нормы, и придерживаются определенных имен, традиционных для той или иной семьи, например, они называют своих детей в честь бабушек и дедушек, дядей и т.д.

Арабы, по большей части, заимствовали свои названия из многих источников:

1. Имена животных, которыми традиционно именовали детей со времен раннего периода существования арабского государства: كلب (Калб) – собака, أسد (Асад) – лев, فهد (Фахд) – гепард, ثعلب (Талаб) – лисица, نمر (Намер) – тигр.
2. Названия птиц: صقر (Сакур) – ястреб, حمامة (Хамаме) – голубь, شاهين (Шахин) – сапсан.
3. Названия растений: وردة (Варде) – роза, زهرة (Захра) – цветы.
4. Имена неодушевленные вещи: كوكب (Каукаб) – планеты, قمر (Камар) – Луна, هلال (Хилал) – полумесяц, حجر (Хаджар) – камень, سيف (Саиф) – меч.
5. Названия профессий: الجوهرى (Аль-Джавхарри) – ювелир, الحداد (Аль-Хаддад) – кузнец.
6. Названия определенных периодов времени месяца: رمضان (Рамадан), который является месяцем в исламском календаре [11, с. 5-6].

Выбор конкретного имени для новорожденного ребенка детерминирован обычаями того или иного арабского рода. Например, люди выбирали названия диких животных или растений с устрашающей семантикой, чтобы запугать своих врагов. С другой стороны, они называли своих рабов и женщин прекрасными именами, такими как بدر (Бадр) – полная луна и نور (Нур) – свет [11, с. 8].

С приходом ислама, многие библейские имена используются в арабской форме: إبراهيم – Ибрахим (Авраама), إسحاق – Исхак (Исаака), إسماعيل – Исмаил (Измаила), يعقوب – Якуб (Иаков), يوسف – Юсуф (Иосиф), يونس – Юнус (Иона), إدریس – Идрис (Енох), نوح – Нух (Ной), أيوب – Айюб (Иов), داود – Давуд (Давида), سليمان – Сулейман (Соломон). Это касается также имен двух основных Пророков-предшественников Мухаммеда согласно мусульманской религии: موسى – Муса (Моисей), عيسى – Иса (Иисуса) и يحيى – Яхья (Иоанн Креститель) [Там же].

Указанные выше имена, однако, не получили большого распространения, возможно, вследствие их связи с христианством и иудаизмом. С другой стороны, إبراهيم – Ибрахим (Авраам) считается основателем арабской нации. Следовательно, использование антропонима إسماعيل – Исмаил (Измаил) более предпочтительно, чем إسحاق – Исхак (Исаак) в качестве мусульманского имени. Однако среди имен собственных, используемых в качестве арабских личных имен, преобладает антропоним محمد – Мухаммад с вариантами أحمد – Ахмад, محمود – Махмуд и مصطفى – Мустафа [9, с. 198].

Аксиоматично, что антропонимы религиозного происхождения обладают константными положительными коннотациями:

- محمد – Мухаммад: *восхваляемый, возносимый, заслуживающий похвалы*. Это также имя Посланника Аллаха, который проповедовал веру ислама [4, с. 52].
- أحمد – Ахмад: другое имя Пророка Мухаммеда, которое означает «самый восхваляемый». [4, с. 10].
- مصطفى – Мустафа: *избранный, избранный, предпочитаемый* [4, с. 57].
- إبراهيم – Ибрахим (Авраам): Он друг Божий, отец Пророков, и отец Пророков Измаила и Исаака; значение этого имени на иврите – «Отец Пророка».
- إدریس – Идрис (Енох): в Коране он был описан как *заслуживающий доверия и терпеливый*.
- أيوب – Айюб (Иов): Пророк, который был испытан Богом и смог выдержать все испытания. В наши дни, когда человек чрезвычайно терпелив и может противостоять всем невзгодам, говорят, что у него терпение Айюба [11, с. 19].
- عيسى – Иса (Иисус): еврейское имя. В Коране он упоминается как *Исса бин Мариам (Иисус, сын Мариам)*, дух от Аллаха, слово от Аллаха и посланник Аллаха и его слова.
- يحيى – Яхья (Иоанн Креститель): он был назван так потому, что прожил жизнь, полную света и знания.
- موسى – Муса (Моисей): еврейское имя (Моша), которое означает «спаситель из воды» [11, с. 20].

Наиболее многочисленной группой антропонимов арабского происхождения являются односложные имена существительные, восходящие к номинациям физических и географических явлений, а также растений и животных. По мере того, как мода меняется, и популярность определенного имени со временем может увеличиваться или уменьшаться. Примером может служить имя حمار (Хамар), что означает «осел». Это было популярное имя собственное, потому что в прошлом оно имело позитивный оттенок. Названия цветов и украшений часто давались рабам и слугам, которые обычно не были мусульманами в период халифата Аббасидов [10, с. 107-108].

Как правило, арабские собственные имена состоят из отдельных слов, как в приведенных выше примерах. Однако они могут состоять из двух или даже трех слов [7, с. 2-3]. Наиболее популярными составными именами являются те, в которых есть упоминание об имени Бога (Аллах), которому предшествует Абд

(«раб» или «поклоняющийся Аллу»). В Коране есть 99 имен Аллаха, от которых могут быть образованы собственные имена [9, с. 198]:

- عبد الله – *Абд аль-Аллах* (Божий слуга);
- عبد الرحيم – *Абд ар-Рахим*: (слуга Милосердного);
- عبد السلام – *Абд ас-Салам*: (служитель Мира) [11, с. 13];
- عبد العظيم – *Абд аль-Азим*: (слуга Величайшего);
- عبد البارئ – *Абд аль-Баре*: (слуга Творца);
- عبد العزيز – *Абд аль-Азиз*: (слуга Всевышнего);
- عزيز الله – *Азизуллах*: (дорогой Аллаху) [4, с. 17].

Существуют также другие составные имена собственные, в которых нет слова «Аллах». Например: лексема الدين (Алдын) означает «религия», а в словосочетании صلاح الدين (Салах Алдын) актуализирует значение «совершенство религии». К данному словосочетанию антропоним «Салахутдин» (Саладин).

В некоторых странах именам отца и фамилии часто предшествуют слова, означающие «сын», такие как بن (бн), ابن (ибн) или ولد (валад), или слово آل (аль), означающее «семья». Примером, объединяющим вышеупомянутые вариации составных имен, является имя бывшего короля Саудовской Аравии: عبد الله بن عبد العزيز آل سعود «Абдалла ибн Абдель Азиз Аль Сауд» [7, с. 3].

Далее приведем ряд других примеров других составных личных имен собственных, которые распространены в арабской лингвокультуре:

- شمس الضحى – *Шамсуцзуха* (утреннее солнце);
- ذكاء الدين – *Закауддин*: (солнце религии ислам);
- ذو القرنين – *Зуль-Карнайн*: (обладатель двух рогов, то есть завоеватель мира, эпитет справедливости, упомянутый в Коране);
- ذو الفقار – *Зульфакар*: (расщепитель позвонков). Название меча, подаренного Али Пророком Мухаммедом [4, с. 92];
- أسد الله – *Асадулла*: (лев Аллаха). Титул Али [4, с. 14];
- أبو البشر – *Абул Башар*: (отец человечества), т.е. эпитет Адама, который также был первым Пророком [4, с. 9];
- عاشق محمد – *Ашик Мухаммад*: (поклонник Пророка Мухаммеда) [4, с. 14];
- بركات الله – *Баркат Аллах*: (благословения Аллаха) [4, с. 19].

Следующими по популярности, особенно среди мусульман-шиитов, являются имена, связанные с понятием «Ахль аль-Байт» (семья Пророка). В первую очередь, сюда относятся номинации его родственников: علي (Али), который является двоюродным братом и зятем Пророка, а также двух его внуков حسن (Хасан) и حسين (Хусейн) [9, с. 198].

Женских имен в арабском языке меньше, чем мужских, возможно, из-за менее заметной роли женщины в исламской истории. Очень распространенными антропонимами являются имена жен Пророка, такие как: خديجة (Хадиджа), عائشة (Айеша), а также имя дочери Пророка: فاطمة (Фатима) [9, с. 199]. Женские имена обычно заканчиваются на «أ», «ى», «اء» или «ة»: خديجة – *Хадиджа*, عائشة – *Айша*, فاطمة – *Фатима*, هاناء – *Ханаа*, ليلى – *Лейла*, نور – *Нур*, وفاة – *Вафаа*. Хотя добавление суффикса «ة» (ах) или «ات» (ат) к форме мужского рода превращает ее в женскую.

Кроме того, существует много мужских имен, оканчивающихся на этот суффикс. Они считаются «апо-тропиейными» и предназначены для того, чтобы сбивать с толку и отгонять злых духов [10, с. 108-109]. Например: أسامة – *Осама*, مدحت – *Мидхат*, حمزة – *Хамза*, قتيبة – *Кутайба*, عمدة – *Умда*, عقبية – *Укба*, عروة – *Урва*.

Также очень часто в арабском языке для личных имен используются прилагательные, особенно те, которые обозначают хорошие качества, например: جميل (Джамиль) – *красивый*, حسن (Хасан) – *хороший*, لطيفة (Латифа) – *нежный*, أمينة (Амина) – *заслуживающий доверия*. Сравнительные прилагательные также могут использоваться в качестве имени, например, أنور (Анвар) – *более просвещенный*, أكرم (Акрам) – *добрее* [10, с. 106].

В арабском языке в качестве имен используются формы причастий настоящего времени (активных или пассивных). Эти имена могут быть даны как мужчинам, так и женщинам. Они обычно указывают на статические характеристики, например: فادي (Фади) – *искупитель*, شادي (Шади) – *поющий*, منذر (Мундхир) – *предупреждение*, محمود (Махмуд) – *поблагодарили*, مصطفى (Мустафа) – *избранный*, شادية (Шадия) – *поющая*, عائشة (Айша) – *живая*. Отглагольные существительные также используются в качестве имен собственных для номинации представителей обоих полов, например:

- ابتسام – *Иптисам*: женское имя, означающее «легкий смех» [11, с. 73];
- امتنان – *Имтинан*: женское имя со значением «благодарность и признательность»;

- افتخار – *Ифтихар*: женское имя, номинирующее «показуху» [11, с. 73];
- توفيق – *Тауфик*: мужское имя, имеющее значение «успех»;
- تيسير – *Тайсир*: мужское имя, обозначающее «примирение, содействие» [11, с. 32];
- جلال – *Джалал*: мужское имя, образованное от слов «величие или уважение» [11, с. 34]

В наши дни арабы стараются избегать имен собственных, к которым следует отнести:

- Имена Бога, упомянутые в Коране. Арабы предпочитают добавлять суффикс «*عبد*» (Абд) перед именем Бога, чтобы указать, что человек является слугой Бога.
- Пессимистичные имена.
- Имена, которые имеют негативное значение, не быть посмешищем для других людей.
- Иностранные имена, поскольку арабы действительно гордятся своим наследием, религией и традициями.
- Имена, которые труднопроизносимы [10, с. 11].

Основная трудность при восприятии арабских имен иностранцами связана с тем, что она отличается, к примеру, от принятой в России системы личной номинации с ее конструкцией имени, отчества и фамилии. Арабская система наименования лица имеет свой собственный шаблон, который может немного варьироваться в связи со страной происхождения, культурой (сельская местность или племя в сравнении с городом) и даже личными предпочтениями. Однако, как правило, традиционные арабские имена состоят из этих пяти частей, которые не следуют в строго определенном порядке: اسم (исм), كنية (кунья), نسب (насаб), لقب (лакаб) и نسبة (нисба).

اسم (исм) – это данное имя, которое ребенок получает с рождения, в то время как كنية (кунья) – это почетное имя, которое не является частью официального имени человека и редко встречается в официальных документах. Кунья используется как неформальная форма обращения и уважения, оно указывает на то, что мужчина или женщина являются отцом или матерью конкретного человека, при этом рождение ребенка считается похвальным и заслуживающим признания. Например, أم أحمد (Умм) или *Ум Ахмед* означает «мать Ахмеда», а أبو أحمد (*Абу Ахмед*) – «отец Ахмеда». Кунья – настолько важное имя, что даже бездетный человек может иметь кунью, которая символически делает его или ее носителем какого-то качества, например, «отцом добрых дел», т.е. أبو الجمائل (*Абу эль Джамаил*).

نسب (насаб) – это отчество, начинающееся на «ابن» или «بن» (*бин* или *ибн*), что означает «сын», или بنت (*бинт*), что именуется «дочь». Насаб часто следует за исмом اسم (имя), например, *Фахад ибн Абдул Азиз*, что означает *Фахад, сын Абдул Азиза*. Дочь в данном случае была бы названа *Мариам бинт Абдул Азиз*. Использование «бин» и «ибн» может отличаться в зависимости от страны. Например, в Ираке и некоторых других странах насаб просто опускается: *Саддам Хусейн* означает *Саддам, сын Хусейна*. Строго говоря, *Хусейн* – это не фамилия Саддама, а его насаб, хотя в английском и русском языке данная номинация использована как фамилия данного политического деятеля.

اللقب (лакаб) определяется обычно как эпитет, добавляемый к имени собственному, который бывает религиозной или описательной природы. Например, аль-Рашид означает «правильно направленный», а аль-Фадль – «выдающийся». В целом, лакаб употребляется после такого компонента арабского имени собственного, как исм. Например, можно было бы назвать Халида аль-Рашида ибн Абдул Азиза, что переводится как: «Халид, праведный сын Абдул Азиза» [8, с. 20].

Фамилия на арабском языке называется النسبة (нисба) или الكنية (кунья) в зависимости от страны. Иногда она вообще не используется, при этом лакаб включает в себя ее значение. Нисба часто используется в качестве фамилии, обычно номинируя род занятий, географическое положение, племя или семью. На профессию, в частности, указывает нисба аль-Уклюдси (изучающий Евклида) и аль-Аттар (продавец специй). Примерами нисб, указывающих на географическое происхождение семьи, являются: аль-Багдади (житель Багдада), аль-Мадини (из Медины), и аль-Макки (из Мекки). Указателями на племенную принадлежность того или иного лица являются аль-Рашиди, аль-Харби и аль-Махзуми.

Еще одним интересным фактом является то, что арабские женщины не берут фамилию своего мужа, когда выходят замуж, что отличается от западной практики. Они сохраняют имена, данные им при рождении. Дети, однако, берут фамилию своего отца [8, с. 21]. Также стоит отметить, что имя человека может указывать на его религию или даже секту. Например, номинация شنودة (Шноуда) обычно является коптским именем, в то время как عبد الحسين (Абдул Хусейн) – это шиитское наименование лица, а عمر (Омар) суннитское личное имя [7, с. 3].

Подводя итог исследованию арабских антропонимов, выполняющих функцию имен собственных, отметим их детерминированность культурными и религиозными традициями арабского социума, а также структурные отличия арабской системы номинации лиц от российской и европейской, ибо при использова-

нии арабских личных имен актуализируется шаблон, включающий пять частей (исм, кунья, насаб, лакаб, нисба), вместо российской трехкомпонентной (фамилия, имя, отчество) или англоязычной двухкомпонентной (фамилия и имя) системы наименования лиц. Перспективой изучения арабских антропонимов является анализ способов их коммуникативно-адекватной трансляции на русский и английский языки с учетом норм различных функциональных стилей, в пространстве которых функционируют данные номинации лиц.

Литература

1. Милостивая А.И. К вопросу о делимитации понятий «текст», «дискурс» и «нарратив» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47). Ч. 1. С. 146 – 149.
2. Милостивая А.И. Прагмасинергетика газетного нарратива. Ставрополь: Параграф, 2015. 172 с.
3. Серебрякова С.В., Милостивая А.И. Ситуативно-когнитивный подход в переводоведении: истоки и эвристический потенциал // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20. № 3. С. 18 – 28.
4. A Dictionary of Muslim Names. Ed. S.A.Rahman. New Delhi: Goodword Books, 2002. 157 p.
5. Al-Qawasmi A.H., Al-Haq F.A. A Sociolinguistic Study of Choosing Names for Newborn Children in Jordan // International Journal of English Linguistics. 2016. Vol. 6. № 1. P. 177 – 186.
6. Atawneh A. Family Names in Palestine: A Reflection of Culture and Life // Names A Journal of Onomastics. 2005. Vol. 53. № 1. P. 147 – 167.
7. Mubarak H., Darwish K. Classifying Arab Names Geographically // Proceedings of the Second Workshop on Arabic Natural Language Processing. Beijing: Association for Computational Linguistics, 2015. P. 1 – 8.
8. Notzon B., Nesom G. The Arabic Naming System // Science Editor. 2003. Vol. 28. №. P. 20 – 21.
9. Paxton E. Arabic names // Asian Affairs. 2007. Vol. 3. № 2. P. 198 – 200.
10. Rosenhouse J. Personal Names in Hebrew and Arabic: Modern Trends Compared to the Past // Journal of Semitic Studies. 2002. Vol. XLVII. № 1. P. 97 – 114.
11. صفحة 168، 2003. عرمون:بيروت. معانيها وتفسير والمعربة العربية الاسماء قاموس. رضا الحتي.

References

1. Milostivaja A.I. K voprosu o delimitacii ponjatij «tekst», «diskurs» i «narrativ». Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 5 (47). Ch. 1. S. 146 – 149.
2. Milostivaja A.I. Pragmasinergetika gazetnogo narrativa. Stavropol': Paragraf, 2015. 172 s.
3. Serebrjakova S.V., Milostivaja A.I. Situativno-kognitivnyj podhod v perevodovedenii: istoki i jevrsticheskiy potencial. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2021. T. 20. № 3. S. 18 – 28.
4. A Dictionary of Muslim Names. Ed. S.A.Rahman. New Delhi: Goodword Books, 2002. 157 p.
5. Al-Qawasmi A.H., Al-Haq F.A. A Sociolinguistic Study of Choosing Names for Newborn Children in Jordan. International Journal of English Linguistics. 2016. Vol. 6. № 1. P. 177 – 186.
6. Atawneh A. Family Names in Palestine: A Reflection of Culture and Life. Names A Journal of Onomastics. 2005. Vol. 53. № 1. P. 147 – 167.
7. Mubarak H., Darwish K. Classifying Arab Names Geographically. Proceedings of the Second Workshop on Arabic Natural Language Processing. Beijing: Association for Computational Linguistics, 2015. P. 1 – 8.
8. Notzon B., Nesom G. The Arabic Naming System. Science Editor. 2003. Vol. 28. №. P. 20 – 21.
9. Paxton E. Arabic names. Asian Affairs. 2007. Vol. 3. № 2. P. 198 – 200.
10. Rosenhouse J. Personal Names in Hebrew and Arabic: Modern Trends Compared to the Past. Journal of Semitic Studies. 2002. Vol. XLVII. № 1. P. 97 – 114.
11. صفحة 168، 2003. عرمون:بيروت. معانيها وتفسير والمعربة العربية الاسماء قاموس. رضا الحتي.

*Zahra O.,
North Caucasus Federal University*

Linguoculturological features of the Arabic names usage

Abstract: this article analyzes the communicative and structural-semantic features of Arabic proper names used to nominate persons. The features of the etymology of anthroponyms in Arabic linguoculture, the sources of their origin, typical affixes that act as means of deriving proper names are described, and the features of Arabic personal names are considered as a result of the use of a socio-culturally determined anthroponymic template, which includes five parts (ism, kunya, nasab, laqab, nisba). Particularly emphasized are the difficulties that arise in the course of the reception of Arabic names of persons by representatives of the Russian and Western European society. As a result of the study, the publication concludes that the choice of an Arabic personal name is determined by the cultural and religious traditions of various countries of the Arab world, which contributes to the actualization of Islamic religious realities, nominations of physical and geographical phenomena, as well as plants and animals as etymological sources of personal names. The practical significance of the results described in this article is related to the potential possibility of their application in the study of the Arabic language by Russian-speaking and English-speaking audiences, as well as in the practice of translating official documents from Arabic into Russian and English.

Keywords: anthroponym, proper name, personal name, surname, ism, kunya, nasab, laqab, nisba

For citation: Zahra O. Linguoculturological features of the Arabic names usage. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 14 – 19.

*Набокова Е.Н., старший преподаватель,
Московский педагогический государственный университет*

Английские фразеологизмы как объект лингводидактики

Аннотация: «лингводидактика» – термин, введенный в употребление Н.М. Шанским в 1969, имеет схожее значение с термином «методика» и представляет собой теоретическую часть методики обучения иностранному языку, возникшую в результате синтеза дидактики и лингвистики. Актуальность исследования продиктована тем фактом, что лингводидактические компетенции обучающихся могут быть сформированы наилучшим образом лишь при условии, что они максимально приближены как к рецепции, так и к продукции речи носителей иностранного языка, что обеспечивается посредством усвоения фразеологизмов. Цель настоящего исследования: проанализировать английские фразеологизмы в качестве объекта лингводидактики. Указанная цель опосредует выполнение следующих задач: раскрыть содержание термина «лингводидактика»; обозначить функции лингводидактики; обосновать необходимость изучения фразеологизмов иностранного языка; дать семантическую классификацию английских фразеологизмов; привести примеры трех типов английских фразеологизмов (фразеологические сочетания, единства, идиомы); предложить авторскую методику, позволяющую студентам наиболее эффективно усваивать фразеологизмы. Материальную основу исследования составили работы следующих авторов: В.В. Виноградов, А.Ш. Ермекбаева, Е.В. Иванова, А.А. Лагутова, О.И. Трубицина и другие. В результате сделаны следующие выводы. Используя классификацию фразеологизмов русского языка, сформированную В.В. Виноградовым, мы выделили следующие типы английских фразеологизмов: сочетания, единства, идиомы. Последние представляют наибольшую сложность для студентов в силу того, что их смысл не выводится напрямую из значения составляющих их слов. Следующие причины также обуславливают сложность запоминания устойчивых выражений: переосмысление значения компонентов устойчивых сочетаний; незнание этимологии фразеологических сращений; наличие в составе идиомы устаревших слов. Опираясь на ранее названные проблемы, мы предложили авторскую методику обучения студентов английским фразеологизмам, включающую в себя четыре этапа. Кроме того, были предложены методы, повышающие эффективность запоминания фразеологизмов обучающимися: необходимо разделить фразеологизмы на темы (например, идиомы, связанные со спортом, идиомы о животных или о еде); использование изображений и наглядного материала.

Ключевые слова: лингводидактика, фразеологизмы, устойчивые выражения, сочетания, единства, семантизация, лексемы

Для цитирования: Набокова Е.Н. Английские фразеологизмы как объект лингводидактики // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 20 – 24.

Необходимо говорить о том, что «методика» обучения иностранному языку (далее – ИЯ) – это понятие, которое является близким по своему значению термину «лингводидактика». Указанный термин появился в 1969 году и был введен в употребление Н.М. Шанским. О.В. Михалева в своем учебно-методическом пособии указывает, что задачами ученых, проводивших исследования в рамках указанной дисциплины в тот период времени, были: изучить сходство и различие между различными языками; определить содержательную и структурную составляющие изучаемой языковой группы; составить языковой минимум, что позволит наиболее эффективно обучать студентов иностранному языку и решать прочие проблемы [5, с. 12-14].

Таким образом, лингводидактика – это теоретическая часть методики обучения ИЯ, возникшая в результате синтеза дидактики и лингвистики.

Так, О.И. Трубицина утверждает, что в лингводидактические задачи преподавателя иностранного языка входят следующие действия: теоретически обосновать процесс изучения иностранного языка; раскрыть концепции, а также содержательную часть языкового образования, формы обучения организационного характера; сконструировать образовательный процесс таким образом, чтобы обучение учитывало интересы всех субъектов образовательной деятельности [6, с. 30-32].

К функциям лингводидактики следует отнести следующие:

- научная и теоретическая функция (в рамках указанной функции студенты исследуют процесс, в рамках которого будет происходить обучение ИЯ);

- конструктивная и моделирующая функция (включает в себя реализацию следующих действий: совершенствовать и преобразовывать образовательный процесс. Указанная функция имеет в большей степени отношение к действиям педагога);

- интегративная функция (в рамках указанной функции преподаватель и обучающиеся объединяют и синтезируют результаты работ исследователей философской, педагогической, лингвистической и прочих наук).

Кроме того, решение ранее обозначенных лингводидактических задач и реализация функций становятся возможными благодаря привлечению категориального аппарата иных отраслей научного знания.

Необходимо говорить о том, что лингводидактические компетенции студентов, изучающих ИЯ, формируются при условии, что имеет место максимальное приближение не только к рецепции, но и к продукции речи людей, являющихся носителями ИЯ, что обеспечивается в том числе посредством усвоения фразеологических единиц. По этой причине является распространенной следующая проблема: обучение фразеологии, как правило, ориентировано на обучающихся, чей уровень является продвинутым. Тем самым студенты, чьи навыки не «дотягивают» до продвинутого уровня, не получают должного внимания со стороны преподавателя. Факт заключается в том, что фразеология ИЯ может быть изучена и на начальном этапе, что подтверждается мнением С.Н. Рубиной, утверждавшей следующее: изучение фразеологии может иметь место на любом этапе образовательного процесса и не должно зависеть от начальных данных студента [7].

Представляется очевидным, что фразеология является частью языка, демонстрирующей характер красочности, выразительности и экспрессивности, так как она способна отразить исторический опыт носителей языка, культурную самобытность, традиции и обычаи. Иначе говоря, владение фразеологическим составом иностранного языка позволяет студенту лучше понять изучаемый язык.

С целью определения значения фразеологизмов полагаем необходимым рассмотреть их семантическую классификацию. Так, в рамках указанной цели интерес могут представлять работы академика В.В. Виноградова, в рамках которых им были выделены следующие типы фразеологизмов: сочетания, единства и сращения (идиомы) [1].

То, насколько студенту будет сложно понять значение фразеологизма, опираясь на значения составляющих его детерминант – это то, что является основой классификации, предложенной В.В. Виноградовым. Например, смысл фразеологического сочетания демонстрирует характер повышенной доступности для обучающегося, так как значение легко выводится из смысла составляющих фразеологизм лексем. Что касается фразеологических единств, то о них следует сказать следующее: по причине наличия семантической двуплановости, определение значения оказывается затруднительным для студента. Наибольшую проблему представляют идиомы, так как значение фразеологизма чаще всего не выводится из значения отдельно взятых лексем. В последнем случае обучающемуся придется обратиться к английским словарям, содержащим этимологию фразеологизмов.

Е.В. Иванова, в свою очередь, утверждает, что классификацию, предложенную академиком В.В. Виноградовым, можно использовать как основу для классификации английских фразеологизмов [3].

Полагаем необходимым проиллюстрировать некоторые примеры, имеющие отношение к типам английских фразеологизмов. Основой указанных примеров является классификация В.В. Виноградова.

1. Сочетания. Например, «to fall into bad hands», что дословно следует перевести как «оказаться в плохих руках». «To bind somebody's hand and foot» – «связать чьи-то руку и стопу». В русском языке имеется практически дословный перевод указанного сочетания, которое звучит как «быть связанным по рукам и ногам» и является схожим по своему смыслу. «An unbelieving Thomas» - Томас, который не может поверить во что-либо. В русском языке – «Фома неверующий».

Вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что фразеологические сочетания не только демонстрируют характер понятности для носителя русского языка, но и имеют практически идентичные аналоги в русском языке. Следовательно, фразеологические сочетания не могут представлять проблемы для студентов, изучающих английский язык.

2. Единства. А.А. Лагутова в качестве фразеологических единств предлагает следующие английские выражения: «to put the cart before the horse» (буквально значит «поставить тележку перед лошадью»), что следует перевести как «перевернуть вверх дном»; «to bark up the wrong tree» (буквальное «лаять на неправильное (не то) дерево»), что следует понимать как «допустить ошибку при принятии решения»; «to stick one's neck out» (буквально «вытащить шею наружу»), что следует перевести на русский язык как «поставить кого-то под удар» [4].

Несмотря на то, что значение фразеологических единств представляется возможным понять с помощью перевода составляющих их лексем, смысл невозможно вывести напрямую. По этой причине студент должен обладать определенной долей мастерства. Дополнительная сложность заключается в том, что часть таких единств не имеет аналога в русском языке.

3. Идиомы или устойчивые выражения. Н.А. Соловьева предлагает обратиться к следующим примерам устойчивых выражений английского языка: «to eat dirt» (буквально «употреблять грязь в качестве пищи»,

что следует перевести как «быть оскорбленным или терпеть унижительные действия или слова»); «to be in a brown study» (буквально «пребывать в коричневой аудитории», что следует понять как «пребывать в дурном расположении духа») [8].

Для устойчивых выражений характерно следующее: порядок слов не меняется с течением времени; использование возможно лишь в переносном значении; не переводятся дословно на другой язык (переводятся, но теряется смысловая часть).

Семантизация английских устойчивых выражений демонстрирует характер повышенной сложности для обучающихся по следующим причинам:

– с течением времени значение компонентов идиом подвергается переосмыслению.

В качестве примера следует привести следующую идиому: «run the gauntlet». Изначально смысл заключался в следующем: наказание, включающее в себя прохождение через строй (солдат). Через десятки лет первоначальное значение идиомы существенно изменилось, так как оно было метафорически переосмыслено. На сегодняшний день смысл выражения заключается в следующем: быть подвергнутым критическому замечанию в свой адрес.

– студенты могут не знать историю происхождения устойчивого выражения.

Выражение «to get on the high horse» (встречается в оригинальной версии «Берега удачи» А. Кристи [12]), которое буквально переводится как «сидеть на высокой лошади» и означает «проявлять высокомерие по отношению к кому-либо». История возникновения указанной идиомы следующая: в средневековье феодалы, чаще всего передвигавшиеся на лошади, проявляли неуважение к военной пехоте и крестьянам, которые передвигались без лошадей.

Устойчивое выражение «to put the cat among the pigeons» (встречается в оригинальном названии романа А. Кристи «Кошка среди голубей» [11]), которое буквально переводится как «оставить кошку среди голубей». Означает «вызывать беспокойство» или «заставить кого-то понервничать». Указанное выражение появляется в восемнадцатом веке и означает лицо мужского пола, которое оказалось в компании девушек и почувствовало смущение в связи с этим.

– в составе устойчивого выражения, как правило, имеются устаревшие, вышедшие из употребления на сегодняшний день, слова.

В качестве примера следует привести следующие идиомы: «to be in a cleft stick» - оказаться в затруднительном положении. Лексема «cleft», означающая «щель» или «расщелину», сегодня не употребляется в английском языке; «to be in fine fettle» - пребывать в «хорошем» состоянии. Лексема «fettle» также вышла из оборота и не употребляется вне фразеологического сокращения.

Представляется очевидным, что студент может освоить такие идиомы лишь посредством механического заучивания наизусть. При этом педагог, обладающий высокой квалификацией, может с помощью как традиционных, так и современных технологий (интерактивная доска или обучающие ролики), повысить шансы обучающегося на их эффективное запоминание. Так, нами была предложена следующая методика, позволяющая запоминать английские устойчивые выражения.

В первую очередь, следует предъявить обучающимся новый фразеологизм. В качестве примера обратимся к выражению «birds of a feather». В случае, если студент затрудняется перевести слова «bird» или «feather», необходимо предоставить дословный перевод выражения: «птицы (одного) пера».

Основная часть методики заключается в следующем: студенты должны по очереди предложить свои версии того, что указанное выражение означает. В рамках обсуждения вероятно будут даны толкования, демонстрирующие характер неверности или неточности, в результате которых будут выявлены семантические тонкости, которые в дальнейшем должны сформировать компетенцию лингвистического анализа.

После обсуждения преподаватель дает перевод, который был им заранее подготовлен, например, «люди, которые имеют много общего». В заключении студентам будет предложено обратиться к русскому языку и выбрать устойчивое выражение, являющееся близким по смыслу к английскому «birds of a feather». Такими идиомами могут быть «одного поля ягоды» или «два сапога пара».

Кроме того, опираясь на исследование А.Ш. Еремкбаева, следует предложить следующие методы, позволяющие повысить эффективность запоминания английских фразеологизмов [2]:

- большая часть идиом в английском языке относятся к той или иной тематической группе. Например, можно использовать все идиомы, связанные с погодой, или учить идиомы, связанные со спортом, идиомы о животных, еде. Используя общую тему для изучения идиом, учащимся легче понять значения фраз и увидеть, как похожие слова могут означать совершенно разные вещи;

- использование изображений. Лучше всего показать изображение, которое с юмором иллюстрирует буквальное значение фразеологических единиц. Это не только рассмешит обучающихся, но и поможет им понять или догадаться, что означает фраза.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам. Формирование лингводидактических компетенций обучающихся, чья цель – изучить английский язык, происходит при условии, что оно максимально приближено как к рецепции, так и к продукции речи носителей английского языка, что становится возможным благодаря усвоению фразеологических единиц. Опираясь на классификацию, предложенную В.В. Виноградовым, нами выделены следующие виды фразеологизмов английского языка: сочетания, единства, идиомы (устойчивые выражения). Наибольшую проблему для студентов представляют последние, так как значение идиом чаще всего не выводится из смысла составляющих их единиц. Кроме того, сложность обусловлена следующими причинами: переосмыслением значения компонентов устойчивых сочетаний; незнанием этимологии фразеологических сращений; наличием в составе идиомы устаревших слов. Также была предложена авторская методика обучения студентов английским фразеологизмам, включающая в себя четыре этапа.

Литература

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140 – 161.
2. Ермекбаева А.Ш. The relevance of using phraseological units and the best teaching ways of it // Молодой ученый. 2019. № 21 (259). С. 495 – 498.
3. Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка. М., 2017. 352 с.
4. Лагутова А.А. Английские фразеологизмы как особая группа лексики в английском языке // В сборнике: VI Авдеевские чтения: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов, студентов и школьников / Под ред. Ю.А. Шурыгиной. 2018. С. 58 – 61.
5. Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам [Электронный ресурс]: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. О.В. Михалева; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 136 с.
6. Трубицина О.И. и др. Методика обучения иностранному языку: учебник и практикум для вузов / под ред. О.И. Трубициной. М.: Издательство Юрайт, 2023. 384 с.
7. Рубина С.Н. Учет этнопсихологических особенностей с позиций межкультурного общения // Альманах современной науки и образования. 2008. № 4-2. С. 208 – 210.
8. Соловьева Н.А., Стремиллова В.Я. Проблема перевода идиом в английском и китайском языках на русский язык // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 5-5 (49). С. 54 – 58.
9. Лупанова Е.В., Бойко Б.Л. Языковая игра во фразеологии современных англоязычных СМИ // Современный ученый. 2021. № 5. С. 247 – 251.
10. Шайхутдинова Т.Н. К вопросу изучения фразеологических единиц на уроках английского языка // Вестник педагогических наук. 2021. № 2. С. 70 – 75.
11. Christie A. Cat Among the Pigeons. Harper Collins UK, 2018. 122 p.
12. Christie A. Taken at the Flood. Harpercollins, 2002. 352 p.

References

1. Vinogradov V.V. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom jazyke. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija. M., 1977. S. 140 – 161.
2. Ermekbaeva A.Sh. The relevance of using phraseological units and the best teaching ways of it. Molodoy uchenyj. 2019. № 21 (259). S. 495 – 498.
3. Ivanova E.V. Leksikologija i frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka. M., 2017. 352 s.
4. Lagutova A.A. Anglijskie frazeologizmy kak osobaja gruppa leksiki v anglijskom jazyke. V sbornike: VI Avdeevskie chtenija: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, uchitelej, aspirantov, magistrantov, studentov i shkol'nikov. Pod red. Ju.A. Shu-ryginov. 2018. S. 58 – 61.
5. Lingvodidaktika i metodika obuchenija inostrannym jazykam [Jelektronnyj resurs]: ucheb.-metod. Posobie. avt.-sost. O.V. Mihaleva; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovyh. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2022. 136 s.
6. Trubicina O.I. i dr. Metodika obuchenija inostrannomu jazyku: uchebnik i praktikum dlja vuzov. pod red. O.I. Trubicinov. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2023. 384 s.
7. Rubina S.N. Uchet jetnopsihologicheskikh osobennostej s pozicij mezhkul'turnogo obshhenija. Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2008. № 4-2. S. 208 – 210.
8. Solov'eva N.A., Stremilova V.Ja. Problema perevoda idiom v anglijskom i kitajskom jazykah na russkij jazyk. Aktual'nye nauchnye issledovanija v sovremennom mire. 2019. № 5-5 (49). S. 54 – 58.

9. Lupanova E.V., Bojko B.L. YAzykovaya igra vo frazeologii sovremennyh angloyazychnyh SMI. Sovremennyyj uchenyj. 2021. № 5. S. 247 – 251.
10. SHajhutdinova T.N. K voprosu izucheniya frazeologicheskikh edinic na urokah anglijskogo yazyka. Vestnik pedagogicheskikh nauk. 2021. № 2. S. 70 – 75.
11. Christie A. *Cat Among the Pigeons*. Harper Collins UK, 2018. 122 p.
12. Christie A. *Taken at the Flood*. Harpercollins, 2002. 352 p.

*Nabokova E.N., Senior Lecturer,
Moscow Pedagogical State University*

English phraseological units as an object of linguodidactics

Abstract: "linguodidactics", a term coined by N.M. Shansky in 1969, has a similar meaning to the term "methodology" and is a theoretical part of foreign language teaching methodology, which emerged as a result of synthesis of didactics and linguistics. The relevance of the research is dictated by the fact that linguodidactic competences of learners can be formed in the best way only if they are as close as possible to both the reception and the speech production of native speakers, which is ensured through the acquisition of phraseology. The aim of this study is to analyse English idioms as an object of linguodidactics. The above objective is mediated by the following tasks: to reveal the content of the term "linguodidactics"; to outline the functions of linguodidactics; to substantiate the need to study phraseological units in a foreign language; to give a semantic classification of English phraseological units; to give examples of three types of English phraseological units (phrase combinations, unities, idioms); to offer an authorial method to enable students to learn phraseological units most effectively. The material basis of the study was formed by the works of the following authors: V. V. Vinogradov, A. Sh. Ermekbaeva, E. V. Ivanova, A. A. Lagutova, O. I. Trubitsina and others. The following conclusions are drawn as a result. Using the classification of phraseological expressions of the Russian language, formed by V.V. Vinogradov, we identified the following types of English phraseological units: combinations, unities, idioms. The latter are the most difficult for students due to the fact that their meaning is not directly derived from the meaning of their constituent words. The following reasons also contribute to the difficulty of memorizing stable expressions: reinterpretation of the meaning of the components of stable combinations; ignorance of the etymology of phraseological combinations; presence of obsolete words in the idiom. Based on the previously mentioned problems, we proposed the author's method of teaching English phraseological expressions to students, which includes four stages. In addition, we proposed methods that increase the efficiency of students' memorization of phraseological units: it is necessary to divide phraseological units into themes (for example, idioms related to sports, idioms about animals or about food); the use of images and visual material.

Keywords: linguodidactics, phraseological units, idioms, combinations, unities, semanticisation, lexemes

For citation: Nabokova E.N. English phraseological units as an object of linguodidactics. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 20 – 24.

*Сорокин Н.С., аспирант,
Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова*

Искусственный интеллект в новостных агентствах: опыт применения

Аннотация: статья посвящена анализу внедрения рожурналистики в массмедиа. Где автором анализируется опыт российских ИА («Интерфакс» и «ТАСС») в контексте использования искусственного интеллекта. Выбор данных информагентств обусловлен их широким опытом применения компьютерных алгоритмов при редактировании новостных лент.

Научная новизна состоит в систематизации опыта функционирования алгоритмов ИИ в российских СМИ. Анализе путей их внедрения в творческий процесс подготовки новостных сообщений, а также исследованию автором текстов, сгенерированных ИИ.

Выявляя и структурируя особенности применения информагентствами искусственного интеллекта (применяя метод анализа), автор отмечает значительный прогресс, позволивший улучшить качество и скорость публикуемых новостей, снизить количество ошибок. В результате анализа новостных заметок, сгенерированных искусственным интеллектом, автор приходит к выводу, что алгоритмы используют унифицированный подход, позволяющий придерживаться нейтральной лексики, и как следствие - исключая эмоциональную окраску получающихся материалов.

В ходе исследования было выявлено, что компьютерные алгоритмы, решая рутинные задачи поиска и структурирования информации, позволяют снизить нагрузку на журналистов, высвобождая время для творчества.

Ключевые слова: рожурналистика, роботизированные тексты, компьютерные алгоритмы, массмедиа, анализ текстов, искусственный интеллект

Для цитирования: Сорокин Н.С. Искусственный интеллект в новостных агентствах: опыт применения // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 25 – 29.

Введение

С каждым годом диджитализация всё больше внедряется в современную журналистику. При этом данное внедрение происходит сразу в нескольких направлениях. Рассмотрим данные направления подробнее.

Современное ПО (программное обеспечение) уже стало неотъемлемой частью рабочего процесса при сборе и обработке информации, а также при написании новостных текстов и подготовке различного контента, а также его передачи.

Создание и анализ текста «сегодня в соответствии с требованиями новой эпохи цифровизации и глобализации наполняется новым содержанием и открыта для активного поиска новых форм работы» [3]. Новое, актуальное и мощно развивающееся прямо на наших глазах направление – это генерация информационных сообщений при помощи компьютерных алгоритмов, или же «искусственного интеллекта» (ИИ). Этот феномен в научных трудах принято называть роботизированной или автоматизированной журналистикой [6]. Под роботизированной, или автоматизированной, журналистикой понимаются такие рабочие процессы, как формирование «умных» новостных лент, работа с Big Data (большими данными), а также генерация различного рода текстов и сообщений.

В данной статье коснемся процесса генерации алгоритмами новостных сообщений. Поясним: сегодня ИИ не ограничивается лишь формированием текстовых материалов, а используется для редактирования, перевода и иных рабочих операций. Таким образом, как мы понимаем, уровень ИИ позволяет успешно формировать текст, в том числе новостной, демонстрируя «умения мыслить и рассуждать... учитывая соответствие ... языковых единиц нормативному, коммуникативному и этическому аспектам культуры речи, стилистическую дифференциацию языковых единиц» [4, с. 33], а в целом свидетельствуя о высоком уровне владения «языком в его практической, функциональной реализации» [5, с. 32].

Появление автоматически-сгенерированных сообщений в журналистике произошло совсем недавно. Первопроходцами здесь выступили западные крупнейшие СМИ, такие как NYT и Associated Press. Для газеты NYT был разработан автоматизированный чат-бот, рассылающий информацию про предстоящие президентские выборы в Америке. А одним из первых, запустивших генерацию компьютерными алгоритмами новостных спортивных колонок, было агентство Associated Press. После этого началась разработка программы, способной брать интервью. Одним из первых роботом-интервьюером является Джиа Джиа. Однако во время первых интервью он подвисал и не всегда справлялся с корректной постановкой вопроса [0]. Более того, несколько лет назад в сингапурской редакции американского журнала Esquire была выпущена

новостная колонка, автором которой был ИИ, которому на создание статьи понадобилось чуть больше двух минут [11].

IT-специалисты позитивно смотрят на перспективы развития рожобурналистики. Так, Крис Хаммонд – один из главных разработчиков Narrative Science, предположил, что к 2030-ым годам алгоритмы выйдут на совершенно новый уровень генерации текстов, что позволит им генерировать до 90-95% всех сообщений в СМИ. Более того, он отмечал, что текст, сгенерированный алгоритмами в ближайшем будущем, будет способен получить премию Пулитцера [10].

Это подтверждается и прогнозами организации Deloitte в отношении развития ИИ. Предстоящее исследование Deloitte 2023 Global Technology Leadership Study показало, что 65% руководителей высшего звена говорят, что их главной задачей при оценке инвестиций в технологии является количественная оценка «мягких» преимуществ, и что технологические лидеры проводят цифровую трансформацию в 89% организациях [7].

Отметим, при очевидном значительном интересе к рожобурналистике, научные работы затрагивают далеко не все функциональные стороны алгоритмов и их работы, а описание опыта использования алгоритмов российскими медиа особенно мало. Исключением является примечательная работа Лукиной М.М. и Палашиной Е.А. 2019 года, где ученые осуществили сравнительный анализ текстов, написанных искусственным интеллектом и живым журналистом, выявили сходства и различия [9].

В этой связи автор обратился к крупным российским медиа, являющимся лидерами в использовании ИИ и применяющим ИИ для генерации интернет-новостей. Объектом данного исследования стали «Интерфакс» и «ТАСС». Осуществляя свой выбор, автор руководствовался рядом аспектов. Остановимся на них подробнее. Первый фактор – инновационность, «Интерфакс» и «ТАСС» одними из первых в России начали полноценно внедрять алгоритмы в редакционный рабочий процесс. Ко второму фактору относится отсутствие тестовых режимов в использовании ИИ. Отметим, алгоритмы также используются в спортивных медиа (Sports.ru) и в Яндексe. Но для нашего исследования идеально подходят вышеупомянутые СМИ («Интерфакс» и «ТАСС»), поскольку их новостная лента обладает широким спектром новостей на разные темы, а также имеется глобальный опыт использования ИИ для их освещения.

Будет описана и проанализирована работа алгоритмов при генерации «автоновостей» (именно так их называют журналисты данных массмедиа); определена стилистика, структура и особенности данных новостных сообщений.

В ходе проведения исследования были выбраны несколько информационных сообщений из новостных лент Интерфакса и ТАССа за начало 2023 года. Был осуществлен анализ 6 новостных текстов (по 3 текста на каждое новостное агентство соответственно), сгенерированных ИИ. Полагаю, данное количество текстов достаточным для проведения исследования.

Необходимо сказать, что автор столкнулся со сложностью при отборе новостных сообщений. Это произошло по причине того, что данные СМИ не всегда отмечают новостные сообщения, написанные алгоритмами. При возникновении сложностей автор обращался в редакцию для подтверждения / опровержения авторства новости, подходящей под критерии научной работы.

В ходе исследования было выявлено, что алгоритмы были внедрены непосредственно в рабочий процесс не так давно: их полноценное применение началось около 5 лет назад с целью генерации небольших новостных сообщений по стандартному шаблону с использованием дискретных (непрерывных) данных. Как отмечает редактор агентства «Интерфакс» Иван Слепцов, алгоритмы способны генерировать несколько типов сообщений: табличные и текстовые. Более того, на данный момент сгенерированные новости больше не проходят проверку у редактора, так как ИИ постоянно обучается и вероятность ошибки крайне мала, что в свою очередь повышает оперативность публикуемой информации.

Новостные тексты анализировались по следующим параметрам:

- 1) тематическое содержание;
- 2) типология информационных ресурсов;
- 3) наличие в текстах ссылок и цитирования;
- 4) авторство текста (компьютер или человек).

Также в ходе анализа мы старались найти ответы на следующие вопросы:

- соблюдается ли «перевернутая пирамида» в сообщении;
- наличествует ли структура в тексте обнаруживаются ли структурные элементы;
- каковы синтаксические и стилистические особенности.

В результате исследования было установлено, что алгоритмы пишут новости, используя чёткую структуру и одинаковый стиль повествования, также у них имеется ограничение по новостным тематикам. Уточним, в ходе анализа текстов были выделены все характерные составляющие новостного текста от структу-

ры до таких элементов как цитата, ссылка и т.д. Алгоритмы придерживаются только нейтрального стиля повествования без использования эмоционально окрашенных слов или выражений.

Как уже говорилось выше, для анализа было выбрано по 3 сообщения каждого информагентства; несколько текстов представлены ниже.

«Интерфакс»:

«МОСКВА 12:34, 6 февраля 2023

Движение на Арбатско-Покровской линии московского метро восстановлено.

Москва. 6 февраля. INTERFAX.RU - Устранен технический сбой на Арбатско-Покровской линии метро Москвы, сообщается в телеграм-канале столичного департамента транспорта в понедельник.

"Движение на Арбатско-Покровской линии (3) восстановлено и вводится в график", – говорится в сообщении.

Ранее стало известно, что на Арбатско-Покровской линии прерывалось движения поездов от "Курской" до "Щелковской" для проверки инфраструктуры. В обратном направлении поезда следовали с увеличенными интервалами.

Источник "Интерфакса" сообщил, что сбой произошел около 11:25 понедельника. По техническим причинам снималось напряжение на участке "Партизанская" – "Щелковская".

Сбой на ветке продлился более 40 минут» [0].

ЭКОНОМИКА 11:40, 6 февраля 2023

«ТАСС»:

«МОСКВА, 10 февраля. /ТАСС/. Россия планирует в марте добровольно сократить добычу нефти на 500 тыс. баррелей в сутки. Об этом сообщил журналистам вице-премьер РФ Александр Новак.

"На сегодняшний день мы полностью реализовываем весь объем производимой нефти, однако, как и было заявлено раньше, мы не будем продавать нефть тем, кто прямо или косвенно придерживается принципов "ценового потолка", – сказал он.

"В связи с этим Россия в марте добровольно сократит добычу на 500 тыс. баррелей в сутки. Это будет способствовать восстановлению рыночных отношений", – добавил Новак.

Представитель Новака уточнил, что сокращение добычи коснется только нефти без учета газового конденсата. Как сообщил источник ТАСС в отрасли, сокращение добычи будет отсчитываться от реального уровня производства, а не от квоты России в рамках сделки ОПЕК+. Он отметил, что Россия приняла это решение самостоятельно, консультаций с ОПЕК+ не было.

Россия считает, что механизм "ценового потолка" при реализации российской нефти и нефтепродуктов является вмешательством в рыночные отношения и продолжением деструктивной энергополитики стран коллективного Запада, добавил он.

"В качестве одного из шагов по нивелированию угрозы мировому нефтяному рынку в России введен запрет напрямую или косвенно применять в договорах на поставку нефти отсылки к любым нелегитимным рестрикциям", – напомнил вице-премьер.

С 5 декабря 2022 года вступило в силу эмбарго ЕС на морские поставки нефти из РФ, страны G7, ЕС и Австралия ввели "потолок" цен на поставляемую морем российскую нефть на уровне \$60 за баррель для подчиненных им судов и территорий. А с 5 февраля 2023 года начали действовать аналогичные ограничения на поставки нефтепродуктов из России. Размер "потолка" был определен в размере \$100 и \$45 долларов за баррель в зависимости от категории нефтепродуктов» [8].

Как можно заметить из приведенных выше примеров роботизированных текстов, они могут быть разного размера и с большим количеством абзацев. Можно заметить, что они полностью отвечают требованиям новостного сообщения. Алгоритмы охотно используют справочную информацию, ссылки и сокращения слов. Несмотря на утверждение редакторов информагентств о низкой вероятности ошибок и опечаток, автором была замечена опечатка в новости «ТАСС», а именно в словосочетании «Он отменил». Также следует обратить внимание на отсутствие маркировок или отметок у каждого из агентств, к какому типу новостного сообщения относится текст (автоматическому или нет).

Заключение

В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: во-первых, далеко не все российские массмедиа используют ИИ в своей работе. Это объясняется тем, что их разработка, внедрение в рабочий процесс и поддержка все еще остается дорогостоящим инструментом. Однако, СМИ, внедрившие компьютерные алгоритмы в работу, отмечают в основном позитивный эффект от данной инновации.

Во-вторых, робожурналистика существенно облегчает работу журналистов, решая рутинные задачи, к которым относится написание новостных колонок, что позволяет журналистам переключиться на более важные и творческие задачи.

В-третьих, несмотря на то, что алгоритмы стремительно развиваются, набор реализуемых ими функций все еще не так широк: ИИ способен писать только на определённые темы, используя узкий набор жанров, что идеально подходит для генерации новостей, но не других журналистских текстов.

В-четвертых, нет окончательной ясности в том, кто понесет ответственность при ошибке в новостном тексте (этическая проблема). Эта проблема также возникает на фоне того, что информационные агентства практически никогда не отмечают тексты, написанные ИИ.

Литература

1. Быстро и надежно: как роботы теснят журналистов. Тимофей Плещ // Forbes. 2017. Май, 16. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/343931-bystro-i-nadezhno-kak-roboty-tesnyat-zhurnalistov> (дата обращения: 05.02.2023)
2. Движение на Арбатско-Покровской линии московского метро восстановлено // Интерфакс. 2023. Февраль, 6. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/884797> (дата обращения 07. 02. 2023)
3. Дубова М.А., Ларина Н.А. Филологический анализ текста: рецепция рассказа И.А. Бунина «Эпитафия» // Филология: научные исследования. 2021. № 12. С. 71 – 81. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.12.35179 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35179
4. Дубова М.А., Ларина Н.А. Формирование речевой культуры студента путем развития читательской компетенции // Мир образования – образование в мире. 2018. № 4 (72). С. 32 – 37.
5. Дубова М.А. Языковая культура в современном российском обществе // Экология языка и речи. Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Г. Блохиной. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 31 – 34.
6. Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ. 2015. № 2 (16). С. 32 – 40.
7. Прогнозы международной сети «Делойт» на 2023 г. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/technology/technology-media-and-telecom-predictions.html> (дата обращения: 05.02.2023)
8. Россия в марте добровольно сократит добычу нефти на 500 тыс. баррелей в сутки // ТАСС. 2023. Февраль, 10. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17016905> (дата обращения 10. 02. 2023)
9. Сравнительный анализ структурно-содержательных элементов машинных и журналистских новостных сообщений. Палашина Е.А., Лукина М.М. // Меди@альманах. 2019. URL: <http://mediaalmanah.ru/upload/iblock/711/1.90-72-84.pdf> (дата обращения 05.02.2023)
10. And the Pulitzer goes to... a computer. Tim Adams // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/jun/28/computer-writing-journalism-artificial-intelligence> (дата обращения: 05.02.2023)
11. Esquire в Сингапуре выпустил написанный ИИ-ботом журнал. Лера Михайлова // vc.ru. 2019. Май, 13. URL: <https://vc.ru/media/67074-esquire-v-singapore-vypustil-napisannyy-ii-botom-zhurnal> (дата обращения: 05.02.2023)

References

1. Bystro i nadezhno: kak roboty tesnjat zhurnalistov. Timofej Plec. Forbes. 2017. Maj, 16. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/343931-bystro-i-nadezhno-kak-roboty-tesnyat-zhurnalistov> (data obrashhenija: 05.02.2023)
2. Dvizhenie na Arbatsko-Pokrovskoj linii moskovskogo metro vosstanovleno. Interfaks. 2023. Fevral', 6. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/884797> (data obrashhenija 07. 02. 2023)
3. Dubova M.A., Larina N.A. Filologicheskij analiz teksta: recepcija rasskaza I.A. Bunina «Jepitafija». Filologija: nauchnye issledovanija. 2021. № 12. S. 71 – 81. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.12.35179 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35179
4. Dubova M.A., Larina N.A. Formirovanie rechevoj kul'tury studenta putem razvitija chitatel'skoj kompetencii. Mir obrazovanija – obrazovanie v mire. 2018. № 4 (72). S. 32 – 37.
5. Dubova M.A. Jazykovaja kul'tura v sovremennom rossijskom obshhestve. Jekologija jazyka i rechi. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju so dnja rozhdenija N.G. Blohinoj. Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2021. S. 31 – 34.
6. Ivanov A.D. Robotizirovannaja zhurnalistika i pervye algoritmy na sluzhbe redakcij mezhdunarodnyh SMI. 2015. № 2 (16). S. 32 – 40.

7. Prognozy mezhdunarodnoj seti «Delojt» na 2023 g. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/technology/technology-media-and-telecom-predictions.html> (data obrashhenija: 05.02.2023)
8. Rossiya v marte dobrovol'no sokratit dobychu nefti na 500 tys. barrelej v sutki. TASS. 2023. Fevral', 10. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17016905> (data obrashhenija 10. 02. 2023)
9. Sravnitel'nyj analiz strukturno-soderzhatel'nyh jelementov mashinnyh i zhurnalistskih novostnyh soobshhenij. Palashina E.A., Lukina M.M. Medi@al'manah. 2019. URL: <http://mediaalmanah.ru/upload/iblock/711/1.90-72-84.pdf> (data obrashhenija 05.02.2023)
10. And the Pulitzer goes to... a computer. Tim Adams. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/jun/28/computer-writing-journalism-artificial-intelligence> (data obrashhenija: 05.02.2023)
11. Esquire v Singapore vypustil napisannyj II-botom zhurnal. Lera Mihajlova. vc.ru. 2019. Maj, 13. URL: <https://vc.ru/media/67074-esquire-v-singapore-vypustil-napisannyj-ii-botom-zhurnal> (data obrashhenija: 05.02.2023)

*Sorokin N.S., Postgraduate,
International Law and Economics named after A.S. Griboyedov*

Artificial intelligence in news agencies: application expirience

Abstract: the article is devoted to the analysis of the introduction of robotic journalism in the mass media. The article describes the experience of researching the activities of Russian news agencies (Interfax and TASS) in the context of the use of artificial intelligence. The choice of these news agencies is due to their wide experience in the use of computer algorithms in editing news feeds.

By identifying and structuring the features of the use of artificial intelligence by news agencies (using the method of analysis), the author notes significant progress, which has made it possible to improve the quality and speed of published news, and reduce the number of errors. As a result of the analysis of news notes generated by artificial intelligence, the author comes to the conclusion about a unified approach that allows to adhere to neutral vocabulary, excluding the emotional coloring of the generated articles.

The study revealed that computer algorithms, solving routine tasks of searching and structuring information, can reduce the burden on journalists, freeing up time for creativity.

Keywords: robotic journalism, robotic texts, computer algorithms, mass media, text analysis, artificial intelligence

For citation: Sorokin N.S. Artificial intelligence in news agencies: application expirience. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 25 – 29.

*Ярзада Биби Салиха,
Российский университет дружбы народов*

Морфологические свойства имени прилагательного в персидском языке в сопоставлении с русским языком

Аннотация: актуальность исследования обусловлена общей тенденцией лингвистических штудий по сопоставительному языкознанию и изучению прилагательного как части речи, в том числе его структуры, семантики и морфологии. Цель исследования заключается в сопоставлении персидского языка с русским языком и исследовании на этой базе морфологических свойств имени прилагательного в обоих рассматриваемых языках.

Любой язык имеет свою специфику. Эти специфические черты служат своего рода «визитной карточкой» каждого языка, отличают его от других. Отличия больше всего прослеживаются в наиболее важных признаках частей речи, отличающихся своими аморфными свойствами, морфологическими изменениями, синтаксическим положением и рядом формальных показателей, которые свойственны именно этой части речи и придают прилагательному самостоятельный статус.

Прилагательным называется часть речи, выражающая признак предмета и отвечающая на вопрос «какой?», «какая?», «какое?», «чей?», «чья?», «чьё?». Например: смелый, счастливая, зеленое. Прилагательные выражают: 1) признаки цвета (белый, сиреневый); 2) размера (широкий, малый); 3) возраста (старый, юный); 4) вкуса (соленый, кислый); 5) запаха (душистый, пьянящий); 6) материала (металлический, хрустальный); 7) качества (твердый, гибкий); 8) принадлежности (тещин, сватов); 9) внешние приметы (красивый, смуглый); 10) внутренние свойства (добрый, милосердный); 11) признаки по отношению к месту (сельский, областной); 12) пространства (дальний, близкий); 13) времени (вечерний, завтрашний) и т.п. Признак предмета прилагательное может выражать напрямую (нежный голос, теплая волна, широкое поле) или из-за отношения к другим предметам (льняная скатерть – скатерть из льна, бабушкина сказка – сказка бабушки).

Прилагательные отвечают за обозначение свойства какого-либо предмета или определение признака события, явления, предмета, выраженного именной частью речи. Они придают речи эмоциональный оттенок, передают не только наши эмоции, ощущения, настроение, а помогают более тонко, качественно, выразительно и точно описать события, человека, его характер и поведение, показать наше отношение к тому или иному явлению. Общение во всех сферах жизни без использования эпитетов, формами реализации которых являются прилагательные, представить невозможно.

Части речи в целом представляют собой классы слов, характеризующиеся следующими признаками: они находятся в общем категориальном значении с морфологическими категориями и морфологической парадигматикой; с морфемным составом и словообразовательными средствами; с синтаксическими функциями. Прилагательные – это универсальная категория слов, а также определенный класс, который является менее специфическим и более общим для разных языков мира.

Ключевые слова: прилагательное, имя прилагательное, морфология, морфологические свойства, персидский язык, прилагательные в персидском языке

Для цитирования: Ярзада Биби Салиха Морфологические свойства имени прилагательного в персидском языке в сопоставлении с русским языком // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 30 – 36.

Введение

Территория современного Ирана была заселена индоевропейцами (носителями протоиндоиранского языка) примерно в середине II тыс. до н.э. Примерно в то же время индоиранцы заняли территорию до нынешнего Китая, что и повлекло распад языкового единства на две ветви – иранскую и индийскую. В VI в. до н.э. иранцы уже имели собственное великое государство (ахеменидскую империю), которое простиралось от Средиземного моря до реки Инд в Пакистане. В последней трети IV в. до н.э. после продолжительных баталий между империями Ахеменидов и Александра Македонского за господство на Ближнем Востоке, последний захватил Персию и почти на пять веков установил в ней господство греческой династии. В III в. н.э. парфянская династия Сасанидов установила ираноязычную гегемонию, во время которой была создана письменность на среднеперсидском языке с использованием арамейского алфавита, которая получила широкое распространение.

Этим письмом была создана многочисленная религиозная и светская литература. Арабское завоевание VII-VIII вв. и, как его следствие, господство на два века Арабского халифата, повлекло упадок среднеперсской письменной традиции (во всяком случае, на территории Ирана и Средней Азии). Арабы, которые вели свои войны под лозунгом «священной борьбы» за «истинную веру», относились нетерпеливо не только к другим, немусульманским религиям, но и к любой немусульманской культуре. Таковую же нетерпеливость проявляли и некоторые местные иранские правители, принявшие ислам. Все, что было написано неарабским письмом, то есть не тем письмом, которым создан Коран, уничтожалось. Почти на два столетия единым письменным и литературным языком на всей территории Халифата, в частности в Иране и Средней Азии, стал арабский. На нем писали не только арабские, но и многочисленные иранские авторы. Однако, став государственным и литературным языком, арабский язык не вытеснил родных языков народов, которые жили на территории халифата.

Арабским языком владела и активно пользовалась лишь небольшая прослойка общества – местная аристократия, духовенство, ученые, литераторы. Обычное население Ирана либо совсем не владело арабским, либо владело им плохо. В быту сохранились местные, родные языки. Уже в VIII в. получило развитие антиарабское освободительное движение «шуубия» (от шууб – «народ»), целью которого было восстановление и развитие местных национальных традиций. Наилучшие условия для этого были на окраинах халифата, где влияние центральной власти не было сильным. Поэтому в Хорасане (северо-восточная часть Ирана) и Мавераннагре (территория между реками Амударья и Сырдарья) в IX-X вв. сформировался письменный и литературный язык, который в то время получил название парси или дари. Его основу составили диалекты систана, хорасана, мавераннагра, персыязычного населения Бухары.

Постепенно использование нового письменного языка расширялось и начиная с XV-XII в. он использовался уже во всех сферах культурной жизни – литературе, науке, религии (хотя сосуществование персидского и арабского языков, диглоссия, в сфере богослужения сохраняется и сегодня). Расширяется и территория распространения персидского языка. С XII в. на нем писали литературные произведения в Азербайджане и Северной Индии. История ираноязычных народов в период с XV по XVI вв. была чрезвычайно бурной. Средняя Азия и Иран то объединялись, то разъединялись. Их окончательное государственное олицетворение произошло в начале XVI в., когда нашествие кочевых тюркских племен, перемещающихся одновременно с юго-запада и северо-востока, повлекло образование двух самостоятельных, независимых государств. Иран управлялся Азербайджанской династией Сефевидов, а Средняя Азия – узбекской династией Шейбанидов. Независимое государство образовалось и в Северной Индии под управлением потомков Тимуридов.

Следовательно, ареал распространения персидского языка находится в окружении языков трех семей: индоевропейской, тюркской и семитской. Такое географическое расположение предполагает возможность языковых контактов, что и демонстрирует история персидского языка, в частности, целые периоды гегемонии носителей неиранских языков на ее территории. Столь продолжительная и бесконечная этническими контактами и влияниями неблизкородственных языков история персидского языка, а также географическое положение Ирана на Великом Шелковом пути способствовали многочисленным и лингвистически разноплановым языковым заимствованиям. Таким образом, следует четко осознавать то, что современная персыязычная карта мира сформировалась в значительной своей части в результате экстралингвистических условий. При наличии длительной традиции исследования арабского влияния на персидский язык (и вообще на все без исключения языки региона) тюркское влияние на персидский язык и вообще на все без исключения языки региона) в большой степени недооценено.

Тюркское влияние на типологическую структуру персидского языка имеет важное значение. Ареал распространения персидского языка испокон веков охватывал и особенно интересную с точки зрения разнообразия и сложности лингвистической ситуации историческую область так называемого культурного Азербайджана, в которую входили территория современного государства Республика Азербайджан, целые современные иранские провинции Западный Азербайджан и Восточный Азербайджан, частично провинции Ардабиль, Курдистан, Зендан, Гилян.

Данное исследование является актуальным, т.к. актуальной остается дискуссия на тему различий в дифференциации прилагательных в морфологии персидского и русского языка. Также актуальность данной темы подтверждает малоизученность имен прилагательных в персидском языке.

Результаты данного исследования могут быть использованы в вузовской практике изучения частей речи, в частности имен прилагательных, в ходе обучения русскому языку как иностранному, а также могут служить полезной научно-исследовательской базой для иранских и русских переводчиков, а также в целом для науки сравнительного языкознания. Основными методами исследования являются сопоставительный и описательный методы, использующие такие приемы анализа как сопоставление, перевод и описание.

Постановка проблемы

Роль и функция прилагательного зависит от взаимодействия с существительным, от того, в каком именно соединении употребляется прилагательное. Поэтому оно легко адаптируется к существительным различной семантики, изменяя свое номинативное значение или приобретая при этом различные значения, что говорит о его необычайной семантической мобильности. Несмотря на разнообразие значений и их употребление, прилагательные обладают одним общим семантическим компонентом, который объединяет их в один класс, класс предикативных слов, указывающих не на предметы, а на признаки предметов [7].

Понятие признака (свойства, качества) является универсальной категорией, присущей семантическим системам всех языков и имеет свои морфологические и синтаксические особенности. Каждое слово в языке характеризуется одним или несколькими грамматическими значениями. Грамматическое значение является обязательным признаком слова. Грамматические значения являются дополнительными (сопроводительными) по лексическому значению и служат для обозначения определенных различных внешних связей предмета или явления. По роли в речи грамматические значения прилагательного подразделяются на классификационные (постоянные, неизменяемые, предопределенные лексическим значением), синтаксические (для связи слов в предложении, являются переменными, никакого реального содержания сами по себе не выражают; к ним относится род, число и падеж прилагательного) и номинативные (выражают те или иные свойства бытия и тем дополняют, уточняют лексическое значение слова; напр. степени сравнения указывают на разную интенсивность проявления признака). Синтаксические и номинативные грамматические значения, как переменные, предопределяют создание различных словоформ. Все переменные грамматические категории слова формируют его парадигму – совокупность всех словоформ.

Общая грамматическая категория прилагательного выражается в его постоянной (статической) признаковости предмета и грамматически обнаруживается в категориях рода, числа и падежа, которые зависят от существительного. Прилагательное как часть речи не только не является универсальной категорией, но и составляет класс слов, наименее специфический по сравнению с другими морфолого-синтаксическими классами. Понятие качества может быть выражено непосредственно или через отношение к другим предметам, к человеку или существу. Из всех частей речи означающее свойство прилагательных проявляется наиболее ярко и последовательно отображается в особенностях их семантики, морфологической формы, синтаксической роли.

В настоящее время прилагательное в персидском языке недостаточно исследовано и, прежде всего в тех аспектах, которые касаются собственной семантики и его использования в тексте. Не имея своей области предметной отнесенности, конкретной референции, собственного экстенционала, прилагательные обладают все же денотатами, имеющими соответствующий признак и постоянно сопровождают существительное в предложении, само существительное выступает определителем грамматических категорий прилагательного. Роль и функция прилагательного зависит от взаимодействия с существительным, от того, в каком именно сочетании употребляется прилагательное. Поэтому оно легко адаптируется к существительным различной семантики, изменяя свое номинативное значение или приобретая при этом различные значения, что говорит о его необычайной семантической мобильности. Семантическая связь прилагательного с существительным реализуется двумя способами: прилагательное может действовать как означающее существительное, образуя атрибутивную конструкцию, или как предикат или часть предиката, соединяясь с существительными через связующий глагол.

По своей разноплановой семантике, что вряд ли имеет другая часть речи, прилагательные означают как признаки-качества, так и признаки, связанные с действием, они указывают на актанты как показатели экспрессивности, интенсивности, оцененности, эмоциональности и пр. Несмотря на разнообразие значений и их употребления, прилагательные обладают одним общим семантическим компонентом, который объединяет их в один класс, класс предикативных слов, указывающих не на предметы, а на признаки предметов.

В зависимости от того, какой тип признака лежит в основе семантики, прилагательные подразделяются на качественные и относительные, которые имеют свои более или менее выраженные грамматические особенности. Прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и определяющая слово, несущая в себе категориальное значение признака предмета и составляет весомую часть всей лексики как русского, так и персидского языка, а является третьей по величине частью языка после существительного и глагола. Прилагательные всегда характеризуют качества и свойства какого-то предмета, человека, а именно выражают их.

Главное свойство прилагательного относительно семантического аспекта и его употребления в контексте показывает, что этот класс семантически несамостоятелен. Семантику прилагательных формируют не понятие о самостоятельно существующих единицах окружающего мира (как, напр., в существительных), а понятие лишь о качествах самостоятельно существующих единиц (предметов), в речи они употребляются

обязательно при существительных, причем в зависимой от них грамматической позиции, то есть качество, признак не существуют без его носителя и на значение носителя всегда проецируется значение носителя признака. Также в синтаксической структуре, чаще всего в составе именной группы, прилагательное связывается с другими элементами выражения через существительное. Для прилагательного характерно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций.

Анализ материала

Персидский язык – это, в первую очередь, язык с довольно аналитическим строем. В персидском языке мы не встретим категории рода и падежа в грамматике. В то же время, в персидском языке мы можем выделить такие части речи, как изафет, предлог и послелог, которые берут на себя функции именных частей речи в синтаксическом плане. В связи с этим, в персидском языке для начала обращают внимание на лексическое значение и синтаксическую функцию в том или ином предложении, а также словосочетании прежде, чем отнести к той или иной части речи.

С морфологической стороны прилагательные персидского языка показывают следующую особенность: разница между существительными и прилагательными несущественна. Довольно часто встречаются ситуации, когда производное имя, рассматриваемое отдельно от предложения, может быть как прилагательным, так и существительным и разницу можно уловить лишь по семантическому признаку, т.к. внешние отличительные качества или черты отсутствуют. В то же время, ряд имен может и с семантической точки зрения быть как прилагательным, так и существительным, т.к. одно и то же слово может обозначать как носителя признака, так и само наименование данного признака [9].

В персидском языке выделяется два типа прилагательных: относительные и качественные. Те прилагательные, которые обозначают признаки, представляющие собой на прямую выражение качеств и свойств объекта (предмета или лица) без связи с другим объектом, и которые (эти качества и свойства) могут быть восприняты органами чувств или же представляют собой оценочно-классификационную деятельность человеческого сознания, составляют разряд качественных прилагательных: سفید sefid «белый», سرخ sorx «красный», سخت saxt «тяжелый», آسان āsān «легкий». Те прилагательные, обозначение признака у которых выражается через отношение к другому предмету, лицу, действию, обстоятельству, времени и т.п., составляют разряд относительных прилагательных: دیواری divāri «стенной», через отношение к стене (دیوار – divār «стена»), شهری šahri «городской», через отношение к городу (شهر – šahr «город»), پدری pedari «отчий», через отношение к отцу (پدر pedar «отец»), دیروزی diruzi «вчерашний», через отношение ко времени (دیروز diruz «вчера»).

От некоторых качественных прилагательных путем прибавления префикса به be- и суффикса -ی i (مصدری یا yā-ye masdari) образуются наречия بزودی bezudī «вскоре», بخوبی bexubi «хорошо», بتازگی betāzegi «недавно», بروشنی berowšani «ясно», بدرستی bedorosti «правильно» и т.д. Многие качественные прилагательные образуют антонимические пары: بزرگ bozorg «большой» – کوچک kuček «маленький», خوب hub «хороший» – بد bad «плохой», دراز derāz «длинный» – کوتاه kutāh «короткий», پیر pir «старый» – جوان javān «молодой», گرم garm «горячий» – سرد sard «холодный», سنگین sangin «тяжелый» – سبک sabok «легкий». В некоторых случаях персидские прилагательные, вопреки тому, что по сути своей они являются качественными, степени сравнения не образуются, поскольку выражаемые этими прилагательными признаки несовместимы с представлением о разной степени их проявления. Атрибутивные слова такого рода относятся в большинстве случаев к лицам, чем к предметам: لنگ lang «хромой», لال lāl «немой», کر kar «глухой» и т.п.

Существует три степени сравнения прилагательных: положительная, сравнительная и превосходная. Имена прилагательные в положительной степени, т.е. в исходной, ничем не осложненной форме (بزرگ bozorg «большой», نیرومند nigumand «сильный», مشکل moškel «трудный»), выражают качество человека, предмета или процесса безотносительно к тем же качествам других людей, предметов или процессов (قشنگ دوشیزه dušize-ye qašang «красивая девочка», اتاق بزرگ otāq-e bozorg «большая комната», کار مشکل kār-e moškel «трудная работа»).

Имя прилагательное в сравнительной степени называет качество, присущее какому-либо предмету (живому существу, процессу) в большей степени, чем другому, или же в большей степени, чем он обладал этим качеством в какое-либо другое время. При сопоставлении различных объектов обычно используется از az, несколько реже – союзы که ke и تا tā, соответствующие все три русскому союзу «чем»: 217 از آن ابر سیاهتر است In abr az ān abr syāhtar ast «Это облако чернее, чем то облако», از دختر این Dusti behtar ke kine ast «Дружба лучше, чем вражда», از معلومات تو زیادتار است تا او ma'lumāt-e to ziyādtar ast tā u «Твои знания больше, чем его (знания)».

Сравнительные обороты с изафетом составляются по модели «прилагательное в сравнительной степени + изафет + существительное». Благодаря наличию изафета они выполняют не только сравнительную, но и

выделительную функцию: *تواناڤر مردم کسی است که دانایی او* *tavānātar – e mardum k̄sī ast ke dānāye-e* u «человек, владеющий знаниями, сильнее народа». Форма превосходной степени персидских прилагательных образуется синтетически, путем прибавления суффикса *ترین* *tarīn* к форме положительной (исходной) степени: *بلندترین* *bolandtarīn* «самый высокий, высочайший», *قشنگترین* *qašangtarīn* «самый красивый, красивейший».

Прилагательное в превосходной степени сочетается с последующим существительным двумя способами:

- 1) с помощью изафета;
- 2) без изафета.

Кроме простой, синтетической формы превосходной степени прилагательных, в персидском языке используется также и сложная, аналитическая форма превосходной степени, которая образуется двумя способами: прибавлением к форме положительной степени слов и словосочетаний типа *نهایت* *nehāyat* «крайне, весьма», *فوق العده* *fouqol'āde* «чрезвычайно», *بسیار* *besiyār* «очень, слишком», *خیلی* *xeylī* «очень», *از حد زیا* *az hadd-e ziyād* «крайне, чрезмерно» и соответственно прибавлением к форме сравнительной степени прилагательного слов типа *همه* *hame* «все, всех», *هر چه* *har če* «как, можно» и т.п., сочетающихся с предлогом *از* *az* или без такого сочетания: *فوق العده مشکل* *fouqol'āde-ye moškel* «чрезвычайно трудный», *از همه بهتر* *az hame behtar* «наилучший», *از خونسردی هر چه تمامتر* *az xunsardi-ye har če tamāmtar* «с крайним хладнокровием».

Превосходная степень может быть образована также редупликацией (удвоением) прилагательного в изафетном словосочетании; она чаще используется в разговорном языке и переводится на русский язык не превосходной степенью прилагательного, а фразеологизмом: *گرم گرم* *garm-e garm* «пекло, жарко как в духовке», *شیرین شیرین* *šīrīn-e šīrīn* «приторно сладкий», *پر پر* *rog-e rog* «полный до краев».

Заключение

Морфологическая структура и типы образования слов чаще всего сходны в русском и персидском языках. Но в русском языке, к примеру, есть весомые отличия. Например, в русском языке прилагательные обладают всеми признаками с морфологической стороны, а в персидском языке – только некоторыми. Это делает исследование прилагательных в русском языке проще и затрудняет в персидском языке. Также в русском языке прилагательные по той же причине проще систематизировать. С другой стороны, при исследовании прилагательных в русском языке, появляется больше вопросов, которые связаны с особенностями частей речи персидского языка. Т.е. в персидском языке, например, прилагательные не имеют рода и числа в то время, как в русском языке данные категории у прилагательных имеются. Это усложняет для жителей Ирана изучение русского языка, в результате мы часто можем услышать «книги интересна» или «интересная фильм» и т.п.

Также персидский язык отличается от русского тем, что прилагательные не обладают морфологической или же грамматической формой какого-либо определенного образца. В связи с этим, при изучении персидского языка и прилагательных, следует особо пристальное внимание обратить на лексико-семантические и синтаксические особенности прилагательных.

Прилагательные русского языка часто выполняют функцию согласованного определения. В связи с этим, они чаще всего употребляются перед определяемым словом. В случае кратких форм, мы можем встретить прилагательные, которые расположены после определяемого слова и выполняющие функцию именной части именного сказуемого [4, с. 102].

В преобладающем большинстве, прилагательные в русском языке имеют род, падеж, число. Также они в большинстве случаев могут быть согласованы с определяемым словом, которые чаще всего является существительным. Персидский язык лишен подобных особенностей в морфологическом плане.

Стоит также отметить и тот факт, что в русском языке, в отличие от персидского, есть прилагательные, которые употребляются исключительно в краткой форме (например, *виден*, *горазд* и т.п.). В персидском языке, как и в русском языке, прилагательные и несогласованные определения разграничены и имеют отличия.

Литература

1. Ахмедова М.Н. Персидско-русский словарь омонимов, омографов, омофонов и паронимов персидского языка. Казань:Казан.ун-т, 2021. Ч. 1. 48 с.
2. Ерофеева И.Н., Шутова Т.А., Беликова Л.Г. Русский язык. Первые шаги: учебное пособие: в 3 ч. Часть 2. М.: Златоуст. 2019. 296 с.
3. Иванов В.Б., Гладкова Е.Л. Учебник персидского языка. М. : Филоматис, 2017. Ч. II. 55 с.
4. Ласкарева Е.Р. Русский язык как иностранный. А1-А2. Практический интенсивный курс: учебник и практикум. М.: Юрайт. 2018. 380 с.

5. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Librokom. 2020. 256 с.
6. Парецкая М.Э., Шестак О.В. Современный учебник русского языка для иностранцев. М.: Наука, Флинта. 2018. 472 с.
7. Поляков К.И. Практическая грамматика персидского языка. М.: Муравей-Гайд, 2019. 36 с.
8. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература РАН, 2020. 120 с.
9. بابلسر 4، فارسی، به روسی حکم و امثال فرهنگ پیروز غلامرضا دکتر اسدی، مصطفی دکتر
10. پای ار عربی اصطلاحات لغات فارسی ادبیات زبان ن و اگ گ ای اژی شامل (ه ی و امه و اژی دمحم قزیب، ص6431. 6451، ران، ت. ل ا چاپ .) فارسی در مطّعمل

References

1. Ahmedova M.N. Persidsko-russkij slovar' omonimov, omografov, omofonov i paronimov persidskogo jazyka. Kazan':Kazan.un-t, 2021. Ch. 1. 48 s.
2. Erofeeva I.N., Shutova T.A., Belikova L.G. Russkij jazyk. Pervye shagi: uchebnoe posobie: v 3 ch. Chast' 2. M.: Zlatoust. 2019. 296 s.
3. Ivanov V.B., Gladkova E.L. Uchebnik persidskogo jazyka. M. : Filomatis, 2017. Ch. II. 55 s.
4. Laskareva E.R. Russkij jazyk kak inostrannyj. A1-A2. Prakticheskij intensivnyj kurs: uchebnik i praktikum. M.: Jurajt. 2018. 380 s.
5. Miloslavskij I.G. Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo jazyka. M.: Librokom. 2020. 256 s.
6. Pareckaja M.Е., Shestak O.V. Sovremennyj uchebnik russkogo jazyka dlja inostrancev. M.: Nauka, Flinta. 2018. 472 s.
7. Poljakov K.I. Prakticheskaja grammatika persidskogo jazyka. M.: Muravej-Gajd, 2019. 36 s.
8. Rubinchik Ju.A. Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka. M.: Vostochnaja literatura RAN, 2020. 120 s.
9. بابلسر 4، فارسی به روسی حکم و امثال فرهنگ پیروز غلامرضا دکتر اسدی، مصطفی دکتر
10. (فارسی در مطّعمل پای ار عربی اصطلاحات لغات فارسی ادبیات زبان ن و اگ گ ای اژی شامل (ه ی و امه و اژی دمحم قزیب، ص6431. 6451، ران، ت. ل ا چاپ .)

*Yaarzada Bibi Saliha,
Peoples' Friendship University of Russia*

Morphological properties of the adjective in Persian in comparison with the Russian language

Abstract: the relevance of the research is due to the general trend of linguistic studies on comparative linguistics and the study of the adjective as a part of speech, including its structure, semantics and morphology. The purpose of the study is to compare the Persian language with the Russian language and to study on this basis the morphological properties of the adjective in both languages under consideration.

Any language has its own specifics. These specific features serve as a kind of "calling card" of each language, distinguish it from others. The differences are most evident in the most important features of parts of speech that differ in their amorphous properties, morphological changes, syntactic position and a number of formal indicators that are characteristic of this particular part of speech and give the adjective an independent status.

An adjective is a part of speech expressing a feature of an object and answering the question "which?", "which?", "which?", "whose?", "whose?", "whose?". For example: bold, happy, green. Adjectives express: 1) signs of color (white, lilac); 2) size (wide, small); 3) age (old, young); 4) taste (salty, sour); 5) smell (fragrant, intoxicating); 6) material (metallic, crystal); 7) quality (solid, flexible); 8) accessories (mothers-in-law, matchmakers); 9) external signs (handsome, swarthy); 10) internal properties (kind, merciful); 11) signs in relation to the place (rural, regional); 12) space (distant close); 13) time (evening, tomorrow), etc. The attribute of the subject adjective can express directly (gentle voice, warm wave, wide field) or because of the relationship to other objects (linen tablecloth – tablecloth from flax, grandmother's fairy tale – grandmother's fairy tale).

Adjectives are responsible for designating the properties of an object or determining the sign of an event, phenomenon, or object expressed by the nominal part of speech. They give an emotional tone to speech, convey not only our emotions, feelings, mood, but also help to more subtly, qualitatively, expressively and accurately describe events, a person, his character and behavior, show our attitude to a particular phenomenon. Communication in all spheres of life without the use of epithets, the forms of implementation of which are adjectives, is impossible to imagine.

Parts of speech as a whole are classes of words characterized by the following features: they are in a general categorical meaning with morphological categories and morphological paradigmatics; with morphemic composition and word-forming means; with syntactic functions. Adjectives are a universal category of words, as well as a certain class, which is less specific and more common for different languages of the world.

Keywords: adjective, adjective name, morphology, morphological properties, Persian, adjectives in Persian

For citation: Yaarzada Bibi Saliha Morphological properties of the adjective in Persian in comparison with the Russian language. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 30 – 36.

Краснощёков Е.В., доктор филологических наук, профессор,
Южный федеральный университет

Выражение посессивных отношений с помощью изафетных конструкций в иранских языках

Аннотация: в иранских языках для выражения притяжательных отношений используются особые конструкции, называемые изафетными. Они представляют собой словосочетания, в состав которых могут входить имена существительные, прилагательные, местоимения, инфинитивы глаголов и предлоги, а за ними следует безударная энклитическая фонема, называемая по-персидски *ezafe*.

Изафетные конструкции используются во многих языках: в семитских, тюркских, а также уральских. Цель предлагаемой работы – определение притяжательной функции изафета в иранских языках и сравнение использования изафетной конструкции для выражения притяжательности в различных языках этой группы. Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на принадлежность к одной группе языков, изафетные конструкции в иранских языках обладают некоторыми особенностями, и отличаются друг от друга в разных языках этой группы. Исследование показало различия между изафетными конструкциями в разных языках иранской группы. Эти различия проявляются в структуре изафетных конструкций, в изафетных показателях, а также в их функциях у разных иранских языков. Результаты проведенного исследования представляют интерес для языкознания, могут быть использованы в вузовских курсах по теории языка и лингвистике.

Ключевые слова: изафетные конструкции, индоиранские языки, обратный изафет, изафетный показатель, притяжательные отношения, косвенный падеж

Для цитирования: Краснощёков Е.В. Выражение посессивных отношений с помощью изафетных конструкций в иранских языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 37 – 43.

Введение

В иранских языках, в отличие от индоевропейских, для выражения притяжательных отношений используются особые конструкции, называемые изафетными. Они представляют собой словосочетания, в состав которых могут входить имена существительные, прилагательные, местоимения, инфинитивы глаголов и предлоги, а за ними следует безударная энклитическая фонема (называемая по-персидски *ezafe*). Изафет, по сути, является в этих языках безударной гласной, присоединенной к слову, которое оканчивается на согласную. В персидском языке, например, это *-e*, его аллофоном является *-ue* фонический энклитик, который суффигируется к предшествующему слову с гласным окончанием, а все словосочетание называют «изафетной конструкцией» или просто «изафетом».

Изафетная конструкция используется во многих языках, например, в семитских, тюркских, а также в уральских языках [6, 18, 20].

Считается, что иранские языки являются потомками древнеперсидских диалектов, или близкородственных языков [12]. Как и большинство ранних индоевропейских языков, древнеперсидский был языком синтетическим, с развитой системой падежей. Со временем он был вытеснен различными диалектами среднеперсидского и старая система в значительной степени разрушилась.

Одной из структур, развившихся в отсутствие морфологии падежа, является конструкция с изафетом, которая, как полагают, развилась из относительных местоимений, *hyii*, «который» (*tya* или *hya*) [17]; ср. например, особое атрибутивное построение в др.-перс. языке типа *kāra h^aya manā* ‘мое войско’, букв. ‘войско, которое мое’; *kāra h^aya hamičiya* ‘мятежное войско’, букв. ‘войско, которое мятежное’. Однако со временем относительное местоимение, такое как *tya* или *hya* стало помещаться между первым элементом и его родительным падежом и с исчезновением родительного падежа стало выполнять его функцию. Сама конструкция, вероятно, возникла из сокращенного относительного предложения [16, с. 2160-2163].

В связи с этим изафетный маркер рассматривается как показатель, выражающий притяжательные (родительные) отношения. В персидском языке «изафетный показатель» представляет собой отдельную частицу, которая появляется только в атрибутивных словосочетаниях, где она выполняет функцию родительного падежа.

Среди лингвистов существует мнение, что изафет представляет собой падежный показатель; его придерживаются, например: Vida Samiiian [21], Kahnemuyipour A. [15], Larson R. и Yamakido H. [19] и Yamakido H., Hiroko [22] и др.; они утверждают, что изафет связан с падежом, то есть это падежный маркер. Например, в языке фарси:

а) *tæxrib-é shæhr* ‘разрушение города’

b) *hordan -é âb* ‘питьевая вода’

c) *forushandé -yé ketâb* ‘продавец книг’

Это мнение разделяют и отечественные лингвисты, например, Мамоян А.Д. (2007), Рубинчик Ю.А. (2001), Бакаев Ч.Х. (1973).

В предлагаемой работе предпринята попытка определить притяжательную функцию изафета в иранских языках и сравнить использование изафетной конструкции для выражения притяжательности в различных языках этой группы.

Исследование

Перейдем теперь непосредственно к исследованию, в ходе которого рассмотрим языки, относящиеся к иранской группе.

В **персидском** языке изафет (*Ezafe*), что буквально означает «добавление», является семантически свободной морфемой [-e], которая фонологически присоединяется к главному существительному. Она может повторяться при наличии нескольких маркеров и дополнений, но фонологически прикреплена к предыдущему компоненту. Примеры:

перс. *kif-e baradar* ‘портфель брата’

duste-e bavâfâr-ye man ‘мой верный друг’

hane-ye pedar-e man ‘дом моего отца’ [10, с. 364-365]

Согласно персидской системе порядка слов, изафетный показатель обычно следует за изменяемыми существительными. При этом, когда одно существительное предшествует другому существительному, первое из них получает показатель изафета (далее EZ):

Ketaab -e shimi книга + EZ химия ‘учебник химии’

Kaase-ye qaza миска + EZ еда ‘миска для еды’

Когда одно существительное (обладаемое) находится во владении другого существительного (обладателя), то обладаемое существительное также нуждается в изафетном показателе:

Ketaab -e Ali книга + EZ Али ‘книга Али’

Кроме имен (существительных и прилагательных) для выражения принадлежности в качестве определения в изафетной конструкции могут употребляться также личные и указательные местоимения. В этом случае указательные местоимения ставятся, как обычно, непосредственно перед именем, к которому они относятся, т.е., оказываются в середине изафетной конструкции. Например:

указательные местоимения:

ketab-e in danehdgu – ‘книга этого студента’

kolah-e an pesar – ‘шапка того мальчика’ и т.п.

личные местоимения:

ketab-e man – ‘моя книга’ (*ketab* – книга, *man* – я, *-e* – изафет)

ketab-e to – ‘твоя книга’ (*ketab* – книга, *to* – ты, *-e* – изафет) и т.д.

Близко к отношениям принадлежности стоят отношения части к целому: *tekke-ye nân* ‘кусочек хлеба’, *giše-ye otâq* ‘угол комнаты’; пространственно-временные: *dârvâze-ye meydân* ‘ворота на площадь’, *dokkân-e bâzâr* ‘лавка на базаре’, *mowqe'-e tanaffos* ‘время перерыва’, *avâyel-e hahâ* ‘начало весны’ [10, с. 365].

Как видим, в **персидском** языке изафетная конструкция с выражением притяжательности представляет собой тип связи между определяемым словом и определением: *ketab-e danehdgu* – ‘книга студента’.

Изафетные конструкции могут быть простыми и распространенными: простые включают в себя два слова: *lebaas-e arusi* (платье- EZ свадьба) ‘свадебное платье’.

Распространенная конструкция может состоять из трех, четырех и более слов: *lebaas-e arusi-e sefid-e bi aastin-e maryam* (платье-EZ свадьба-EZ белый-EZ без рукава-EZ Марьям) ‘Белое свадебное платье Марьям без рукавов’.

Такие сложные конструкции часто называют изафетной цепочкой. Во многих языках подобная связь используется для объединения разных лексико-грамматических категорий слов.

Существует еще один тип изафета, широко известный как «обратный» изафет (REZ). Встречается он, главным образом, в гилякском языке, где в качестве показателя используется безударное *-a/i* (непроизносимое после гласной), и в белуджском языке. «Обратный» изафет наиболее существенно отличается от персидского тем, что вместо обычной изафетной конструкции как в персидском, изафетная конструкция в гилякском и белуджском языках является практически зеркальным отражением персидского изафета. Примеры:

a) гиляк. *pesor-a kitab* мальчик -REZ книга, ‘книга мальчика’

b) перс. *ketab-e pesar* мальчик -REZ книга, ‘книга мальчика’ [13, с. 12].

Гилякский изафет появляется между теми же элементами, что и в персидском языке, но с противоположным порядком его составляющих.

Такая же конструкция наблюдается в белуджском языке. Маркер *Baluchi Ezafe* появляется как *-ay/-e* после существительных единственного числа и как *-i* после существительных множественного числа. Аксенов [11, с. 86-87] предполагает, что форма *-ay* может быть производной от основы на *-a* (косвенный суффикс) + *-ī* (суффикс "родительного падежа" или изафета). Как и гилякский язык, многие диалекты белуджского языка приняли форму персидского изафета с точно такой же конструкцией, как и в персидском языке [14].

gis-ay wāund mēmān -ay abar -ā uškit

дом (косв.п.)-REZ хозяин гостя (косв.п) слова (косв.п.) слышать (прош.вр. 3 л. ед.ч.) 'хозяин дома услышал слова гостя' [13, с. 14]

Распределение «обратного» изафета белуджей, такое же, как и в конструкции гилякского изафета, за исключением того, что он никогда не используется с прилагательными. Вместо этого, при появлении прилагательных в атрибутивной позиции, используется отдельный атрибутивный маркер *-en/-in*.

rašīd -ēn /(-ay) jīnenzag* стройная –опр. -EZ женщина 'стройная дама'

Хотя на первый взгляд может показаться, что эти два маркера представляют две разные конструкции, «атрибутивный маркер» на самом деле является вариантом изафета [13, с. 14-15].

Как видно из приведенных выше примеров, конструкция с изафетом значительно варьируется в рассмотренных языках.

Теперь обратимся к изафетным конструкциям, выражающих отношения принадлежности в других иранских языках.

Перейдем к языку **дари** (кабульско-персидский язык), его гератскому диалекту. Основным средством связи определения с определяемым словом, как и в литературном языке, является изафетная связь: *ddam-e loude* 'бестолковый человек', *tanou^w-e dyeni* 'железный канат'. В том случае, когда изафетный показатель *-e* присоединяется к слову, оканчивающемуся на гласный, перед ним возникает *y*: *bace-ye namdstani* 'нелюбимый сын', *domb-ə tag* 'хвост змеи' [5, с. 47].

Изафетная конструкция является наиболее типичным способом связи прилагательного-определения с определяемым именем в языке **фарси-кабули**. В этом случае определяемое принимает особый безударный суффикс *-i/-yi*, так называемый изафетный маркер.

Изафетная конструкция в этом языке представляет собой такое словосочетание, к которому артикль, предлоги, послелог *ra*, местоименные энклитики присоединяются так же, как если бы это было одно слово: *šahr-i kalān-i mā* 'наш большой город' [4, с. 36].

Изафетная конструкция здесь используется для выражения принадлежности и в отношении части к целому; при этом вторым элементом изафетного словосочетания служит имя существительное. Ср. *hāna-yi kalān* 'большой дом', но также *hāna-yi padar* 'дом отца', *bām-i hāna* 'крыша дома'.

Рассмотрим ситуацию с изафетными сочетаниями в **таджикском** языке, относящемся к северной западно-иранской группе языков. В таджикском языке изафетная конструкция также служит для выражения притяжательных отношений. Показателем изафета здесь выступает гласная *-i*; она добавляется к определяемому слову. Обычно в таджикском определяемое слово ставится после определения. Например: *honai padar* 'дом отца' (*padar* 'отец'; *hona* 'дом').

Однако если речь идет об устной форме изафета, то чаще определение употребляется перед определяемым словом. Тогда определение получает окончания *-a* (*-ja*), а определяемое слово – местоименный суффикс *-ach* (*-jach*) *-achon* (*-jachon*) [1, с. 140]. Например:

Таблица 1

обычная форма	разговорная форма
<i>nomi kitob</i> — название книги	<i>kitoba nomash</i> — название книги
<i>holai batsha</i> — тётка ребёнка	<i>batchaj holajsh</i> — тётка ребёнка

В случае, если образуется сложный изафет, иначе говоря, изафетная цепочка, то в таджикском вместо изафетного показателя *-i* может быть использовано *-u*. Например: *honai kalonu balandi mo*. – Наш большой высокий дом (букв.: большой и высокий дом наш) [1, с. 141].

Если же в изафетном словосочетании перед определяемым существительным во множественном числе стоят определения из других частей речи, то они остаются в ед. числе и с ним не согласуются, а суффиксы *-h, o, -on, (-gon, -won, -ön)* добавляются только к определяемому слову. Например: *bairak hoi surh* 'красные знамена' [1, с. 142].

В **осетинском** языке наиболее распространены в качестве изафета именные словосочетания, в которых зависимое слово стоит в родительном падеже (здесь сохранилась падежная система). При этом два имен-

ных компонента могут выражать различные определительные отношения и, в зависимости от своих лексических значений, образуют разные типы словосочетаний. Например: а) *hædzary sær* ‘крыша’ (букв. верх дома); *bælasy kyaliu* ‘ветка дерева’, *fyndgy kyah* ‘ножка стола’; б) *fydy hædzar* ‘дом отца’, *Soltany machinæ* ‘машина Солтана’, *hury tyn* ‘луч солнца’.

Прилагательные в качестве зависимого слова, как правило, стоят в именительном падеже, принимая форму родительного и других косвенных падежей, они субстантивируются. Например: *ræsugyidy sægyæstæ*. ‘думы красивой (т.е. ‘красавицы’), *mægyiry hyismæt* ‘судьба бедного’.

Местоимения в роли зависимого слова нередко стоят в родительном падеже, выражая определительные отношения [2, с. 45].

Подобно именам могут склоняться, и соответственно, образовывать словосочетания некоторые формы осетинского глагола. При этом они обычно играют роль зависимого слова и стоят в родительном падеже. Это, прежде всего, инфинитив, а также причастия, которые в косвенных падежах полностью субстантивируются. Например; *kafadgy mitch* ‘повадки танцора’.

В талышском языке существуют конструкции, напоминающие персидский изафет, где имена оформляются суффиксом *-i*, который передает определительную связь двух имен существительных: *merdi pest* ‘человека спина’, *doi xol* ‘дерева ветвь’, *žen-i kafš* женщины туфля [7, с. 92].

Суффикс *-i* служит для установления определительной связи двух имен существительных. Присоединяясь к имени существительному, суффикс *-i* ставит его в различных функциях в родительном падеже. Например: *do'i has* ‘верхушка дерева (*do* ‘дерево’); *ka'i ha* ‘дверь дома (*ka* ‘дом’)’ родительный принадлежности; *sahari potio* ‘царь страны’ (*sahar* ‘страна’); *vizi yatld* ‘ореховое варенье’ (*viz* ‘орех’) родительный отношения.

Как мы видим, в этой функции суффикс *-i* имеет основную семантику детерминирования.

Подобные конструкции встречаются у талышей Азербайджана, реже в диалекте масали и очень редко в асалеминых текстах, обычно в энклитике к персидскому заимствованному слову.

В языке пушту в ряде словосочетаний, заимствованных из персидского и таджикского языков также сохраняется присущая им, изафетная связь, при которой определяемое существительное предшествует определению и оформляется особым изафетным показателем: *de-i plār* ‘дом отца’ [3, с. 59].

К иранским языкам относятся также языки Памира. Рассмотрим изафетные конструкции в некоторых из них.

В ваханском языке имеются два показателя определения по принадлежности, присоединяющиеся к косвенной форме имени существительного: *-i/-'əy* и *-'ən*. Так, выражение ‘дом братьев’ может быть передано двояко: *vrytəv-ī (/vrytəv) hūn* и *vrytəv-ən (yav) hūn*. Различаются эти два типа показателей между собой тем, что «формант *-i/-əy* употребляется при имени, находящемся обязательно в сопряженном состоянии, а показатель *-ən* может указывать на принадлежность безотносительно к последующему имени. Напр.: *yəm - žyi vryt-əv-ī hūn /yəm - žyi vryt -ən (yav) hūn* ‘это – дом моих братьев’; *yəm hūn - žyi vryt -ən* ‘этот дом (принадлежит) моему брату’» [8, с. 43].

В язгулямском языке выступая в функции препозитивного определения в изафетной конструкции, имя существительное обычно оформляется суффиксальным элементом *-i*; «*ded-i kud* ‘дом отца’, *vərəd-i doyd* ‘дочь брата’» [8, с. 62].

Определение может быть препозитивным и постпозитивным, чаще, однако, наблюдается препозиция определения. Препозитивным может быть определение, выраженное любой частью речи, в этом случае определение, которое выражается именем существительным, прилагательным или некоторыми из местоимений, оформляется суффиксальным элементом *-i*; «*wéx-i kúd* ‘дом мужа’» [8, с. 76-77].

В ишканинском языке определение также может быть препозитивным и постпозитивным. Определение, выраженное любым местоимением или количественным числительным, всегда препозитивно, любое другое определение может быть как препозитивным, так и постпозитивным. В разговорной речи, однако, обычна препозиция. Связь препозитивного определения с определяемым именем не имеет внешнего оформителя, в то время как при постпозитивном определении имеется связующий элемент *-i* (изафетная конструкция), присоединяющийся к определяемому имени. Примеры: *mən tot*, ‘мой отец’, *tot hon* ‘отцовский дом (дом отца)’, *ihó-yi čjīt* ‘младшая сестра’, *wazír-i potšo* ‘царский визирь’.

Здесь следует особо упомянуть определение по принадлежности. В случае препозиции оно обычно соединяется с определяемым словом посредством «служебного элемента *noy(<no + i)*: *štók-noy ávžúk* ‘сердце девочки’» [8, с. 134].

В мунджанском языке любое определение, кроме определения, выраженного именем существительным, всегда препозитивно: *mən tōt* ‘мой отец’. Определение, выраженное именем существительным, может быть препозитивным и постпозитивным. Препозитивное определение передается косвенной формой имени:

pādšaan pur 'сын царя'. Постпозитивное определение – существительное, к тому же обычно осложняется одним из предлогов: «*žā/ə* или *nā/ə*: *sahōb žā škūrin* 'хозяин верблюда'» [8, с. 151].

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие **выводы**.

Для выражения категории притяжательности в иранских языках используются изафетные конструкции, являющиеся атрибутивными сочетаниями, где в большинстве случаев определяемое слово стоит перед определением, и получает при этом особый постпозитивный безударный показатель.

Определяемое слово (существительное) соединяется с определениями как качественными, так и с определениями по принадлежности изафетными показателями. Функции определения могут выполнять не только существительные, но и инфинитивы глагола, местоимения и другие части речи.

Если слово имеет несколько определений, они помещаются друг за другом, причем каждое из них, кроме самого последнего, получает изафетный показатель. Такое сочетание слов называется изафетной цепью, и она имеет следующую конструкцию:

1) непосредственно после определяемого слова помещается качественное определение, за ним следует определение по принадлежности;

2) слово, находящееся позади имени существительного, выступающего в функции определения принадлежности, относится к нему, а не к основному определяемому слову: дар. *lebās-e naw-e doxtar-e man*, совр. перс., *perāhān-e nōv-e dox-tār-e mān*, тадж. *kurtav-i nav-i duhtar-i man* 'новое платье моей дочери'.

Проведенное исследование показало, что в персидском языке, а также в языках дари, гилякском используется показатель изафета *-e* (белуджском *-ay/-e*), в фарси, пушту, таджикском, тальшском *-i*, в языках Памира *-i* (*-'əy*, *-'ən*), в мунджанском языке (Памир) *-an*.

Между изафетными конструкциями в разных языках иранской группы наблюдаются различия, например, в структуре: обратный изафет в языке гиляков и белуджий, который представляет собой зеркальное отражение персидского изафета; особенности конструкций в диалектах курдского языка (зазаки); наличие различных изафетных показателей, а также различие их функций в этих языках.

Таким образом, несмотря на принадлежность рассмотренных языков к одной группе (индоиранской) структура изафетных конструкций значительно варьируется в различных языках.

Литература

1. Арзуманов С.Д., Сангинов А.О. Учебник таджикского языка для ВУЗов. Изд-во «Маориф», Душанбе, 1988. 417 с.
2. Грамматика осетинского языка. Синтаксис. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. 385 с.
3. Дворянков Н.А. Язык пушту. М.: Изд-во ВЛ, 1960. 97 с.
4. Дорофеева Л.Н. Язык фарси-кабули. М.: Изд-во ВЛ, 1960. 84 с.
5. Иоаннесян Ю.А. Гератский диалект языка Дари. М.; Изд-во ВЛ РАН, 1999. 244 с.
6. Краснощёков Е.В. Выражение категории принадлежности в тюркских языках с помощью изафетных конструкций // «European Social Science Journal» Европейский журнал социальных наук. М., 2014. Т. 2 (49). № 10. С. 230 – 238.
7. Миллер Б.В. Тальшский язык. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. 267 с.
8. Пахалина Т.А. Памирские языки. М.: Изд-во ВЛ, 1969. 159 с.
9. Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М.: Наука, 1975. 340 с.
10. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Изд-вая ф-ма «Восточная литература», РАН. 2001. 600 с.
11. Axenev Serge The Balochi Language of Turkmenistan. Uppsala Universitet, 2006. 336 p.
12. Daniel Paul A comparative dialectal description of Iranian Taleshi / A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of Ph.D. in the Faculty of Humanities. 2011. School of languages, linguistics and cultures. P. 466.
13. Haghkerdar Michael Western Iranian Ezafe: A Comparative Syntactic Analysis Senior Essay in Linguistics Submitted May 1, 2009. P. 1-41.
14. Jahani Carina, Korn Agnes The Baloch and their neighbours: ethnic and linguistic contact in Balochistan in historical and modern times. Wiesbaden: Reichert, 2003. 380 p.
15. Kahnemuyipour, Arsalan. Persian Ezafe construction revisited: evidence for modifier phrase. Paper presented at the Annual conference of the Canadian Linguistics Association Conference, Edmonton. 2000. P. 173 – 185.
16. Karimi Y. Kurdish Ezafe constructions: Implications for DP structure // *Lingua*. 2007. № 117 (12). P. 2159 – 2177.

17. Kent Roland G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*, 2nd ed. American Oriental Series, 1953. Vol. 33. New Haven: American Oriental Society.
18. Künnap A. Use of the nominative of Samoyedic substantives as instances of object and attribute // In: *Linguistica Uralica*. 2009. № 45 (2). P. 119 – 126.
19. Larson R., Yamakido H. Ezafe and the deep position of nominal modifiers. Presented at the Barcelona Workshop on Adjectives and Adverbs. 2005. P. 1 – 21.
20. Öztürk B., Taylan E.E. Possessive constructions in Turkish // In: *Lingua*, 2016. Vol. 182. P. 88 – 108.
21. Samiiian V. The Ezafe construction: Some implications for the theory of x-bar syntax. *Persian Studies in North America*. Bethesda, MD: Iranbooks, 1994. P. 17 – 41.
22. Yamakido, Hiroko The nature of adjectival inflection in Japanese. Unpublished Ph.D. Thesis. Stony Brook, NY: Stony Brook University. 2005. 176 p.

References

1. Arzumanov S.D., Sanginov A.O. *Uchebnik tadzhikskogo jazyka dlja VUZov*. Izd-vo «Maorif», Dushanbe, 1988. 417 s.
2. *Grammatika osetinskogo jazyka. Sintaksis*. Ordzhonikidze, 1969. T. 2. 385 s.
3. Dvorjankov N.A. *Jazyk pushtu*. M.: Izd-vo VL, 1960. 97 c.
4. Dorofeeva L.N. *Jazyk farsi-kabuli*. M.: Izd-vo VL. 1960. 84 c.
5. Ioannesjan Ju.A. *Geratskij dialekt jazyka Dari*. M.; Izd-vo VL RAN, 1999. 244 s.
6. Krasnoshhokov E.V. Vyzhenie kategorii prinadlezhnosti v tjurkskih jazykah s pomoshh'ju izafetnyh konstrukcij. «European Social Science Journal» Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. M., 2014. T. 2 (49). № 10. S. 230 – 238.
7. Miller B.V. *Talyshskij jazyk*. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1953. 267 s.
8. Pahalina T.A. *Pamirskie jazyki*. M.: Izd-vo VL, 1969. 159 s.
9. Pahalina T.N. *Vahanskij jazyk*. M.: Nauka, 1975. 340 s.
10. Rubinchik Ju.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka*. M.: Izdkaja f-ma «Vostochnaja literatura», RAN. 2001. 600 s.
11. Axenev Serge *The Balochi Language of Turkmenistan*. Uppsala Universitet, 2006. 336 p.
12. Daniel Paul A comparative dialectal description of Iranian Taleshi. A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of Ph.D. in the Faculty of Humanities. 2011. School of languages, linguistics and cultures. P. 466.
13. Haghkerdar Michael *Western Iranian Ezafe: A Comparative Syntactic Analysis Senior Essay in Linguistics Submitted May 1, 2009*. P. 1-41.
14. Jahani Carina, Korn Agnes *The Baloch and their neighbours: ethnic and linguistic contact in Balochistan in historical and modern times*. Wiesbaden: Reichert, 2003. 380 p.
15. Kahnemuyipour, Arsalan. *Persian Ezafe construction revisited: evidence for modifier phrase*. Paper presented at the Annual conference of the Canadian Linguistics Association Conference, Edmonton. 2000. P. 173 – 185.
16. Karimi Y. *Kurdish Ezafe constructions: Implications for DP structure*. *Lingua*. 2007. № 117 (12). P. 2159 – 2177.
17. Kent Roland G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*, 2nd ed. American Oriental Series, 1953. Vol. 33. New Haven: American Oriental Society.
18. Künnap A. Use of the nominative of Samoyedic substantives as instances of object and attribute. In: *Linguistica Uralica*. 2009. № 45 (2). P. 119 – 126.
19. Larson R., Yamakido H. Ezafe and the deep position of nominal modifiers. Presented at the Barcelona Workshop on Adjectives and Adverbs. 2005. R. 1 – 21.
20. Öztürk B., Taylan E.E. Possessive constructions in Turkish. In: *Lingua*, 2016. Vol. 182. P. 88 – 108.
21. Samiiian V. The Ezafe construction: Some implications for the theory of x-bar syntax. *Persian Studies in North America*. Bethesda, MD: Iranbooks, 1994. P. 17 – 41.
22. Yamakido, Hiroko The nature of adjectival inflection in Japanese. Unpublished Ph.D. Thesis. Stony Brook, NY: Stony Brook University. 2005. 176 p.

*Krasnoschekov E. V., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Southern Federal University*

The expression of possessive relationships by ezafe constructions in the Iranian languages

Abstract: in the Iranian languages special constructions called isaphetic are used to express possessive relationship. They are phrases that can include nouns, adjectives, pronouns, infinitives of verbs and prepositions, followed by an unstressed enclitic phoneme (called *ezāfe* in Persian). Ezāfe constructions are used in many languages: Semitic, Turkic, as well as Uralic. The aim of the proposed article is to determine the possessive function of the *ezāfe* in the Iranian languages and compare the use of the *ezāfe* construction to express possessive in various languages of this group. The relevance of the research lies in the fact that, despite belonging to the same group of languages, *ezāfe* constructions in the Iranian languages have some features, and differ from each other in different languages of this group. The research has shown differences between *ezāfe* constructions in different languages of the Indo-Iranian group. These differences are manifested in the structure of *ezāfe* constructions, in *ezāfe* indicators, as well as in their functions in different Iranian languages. The results of the research are of interest to linguistics, can be used in university courses on language theory and linguistics.

Keywords: *ezāfe* constructions, Iranian languages, reverse *ezāfe*, *ezāfe* indicator, possessive relationships, indirect case

For citation: Krasnoschekov E.V. The expression of possessive relationships by ezafe constructions in the Iranian languages. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 37 – 43.

*Мацаберидзе Г.В., аспирант,
Государственный университет просвещения*

Литературоведческий анализ образных сравнений в описании женских персонажей в романе Э. Золя «Западня»

Аннотация: целью данной статьи является анализ употребления образных сравнений в описании женских персонажей и их роль при переводе текста. В ходе исследования были рассмотрены женские образы в романах Э. Золя как с позиций проблематики его романов, так и с точки зрения системы художественных средств. Исследование проводилось с помощью комплекса общих и частно-научных методов анализа. Сравнительно-сопоставительный метод используется для выявления основных различий в восприятии культурных доминант в английском и русском языках. Доказано, что автору удалось полноценное описание женских образов при помощи использования большого количества лексических образований, в частности образных сравнений. Полученные результаты анализа образных сравнений могут быть использованы при дальнейших интегральных исследованиях сравнений и других тропов, а также их возможного адаптивно-интерпретативного перевода с французского на русский язык.

Ключевые слова: адаптивный перевод, женские образы, образные сравнения, троп, языковые единицы

Для цитирования: Мацаберидзе Г.В. Литературоведческий анализ образных сравнений в описании женских персонажей в романе Э. Золя «Западня» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 44 – 49.

Стиль Э. Золя отличается широким использованием образных языковых средств, используемых для передачи трепета к своим женским персонажам. Он изобрел десятки незабываемых женских персонажей в своих романах, но мы, несомненно, были бы далеки от истины, если бы он не использовал достаточное количество индивидуальных образных сравнений в своем тексте. Именно с целью полного отражения своих идей в образах женщин в своих романах Золя выбирает определённые лексические единицы. Также важно отметить, какие языковые средства и интерпретации выбирает переводчик для своего текста на русском языке. На этапах интерпретации текста переводчик сам определяет, какие средства и способы выражения эмоциональных и стилистических особенностей текста оригинала он будет использовать [6, с. 114]. Актуальность настоящей статьи определяется заявленной темой, потребностью глубокого анализа образных сравнений в описании женских персонажей, а также их адекватной передачи с французского языка на русский. Целью написания статьи стала необходимость исследования образных сравнений в описании женских персонажей и разные варианты их возможного адаптивного перевода на русский язык. Например, выбор слов при составлении сопоставительного высказывания и их функции в нем, постановка их друг за другом и другие особенности синтаксиса [1, с. 275].

Теоретической базой данного исследования послужили работы российских и зарубежных авторов, изучающих образное сравнение, в том числе в аспекте перевода. Изучением данной проблематики занимались В.С. Виноградов [2], В. Г. Гак [3], В.Н. Комиссаров [8], Я. И. Рецкер [9], Р.Р. Чайковский [10] и А. Д. Швейцер [11]. Мы также основывались на теоретических трудах по переводу, в том числе Т.М. Барановой [1], Н.Г. Епифанцевой [4] и И.Г. Жировой [5, 6, 7].

Для того, чтобы более подробно изучить произведения Эмиля Золя с точки зрения образов и сравнений, необходимо опираться на практический и семантический подход. Когда мы рассматриваем адаптивный перевод, необходимо помнить, что позиция переводчика может накладывать определенный оттенок на результат перевода, так как в данном случае субъективный аспект также играет роль наряду с объективным пониманием текста [7, с. 10]. Очень важно, как семантически и лексически переводчик действует при передаче смысла художественного произведения на другой язык. В.Г. Гак понимает под переводческой трансформацией «отход от использования изоморфных средств, наличных в обоих языках» [3, с. 46].

Отметим, что читатель, который анализирует текст, созданный переводчиком, автоматически считает, что этот текст соответствует оригинальному и является его копией, поэтому возрастает роль и значимость интерпретатора как связывающего звена между автором и реципиентом [5, с. 141].

Для нас наиболее важно рассмотреть приёмы, которые интерпретатор может использовать при адаптации текста на русский язык. Именно такие языковые средства, как образные сравнения, зачастую вызывают вопросы и споры при переводе, так как калькирование и дословный перевод не может в полной мере объяснить смысл высказываний. При этом, как отмечает В.С. Виноградов, если рассматривать особенности перевода языковых единиц, а в частности сравнений, интерпретатору стоит опираться на те же опорные

функции, которые являются определяющими эквивалентность стилистики и эмоциональной окраски оригинального текста с текстом переводчика [2, с. 183]. В.Н. Комиссаров считает, что текстуальный контекст является довольно значимым для адаптивно-интерпретативного перевода индивидуального образного сравнения. Этот фактор необходимо рассматривать как определяющий для человека, который интерпретирует оригинальный текст и транслирует его на другом языке. Ещё одним таким фактором является классификация сравнения и фразы. При этом переводчик делает выбор в пользу полного сохранения фразеологизма, либо пересматривает его и заменяет слова частично или полностью, для соответствия логики родного языка [8, с. 152]. Р.Р. Чайковский отмечал, что для интерпретатора очень важно проработать текст оригинала несколько раз, так как это позволяет увидеть смысловые или стилистические недочёты. [10, с. 166]. А.Д. Швейцер считает, что важно помнить о таком термине, как «трансформация». Он определяет этот процесс, как явления и преобразования, которые происходят с языковыми единицами и словосочетаниями в процессе интерпретации и перехода из одного языка в язык переводчика [11, с. 118].

Таким образом, мы рассмотрим языковые единицы, в частности сравнения, которые использует Э. Золя в описании женских персонажей и проанализируем их адаптивно-интерпретативный перевод на русский. В качестве основного материала для исследования использования образных сравнений для описания женских персонажей, мы будем основываться на образах в романе Э. Золя «Западня». Золя проводил много времени, размышляя об идеальной литературной женщине. Он изобрел десятки незабываемых женских персонажей в своих романах, но мы, несомненно, были бы далеки от истины, если бы думали, что каждая из них близка его сердцу в положительном смысле этого слова. Важно отметить, прежде всего, что Золя прославлял представительниц низших социальных классов, рабочих и крестьян, а не буржуазию; таким образом, идеальная женщина обладает характеристиками, соответствующими этим. Он не находит особого восхищения в мирских и полумирных слоях, тем не менее, он способен тщательно и правдиво описать их, как он доказал в романе «Нана». Приятного телосложения, здоровая, с щедрой душой; Золя любит женщину за ее здоровье, за ее достоинства, а не за ее искусственную привлекательность; поэтому он не заботится, когда дело касается любимой героини, об элегантности или туалете. В отношении здоровья кроется настоящая красота. Таким образом, любимые героини Золя не отличаются легкомысленной грацией; у них простая и здоровая красота, которая радует глаз и не возбуждает желаний, они физически сильны. Его любимая героиня красива, несмотря ни на что, обильная роскошь и притворное обаяние никак не влияют на ее внешность, поскольку она игнорирует мелочи, проистекающие из соперничества между женщинами. Ее радость жизни легко переходит из стремления к ощущениям, и она представляет себе жизнь широкой и человеческой идеей. Она оптимистична, с замечательной верой в жизнь, ее не останавливают невзгоды. Она молча переносит все невзгоды на своем жизненном пути и не отступает перед величайшими жертвами. Из героинь нашего анализа только одна соответствует его представлениям об идеальной женщине, какой мы ее воспринимаем, – Жервеза.

Рассмотрим, какие образные языковые средства использованы автором и переводчиками, для описания персонажа Жервезы и Наны, дочери Жервезы. Характер человека начинает формироваться в его детстве, и опыт этого периода оставляет более или менее неизгладимые следы в сознании человека. У литературного персонажа это ничем не отличается от натуралистического романа. Много можно почерпнуть из его юного возраста, если его знания достаточно доступны читателю и часто помогают лучше понять действия персонажа, которые следуют в его жизни. Поэтому было бы полезно начать наш анализ с некоторых представлений о юности или, скорее, детстве наших героинь. Семейным связям между родителями и их детьми, особенно девочками, не уделяется много места в романах. Они всегда представляют собой два разных мира, мир взрослых и мир детей, два мира, которые существуют рядом друг с другом, но никогда по-настоящему не смешиваются и не объединяются. Случаи, когда можно было бы найти присутствие двух партий одновременно в гармоничной ситуации, редки. Родительский авторитет – это не тот аспект, который часто фигурирует, отношения между родителями и их детьми довольно мрачные.

Именно языковые единицы и тропы, которые выбрал автор, показывают нам, что Жервеза не является образцом классической красоты. Первое описание девушки (в "Карьере Ругонов") краткое, автор знакомит нас с ней: «*pauvre créature, bancale de naissance, sa cuisse droite amaigrie et déviée... une grande fille fluette dont les robes, toujours trop larges, flottaient comme vides.*» [17, р. 150]. «На этой высокой худенькой девочке платья, всегда слишком широкие, болтались, как на вешалке.» [14, р. 350]. Анализируя данный отрывок, необходимо отметить, что переводчики подчёркивают хрупкость и утонченность образа, используя сравнение больших платьев «болтающихся на ней, как на вешалке», в то время как автор говорит лишь о «пустых» платьях: «*toujours trop larges, flottaient comme vides*». В данном случае, интерпретируя текст романа на русский язык, переводчики выбрали более сильное описание и добавили образ вешалки в простое сравнение. Сам факт того, что она родилась в семье, где отношения между супругами нельзя охарактеризовать

как идеальные и гармоничные, даже далекие от этого, сигнализирует нам о том, что у Жервезы не будет легкого детства. Ее деспотичный, пьяный и ленивый отец, заботящийся только о своих эгоистичных интересах, проводит время, унижая своих детей и избивая свою жену, в то время как последняя находит свою единственную силу в бутылке алкоголя, которую она пьет почти каждый день. Алкоголь, который, скорее, фигурирует в алкогольном опьянении, с самого рождения был спутником жизни Жервезы, сначала пассивным (Жервеза была свидетелем сцены пьяницы, который является ее отцом), а затем даже активным (благодаря больному месту дочери ее мать «*la voyant toute pâle et toute faible, la mit au régime de l'anisette, sous prétexte qu'elle avait besoin de prendre des forces*» [16, p.150] «видя какая она бледненькая и слабая, стала лечить ее анисовкой, уверяя, что это укрепит девочку» [13, с. 231]).

Почти не зная радостного детства, Жервеза начинает работать в восемь лет, ее первая работа - у соседа, где она чистит миндаль за десять центов в день. С самого начала она вынуждена отдавать все свои заработки отцу, который вообще не работает, но позволяет содержать себя своим детям и своей жене. Когда Жервеза меняет профессию и поступает учиться на прачку, ее зарплата оказывается в кармане Антуана Маккара. Ни сама Жервеза, ни ее мать не находят в себе смелости выступить против семейного деспота.

В «Западне» мы наблюдаем за Жервезой: выросшая на улице с соседскими мальчиками, Жервеза забеременела в свои четырнадцать лет. Тот факт, что его семье придется кормить еще одного ребенка, приводит старого Маккара в бешенство. никоим образом не заботясь о своих собственных детях, Антуан Маккар не видит проблемы в том, что его дочь беременна в том возрасте, когда она сама еще ребенок, а в том, что он может обеднеть. Так и не найдя слов родительской любви, Жервеза покидает родной дом в Плассане после смерти матери и уезжает в Париж со своим возлюбленным и их двумя сыновьями. Она никогда больше не увидит своего отца. В Париже, несколько лет спустя, Жервеза рождает дочь. Маленькая Анна по прозвищу Нана появляется на свет в тяжелых условиях - ее мать рождает дома с помощью акушерки, но это было обычным явлением в рабочем классе парижских предместий. Тем не менее, в отличие от Жервезы, Нана родилась в семье, где отношения были довольно благоприятными. Родители оба работают и честно зарабатывают на жизнь, они искренне любят друг друга, пьянство и бедность по-прежнему избегают их в это время, насилие и ссоры им неизвестны. Проходит три года, а Нана все еще растет в семейной атмосфере. Тем не менее, в «Западне» мы не находим длинных строк, в которых описывались бы Нана и ее родители и их взаимные отношения. При рождении, в отличие от Жервезы, Купо, похоже, гордился тем, что у него есть дочь – «*j'avais commandé une fille! Hein! me voilà servi! Tu fais donc tout ce que je veux?*» [16, p. 126]. «Я дочку и заказывал! И вот пожалуйста – получай! Ты всегда будешь делать все, что я захочу!» [13, с. 185]. Его чувства к Жервезе по-прежнему глубоки, он примерный муж и отец, во что бы то ни было, вплоть до несчастного случая на производстве, что также изменит его отношения с Наной - позже он обвинит ее в своем несчастье (он падает с крыши после того, как девочка его окликнула).

Последующее увольнение Купо и Жервезы – это медленное увядание их единственной дочери. Проблемы обоих взрослых приводят к потере родительской заботы и интереса, точно так же, как ее мать в Плассане в прошлом, Нана проводит свои дни на улице с соседскими детьми, где за короткое время вживается в свою доминирующую роль, роль, которую она будет играть, в основном, всю его дальнейшую жизнь. Ночью она живет в одной комнате со своей старой бабушкой, она смотрит, как она умирает, и смерть очаровывает девушку. Нана отнюдь не кажется обезумевшей от этого события, напротив, она живо заинтересована в трупе и внезапном прекращении существования. Отсутствие родительской власти и полная свобода формируют в Нане ребенка, который не умеет пользоваться хорошим, например, потому что она не видит его нигде в своем окружении. Жервеза снова становится любовницей Лантье, который бросил ее, а затем снова появляется, и, поскольку в доме Купо уже очень тесно, со всеми запахами, исходящими от грязного белья со всего района, Нана становится свидетельницей любовной, или, скорее, плотской связи своей матери с любовником. Обнаруженное таким образом существование страстей и инстинктов, любопытство маленькой девочки к мужчинам и распутная жизнь начинаются рано. Поэтому вполне понятно, что она опровергает упреки Жервезы, которая иногда пытается наверстать упущенное в воспитании своей давно потерянной дочери. Отношения между матерью и дочерью уже разрушены, Нана не испытывает никакого уважения ни к кому дома. У нее поведение ребенка, привыкшего к суровой реальности, которая ее окружает, и которая заставляет ее терять последние остатки жизненных ценностей.

Немаловажно также изучить, какие языковые средства использовали переводчики и автор романа «Западня» в описании образа дочери Жервезы, Наны. Она в раннем возрасте понимает, что потеряла любовь родителей и, повторяя за поведением матери, увлекается мужчинами. Рассмотрим, как эти действия отображаются в тексте автора и переводчиков, и какие тропы они используют. Ещё маленькая, она демонстрирует будущие черты куртизанки, она очень кокетливая, с вызывающим возбуждением, что не ускользает от внимания Лантье, человека, не стесняющегося культивировать похотливые мысли по отношению к десяти-

летней девочке: «*cette merdeuse marchait comme une dame devant lui, se balançait, le regardait de côté, les yeux déjà pleins de vice*» [16, p. 314] «эта десятилетняя пигалица расхаживала перед ним, вихляя бедрами как взрослая, и порой искоса посматривала на него уже прочными глазами» [13, p. 456]. Автор использует слово «пигалица» и сравнивает маленькую девочку с девушкой, «вихляющей бедрами», а также называет ее глаза «порочными», демонстрируя отождествление ее образа с похотью.

В романе глава 11 начинается с описания Наны в её пятнадцатилетнем возрасте. Читатель внезапно предстаёт перед молодой женщиной, уже не ребёнком, которая «*avait poussé comme un veau, très blanche de chair, très grasse, si dodue même qu'on aurait dit une pelote. Oui, c'était ça, quinze ans, toutes ses dents et pas de corset. Une vraie frimousse de margot, trempée dans du lait, une peau veloutée de pêche, un nez drôle, un bec rose, des quinquets luisants auxquels les hommes avaient envie d'allumer leur pipe.*» [16, p. 450] «она взошла как на дрожжах и стала белокожей, пухленькой, круглой, как пышка. Да, уже пятнадцать лет, крепкие зубки и никаких корсетов. Мордашка молоденькой потаскушки, – что называется, кровь с молоком, кожа бархатистая, как персик, зазорный носишка, розовые губки, а глаза такие блестящие, что мужчинам хотелось от них прикурить.» [13, с. 640]. Мы видим, что в оригинале автор использует образное сравнение и описывает подростковую девочку, похожую на теленка, в то время как переводчик подчеркивает ее возраст фразеологизмом «как на дрожжах». Кожа, сравниваемая с персиком, дает нам представление о нежности и юности персонажа, наряду с описанием «мордашки», «носишка» и «губок». Автор и переводчик знаменательно подчеркивают блестящие глаза, от которых «хотелось прикурить», образно рисуя в них огонек. Достигнув трудоспособного возраста, не испытывая сильной страсти к какой-либо профессии, она попала в цветочный магазин своей тети мадам Лера, где только углубила свои знания о жизни уличных девушек и ее соблазнах. С избалованным любопытством Нана испытывает сильное влечение ко всем этим историям, в которых рассказывается о неизвестных вещах, о запретной и еще никогда не испытанной страсти. Также именно в этой мастерской она встречает своего первого любовника, джентльмена намного старше, но приятно обеспеченного, ее ключ к роскошному миру, от которого она больше никогда не откажется и который выжмет, как лимон, чтобы насладиться им. Как и ее мать, Нана тоже быстро покидает родной дом в поисках жизни, которую она выбрала и которую она считает более привлекательной и более удовлетворяющей ее потребности.

В «Западне» Золя использует множество метафор и сравнений, чтобы предложить нам чувственный образ будущей роковой женщины, которая в детском возрасте становится королевой квартала Кап д'Ор, его улиц и бульваров и людей, которые их пересекают. Часто мы натываемся на такие слова, как «*coquette*», «*les tétails*», физические части тела Наны кажутся живыми, потому что автор, используя постоянные сравнения со взрослой девушкой, никогда не заставляет нас забывать, что означает этот персонаж и какой ценностью он обладает. Именно художественность текста раскрывается в использовании образных сравнений и метафор, используемых автором, а главной задачей читателя в этом случае является идентификация подлинного смысла, который был заложен в тексте изначально [4, с. 118]. Мы можем увидеть, что Нане даётся наиболее подробное физическое описание из всех проанализированных персонажей, описание, которое развлекает читателя псевдоэротическим образом, и все это для того, чтобы вызвать в воображении правдивый образ будущей роскошной парижской куртизанки. Для уравновешенного и счастливого ума необходимо, чтобы ребёнок рос в спокойной и гармоничной атмосфере, среди родителей, которые дополняют друг друга и уважают друг друга. С детства Нана была «*un personnage ambigu, moitié diable et moitié victime*» [15, p. 139]. В этом предложении мы видим, как автор использует образ дьявола для сравнения со страстью и некоторой похотью своего персонажа.

Подводя итоги, мы установили, что Э. Золя использует множество языковых средств при работе с описательными образами женских персонажей в своих романах. Тем самым он расширяет наш взгляд на описание, именно такие тропы, как метафоры и сравнения, заставляют нас увидеть женщин так, как видит их автор. Тем не менее, рассматривая работы переводчиков, мы можем отметить, что калькирование оригинального текста не всегда является лучшим способом интерпретации текста. Мы отметили случаи, в которых результатом адаптивно-интерпретативного перевода были языковые единицы, совершенно отличающиеся от набора тропов, используемых в оригинале романа. Как отмечал Рецкер, основным направлением мысли переводчика должно быть целостная интерпретация текста с одного языка на другой, при этом сохраняя стиль и художественные описания оригинального текста и использование различных тропов для передачи подлинного смысла [9, с. 10].

Как мы видим на примерах языковых средств, которые составляют лингвистическую основу романов Э. Золя мы приходим к следующим выводам, что образные сравнения могут выполнять несколько функций в тексте. Описание персонажей и ситуаций занимает лидирующую функцию, второй по значению является функция акцентуации внимания отношений между мужскими и женскими персонажами. Золя затрагивает

отношения женщины в обществе мужчины. Энергичность и тонкость ума позволяют ему вынашивать далеко идущие замыслы и рассматривает серьёзные и актуальные проблемы. Автор относится к женщине как к мужчине, они равны. Кроме того, Золя не считает женщину нестабильной и хрупкой. Многогранность стилей и ситуаций, подчёркиваемых автором, указывает на существенную значимость индивидуальных образных сравнений в создании идеального образа женщины в эпичном цикле романов «Ругон-Маккары».

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении текстов и описания персонажей романов Э. Золя, а также их перевода для определения эквивалентности языковых средств, используемых на французском и русском языках.

Литература

1. Баранова Т.М. Типология индивидуальных образных сравнений с позиции их восприятия реципиентом в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 275 – 276.
2. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М.: Университет. Книжный дом, 2006. 236 с.
3. Гак В. Г. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. 46 с.
4. Елифанцева Н.Г. Особенности перевода современной художественной литературы с элементами отраслевой лексики // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода. МГОУ, Москва, 2020. С. 116 – 118.
5. Жирова И.Г., Чжан Ц. Художественный перевод как средство преодоления культурного изоляционизма // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода. МГОУ, Москва, 2020. С. 139 – 141.
6. Жирова И.Г. Роль и место интерсубъективной интерпретации текста в теории и практики перевода // «Язык. Культура. Перевод», посвящённой 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Романа Романовича Чайковского / Сев.-Вост. гос. ун-т ; Красноярск: Научноинновационный центр, 2019. С. 109 – 119.
7. Жирова И.Г. Словарное «портретирование» эмотиологического концепта «гордость / pride» // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.:НОПриЛ, Москва, 2022. С. 7 – 23.
8. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. отношения, 1980, 165 с.
9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р.Валент, 2007, 244 с.
10. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода: вводная часть: учеб. пособие. Магадан: Изд. СВГУ, 2008, 182 с.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода. М.: Наука, 1988, 216 с.
12. Якимович Т.К. Молодой Золя. Эстетика и творчество. Киев, 1971, 210 с.
13. Золя Э. Западня: пер. с фр. Е. Шишмаревой, О. Моисеенко; коммент. А. Пузиков // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. М.: Худож. лит., 1962. Т. 6. 480 с.
14. Золя Э. Карьера Ругонов. Добыча: пер. с фр. Е. Александровой, Т. Ирино-вой; коммент. С. Емельяникова // Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. М.: Худож. лит., 1962. Т. 3. 680 с.
15. Borie, Jean, Zola et les mythes ou de la nausée au salut, Paris, Editions du Seuil, 1971, 440 p.
16. Zola Emile L'Assommoir, Paris, Larousse, 2001, 574 p.
17. Zola Emile La Fortune des Rougon, Paris, Charpentier, 1879, 385 p.

References

1. Baranova T.M. Tipologija individual'nyh obraznyh sravnenij s pozicij ih vosprijatija recipientom v aspekte perevoda. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Gramota, 2020. T. 13. Vyp. 5. S. 275 – 276.
2. Vinogradov V.C. Perevod. Obshhie i leksicheskie voprosy. M.: Universitet. Knizhnyj dom, 2006. 236 s.
3. Gak V. G. Tipologija kontekstual'nyh jazykovyh preobrazovanij pri perevode. Tekst i perevod. M.: Nauka, 1988. 46 s.
4. Epifanceva N.G. Osobennosti perevoda sovremennoj hudozhestvennoj literatury s jelementami otraslevoj leksiki. Aktual'nye problemy lingvokul'turologii i mezhkul'turnoj kommunikacii v teorii i praktike perevoda. MGOU, Moskva, 2020. S. 116 – 118.
5. Zhirona I.G., Chzhan C. Hudozhestvennyj perevod kak sredstvo preodolenija kul'turnogo izoljacionizma. Aktual'nye problemy lingvokul'turologii i mezhkul'turnoj kommunikacii v teorii i praktike perevoda. MGOU, Moskva, 2020. S. 139 – 141.

6. Zhirova I.G. Rol' i mesto intersub'ektivnoj interpretacii teksta v teorii i praktiki pere voda. «Jazyk. Kul'tura. Perevod», posvjashhjonnoj 80-letiju so dnja rozhdenija doktora filologicheskikh nauk, professora Romana Romanovicha Chajkovskogo. Sev.-Vost. gos. un-t ; Krasnojarsk: Nauchnoinno-vacionnyj centr, 2019. S. 109 – 119.
7. Zhirova I.G. Slovarnoe «portretirovanie» jemotilogicheskogo koncepta «gordost'. pride». Uchenye zapiski Nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. M.:NOPriL, Moskva, 2022. S. 7 – 23.
8. Komissarov V.N. Lingvistika perevoda. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1980, 165 s.
9. Recker Ja.I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. M.: R.Valent, 2007, 244 s.
10. Chajkovskij R.R. Osnovy hudozhestvennogo perevoda: vvodnaja chast': ucheb. posobie. Magadan: Izd. SVGU, 2008, 182 s.
11. Shvejcer A.D. Teorija perevoda. M.: Nauka, 1988, 216 s.
12. Jakimovich T.K. Molodoj Zolja. Jestetika i tvorcestvo. Kiev, 1971, 210 s.
13. Zolja Je. Zapadnja: per. s fr. E. Shishmarevoj, O. Moiseenko; komment. A. Puzikov. Zolja Je. Sobr. soch.: v 26 t. M.: Hudozh. lit., 1962. T. 6. 480 s.
14. Zolja Je. Kar'era Rugonov. Dobycha: per. s fr. E. Aleksandrovoj, T. Irinovej; komment. S. Emel'jannikova. Zolja Je. Sobr. soch.: v 26 t. M.: Hudozh. lit., 1962. T. 3. 680 s.
15. Borie, Jean, Zola et les mythes ou de la nausée au salut, Paris, Editions du Seuil, 1971, 440 p.
16. Zola Emile L'Assommoir, Paris, Larousse, 2001, 574 p.
17. Zola Emile La Fortune des Rougon, Paris, Charpentier, 1879, 385 p.

*Matsaberidze G.V., Postgraduate,
State University of Education*

Literary analysis of figurative comparisons in the description of female characters in E. Zola's novel "The Drum Shop"

Abstract: the purpose of this article is to evaluate the use of figurative comparisons in the description of female characters and their role in the translation of the text. In the course of the study, female images in the novels of E. Zola were considered both from the perspective of the problems of his novels and from the point of view of the system of artistic means. The study was conducted using a set of general and private scientific methods of analysis. The comparative method is used to identify the main differences in the perception of cultural dominants in English and Russian. It is proved that the author managed to fully describe female images by using a large number of lexical formations, in particular figurative comparisons. The obtained results of the analysis of figurative comparisons can be used in further integral studies of comparisons and other tropes, as well as their possible adaptive-interpretative translation from French into Russian.

Keywords: adaptive translation, female images, figurative comparisons, tropes, language units

For citation: Matsaberidze G.V. Literary analysis of figurative comparisons in the description of female characters in E. Zola's novel "The Drum Shop". Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 44 – 49.

*Панкова М.В., аспирант,
Государственный университет просвещения*

Трансформации шерлокианы в поликультурной киноадаптации

Аннотация: в статье представлен анализ различных трансформаций, предпринимаемых в интерсемиотическом переводе. Материалом служат детективы А.К. Дойля и их разножанровые и разнокультурные экранизации, имеющие 120-летнюю историю. Фактический материал исследуется методами сопоставительного, контекстуального, компонентного и стилистического анализа, а также общенаучные приемы анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования и классифицирования. Анализ эмпирической базы выявляет дополнения, опущения и перестановки различного объема в полимодальных кинотекстах, созданных на основе произведений детективной классики в разных лингвокультурах. Исследование отмечает отличия интерсемиотических трансформаций от сходных преобразований межъязыкового перевода, которые лишь в известной степени могут быть взаимосоотносимы. Выявленные в пределах эмпирической базы трансформации не обязательны и не объективны, в большей степени детерминированы субъективными причинами, но в целом носят универсальный характер.

Ключевые слова: перевод, интерсемиотический перевод, трансформации, полимодальность, кинотекст, А.К. Дойль, шерлокиана

Для цитирования: Панкова М.В. Трансформации шерлокианы в поликультурной киноадаптации // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 50 – 54.

Классическая литература в эпоху кино, телевидения и интернета становится ареной творческих амбиций сценаристов и режиссеров, которые довольно вольно обращаются с первоисточником в своих целях. Мотивами переделок классики могут выступать попытки осовременить отдаленную во времени историю главных героев, придать иное настроение (например, превратить «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона в юмористический мюзикл-анимацию, превратить детектив в саспенс или триллер и т.д. [12, с. 89-94]).

Классическая литература требует бережного обращения, но печально часто становится жертвой экспериментов [5]. В настоящей статье мы обратимся к вопросу о трансформациях [7, с. 96-112], предпринятых кинопроизводителями одновременных фильмов и сериалов о Шерлоке Холмсе в различных лингвокультурах. Значимость и **актуальность** такого анализа представляется очевидной, т.к. в специальной литературе терминсистема интерсемиотического перевода разработана крайне слабо и в настоящий момент вынуждена опираться на лингвистическую парадигму межъязыкового перевода [1, с. 99; 13] как наиболее фундаментальную в переводоведении в целом. Однако не будем упускать из виду, что интерсемиотический перевод – отнюдь не тождествен межъязыковому, он обладает собственной спецификой и потому требует осторожного пользования понятийным аппаратом и концептуальными положениями теории межъязыкового перевода.

Трансформации, используемые авторами киноадаптации в передаче произведения художественной литературы, весьма разнообразны. Они могут быть нацелены на временную, национально-культурную, возрастную адаптацию, элиминацию национальной специфики оригинала, жанрово-стилистические преобразования и т.п. Создание полного перечня таких трансформационных приемов не входит в задачи настоящей статьи, но имеет несомненную теоретическую значимость и раскрывает широкую перспективу дальнейших изысканий.

Обозрение всех трансформаций, выполненных в разное время, в разных странах, в разных лингвокультурах, в разных общественно-политических и культурно-исторических условиях, сторонниками разных форм межкультурного взаимодействия и приверженцами разных киножанров видится трудновыполнимой задачей, т.к. шерлокиана в интерсемиотическом кинопереводе снискала очень большую популярность. Хронологически кинорецепция шерлокианы превышает 120 лет (первый известный кинопроект – немой черно-белый фильм – был снят в 1900 г.). Географически шерлокиана вышла далеко за пределы родной Британии и захватила все континенты, кроме Африки, и разные лингвокультуры (будучи экранно адаптированной в Британии, США, Канаде, Австралии, Германии, Дании, Франции, Италии, Бельгии, Люксембурге, СССР и РФ, Украине, Японии). Жанрово-стилистически шерлокиана была интерпретирована весьма широко: в ее арсенале имеются не только детектив и приключения, триллер, саспенс, ужасы и мистика – приближенные к сюжетам А.К. Дойля, но и экшен, боевик, мюзикл, драма, мелодрама, комедия, пародия, фарс). Наконец, шерлокиана передана на экран различными типами кинематографической продукции: немое кино, игровой художественный фильм, сериал, аниме, анимация (в разных техниках).

В рамках **эмпирической базы** мы рассмотрим только такие кинотексты, которые достаточно ярко представляют различные трансформации аутентичной литературной шерлокианы в формате кинопроизведений. В целях оптимизации описания рассмотрим последовательно трансформации, носящие характер тенденций. В ходе анализа принимаем также во внимание тождество кинотрансформаций с аналогичными преобразованиями в межъязыковом масштабе трансляции шерлокианы.

В качестве **методологической основы** используем сопоставление, а также стилистический, компонентный и контекстуальный анализ при опоре на общенаучные приемы анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования и классифицирования.

В исследуемом фактическом материале обнаружены трансформации интерсемиотического перевода, которые соотносимы со следующими межъязыковыми преобразованиями: дополнения, опущения и перестановки.

Дополнения имеются в любой киноадаптации шерлокианы, но представлены разномасштабно: от отдельных реплик персонажей до полных сюжетных сцен и ходов. Так, в фильме «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона: Собака Баскервилей» 1981 г. дополнения малозначительны: эпизоды с овсянкой, «пьяные сцены», увлечение Генри Баскервиля верховой ездой, перестрелка со Стэплтоном. В фильме 1922 г. «Sherlock Holmes» особенно любопытны обстоятельства кинопроизводства. Желая внедрить любовную линию в сюжет шерлокианы, У. Жилетт испросил разрешения А.К. Дойля на романтическую интерпретацию и получил ответ: «Жените, убейте, делайте с ним, что угодно» [2, с. 3-4]. Это стало прецедентом в последовавшей диверсификации образа Холмса и сюжетов его расследований.

Отличием интерсемиотических дополнений служит их масштабность в сопоставлении с межъязыковыми переводами: кинодополнения иногда достигают полнотекстового масштаба, т.е. не имеют непосредственной связи с литературным оригиналом, а полностью составляют новое произведение, сохраняющее с творческим наследием А.К. Дойля лишь аллюзивную интертекстуальную связь. Таковы, например, «The Scarlet Claw» 1944 г., «Pursuit to Algiers» 1945 г., «Sherlock Holmes und das Halsband des Todes» 1962 г., «The Hound of London» 1993 г. Особое внимание следует обратить также на то, что в межъязыковой коммуникации дополнения обусловлены расхождением систем, норм и узусов контактирующих языков [8, с. 49-55], в то время как в интерсемиотике кино дополнения вызваны в большей степени не различием систем вербального языка и полимодальности, а видением оригинала новыми участниками коммуникации, продуцентами кинотекста.

Опущения неизбежны в переносе вербального текста на экран, но причины их неидентичны в разных кинопроизведениях. Изымаются из литературного оригинала в его экранном воплощении отдельные диалогические единства, сцены, сюжетные ходы и персонажи – в соответствии со стратегией киноавторов. Устранение отдельных сегментов из кинотекста нередко влечет за собой изменение стилистики, переход в иной жанр, отклонение от персонажного портрета и т.д. [9, 15].

В «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона: Собака Баскервилей» 1981 г. не вошли некоторые подробности содержания фамильной легенды рода Баскервилей и история жизни сэра Чарльза. В фильме «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона: Сокровища Агры» 1983 г. отсутствует автобиографический рассказ Смолла, занимающий заметное место в оригинале повести и создающий речевой портрет и заверченный образ этого персонажа. Многие опущения продиктованы лимитом хронометража экранизаций. Так, именно это обстоятельство вынудило создателей фильма «The Hound of the Baskervilles» 1988 г. отказаться от экспликации легенды «о проклятии рода Баскервилей» – Хьюго.

Отметим, что в межъязыковом вербальном формате двуязычной коммуникации опущения носят спорадический характер в письменной форме перевода и несколько более распространены в устной форме (особенно, в синхронном переводе). В области полимодальности экранизация непосредственно сопряжена с изъятиями, т.к. переход в иную семиотическую систему предполагает передачу части вербального содержания оригинала иными средствами (с помощью изображения и звука) [3]. Такие опущения можно считать объективными. Однако устраненные из вербального кода элементы содержания в таком случае передаются посредством иных систем, поэтому считать их тождественными «нулевому переводу» в межъязыковой коммуникации нет оснований. Объем прочих – субъективных – опущений носит вариативный характер и определяется стратегией кинопроизводителей.

Перестановки факультативны, но достаточно частотны. В сюжетной линии литературного произведения при переносе на экран происходят изменения в развитии: линейный сюжет может быть преобразован в линейный с экскурсами, линейный дискретный, концентрический или хроникальный. Но чаще встречается упрощенная форма перестановки – иной (чем в литературном оригинале) порядок следования эпизодов: мелкие изменения вносятся в завязку и действие (развязка редко подвергается перестановке). Так, в фильме «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона: Сокровища Агры» 1983 г. переплетены сюжеты двух

произведений: повести «The Sign of the Four» и рассказа «A Scandal in Bohemia». Действие фильма «The Hound of the Baskervilles» 2002 г. открывает сцена побега Селдена из тюрьмы.

Перестановки полимодальной коммуникации, опосредуемой киносемиотикой, не имеют прямой аналогии в межъязыковом переводе [10]. Некоторое сходство представлено в синтаксических трансформациях, особенно сверхфразового режима. Близкими по технологической сути можно считать также трансформации тема-рематической структуры, но в данном случае перестановки отличаются от конверсии по своему масштабу, т.к. конверсия редко выходит за границы высказывания, а интерсемиотические перестановки охватывают значительные объемы текста оригинала.

Как показывает проведенное сопоставительное исследование, интерсемиотические трансформации отнюдь не всегда совпадают по своей природе и методологии с межъязыковыми. Интерпретация оригинала – субъективный и индивидуальный процесс в контакте читателя с автором (или точнее, с его произведением, отчужденным от него с момента опубликования [1, с. 104]). Если даже в мономодальной вербальной коммуникации вопрос миссии и границ творческого участия/соучастия языкового посредника не решен однозначно, то в полимодальной коммуникации, опосредуемой многими коммуникантами (сценаристом, режиссером, актерами, оператором, костюмером и пр.), границы вторжения в исходный текст еще более туманны. Неудивительно поэтому, что во многих случаях зрители становятся свидетелями волюнтаристского (или как минимум вольного) подхода к литературному произведению в его киноверсии.

Процесс перевода (по сравнению с межъязыковым) усложняется в связи с включением новых звеньев в коммуникативную цепочку (рис. 1). Это особенно заметно при экранизации в иной лингвокультуре, не тождественной оригинальной, т.е. при переносе шерлокианы на экран в Дании, Бельгии, Германии, СССР и России, Канаде, Японии и пр. В таком случае интерсемиотическому переводу предшествует межъязыковой, следовательно, контакт автора и получателя (зрителя) опосредуется дважды.

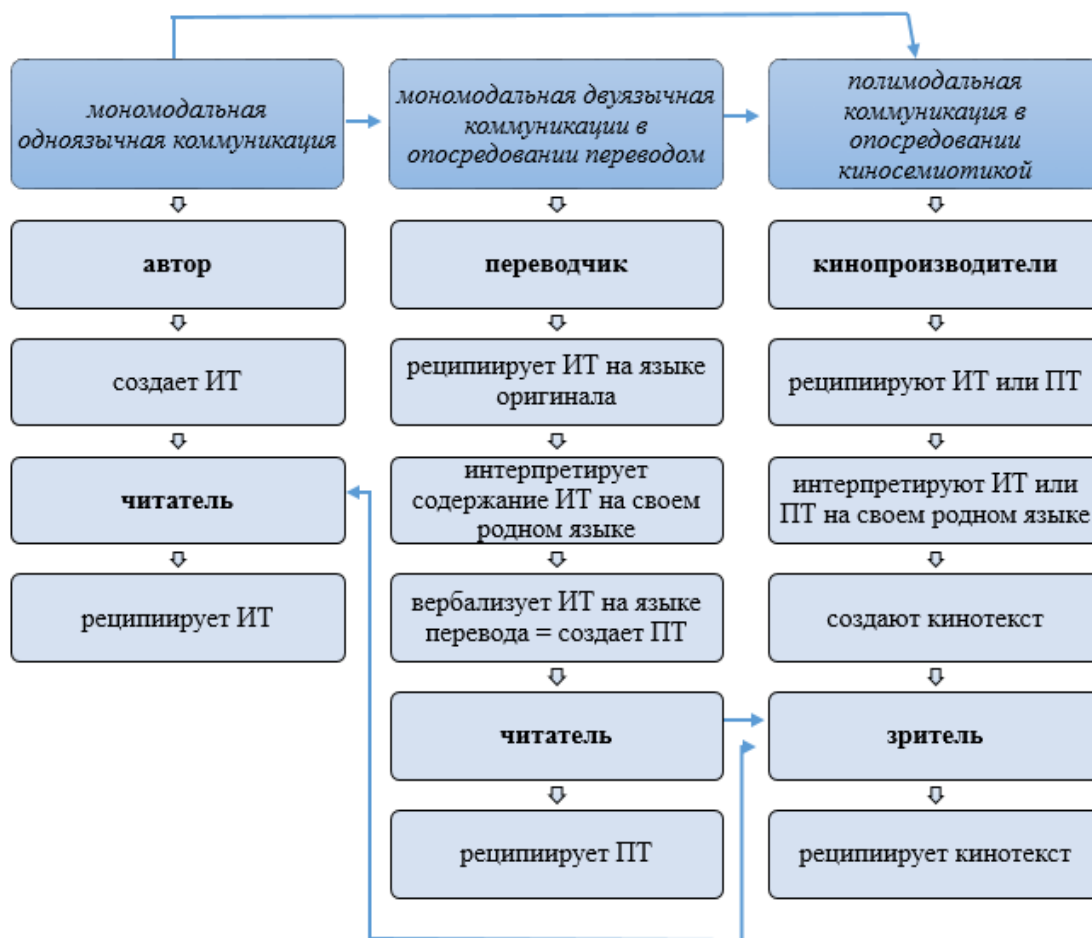

Рис. 1. Схема связи межъязыкового и интерсемиотического перевода

Переход в иную интерсемиотическую систему полимодальности изначально многими авторами кинопроизведения понимается как возможность самовыражения и создания нового продукта [16]. В связи с этим экранизация (в прямом смысле), близкая буквальному межъязыковому переводу, не рассматривается как критерий качества интерсемиотического перевода. Принципы верности, полноты, точности, целостно-

сти [1, с. 99-101], служившие ориентиром работы межъязыкового переводчика и постепенно трансформировавшиеся в понятия эквивалентности, адекватности, коммуникативной равноценности, динамической эквивалентности, прагматической идентичности и т.п. [6, с. 335-348], в области интерсемиотического перевода не имеют теоретического веса или практической значимости. Интерсемиотический перевод, особенно в его кинореализации, видится многим пространством для абсолютной свободы творчества. Каждый новый участник коммуникации, выступающий в роли автора кинопроизведения на основе шерлокианы, пытается продемонстрировать оригинальность своего «прочтения» классики детектива и привлечь зрителей новыми аспектами знакомого содержания. Для выполнения этой задачи использует трансформации, иногда – и деформации, в личных интересах (популяризации себя как автора) и с коммерческой целью (получения широкого зрительского отклика и финансового успеха).

В завершении анализа эмпирической базы необходимо кратко резюмировать основные результаты практического порядка и выявленные тенденции теоретического уровня:

1. Трансформации шерлокианы в ее кинореализации могут быть классифицированы с точки зрения методологии преобразования литературного оригинала как дополнения, опущения и перестановки, различные по масштабу.

2. Интерсемиотические трансформации не являются тождественными межъязыковым преобразованиям и лишь в известной степени могут быть соотносимы с последними: дополнения превышают по объему описательный перевод и переводческие комментарии, опущения более частотны и более масштабны, чем «нулевой перевод», перестановки отдаленно схожи со сверхфразовыми синтаксическими трансформациями и конверсией.

3. Выявленные в пределах эмпирической базы трансформации не носят обязательного характера, объективной связи с собственно переходом от мономодальной к полимодальной коммуникации не отражают. В большей степени экранизирующие трансформации детерминированы субъективными причинами.

4. При интерсемиотическом переводе классики трансформации (в рамках фактического материала) представлены в кинопроизведениях различных культур, что позволяет предполагать их в целом универсальный характер.

Представленные размышления и выводы не исчерпывают вопросы, связанные с трансформациями в области экранизации литературы. Требуется дальнейшего изучения проблематика этических норм [14] в интерсемиотическом переводе. Необходима разработка типологии экранизирующих трансформаций – с учетом различных оснований и на базе разножанрового фактического материала. Отдельного внимания заслуживают связи трансформаций и деформаций со степенью близости лингвокультуры, в рамках которой осуществляется перенос на экран.

Литература

1. Гарбовский Н.К. Отражение как свойство перевода // Труды Высшей школы перевода (факультета) Московского университета. Книга I. 2005-2010 г. М.: МГУ, 2010. С. 98 – 107
2. Дойл А.К. Кое-что о Шерлоке Холмсе // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990. 320 с.
3. Евграфова Ю.А., Новикова М.Г. Вербальный и звуковой компонент экранной "речи" // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 4. С. 135 – 147.
4. Епифанцева Н.Г. Межкультурный подход к переводу: теоретическое обоснование и сфера применения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С.40 – 47.
5. Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 147 – 156.
6. Нелюбин Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). 4-е изд. М.: Флинта. 2018. 415 с.
7. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). 2-е издание. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 2016 с.
8. Нелюбин Л.Л. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков. М.: МГОУ, 2006. 204 с.
9. Филиппова И.Н. Диссонансы интерсемиотического перевода // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики. М.: МГОУ, 2020. С. 203 – 209.
10. Филиппова И.Н. Интерсемиотический перевод: экранизация как трансформация авторского текста в поликультурном аспекте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1 (32). С. 204 – 211.
11. Филиппова И.Н. Лингвокультурный трансфер в формате детектива // Индоевропейские языки: общелингвистические и методологические аспекты. М.: МГОУ, 2022. С. 198 – 203.

12. Филиппова И.Н. Лингвофилософия холизма в переводе. М: Формат, 2019. 185 с.
13. Филиппова И.Н. Редукционизм и холизм в переводоведении // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 755.
14. Чайковский Р.Р. Этика художественного перевода в аспекте поликультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 15 (675). С. 229 – 243.
15. Leontovich O. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 4. С. 49 – 56.
16. Naremore J. Film Adaptation. New Brunswick: Rutgers UP, 2000. 258 p.

References

1. Garbovskij N.K. Otrazhenie kak svojstvo perevoda. Trudy Vysšej shkoly perevoda (fakul'teta) Moskovskogo universiteta. Kniga I. 2005-2010 g. M.: MGU, 2010. S. 98 – 107
2. Dojl A.K. Koe-čto o Sherloke Holmse. Kak sdelat' detektiv. M.: Raduga, 1990. 320 s.
3. Evgrafova Ju.A., Novikova M.G. Verbal'nyj i zvukovoj komponent jekrannoj "reči". Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2019. № 4. S. 135 – 147.
4. Epifanceva N.G. Mezhkul'turnyj podhod k perevodu: teoreticheskoe obosnovanie i sfera primenenija. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2017. № 5. S.40 – 47.
5. Lysenkova E.L., Chajkovskij R.R. Hudozhestvennyj perevod v kontekste prostranstva i vremeni. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 2 (18). S. 147 – 156.
6. Neljubin L.L. Nauka o perevode (istorija i teorija s drevnejših vremen do nashih dnei). 4-e izd. M.: Flinta. 2018. 415 s.
7. Neljubin L.L. Vvedenie v tehniku perevoda (kognitivnyj teoretiko-pragmaticeskij aspekt). 2-e izdanie. M.: FLINTA: Nauka, 2012. 2016 s.
8. Neljubin L.L. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo, nemeckogo i russkogo, francuzskogo i russkogo jazykov. M.: MGOU, 2006. 204 s.
9. Filippova I.N. Dissonansy intersemiotičeskogo perevoda. Aktual'nye voprosy variantologii, kommunikativistiki i kognitivistiki. M.: MGOU, 2020. S. 203 – 209.
10. Filippova I.N. Intersemiotičeskij perevod: jekranizacija kak transformacija avtorskogo teksta v polikul'turnom aspekte. Teorija jazyka i mezhkul'turnaja komunikacija. 2019. № 1 (32). S. 204 – 211.
11. Filippova I.N. Lingvokul'turnyj transfer v formate detektiva. Indoevropejskie jazyki: obshhelingvisticheskie i metodologičeskie aspekty. M.: MGOU, 2022. S. 198 – 203.
12. Filippova I.N. Lingvofilosofija holizma v perevode. M: Format, 2019. 185 s.
13. Filippova I.N. Redukcionizm i holizm v perevodovedenii. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. № 6. S. 755.
14. Chajkovskij R.R. Jetika hudozhestvennogo perevoda v aspekte polikul'turnosti. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 15 (675). S. 229 – 243.
15. Leontovich O. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective. Russian Journal of Linguistics. 2015. № 4. S. 49 – 56.
16. Naremore J. Film Adaptation. New Brunswick: Rutgers UP, 2000. 258 p.

*Pankova M.V., Postgraduate,
State University of Education*

Transformations of Sherlockians in multicultural film adaptation

Abstract: the article presents an analysis of various transformations undertaken in intersemiotic translation. The material is A.K. Doyle's detectives and their multi-genre and multicultural film adaptations, which have a 120-year history. The actual material is studied by methods of comparative, contextual, component and stylistic analysis, as well as general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, abstraction and classification. The analysis of the empirical base reveals additions, omissions and permutations of various volumes in polymodal film texts created on the basis of works of detective classics in different linguistic cultures. The study notes the differences between intersemiotic transformations and similar transformations of interlanguage translation, which can only be mutually correlated to a certain extent. The transformations identified within the empirical base are not obligatory and are not objective, they are more determined by subjective reasons, but in general they are universal.

Keywords: translation, intersemiotic translation, transformations, polymodality, kinotext, A.K. Doyle, Sherlockian

For citation: Pankova M.V. Transformations of Sherlockians in multicultural film adaptation. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 50 – 54.

Куриц М.А., аспирант,
Керимова К.Р., аспирант,
Сургутский государственный университет

Лингвостилистические аспекты перевода детской литературы с английского на русский язык

Аннотация: настоящая работа посвящена исследованию особенностей функционирования детской литературы и специфики ее перевода с английского языка на русский язык на материале сказок американского писателя Доктора Сьюза. Актуальность исследования состоит в том, что, несмотря на обилие работ, посвященных общим проблемам перевода художественного текста, в лингвистике очень мало исследований относительно особенностей перевода художественной литературы для детей, как особого жанра. Материалом для исследования послужили три сказки Доктора Сьюза на английском языке и их переводы на русский язык: «Как Гринч украл Рождество» (“How the Grinch Stole Christmas”), «Слон Хортон высиживает яйцо» (“Horton Hatches the Egg”) и «Кот в шляпе» (“The Cat in the Hat”). Целью исследования является выявление особенностей перевода детской литературы. Задачами исследования являются сопоставление и анализ переводов выбранных произведений в контексте используемых переводческих трансформаций с последующим рассмотрением репрезентативности тех или иных переводческих решений. Практическая ценность исследования определяется тем, что его результаты можно использовать в области теории и практики перевода, при обучении русскому, английскому языкам и при подготовке к лекционным и семинарским занятиям по теоретическим аспектам данных языков, а также в процессе деятельности переводчика, как устной, так и письменной.

Ключевые слова: детская литература, Доктор Сьюз, стилистическое средство, особенности перевода, переводческая трансформация

Для цитирования: Куриц М.А., Керимова К.Р. Лингвостилистические аспекты перевода детской литературы с английского на русский язык // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 55 – 62.

Детская литература – это функционирующая в детской среде часть общей литературы, представленная ребенку в специальных изданиях (книгах и периодике), включающих произведения словесного, изобразительного и дизайнерского искусства, доступные человеку в начале его жизни (в период детства) для опосредованного или самостоятельного восприятия картины образов мира с целью формирования и развития личности [6].

Перевод детской литературы представляет собой сложную задачу, которая требует от переводчика не только знаний в сфере перевода и переводоведения, но также творческих способностей и знания детской психологии.

Доктор Сьюз является одним из самых выдающихся писателей в истории не только американской, но и всемирной детской литературы. Он создал новую детскую поэзию, в которой ритм стиха и словесная игра не менее важны, чем динамичный сюжет и яркие герои.

В своем исследовании мы изучаем лингвостилистические аспекты перевода детской литературы с английского языка на русский язык на материале произведений американского писателя Доктора Сьюза.

Для анализа мы выбираем такие наиболее известные и популярные сказки Доктора Сьюза как «Как Гринч украл Рождество» (“How the Grinch Stole Christmas”), «Слон Хортон высиживает яйцо» (“Horton Hatches the Egg”) и «Кот в шляпе» (“The Cat in the Hat”), а также по два перевода каждого произведения: сказка «Как Гринч украл Рождество» – переводы В. Гандельсмана и Е. Липатовой; сказка «Слон Хортон высиживает яйцо» – перевод Д. Манина и Ю. Фридман и перевод Т. Макаровой; сказка «Кот в шляпе» – переводы В. Гандельсмана и М. Лукашкиной. Выбор данных переводов обусловлен их широкой распространенностью.

Методом сплошной выборки в тексте оригинала мы отбираем отрывки, содержащие стилистические средства. Далее, используя лингвостилистический, дистрибутивный и описательный методы, мы производим анализ найденных стилистических средств. Затем, методом сравнительно-сопоставительного анализа мы изучаем сходства и различия стилистических средств в текстах оригинала и переводов, выявляем специфику перевода данных стилистических средств. И наконец, мы используем количественный метод, чтобы подвести статистику используемых переводчиками трансформаций при передаче стилистических средств.

Анализ стилистических средств в нашем исследовании основан на классификации В.А. Кухаренко, в которой выделяются *графические* и *фонетические*, *лексические*, *синтаксические* и *лексико-синтаксические стилистические средства* [3].

Выборка составила 184 примеров, содержащих стилистические средства. В данной статье мы представим анализ наиболее ярких примеров с точки зрения стилистики и переводоведения.

Начнем с анализа фонетических и графических стилистических средств.

К графическим стилистическим средствам относятся: *графическая образность (графон)* и ее виды: *курсив, капитализация, дефисация*, а также *стих «лесенкой»*.

Фонетические стилистические средства включают *аллитерацию, ассонанс, ономатопею, рифму, ритм*.

В произведениях Доктора Сьюза графические и фонетические стилистические средства являются наиболее употребительными: нами было найдено 77 примеров, что составляет 42% от общего количества выявленных стилистических средств.

Приступим к анализу.

Таблица 1

Пример №1 (из сказки “How the Grinch Stole Christmas”)

Оригинальный текст	Перевод В. Гандельсмана	Перевод Е. Липатовой
“And then! Oh, the noise! Oh, the Noise! Noise! Noise! Noise! That’s <i>one</i> thing he hated! The NOISE! NOISE! NOISE! NOISE!”	«И сразу же – шум! Этот шум! ШУМ! ШУМ! ШУМ! Как вынести мне этот шум? ШУМ! ШУМ! ШУМ!»	«И – МНОГО ШУМА! Ах, этот ШУМ!...»

Данный пример наглядно показывает, что в произведениях Доктора Сьюза важная роль отводится графическим средствам выразительности. Так, автор широко использует такие графические средства выделения как *курсив* и *капитализация*. Курсив, как можно заметить из примера, не только служит для выделения логически ударных лексических единиц, но также является эффективным средством создания эмпазы в предложении. Использование *капитализации* делает прямую речь еще более живой и эмоциональной, поскольку указывает на раздраженное состояние антагониста сказки. При этом отметим, что капитализация используется в данном фрагменте в комбинации с лексическим стилистическим средством – *лексическими повторами*, выраженными восклицательными односоставными назывными предложениями, что приводит к созданию чрезвычайно высокого уровня эмпатизации: “The NOISE! NOISE! NOISE! NOISE!”

Подчеркнем, что графические средства играют большую роль в процессе чтения. Так, выделенные шрифтом языковые единицы сигнализируют реципиенту о том, что они требуют особую интонацию. Таким образом, чтение становится более динамичным и занимательным.

В. Гандельсман при переводе данного отрывка использует различные графические выделения. В частности, он использует *капитализацию* для передачи эмоциональности речи героя. Однако, как мы можем заметить, в отличие от оригинального текста, в переводе В. Гандельсмана отсутствуют какие-либо выделения *курсивом*. Вместо курсива В. Гандельсман использует такой пунктуационный знак, как *тире*, который в данном случае выполняет схожую с курсивом функцию, а именно: выделение семантически значимых лексических единиц. Так, используя *объединение предложений, опущение* и *добавление*, переводчик преобразует два исходных предложения в одно *эллиптическое*, в результате чего логическое ударение падает на слово «шум». Кроме этого, мы можем видеть, что В. Гандельсман также использует *лексические повторы*, выраженные рядом *восклицательных односоставных назывных предложений*, тем самым в целом сохраняя структуру оригинала (ср. англ. “The NOISE! NOISE! NOISE! NOISE!” и рус. «Этот шум! ШУМ! ШУМ! ШУМ!»).

Е. Липатова, как и В. Гандельсман, использует *капитализацию* и *добавление* (тире) для выделения семантически значимых слов и придания речи героя эмоциональности и оживленности. Отметим, что благодаря *объединению предложений, сокращению* и *опущению* переводчик сводит исходный отрывок к двум предложениям, одно из которых является *эллипсисом*, а второе – *односоставным* предложением. За счет того, что предложения являются восклицательными, а также благодаря наличию во втором предложении *междометия «Ах»*, происходит усиление общей эмоциональности отрывка. Однако при сравнении второго переводного текста с текстом оригинала, наблюдается *нейтрализация*, т.е. уровень эмпатизации при переводе значительно снижается.

Из данного примера следует, что графические стилистические средства являются мощным инструментом создания эмпазы в тексте. Становится очевидным, что графические выделения могут играть важную роль в создании образа героев, передаче их чувств и эмоций.

Таблица 2

Пример №2 (из сказки “How the Grinch Stole Christmas”)

Оригинальный текст	Перевод В. Гандельсмана	Перевод Е. Липатовой
“I know just what to do!” The Grinch laughed in his throat. <...> And he chuckled , and clucked , “What a great Grinchy trick! With this coat and this hat, I look just like Saint Nick!”	«Я знаю что делать, – Гринч хитро смеется. – Мне попросту переодеться придется. Я шубу и шапку найти постараюсь, И стану не Гринч я, а сам Санта-Клаус!»	Из белого меха он сделал парик – Надел рукавицы, пришил воротник! На Деда Мороза похож, Но не очень...

Из данного примера мы можем видеть, что в произведениях Доктора Сьюза важная роль также отводится таким фонетическим стилистическим средствам как *аллитерация* (выделена синим цветом) и *ассонанс* (выделен красным цветом). Так, благодаря грамотному использованию определенных многократно повторяющихся звуков или их сочетаний автору удается подкрепить вербально созданные образы «звуковым сопровождением», целью которого является вызвать у реципиента те или иные ассоциации, эмоции.

Для начала рассмотрим глаголы “*chuckle*” и “*cluck*”. Прежде всего, необходимо отметить, что два данных слова являются примерами *ономатопеи*. Согласно Большому англо-русскому словарю В.К. Мюллера, глагол “*chuckle*” переводится как «*посмеиваться; кудахтать, гоготать*», а “*cluck*” – «*кудахтать, хлопать; хмыкать, фыркать*». Действительно, при произнесении данных слов нетрудно заметить, что их звуковые образы отдаленно напоминают кудахтанье курицы. Для того чтобы наиболее эффективным образом вызвать у реципиента данную ассоциацию, автор располагает данные слова в непосредственной близости друг от друга. Таким образом, автору удается достаточно ярко передать манеру речи героя, который, будучи переполненным гордостью за самого себя, начинает кудахтать, словно курица, повторяя одни и те же слова.

Далее мы можем видеть цепочку слов “*a great Grinchy trick*”, в которой мы выделяем аллитерацию, созданную за счет повторения звуков [gr] и [r]. Поскольку Гринч представляет собой зеленого мохнатого монстра, то сочетание таких звуков в прямой речи героя создают эффект рычания, что говорит о недовольстве Гринча, его ненависти к своим недругам. Кроме того, важную роль в передаче эмоций героя играет здесь также ассонанс – повторяющийся звук [i], при артикуляции которого губы говорящего растягиваются в стороны, что напоминает улыбку. Звукосочетание [ri] создает ощущение коварства, злорадства: после долгих раздумий у антагониста, наконец, созревает гениальный план мести, что приводит его в состояние восторга.

В тексте перевода, выполненного В. Гандельсманом, явное использование ассонанса, который вызывал бы у читателя какие-либо ассоциации, отсутствует. Однако при этом переводчик широко применяет *аллитерацию* при передаче прямой речи антагониста сказки – в данном фрагменте очевидны повторяющиеся звуки [п], [р], и [ш], которые содержатся в близко расположенных друг к другу словах. Звук [р], как и его английский аналог (звук [r]), придает речи героя рычание зверя, создает ощущение злости. Многократное повторение звука [п] при этом, подобно ударам по барабану, образует некий ритм – так, речь героя кажется чрезвычайно уверенной, а его намерения – серьезными. Также в данном фрагменте можно заметить повторение звука [ш], который напоминает либо шипение кошки и ассоциируется с раздражением, либо шипение змеи и создает ощущение скрытой опасности. Таким образом, мы можем судить о том, что В. Гандельсман действительно старается сохранить фонетическое своеобразие текста оригинала. Ему не только удается распознать задумку автора, но и мастерски передать ее благодаря использованию средств переводящего языка, в результате чего образ Гринча при переводе на русский язык претерпевает минимальные изменения.

В отличие от В. Гандельсмана, Е. Липатова не использует при переводе данного фрагмента какие-либо фонографические стилистические средства, а также опускает прямую речь главного героя. Исходя из этого, мы можем судить о потере своеобразия текста оригинала и значительном снижении уровня эмфатизации. Главный герой сказки в переводе Е. Липатовой становится более статичным и менее эмоциональным.

Перейдем к анализу лексических стилистических средств, поскольку в сказках Доктора Сьюза они находятся на втором месте по частотности использования: из 184 найденных нами стилистических средств 46 являются лексическими, что составляет 25%.

К лексическим стилистическим средствам относятся следующие средства: *метафора, олицетворение, метонимия, ирония, гипербола, эпитет, зевзма, игра слов.*

Обратимся к анализу.

Таблица 3

Пример №3 (из сказки “Horton Hatches the Egg”)

Оригинальный текст	Перевод Д. Манина и Ю. Фридман	Перевод Т. Макаровой
Poor Horton backed down With a sad, heavy heart...	И медленно слон отступил, оглушен... И сердце разбито <...>	И бедному Хортону стало невмочь. С тяжелой душой он двинулся прочь.

В данном примере рассмотрим словосочетание “*sad, heavy heart*”. В данном фрагменте заключено описание драматической кульминации сказки, где Хортон, который, несмотря на все трудности и опасности, самоотверженно высиживал и охранял яйцо на протяжении очень долгого времени, случайно находит беспечная птица Мэйзи, мать того самого яйца, попросившая слона присмотреть за своим еще не вылупившимся птенцом. В момент случайной встречи птенец начинает вылупляться, и Мэйзи, понимая, что скучное и изнуряющее высиживание яйца уже не нужно, требует Хортон вернуть ей ее ребенка. Естественно, главный герой, заботившийся о яйце все это время, невероятно расстроен. Для того чтобы передать всю душевную боль и эмоциональные переживания слона Хортон, Доктор Сьюз использует *метафору* “*heart*”, которая выступает как символ души, чувственного мира живого существа, в сочетании с *эпитетами* “*sad*” и “*heavy*”. Таким образом, автор наделяет текст чрезвычайной экспрессивностью, а также очень эффективно и доступно передает эмоции героев сказки.

При переводе данного фрагмента Д. Манин и Ю. Фридман используют *функциональную замену* и *эмфатизацию* и употребляют *метафору* в русском языке, синонимичную метафоре из текста оригинала, – «*сердце разбито*», которая, однако, отличается более сильной экспрессивностью. Кроме того, в первом переводном тексте мы можем заметить краткое причастие «*оглушен*», употребленное в переносном значении – «*ошеломленный, приведенный в бесчувствие с притупленным восприятием окружающего*». Следовательно, лексема «оглушен» является *метафорой*. Таким образом, мы можем видеть, что Д. Манин и Ю. Фридман не только пытаются сохранить, «скопировать» стилистические средства оригинала, но и смело создают собственные приемы, обладающие аналогичным эмоциональным эффектом.

Т. Макарова для передачи эмоционального состояния главного героя в данный момент повествования использует разговорную лексему «*невмочь*», которая создает в тексте перевода высокий уровень эмфатизации, не являясь при этом стилистическим средством. Кроме того, переводчику также удается сохранить и авторские стилистические средства: Т. Макарова использует *метафору* «*с тяжелой душой*», которая является равноценной оригинальному “*with heavy heart*” (*функциональная замена*). Так, читатель наглядно видит, что Хортону тяжело расставаться с уже полюбившимся ему яйцом, однако, разбитый и поникший, вынужден покинуть место действия. Таким образом, можно сделать вывод, что Т. Макарова так же достаточно успешно справляется с переводом данного фрагмента.

К синтаксическим стилистическим средствам относятся следующие средства: *инверсия, обособление, риторический вопрос, эллипсис, повторы, параллельные конструкции, ретардация, хиазм, многосоюзие, бессоюзие, апозионезис*.

Данный вид стилистических средств является третьим по частотности в произведениях Доктора Сьюза: нами было отобрано 39 примеров синтаксических стилистических средств, что составляет приблизительно 21% от их общего количества.

Перейдем к анализу.

Таблица 4

Пример №4 (из сказки “Horton Hatches the Egg”)

Оригинальный текст	Перевод Д. Манина и Ю. Фридман	Перевод Т. Макаровой
“I meant what I said And I said what I meant... But oh, am I seasick! One hundred per cent!	– Бросы не слонают... Слоны не брова... Ой, мячет, как скачик, моя голова!	– По-моему, мысль моя очень проста: я гибну от хобота и до хвоста.

Разновидностью параллелизма является такое стилистическое средство, как *хиазм*, которое также условно можно назвать «обратным параллелизмом». В данном фрагменте мы сталкиваемся с типичным и достаточно употребительным в английском языке хиазмом “*I meant what I said and I said what I meant*”, который формируется на основе *лексического повтора*. Искусственность структуры хиазма делает его очень заметным в тексте, по этой причине данный прием является мощным средством привлечения внимания реципи-

ента. Более того, как видно из примера, хиазм также является средством ритмической организации текста, усиления его образности.

Необходимо отметить, что на протяжении всей сказки главный герой, слон Хортон, в качестве доказательства своей преданности и самоотверженности несколько раз повторяет одну и ту же фразу *“I meant what I said and I said what I meant... An elephant’s faithful one hundred per cent!”*, которая к середине произведения становится своего рода афоризмом, фирменным выражением Хортона. Однако анализируемая нами фраза была взята из особой сцены, где охотники, поймавшие главного героя и замыслившие продать его в цирк за хорошие деньги, перевозят слона по океану на корабле. Бедный Хортон необычайно расстроен и подавлен. Чтобы подбодрить себя, а вместе с тем и читателя, главный герой решает произнести свою коронную фразу, ставшей символом храбрости и непобедимости слона. Однако на середине предложения Хортона внезапно настигает морская болезнь, в результате чего происходит изменение третьей строчки фразы на *“But oh, am I seasick!”*. Таким образом, мы можем судить о наличии в данном фрагменте *апозиопезиса*, благодаря которому в тексте создается комический эффект. Кроме того, этот эффект усиливается за счет *инверсии* *“am I seasick”*. Наконец, пиком заключенной здесь шутки становится финальная строчка четверостишия, в которой содержится *лексическое стилистическое средство – гипербола*, действующая в данном случае по принципу нарушения фразеологической нормы. Таким образом, мы можем судить о чрезвычайно высоком уровне экспрессии, выразительности и комичности в данном фрагменте.

Д. Манин и Ю. Фридман демонстрируют выдающуюся креативность, прибегая к одной из разновидностей *игры слов – спунеризму (функциональная замена)*. Спунеризм представляет собой нечаянную оговорку или сознательную игру слов, при которой два близких слова в предложении меняются начальными частями, слогами или отдельными буквами или звуками. При этом важно отметить, что первые два спунеризма сопровождаются *апозиопезисом*, который способствует усилению эмоционального эффекта оговорки (*калькирование*). Так, из фразы *«слоны не бросают слова»* переводчики образуют *«бросы не слонают...»* и *«слоны не брова...»*, а из фразы *«скачет, как мячик»* – *«мячет как скачик»*. Таким образом, в тексте создается ощущение болезненного состояния Хортона, в результате которого слон начинает оговариваться и не может правильно произнести свою фирменную фразу. Мы можем сделать вывод, что Д. Манину и Ю. Фридман удается в полной мере передать комический эффект, созданный автором в тексте оригинала. При этом они не просто «копируют» исходные стилистические средства, а создают свои, несколько не уступающие в выразительности и эффективности.

Что касается перевода Т. Макаровой, то апозиопезис и хиазм в нем отсутствуют, что является результатом *целостного преобразования и опущения*. Несмотря на это, переводчик все же пытается добиться комического эффекта, заложенного в тексте оригинала, за счет лексического нарушения устоявшейся в рамках сказки фразы Хортона. Во втором переводном тексте фирменное выражение главного героя звучит как *«По-моему, мысль моя очень проста: слон верен от хобота и до хвоста»*. Для того чтобы передать абсолютно разбитое эмоциональное состояние Хортона в данной сцене, Т. Макарова решает сделать *замену* словосочетания *«слон верен»* на *«я гибну»*. Однако необходимо обозначить, что в контексте детского произведения употребление лексемы *«гибну»* является недопустимым. Разумеется, это связано с особенностями эстетики и психологии детской литературы, в которой любые упоминания о таком страшном явлении как смерть являются крайне нежелательными. На наш взгляд, в данном случае более подходящими лексемами были бы *«несчастен»* или *«страдаю»*.

Отметим, что перевод Т. Макаровой не лишен стилистических средств. Так, выразительность в предложении увеличивается за счет *инверсии* *«мысль моя»* и словосочетания *«от хобота и до хвоста»*, которое переводчик придумывает сама по аналогии с русским фразеологизмом *«с головы до ног»*.

Наименее частотными стилистическими средствами в произведениях Доктора Сьюза являются лексико-синтаксические: всего 22 примера из 184, что составляет примерно 12%.

К лексико-синтаксическим стилистическим средствам относятся *антитеза, литота, сравнение, перифраз, градация, убывание*.

Обратимся к анализу.

Таблица 5

Пример №5 (из сказки “Horton Hatches the Egg”)

Оригинальный текст	Перевод Д. Манина и Ю. Фридман	Перевод Т. Макаровой
“It’s strange! It’s amazing! It’s wonderful! New!	– Как странно! Как ново! А вдруг это модно?	Как забавно! Как ново! Ведь это неслыханно!

В данном примере мы сталкиваемся с таким лексико-синтаксическим стилистическим средством как *градация*, которая сопровождается *синтаксическим параллелизмом* (цепочка неопределенно-личных предложений). Параллелизм, в свою очередь, приводит к созданию *анафоры*. Очевидно, что определенная последовательность ряда выражений, характеризующаяся повышением смысловой и эмоционально-оценочной значимости, закрепляет в тексте четкий ритм и восходящую интонацию, что делает речь чрезвычайно динамичной, выразительной и эмоциональной.

Д. Манин и Ю. Фридман так же используют *градацию* при переводе данного отрывка, однако количество входящих в ее состав выражений несколько уменьшается: так, применив трансформацию *опущения*, переводчики не передают выражения “*It’s amazing!*” и “*It’s wonderful!*”. Несмотря на это, Д. Манин и Ю. Фридман, очевидно, пытаются компенсировать данные семантические и стилистические потери и при помощи *добавления* создают другое стилистическое средство – *риторический вопрос* «*А вдруг это модно?*», который удачно вписывается в градационный ряд и как бы дополняет его, становится его членом. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Д. Манин и Ю. Фридман удается в полной мере передать экспрессивность и эмоциональность текста оригинала.

Т. Макарова также сохраняет *градацию* при переводе данного фрагмента, при этом количество элементов градационного ряда здесь сокращается. Так, переводчик *опускает* при переводе выражение “*It’s wonderful!*”. Кроме этого, меняется также и лексическая наполненность фрагмента: в результате *конкретизации* лексема “*strange*” сужается до «*неслыханно*», а лексема “*amazing*” – до «*забавно*». Каждое из данных вариантов соответствий отличается повышенной эмоциональной оценкой, поэтому Т. Макарова успешно воссоздает экспрессивность текста оригинала.

На основе проведенного анализа практического материала мы делаем следующие выводы.

Сказки Доктора Сьюза богаты различными стилистическими средствами, что говорит о высокой образности и выразительности произведений.

Каждый стилистический прием выполняет свои определенные функции. При этом использование стилистических средств зачастую носит комплексный характер – они употребляются во всевозможных комбинациях, что приводит к усилению общего стилистического эффекта в тексте.

Наиболее частотными стилистическими средствами в произведениях Доктора Сьюза являются *графические* и *фонетические*.

Благодаря графическим стилистическим средствам автор выделяет семантически важные отрезки текста (слова, словосочетания и целые предложения), создает в тексте особую эмоциональность, задает определенную интонацию, передает чувства персонажей, делая их своеобразными и динамичными.

Игнорирование графических средств выразительности при переводе приводит к значительным стилистическим потерям в переводящем тексте.

Важную роль в произведениях Доктора Сьюза также играют фонетические стилистические средства, поскольку детские сказки очень часто читаются вслух. Так, повествование приобретает звуковое сопровождение, подкрепляющее вербально созданные образы и делающее сказку более увлекательной и яркой для юного читателя.

Фонетические стилистические средства являются специфическим компонентом перевода и требуют лингвистической креативности со стороны переводчика.

Вторыми по частотности в произведениях Доктора Сьюза являются *лексические стилистические средства*. Они обладают наибольшей эффективностью в создании образности и выразительности в тексте.

При передаче лексических стилистических средств наиболее частотной трансформацией является *функциональная замена*. При этом наименее частотными переводческими трансформациями являются *генерализация*, *эмфатизация* и *объединение предложений*.

Третьими по частотности использования в сказках Доктора Сьюза являются *синтаксические стилистические средства*. Они способствуют приданию выразительности и образности тексту, яркому описанию персонажей, привлечению внимания читателя, а также созданию определенного ритма и интонации в тексте.

При передаче синтаксических стилистических средств наиболее частотной трансформацией является *добавление*. При этом наименее частотными переводческими трансформациями являются *конкретизация*, *конверсия* и *сокращение*.

Наименее употребительными стилистическими средствами в произведениях Доктора Сьюза являются *лексико-синтаксические*. Они в значительной мере способствуют приданию динамики повествованию, делают его более ярким и выразительным.

При передаче лексико-синтаксических стилистических средств наиболее частотной трансформацией является *опущение*. При этом наименее частотными переводческими трансформациями являются *конверсия*, *генерализация* и *сокращение*.

Чрезвычайно важным аспектом, влияющим на избираемые переводчиками стратегии передачи стилистических средств при переводе произведений Доктора Сьюза, является то, что текст сказок является стихотворным. Так, решения переводчика при переводе стихотворного текста во многом диктуются необходимостью создания рифмы в тексте языка перевода.

При переводе произведений детской литературы переводчик должен учитывать специфику данного жанра: перевод должен быть адекватным в контексте детской сказки, где непосредственное затрагивание таких тем как смерть, насилие и т.д. является недопустимым.

Литература

1. Доктор Сьюз. Как Гринч украл Рождество: Рис. автора; пер. с англ. Владимира Гандельсмана. М.: АСТ; СПб.: Кырля-Мырля, 2008. 58 с.: ил.
2. Доктор Сьюз. Слон Хортон высиживает яйцо: Рис. автора; пер. с англ. Дмитрия Манина и Юлии Фридман. М.: АСТ; СПб.: Кырля-Мырля, 2008. 56с.: ил.
3. Кухаренко, В. А. Практикум по стилистике английского языка. М.: Флинта; Наука, 2009. 184 с.
4. Липатова Е. Как Гринч украл Новый Год – Доктор Сьюз. Стихи.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.stihi.ru/2006/12/07-2354> (дата обращения 6.12.2017)
5. Макарова Т. Слон Хортон высиживает яйцо – Доктор Сьюз. LIVEJOURNAL [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://uksare.livejournal.com/125069.html> (дата обращения 6.12.2017)
6. Полозова Т.Д., Туюкина Г.П., Полозова Т.А., Бархота М.П. Русская литература для детей: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Под ред. Т.Д. Полозовой. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 1998.
7. Dr. Seuss: American Author and Illustrator. Encyclopædia Britannica, Inc. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.britannica.com/biography/Dr-Seuss> (дата обращения: 1.12.2017)
8. Geisel, Theodor Seuss, 1904 – How the Grinch Stole Christmas, by Dr. Seuss [pseud.] New York, Random House [1957] unpagged. illus.
9. Geisel, Theodor Seuss. Horton Hatches the Egg, by Dr. Seuss [pseud.] New York, Random House [1940] unpagged. illus

References

1. Doktor S'juz. Kak Grinch ukral Rozhdestvo: Ris. avtora; per. s angl. Vladimira Gandel'smana. M.: AST; SPb.: Kyrlja-Myrlja, 2008. 58 s.: il.
2. Doktor S'juz. Slon Horton vysizhivaet jajco: Ris. avtora; per. s angl. Dmitrija Manina i Julii Fridman. M.: AST; SPb.: Kyrlja-Myrlja, 2008. 56s.: il.
3. Kuharenko, V. A. Praktikum po stilistike anglijskogo jazyka. M.: Flinta; Nauka, 2009. 184 s.
4. Lipatova E. Kak Grinch ukral Novyj God – Doktor S'juz. Stihi.ru [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://www.stihi.ru/2006/12/07-2354> (data obrashhenija 6.12.2017)
5. Makarova T. Slon Horton vysizhivaet jajco – Doktor S'juz. LIVEJOURNAL [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://uksare.livejournal.com/125069.html> (data obrashhenija 6.12.2017)
6. Polozova T.D., Tujukina G.P., Polozova T.A., Barhota M.P. Russkaja literatura dlja detej: ucheb. posobie dlja stud. sred. ped. ucheb. Zavedenij. Pod red. T.D. Polozovoj. 2-e izd., ispr. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 1998.
7. Dr. Seuss: American Author and Illustrator. Encyclopædia Britannica, Inc. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <https://www.britannica.com/biography/Dr-Seuss> (data obrashhenija: 1.12.2017)
8. Geisel, Theodor Seuss, 1904 – How the Grinch Stole Christmas, by Dr. Seuss [pseud.] New York, Random House [1957] unpagged. illus.
9. Geisel, Theodor Seuss. Horton Hatches the Egg, by Dr. Seuss [pseud.] New York, Random House [1940] unpagged. illus

*Kurts M.A., Postgraduate,
Kerimova K.R., Postgraduate,
Surgut State University*

Linguostylistic aspects of the translation of children's literature from English into Russian

Abstract: this work is devoted to the study of the functioning of children's literature and the specifics of its translation from English into Russian on the material of fairy tales by the American writer Dr. Seuss. The relevance of the research lies in the fact that, despite the abundance of works devoted to the general problems of translating a literary text, there are very few studies in linguistics regarding the peculiarities of translating fiction for children as a special genre. The material for the study was three Dr. Seuss' fairy tales in English and their translations into Russian: "How the Grinch Stole Christmas", "Horton Hatches the Egg" and "The Cat in the Hat". The purpose of the study is to identify the features of the translation of children's literature. The objectives of the study are to compare and analyze translations of selected works in the context of the translation transformations used, followed by consideration of the representativeness of certain translation solutions. The practical value of the research is determined by the fact that its results can be used in the field of theory and practice of translation, in teaching Russian, English and in preparation for lectures and seminars on theoretical aspects of these languages, as well as in the process of translator's activity, both oral and written.

Keywords: children's literature, Dr. Seuss, stylistic means, translation features, translation transformation

For citation: Kurts M.A., Kerimova K.R. Linguostylistic aspects of translation of children's literature from English into Russian. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 55 – 62.

*Салимова Г.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Тагиров У.М.,
Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
Исхакова Р.Р., кандидат филологических наук, доцент,
Исхакова Г.С.,
Сибайский институт, филиал Уфимского университета науки и технологий*

Особенности научного стиля русского и башкирского языков

Аннотация: в данной статье раскрываются языковые и структурные особенности научного стиля русского и башкирского языков. Основным и, по мнению авторов работы, наиболее рациональным методом для выявления характерных черт того или иного языка является сравнительно-сопоставительный анализ стилей языка, в том числе научного. В работе рассматриваются примеры, показывающие, какие предложения преобладают в научных текстах на русском и башкирском языках. Выделяется главная функция научного стиля – познавательная. Раскрывается сущность понятий собственно-научного, учебно-научного и научно-популярного подстилей. Представлены характеристики каждого из них. На конкретных примерах из учебников, учебных пособий, научных трудов на русском и башкирском языках доказывается, что разновидности, свойства, смысловая структура научного стиля исследуемых языков сходные; различие заключается только в построении предложений.

Ключевые слова: научный стиль речи, научный текст, собственно-научный подстиль, учебно-научный подстиль, научно-популярный подстиль, тип речи, специальная терминология

Для цитирования: Салимова Г.Н., Тагиров У.М., Исхакова Р.Р., Исхакова Г.С. Особенности научного стиля русского и башкирского языков // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 63 – 66.

Словарное и грамматическое богатство языка заключается в количестве средств языка и их стилистическом разнообразии. Стили и стилистические средства языка являются объектом исследования стилистики как науки. От цели высказывания и условий общения, от обстановки речи зависит уместность или неуместность употребления средств языка, т.е. для каждой сферы общения присущ свой стиль речи.

Стиль речи, охватывающий научную сферу общественной деятельности, называется научным. Функция научного стиля заключается в передаче научной информации для подготовленной (специалистов) и заинтересованной публики. В связи с этим выделяют собственно-научный, учебно-научный и научно-популярный подстили [6, с. 18]. Собственно-научный стиль отличается строгостью изложения, обилием специальной терминологии; особое внимание уделяется лексическому составу и грамматическому строю языка. Оценочная и эмоционально-экспрессивная лексика в таком стиле недопустима [10, с. 77-80]. Слова употребляются лишь в прямом значении. Например, в медицинских текстах встречаются такие слова, как: *инфекция, инъекция, дегидратация, акупунктура, анамнез*; в языкознании: *адстрат, архаизмы, гипероним, грамматика, диалект, диахрония* и т.д.

В научных текстах и на русском, и на башкирском языках преобладают односоставные глагольные предложения (*рассмотрим такой случай, придём к выводу, что..., шундай һығымтаға киләбез*) и сложно-подчиненные предложения. Например, по мнению В.В. Бабайцева, «при употреблении местоимения «он» нужно помнить, что это местоимение обычно заменяет ближайшее предшествующее к нему существительное» [2, с. 224]. «Башкорт тел ғилемдә, эйәрсән һөйләмдә баш һөйләмгә бәйләнеү юлына карап, эйәртеүле кушма һөйләмдәре төзөлөшө буйынса аналитик, синтетик һәм аналитик-синтетик тигән төрҙәргә бүлөп өйрәнеү кабул ителгән» [11, с. 329]. Но при этом в обоих языках одно и то же предложение может иметь разное грамматическое строение. Так, в предложении «Учёными было доказано, что слова способны оживлять мёртвые клетки!» главное предложение сложноподчинённого предложения «учёными было доказано» является односоставным. В башкирском языке это же предложение звучит следующим образом: *Ғалимдар исбатлауынса, һүзәр үле күзәнәктәрҙе терелтә ала!* Здесь «Ғалимдар исбатлауынса» является вводной конструкцией.

Научно-популярный подстиль совмещает в себе логичность и эмоциональность, абстрактность и конкретность, объективность и субъективность. Иными словами, если в собственно-научном подстиле автор не выражает своего присутствия, отношения к тому, о чём говорит, то в данном подстиле мы его «чувствуем». В научно-популярных текстах специальной терминологии меньше, чем в научных текстах. В них присутствует некий диалог между автором и аудиторией. Для привлечения внимания читателя широко используются такие выразительные средства, как риторические вопросы и восклицательные предложения. Домини-

руют двусоставные предложения. Например, местоимение «вы» присутствует как вежливая форма обращения младших к старшим по возрасту [2, с. 223]. «Хәбәр һөйләмдәр баш һөйләмгә эйә һөйләм кеүек үк аналитик саралар; мөнәсәбәт һүзәр һәм интонация ярзамында бәйләнә» [7].

И в русских, и башкирских текстах научно-популярного подстиля присутствие автора проявляется через вводные слова. Словами, которые передают отношение говорящего к происходящему, порядок мыслей, уверенность, неуверенность, являются следующие: русск. *возможно, может быть, очевидно, безусловно, вероятно, однозначно, кроме этого, таким образом, итак*. Например: *Астрономы с помощью современных информационных технологий обнаружили новую планету, которая по своей атмосфере очень близка к земной. Безусловно, это открытие произвело настоящую революцию в сфере космических открытий. Как рассказали учёные, возможно, что в скором времени к этому объекту отправится первая экспедиция с целью исследования пригодности планеты для обитания человека* («Небосвод», № 6, 2017).

В башкирской научной литературе также допускается использование вводных слов (инеш һүзәр): *ахыры, бугай, бынан тыш, могайын, тимәк, гәмүмән, әйтәйек, әлбиттә*. Например: 1. *Тимәк, архитектор А.П. Брюллов, халыктың һорауын иҫәпкә алып, гәзәти башкорт ауылы күренешен һәм үзенәлектәрән сағылдыра алған* [4, с. 32]; 2. *Шулай итеп, бизәү өлгөләр һәм традицияһы бөгөнгәсә һаклана килгән* [4, с. 35].

В научно-популярном тексте возможно использование фразеологизмов или фраз в переносном значении. Например: *Как заявляют социологи, за последние 30 лет среди молодёжи резко увеличилось «бремя болезней», ведущей к медленной и мучительной смерти* [12, с. 64-79].

В научных текстах башкирского языка фразеологизмы используются нечасто: 1. *Айырым лексик мәгәнәһе булған иркәләү һүзәрә, баш һүз итеп алынып, ирк. билдәһе менән төп формаға тосқалды* [3, с. 13]; 2. *Иҫ китмәле опералар һәм йөрәккә үтеп инмәле халықсан йырҙар яҙған композиторҙың «Яңы йырҙар» йыйынтығы бик йылы каршыланды* [4, с. 43]. Но чаще встречаются устойчивые словосочетания: *дискуссияны йәнләндерәү, дәрәжәгә күтәрәү, тармакланыу нөктәһе*.

Научно-учебный подстиль объединяет черты и собственно-научного, и научно-популярного подстилей. Такие тексты наиболее актуальны для педагогической и учебной деятельности. Термины, последовательность изложения, наглядность, доступность, занимательность – ключевые признаки научно-учебного подстиля, к которому относятся такие жанры, как учебные пособия, лекция, семинарский доклад, ответы на экзамене.

Следует отметить, что, хотя научный стиль подразумевает употребление специальной терминологии, тексты, принадлежащие данному стилю, должны быть доступными для восприятия реципиентом. Великие учёные Ч. Дарвин, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов и др. излагали свои труды так, чтобы их понимали не только специалисты, но и ученики. Ведь главная функция научного стиля – познавательная, которая заключается в формировании представления о мире, хранении и передаче научной информации, совершении мыслительных операций (сравнение, анализ, синтез).

Независимо от сферы науки (естественные, гуманитарные или точные) и жанровых различий (диссертация, монография, научная статья или учебное пособие), научные тексты отражают причинно-следственные и ряд других видов отношений. Соответственно, синтаксический строй таких текстов включает в себя сложноподчинённые предложения с придаточными предложениями времени, места, условия, причины, следствия. В башкирском языке также встречаются такие предложения; они обозначаются терминами «һөҙөмтә һөйләм», «урын, сәбәп, шарт мөнәсәбәттәрән белдерәүсә һөйләмдәр». Предложения с прямой речью и диалоги отсутствуют в научных статьях.

Построение предложения в русском и башкирском языках различаются. В русском языке за подлежащим сразу следует сказуемое, обычно в начале предложения: 1. *Учёные обнаружили, что растения тоже «кричат» от боли, только ультразвуком*; 2. *Исследователи подтвердили, что внутреннее ядро Земли твердое*. А в башкирском языке подлежащее и сказуемое находятся на некотором «расстоянии» друг от друга: 1. *Ит яратаһығыҙмы? Ғалимдар уны күп кенә ауырыуҙарҙан һаклай, тип иҫбат итә*; 2. *Язмаларҙы тикшереп карағандан һуң, ғалимдар, безҙең тирә-яҡ мөхитебезҙә һиндәйҙер күзгә күренмәһе, тере аҡыл әйәләре туп-тулы тигән һығымтаға киләләр*.

В русском языке глагол в научном стиле может употребляться в прошедшем, настоящем и будущем времени, например: 1. *Вода в природе всегда контактирует с землей* (наст.вр.); 2. *Система символов элементов была предложена в 1811 году* (прош.вр.) [9]; *Если вы заглянете в сахарницу или солонку, то увидите, что сахар и соль состоят из довольно мелких крупинок* (буд. вр.) [8].

В башкирском языке глаголы имеют форму настоящего времени в научной литературе. Это объясняется постоянством научных законов, правил, закономерностей. Например: *Башкорт теленең аңлатмалы һүзлегә тәүләп донъяға сыға* [3, с. 5].

Итак, в основе научного стиля лежит лексический состав языка (общеупотребительные слова, термины, слова только в прямом значении) и грамматический строй языка (сложные синтаксические конструкции, вводные конструкции, прямой порядок слов, чаще – односоставные предложения, логическая последовательность).

Тавтология в научном тексте не считается речевой ошибкой, так как повторы позволяют лучше понять содержание текста: 1. *Атомы бывают различные. Атомы каждого вида одинаковы между собой, Так атомы углерода, азота и кислорода имеют различные размеры, Атом – система взаимодействующих элементарных частиц, ...* [5]; 2. *Эйәртеүле кушма һөйләмдәрҙең үзенсәлектәрен анализлағанда ла автор был төр синтаксик конструкцияларҙың рәсми күрһәткестәрен асыҡлауға төп игтибарын бүлгән һәм, шуларҙан сығып, ул эйәрсән һөйләмдәрҙең төрҙәрен һәм грамматик төзөлөшөн тикшергән; эйәрсән һөйләмдәрҙе барлыкка килтереүсә сараларҙы асыҡлаган, эйәрсән һөйләмдәрҙең килеү урынын, эйәрсән һөйләмдәрҙең баш һөйләмгә бәйләнеү юлдарын күрһәткән* [1, с. 14].

Для научных текстов присуще употребление существительных, выражающих понятие признака состояния (с суффиксами -изм, -ость, -ство, -ие и др.): *фрейдизм, законность, учительство, бытие* и т.д. В башкирском языке эти же понятия образуются при помощи суффиксов -лык, -лок, -еү, -өү –ыу и др.: *ысынбарлык, торғонлок* и т.д.

Таким образом, тип речи в научном стиле – рассуждение или повествование с элементами рассуждения. Преобладает фактологическая точность и абстракция, обобщение. Научный текст составляется заранее по определённому стандарту и структуре, что характерно для научных текстов как в русском, так и в башкирском языке.

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что особенности научного стиля в русском и башкирском языках совпадают, различие состоит лишь в построении предложений.

Литература

1. Арысланова М.С. Башкорт теленең стилистикаһы (функциональ стилдәр): башкорт филологияһы факультеты студенттары өсөн укыу кулланмаһы. Стәрлетамак: БДУ-ның Стәрлетамак фил., 2013. 67 б.
2. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. 5-9 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2012. 415 с.
3. Башкорт теленең һүзлегә / Россия фәндәр академияһы. Башкортостан ғылыми үзәге. тар., тел һәм әз. институты. М.: Рус. яз., 1993. 867 б.
4. Буракаев И.Д., Буракаева М.С., Юлмөхәмәтов М.Б. Башкорт мәҙәниәте (Тормош һабактары): IX сыныф өсөн дәреслек. 1-се баһма. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 2004. 176 б.
5. Глинка Н.Л. Общая химия: в 2 т. Т. 1: учебник для вузов / под ред. В.А. Попкова, А.В. Бабкова. 20-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 353 с. URL: https://arttaller.com/books/sdelay_sam/glinka/glinka.html (дата обращения: 10.05.2023)
6. Гордеева О.И., Пономарева. Е.Н. Научный стиль русского языка: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 79 с.
7. Сәмиғуллина Л.Л. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисы: Укыу кулланмаһы. Стәрлетамак: Стәрлетамак дәүләт педагогия институты, 2003. 64 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002404539> (дата обращения: 08.05.2023)
8. Химические науки и образование в России. URL: <https://www.chem.msu.ru/rus/school/zhukov1/01.html> (дата обращения: 16.05.2023)
9. Шиманович И.Е., Василевская Е.И., Сечко О.И. Химия. 8 класс: учебник. Минск: Народная асвета, 2011. 219 с.
10. Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный анализ лексики // Язык и культура. 2010. № 4. С. 77 – 80.
11. Мөхәр. А.М. Азнабаев, Тикеев Ф.С. Хәзерге башкорт теле грамматикаһы. Өфө: Китап, 2018. 472 б.
12. Шматова Ю.Е. Экономическая и статистическая оценка проблемы алкогольной зависимости в России (региональный аспект) // Society and Security Insights. 2019. № 2 (3). С. 64 – 79.

References

1. Aрысланова М.С. Bashkort teleneң stilistikahy (funkcional' stildər): bashkort filologijahy fakul'tety studenttary ösөн укыу kullannmahy. Stərletamаk: BDU-ның Stərletamаk fil., 2013. 67 b.
2. Babajceva V.V., Chesnokova L.D. Russkij jazyk. Teorija. 5-9 kl.: ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. M.: Drofa, 2012. 415 s.

3. Bashkort teleneң һүзlege. Rossiya fəndər akademijahy. Bashkortostan ғилми үзәge. tar., tel һәм әз. instituty. M.: Rus. jaz., 1993. 867 b.
4. Burakaev I.D., Burakaeva M.S., Julmöhämətov M.B. Bashkort məzəniäte (Tormosh habaktary): IX sinyf ösөн dərəslək. 1-se baçma. Öfə: Bashkortostan «Kitap» nəshriäte, 2004. 176 b.
5. Glinka N.L. Obshhaja himija: v 2 t. T. 1: uchebnik dlja vuzov. pod red. V.A. Popkova, A.V. Babkova. 20-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2023. 353 s. URL: https://arttaller.com/books/sdelay_sam/glinka/glinka.html (data obrashhenija: 10.05.2023)
6. Gordeeva O.I., Ponomareva E.N. Nauchnyj stil' russkogo jazyka: uchebnoe posobie. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2010. 79 s.
7. Səmirullina L.L. Bashkort teleneң kushma höjləm sintaksisy: Ukyu kullannmahy. Stərletamak: Stərletamak dəylət pedagogija instituty, 2003. 64 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002404539> (data obrashhenija: 08.05.2023)
8. Himicheskie nauki i obrazovanie v Rossii. URL: <https://www.chem.msu.su/rus/school/zhukov1/01.html> (data obrashhenija: 16.05.2023)
9. Shimanovich I.E., Vasilevskaja E.I., Sechko O.I. Himija. 8 klass: uchebnik. Minsk: Narodnaja asvesta, 2011. 219 s.
10. Homutova T.N. Nauchnyj tekst: integral'nyj analiz leksiki. Jazyk i kul'tura. 2010. № 4. S. 77 – 80.
11. Məhər. A.M. Aznabaev, Tikeev F.S. Həzgerge bashkort tele grammatikahy. Öfə: Kitap, 2018. 472 b.
12. Shmatova Ju.E. Jekonomicheskaja i statisticheskaja ocenka problemy alkohol'noj zavisimosti v Rossii (regional'nyj aspekt). Society and Security Insights. 2019. № 2 (3). S. 64 – 79.

*Salimova G.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tagirov U.M.,
Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak branch,
Iskhakova R.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Iskhakova G.S.,
Ufa University of Science and Technology, Sibai Institute (branch)*

Peculiarities of the scientific style of the russian and bashkir languages

Abstract: the present article reveals the linguistic and structural features of the scientific style of the Russian and Bashkir languages. The main and, according to the authors of the work, the most rational method for identifying the characteristic features of a particular language is a comparative analysis of language styles, including the scientific one. The article includes example showing what kind of sentences prevail in scientific texts in the Russian and Bashkir languages. The main function of the scientific style is cognitive. The notions of proper-scientific, educational-scientific and popular scientific substructures are revealed. The characteristics of each substructure are presented. On the examples from textbooks, textbooks, and scientific works it has been proved that the varieties, properties and semantic structure of the scientific style in both the Russian and Bashkir languages are similar; the difference lies only in the construction of sentences.

Keywords: scientific style of speech, scientific text, proper scientific substyle, educational and scientific substyle, popular scientific substyle, type of speech, special terminology

For citation: Salimova G.N., Tagirov U.M., Iskhakova R.R., Iskhakova G.S. Peculiarities of the scientific style of the russian and bashkir languages. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 63 – 66.

*Ткачёва Р.А., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Михайлова Н.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Кузнецова А.А., кандидат филологических наук, доцент,
Тверской государственной медицинской университет Минздрава России*

Художественная деталь как инструмент анализа художественного мира рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда»

Аннотация: в статье рассматривается художественная деталь как инструмент анализа художественного мира рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда», который позволяет приблизиться к пониманию глубинных смыслов, скрытых в системе образов рассказа, и выявить сложные связи между ними. Авторы показывают, как художественная деталь определяет сущностные черты художественных пространств главных героев рассказа: мертвящее пространство Якова воплощено в развёрнутой пространственной метафоре; живой мир Марфы создают символические детали пейзажа, зоонимы в портретной характеристике. В статье отмечена смыслообразующая роль колоронимов, выступающих и символом живого начала, и «образосвязующей» деталью, и маркером принадлежности персонажа к определенному пространству. Авторы статьи полагают, что Ротшильд, фамилия которого содержит отсылку к династии известных банкиров, сам символизирует банкира, призванного через игру на скрипке сохранять и преумножать музыкальную исповедь страдающей души Якова. Статья позволяет сделать вывод, что привлечение к анализу художественного мира рассказа художественных деталей позволило глубоко и разносторонне проанализировать содержание произведения А.П. Чехова и обозначить символику, заложенную в названии рассказа.

Ключевые слова: А.П. Чехов, художественный мир рассказа, художественная деталь, пейзаж, колороним, пространственная метафора, символика фамилии Ротшильд

Для цитирования: Ткачёва Р.А., Михайлова Н.Д., Кузнецова А.А. Художественная деталь как инструмент анализа художественного мира рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 67 – 73.

Сюжет рассказов А.П. Чехова чаще всего несложен и обычно не играет решающей роли в понимании их содержания. Значительная часть смысла скрыта за «художественной деталью, которая у Чехова всегда играет важную роль <...> и может брать на себя едва ли не главную смысловую нагрузку в характеристике героя» [7, с. 176]. Скрупулезный анализ сопряжения событий, тем и образов позволяет приблизиться к пониманию глубоких смыслов, скрытых в произведениях А.П. Чехова. Исходя из того, что «каждое явление художественного мира существует в нём не потому, что существуют, а потому, что нечто провозглашает, выражает, потому что содержит в себе идею» [9, с. 7], и все «многообразные компоненты смысла», которые, «находясь под одной рамкой художественного мира, вступают в неизбежное взаимодействие» [2, с. 284], обратимся к анализу известного рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда».

Главный герой рассказа, Яков Матвеевич Иванов, по прозвищу Бронза, живёт вместе со своей женой Марфой в маленьком городишке и занимается тем, что делает гробы и иногда играет в местном оркестре на свадьбах и праздниках. Ремесло гробовщика исказило чувства и мировосприятие Якова, наложило страшную печать на его отношения с миром. Подчиняясь логике смерти, способной только все отбирать у человека и нести ему убытки, Яков тоже в своем ремесле ведет скрупулезный подсчет не доходов, а убытков; сетует, что старики в их городке слишком зажились на этом свете; и детская смерть его потрясает: «Заказы на детские гробики принимал он очень неохотно и делал их прямо без мерки, с презрением» [1, с. 430]. Он груб и бесчувственен и к собственной жене, и к окружающим людям. Усиливая погруженность героя в ауру смерти, Чехов строит описание его жилища как пространственную метафору гроба, которая наделена «способностью вбирать в себя сущностные черты всего художественного мира произведения, отсылать к важнейшим чертам в характеристике персонажа» [4 с. 34]: это изба, следовательно, она, подобно гробу, сделана из дерева, в ней только одна комната (нет перегородок), а из мебели, кроме гробов и верстака для их изготовления, есть только кровать (на ней, как и в гробу, лежат) [подробнее см. – 6, с. 16-18]. Тема связи Якова-гробовщика со смертью является по сути развёрнутой метафорой выражения «УГРОБИТЬ свою жизнь». Гробы изымают из его жизни всё, что могло бы наполнить ее смыслом: друзей, семейное счастье, веселье, возможность реализовывать себя в музыке и получать от этого прибыль.

Но крышка гроба еще не захлопнулась над Яковым, и в его душе еще остался живой уголок – там, где живет музыка. Не только в оркестре, но и дома, когда были запретные для работы дни, «Яков весь день играл на скрипке» [1, с. 435]. Но музыка только слегка поддерживает душу талантливого музыканта «на пла-

ву» жизни, ничего не меняя в ней кардинально. Способна ли такая душа к возрождению и что может всколыхнуть ее и дать ей прозрение?

Чехов не раз приводил своих героев к осознанию совершенных ими ошибок, часто осознанию трагическому, запоздалому, когда уже ничего исправить нельзя. Таковы отчаянные мысли последних минут жизни врача Андрея Ефимовича Рагина о преступном равнодушии к страданиям своих пациентов («Палата №6»); бесполезные призывы Ольги Ивановны к умершему мужу, «великому», как она поняла, человеку, и обещания любить его («Попрыгунья»). Каждое «пробуждение» героя в новое состояние души и мыслей имело в рассказах свой толчок, свое событие.

Есть поворотное событие и в жизни Якова, и его значимость отмечена в тексте по-особому. Во-первых, оно получает дату, единственную в тексте рассказа – «шестого мая прошлого года», что в «безвременном» повествовании рассказа, не содержащем никакого указания на время, не может не быть маркером знаковости. Во-вторых, ставит в тупик его временная оценка: «прошлого года», ведь всё повествование до этой даты, сама эта дата и всё, что происходило потом, осознаются как настоящее время, «сейчас» и нигде не выходят за рамки этого времени. Тогда откуда «прошлый» год? Ответ находим только в самом конце рассказа, в маленьком тексте о судьбе скрипки после смерти Якова, когда появляется слово «теперь»: «*И теперь в городе все спрашивают: откуда у Ротшильда такая хорошая скрипка?*» [1, с. 439]. То есть время, когда скрипка стала скрипкой Ротшильда, оценивается как авторское настоящее время, а все, что связано с шестым мая, – как прошлый год. Что же произошло шестого мая? «*Шестого мая прошлого года Марфа вдруг занемогла*». Знаковым, поворотным событием в рассказе, определившим отсчет времени, стала внезапная болезнь Марфы. Но как Марфа, ничего, казалось бы, не значившая в жизни Якова, могла «перевернуть» его жизнь? Он сам вспоминал, что за всё время жизни с Марфой он «*ни разу не подумал о ней, не обратил внимания, как будто она была кошка или собака*», «*за всю жизнь он ни разу не пожалел Марфы, не приласкал <...> а только кричал на неё, бранился за убытки, бросался на нее с кулаками; правда, он никогда не бил ее, но все-таки пугал, и она всякий раз цепенела от страха*» [1, с. 434, 435].

Как в жизни Якова, так и в сюжете рассказа Марфе отведено скромное место. Но в художественном мире рассказа ей принадлежит обширное художественное пространство, наполненное жизнью, памятью о счастье под зеленой вербой на берегу вольной реки с птицами. Наличие «функционально-эстетического «слоя» пейзажей» позволяет автору решить определенные художественные задачи, когда включенные в художественный образ смыслы определяют связи персонажей, дают маркеры в их оценке, ведут к глубинному перерождению души главного героя [3, с. 216].

Тема «живой жизни» в художественном пространстве Марфы начинается с избы, где ей принадлежит печь, вода и часть кровати, о которой не случайно, при крайне скупом описании обстановки избы, сказано «двухспальная»: «в этой комнате помещались он, Марфа, печь, двухспальная кровать», и, как и Якову, скрипка. Печь и вода закреплены в тексте исключительно за Марфой: уже больная, Марфа «*пошатывалась, но утром сама истопила печь и даже ходила по воду*»; заболев, она «много пила воды» [1, с. 431, 432]. Вернувшись из больницы, обессиленная «*Марфа, войдя в избу, минут десять стояла, держась за печку*». Она могла бы опереться на верстак или на стоящие гробы – но, оставаясь в своем пространстве, держится за печку. Уже после смерти Марфы, возвращаясь с кладбища и вспоминая жену, Яков видит ее только в ее пространстве: «*она каждый день топила печь, варила и пекла, ходила по воду, рубила дрова*». А печка, и вода, и приготовление пищи – это тепло, уют, это то, что поддерживает и обеспечивает жизнь. Это живая часть избы, альтернативная «гробовому» пространству Якова. Интересно, что больного Якова (очевидно, заразился от жены) тоже «*тянуло пить*» [1, с. 435], но в тексте рассказа он ни дома, ни гуляя после похорон возле реки, несмотря на жажду, не пьет воду. Вода, этот источник жизни, в художественном пространстве рассказа пока что принадлежит только Марфе.

Мотив воды в образе Марфы находит свое продолжение в картинах реки и птиц над водой. Марфа через всю жизнь пронесла счастливые воспоминания молодости, как они с Яковым «*всё на речке сидели и песни пели... под вербой*». «В художественном произведении пейзаж всегда находится в тесной связи с сюжетом, чувствами и состоянием героев» [7, с. 178]. «Пространственные реалии могут являть собою определённые нравственные и мировоззренческие нормы и представления» [5, с. 38-39]. Эти живущие в ней воспоминания выводят ее мир из тесной избы на речные просторы, внося в него не забытые ею чувства радости, любви и счастья. Портретная зарисовка героини, сделанная автором во время ее посещения больницы, отмечает ее сходство с птицей, «которой хочется пить»: «*она сидела на табуретке сгорбившись и, тощая, остроносая, с открытым ртом, походила в профиль на птицу, которой хочется пить*» [1, с. 433]. Важность этих портретных деталей в образе Марфы подчёркивается их повтором в спутанном ночном видении Якова, где они уже явно вписаны в круг атрибутов реки: верба, рыба, гуси: «*Вечером и ночью мерещились ему младенец, верба, рыба, битые гуси, и Марфа, похожая в профиль на птицу, которой хочется пить, и бледное,*

жалкое лицо Ротшильда». Чехов нередко использует зоонимы в создании художественного образа, чтобы с их помощью выявить важные, сущностные черты героя «для метафорической характеристики кого-либо или чего-либо», и «они придают сравнению «яркую метафорическую образность, стилистическую разносторонность» [8 с. 65; 7 с. 177].

Что помогало Марфе столько лет сохранять с себе счастливые воспоминания молодости, не ожесточиться, не очерстветь, живя рядом с равнодушным к ней и грубым мужем? Есть в доме предмет, столь важный в художественном мире рассказа, что он взят в его название, – скрипка, являющаяся по сути овеществлённым воплощением живой души Якова. И когда он на ней играл, его душа наконец-то находила свой язык. И, вероятно, за эту душу Марфа всю жизнь молча любила своего мужа. «Когда он возвращался пьяный со свадеб, она всякий раз с благоговением вешала скрипку на стену» [1, с. 435]. Это благоговение не перед скрипкой как вещью, а перед тем, что через неё раскрывается в Якове. Ведь «благоговение» и забота проявляются не однажды, не иногда, а «всякий раз». И, пьяного, она «укладывала его спать, и всё это молча, с робким, заботливым выражением» [1, с. 435]. Эти строки объясняют, почему в ее сердце всегда были живы радостные картины молодого счастья с ним. В последний свой вечер перед смертью она заговорила об этом с Яковым, приглашая его в эту свою радость. «Помнишь, Яков? – спросила она, глядя на него радостно. – Помнишь, пятьдесят лет назад нам Бог дал ребёночка с белокурыми волосиками? Мы с тобой тогда всё на речке сидели и песни пели... под вербой. – И, горько усмехнувшись, она добавила: – Умерла девочка» [1, с. 434]. Сейчас Яков ничего этого не помнил, его сердце глухо к призыву Марфы. «“Это тебе мерещится”, – сказал он». Но ему ещё предстоит встретиться с тем, о чём говорила Марфа, вспомнить всё, и тогда зерно, брошенное сейчас Марфой, прорастёт в нём, прорастёт болью и отчаяньем прозрения, что не видел, не замечал, упустил...

Первый шаг к возвращению в утраченный им мир – потрясение, которое испытал Яков, когда увидел у умирающей Марфы «ясное и радостное лицо», а не робкое и несчастное, как обычно. Она «глядела в потолок и шевелила губами, и выражение у неё было счастливое, точно она видела смерть, свою избавительницу, и шепталась с ней». Он вспомнил, как Марфе жилось с ним, и понял, почему у неё было «такое странное, радостное лицо, и ему стало жутко» [1, с. 432]. Сама же смерть Марфы не произвела на Якова большого впечатления. «Прощаясь в последний раз с Марфой, он потрогал рукой гроб и подумал: "Хорошая работа!"» [1, с. 435]. Непонятно даже, с кем он прощается: с Марфой или с гробом. «Но, когда он возвращался с кладбища, его взяла сильная тоска». Ему уже нездоровилось, дыхание стало горячим, ослабли ноги. И опять стали доминировать воспоминания, как жил он с Марфой, как не замечал её, не чувствовал никакой благодарности за её заботу о нём. И, хотя он шёл «по краю города куда глаза глядят», мысли о Марфе (а может быть, и сама Марфа?) привели его к реке, к тому месту, о котором говорила перед смертью Марфа. Он как будто искал это место, ждал встречи с ним: «А вот и река», – подумал он, и его «а вот» указывает на ожидаемость встречи. «А вот и широкая старая верба с громадным дуплом», «Да, это и есть та самая верба – зелёная, тихая, грустная... Как она постарела, бедная» [1, с. 436]. Какие неожиданные для чёрствого Якова слова: «тихая, грустная», «бедная»!

И вдруг в памяти Якова оживает всё, всё о чём говорила Марфа: и младенец с белокурыми волосиками, и молодость, и река такая, какой она была тогда. Его сознание, расширяясь, выходит из границ «гроба», и он смотрит на открывшийся ему мир, как бы соизмеряя его с возвратившимся прошлым. Он видит, что в этот зелёный мир, как и в его жизнь, вошла смерть: нет на другом берегу «крупного берёзового леса», и гора, где стоял «старый-старый сосновый бор», теперь лысая, и в заветной «широкой старой вербе» появилось «громадное дупло», напоминающее вырытую могилу. Но жизненные силы природы сильны, и верба всё ещё зеленеет, и на месте срубленного березняка поднялась «берёзка, молоденькая и стройная, как барышня» [1, с. 436]. И в душе Якова жизнь тоже потихоньку начинает брать верх над смертью.

Потрясённый, он «недоумевал, как это вышло так, что за последние сорок или пятьдесят лет своей жизни он ни разу не был на реке, а если, может, и был, то не обратил на неё внимания?» Сначала он по привычке взялся подсчитывать «убытки», т.е. упущенные возможности, от тех предприятий, которые можно было бы устроить на реке и получать «капитал»: «и рыбу ловить, и на скрипке играть, и барки гонять, и гусей бить», – и привычно сокрушался: «Какие убытки! Ах, какие убытки». Но его расширившееся сознание, в которое теперь вошли живые воспоминания, позволяет ему окинуть взглядом всю свою жизнь, увидеть её в других координатах, с другими ценностями. Вывод его тяжёл и горестен: «жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку». И важно, что сокрушается он не только о себе, а задумывается об устройстве миропорядка: «почему человек не может жить так, чтобы не было этих потерь и убытков?» При этом сами понятия «убытки» и «польза» изменяются в Якове, принимают новые масштабы и наполнение, выходя за рамки только личного и только материального. Его волнует, что срубили березняк и бор, что «даром гуляет выгон». Ему горько: «зачем люди делают всегда именно не

то, что нужно». И на свою жизнь Яков смотрит с новой для него стороны и понимает, что он тоже делал «именно не то, что нужно»: зачем он «*всю свою жизнь бранился, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жиду?*» Безусловно, в этот монолог Якова с его мучительными «зачем?» вплетён голос самого автора: «*Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки!*» Запоздалое и горькое для Якова откровение: «*Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу*» [1, с. 437]. Но изменить что-либо в своей жизни у Якова уже нет времени.

На следующее утро в больнице, куда он пришёл уже через силу, ему дали порошки, и по выражению лица фельдшера он понял, «*что дело плохо и что уж никакими порошками не поможешь*» [1, с. 437]. «*Не жалко было умирать*», ведь он рассудил, что от смерти будет только польза: «*не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей*». Такой жизни не жалко. Но в его жизни есть и другая сторона, связанная со скрипкой. И «*как только дома он увидел скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко*» [1, с. 438]. Яков прижал скрипку к груди, «*вышел из избы и сел у порога*». Сел не на ступеньку крыльца, не на лавочку – сел у порога». Порог – граница двух пространств, для Якова – жизни и смерти. Он заиграл, и скрипка запела «*жалобно и трогательно, и слёзы потекли у него по щекам*». Это был реквием по его «*пропащей, убыточной жизни*». У его музыкальной исповеди появляется слушатель, Ротшильд, пришедший к нему с очередной просьбой от Шахкеса. И, удивительное дело, – Яков не только по обыкновению не прогнал его, а даже ласково подозвал к себе и даже назвал «*братом*»: «*Подойди, ничего, – сказал ласково Яков и поманил его к себе. – Подойди! <...> Захворал, брат*».

Игру Якова Ротшильд слушал внимательно, «*вставши к нему боком и скрестив на груди руки. Испуганное, недоумевающее выражение на его лице мало-помалу сменилось скорбным и страдальческим, он закрыл глаза, как бы испытывая мучительный восторг, и проговорил: "Ваххх!.." И слезы медленно потекли у него по щекам и закапали на зелёный сюртук*». Он плакал вместе с Яковым. «*И потом весь день Яков лежал и тосковал*». На следующий день пришедшему исповедовать его священнику Яков сказал отдать скрипку Ротшильду [1, с. 438, 439].

Ротшильд – важный персонаж рассказа, его фамилия вынесена в заголовок. Поэтому нужно выяснить его место среди других героев рассказа, его связи с ними и особенно с Яковым, чьим наследником он стал. В повествовании Ротшильду так же, как и Марфе, отведено скромное место, и внешне он неказист: «*рыжий тощий жид*». Он музыкант в местном оркестре, где играл на флейте и выполнял поручения Шахкеса. Яков «*проникался ненавистью и презрением*» к Ротшильду за то, что «*этот проклятый жид даже самое весёлое умудрялся играть жалобно*», и потому придирался к нему, бранил «*и раз даже хотел побить его*» [1, с. 431]. Ходил Ротшильд в зелёном сюртуке с тёмными латками, и это обстоятельство удивительно тем, что ни один другой персонаж рассказа не удостоен авторского упоминания об одежде, а Ротшильд не только наделен «сюртуком», но об этом сказано дважды, и дважды отмечено, что он зелёный: Якову «*было гадко глядеть на его зелёный сюртук с тёмными латками и на всю его хрупкую, деликатную фигуру*»; «*И слёзы медленно потекли у него по щекам и закапали на зелёный сюртук*» [1, с. 435, 439]. И если в первой цитате упоминание цвета может быть мотивировано («гадко глядеть»), то во второй цитате слезам героя должен быть безразличен цвет сюртука. Небезразличен цвет автору, для которого колоритом почти всегда является важной смыслообразующей деталью в образе героя. «Цветовой детали в произведениях А.П. Чехова всегда отводится немалая роль, иногда колоритом становится чуть ли не единственным носителем определённых смыслов в образе героя» [6, с. 17], обеспечивая «чёткую прорисовку тематических линий» и «их целенаправленную <...> организацию» [3, с. 215].

Зеленым цветом в художественном пространстве рассказа, кроме сюртука, отмечена только верба, о которой никогда не забывала Марфа. Учитывая это, прозаический зелёный сюртук Ротшильда может рассматриваться как значимая художественная деталь и служить проводником-маркером в живой мир Марфы, в мир, где тихая зелёная верба хранит воспоминание о счастье молодых Марфы и Якова. И сам Яков, чувствуя родство Марфы и Ротшильда, во сне видит их вместе в «живом» мире реки: «*Вечером и ночью мерещились ему младенчик, верба, рыба, битые гуси, и Марфа, похожая в профиль на птицу, которой хочется пить, и бледное, жалкое лицо Ротшильда*». Так художественная деталь открывает родство персонажей, сюжетно абсолютно не связанных друг с другом. Точно так же художественная деталь обнаруживает, что Яков отнюдь не антагонист Ротшильду, напротив – художественно они близки. Во-первых, по описанию внешних признаков: лицо Якова при сильном волнении имеет свойство приобретать цвет бронзы, т.е. – становится золотисто-красноватым, а Ротшильд – «*рыжий*», и на лице его, покрытом «*целою сетью красных и синих жилок*», «*много рыжих веснушек*» [1, с. 431, 435] – оно тоже золотисто-красноватое. Во-вторых, они оба – талантливые музыканты, и именно Ротшильд признаёт в Якове талант музыканта. А в-третьих, ругается Ротшильд на Якова как-то странно: «*Если бы я не уважал вас за талант, то вы бы давно*

полетели у меня в окошке»; «вы у меня через забор полетите» [1, с. 431, 436]. Странен не его речевой акцент, а нелепа сама угроза хрупкого Ротшильда крупному, сильному Якову. Но суть угрозы не в возможности физической расправы, а в том, что Ротшильд может выбросить его из пространства своей души, из своего мира. Ведь «окошко» и «забор», фигурирующие в угрозах, – указание на границы внутреннего пространства (дом, двор, в данном случае – душа). Следовательно, Яков присутствует во внутреннем мире Ротшильда. И наконец, зеленый цвет, опять выступающий как «образосвязующий»: он присутствует не только в образе Ротшильда, но потенциальную возможность стать «зеленым» получает и Яков через свое уличное прозвище «Бронза»: бронза (металл) под воздействием природных факторов способна покрываться зеленым налетом – зеленеть [6, с. 18]. В конце рассказа эта возможность в Якове реализуется в возрождении и вхождении в мир живой природы, живых чувств и мыслей.

И наконец, мы подошли к самому важному символу в образе этого персонажа, его фамилии – Ротшильд. На то, что важна именно фамилия, указывает отсутствие у него имени. В рассказе почти у всех персонажей есть имена или отчества, даже фельдшер, ненадолго появляющийся на сцене, – Максим Николаич, а внесценический Шахкес – Моисей Ильич. И только Ротшильд – просто Ротшильд. Весь акцент – на его фамилии. Многие исследователи склонны трактовать ее как «символ финансового успеха, сказочной роскоши, власти и славы», а в соединении фамилии со словом «скрипка» видеть антитезу «возвышенного искусства и денег». У нас другая точка зрения на её роль в рассказе. Мы полагаем, что для автора рассказа важно то, что это фамилия династии банкиров и «Ротшильд» в первую очередь должен ассоциироваться с «банкирством» и банком. Не случайно тема банка и капитала активно присутствует в рассказе: «если бы эту пропащую тысячу рублей положить в банк, то в год проценту накопилось бы самое малое – сорок рублей»; «А ведь река порядочная, не пустяшная; на ней можно было бы завести рыбные ловли <...> и потом класть деньги в банк»; «А если бы всё вместе – и рыбу ловить, и на скрипке играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капитал!» [1, с. 432, 437]. Да и сам чеховский Ротшильд, возможно, занимается ростовщичеством. Горожане, рассуждая, как скрипка попала к нему, предполагают, что, может быть, «она попала к нему в заклад» [1, с. 439]. «Банкир» Ротшильд наследует не денежный капитал Якова, а его скрипку, его душу, скрытую в музыке. Это и есть то важнейшее событие рассказа, к которому шло повествование. В тот последний раз, когда Яков, «сидя на пороге», играл на скрипке, Ротшильд не просто с мучительным восторгом слушал исповедь сердца Якова, а впитывал её в себя, наполнялся ею, запоминал, чтоб сберечь. И вот скрипка в руках Ротшильда стала своеобразным «банком», в котором сохраняются и преумножаются для слушателей и благоговейное чувство Марфы перед Яковым-музыкантом, и живая страдающая душа Якова. И «когда он старается повторить то, что играл Яков, сидя на пороге, то у него выходит нечто такое унылое и скорбное, что слушатели плачут, и сам он под конец закатывает глаза и говорит: "Ваххх!.." И эта новая песня так понравилась в городе, что Ротшильда приглашают к себе наперерыв купцы и чиновники и заставляют играть её по десяти раз» [1, с. 439]. Купцы и чиновники, слушая «по десяти раз» «новую песню» Ротшильда, плачут, как плакали Яков и Ротшильд, и, может быть, в их душе тоже родится протест: зачем мы делаем «всегда именно не то, что нужно?», «Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки!» И их, как Якова на берегу реки, посетит открытие: «Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу».

Скрипка Ротшильда – это своеобразный символ большой совести человека, которая призвана будить в нем живую душу и обращаться к ней с мучительными чеховскими «зачем?»: зачем делать свою жизнь «убыточной» и «пропащей», зачем обижать людей и вырубать деревья? Всем своим рассказом Антон Павлович Чехов обращается к читателям с этими вопросами, предупреждая, что рано или поздно они встанут перед человеком и потому ответы на них откладывать нельзя. И, вынося в заглавие своего рассказа скрипку Ротшильда, он, вероятно, хотел, чтобы читатели помнили и никогда не забывали то, о чем «жалобно и трогательно» пела скрипка в руках Ротшильда.

Таким образом, привлечение к анализу художественного мира рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» многообразных художественных деталей, используемых автором, позволило приблизиться к пониманию его содержания, к выявлению глубинных смыслов, скрытых в образах героев, проследить их взаимосвязи, взаимодействие и обозначить символику, заложенную в названии рассказа. И в очередной раз изучить мастерство Чехова-художника.

Литература

1. Чехов А.П. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 800 с.
2. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Москва: Наука, издат. фирма «Восточная литература», 1994. 304 с.

3. Михайлова Н.Д., Мирзоева В.М., Ткачёва Р.А. К вопросу о циклизации малой прозы в русской литературе второй половины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. №3. С. 213 – 218.

4. Ткачева Р.А., Михайлова Н.Д., Витлинская Л.Г., Аксёнова А.Т. «Диалоги» пространств в художественном мире романа Л. Добычина «Город Эн» // Проблемы и приоритеты развития науки в XXI веке. Сб. науч. статей по материалам Международной науч.-практич. конференции от 30 декабря 2017 года: в 2-х ч. Ч. 2. Международный научно-информационный центр «Наукофера». Смоленск: ООО «Новаленсо», 2018. 165 с.

5. Ткачева Р.А., Мирзоева В.М., Аксёнова Е.Д., Кузнецова А.А. «Там нас полюбили бы»: храмы города повествователя в романе Л. Добычина «Город Эн» // Общие вопросы мировой науки: Сб. науч. трудов по материалам международной научно-практической конференции. 30 марта 2019. «Наука России», 2019. 112 с.

6. Ткачёва Р.А., Михайлова Н.Д., Аксёнова Е.Д. «... Прозвище у него было почему-то – Бронза» // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12 (114). Ч. 5, декабрь. Екатеринбург. 2021. 166 с.

7. Ткачёва Р.А., Михайлова Н.Д., Витлинская Л.Г. Образотворческая роль художественной детали в рассказе А. П. Чехова «Враги» // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 3, декабрь. Екатеринбург, 2020. 190 с.

8. Ткачёва Р.А., Михайлова Н.Д., Шоайб А. Фразеологизмы, содержащие зоонимы, в языковой картине мира // General question of world science. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific-practical conference 31.07.2020. С. 65 – 68.

9. Фёдоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Знание, 1988. 456 с.

References

1. Chehov A.P. Maloe sobranie sochinenij. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 800 s.
2. Gasparov B.M. Literaturnye lejtivotivy. Moskva: Nauka, izdat. firma «Vostochnaja literatura», 1994. 304 s.
3. Mihajlova N.D., Mirzoeva V.M., Tkachjova R.A. K voprosu o ciklizacii maloj prozy v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2012. №3. S. 213 – 218.
4. Tkacheva R.A., Mihajlova N.D., Vitlinskaja L.G., Aksjonova A.T. «Dialogi» prostranstv v hudozhestvennom mire romana L. Dobychina «Gorod Jen». Problemy i prioritety razvitija nauki v XXI veke. Sb. nauch. statej po materialam Mezhdunarodnoj nauch.-praktich. konferencii ot 30 dekabnja 2017 goda: v 2-h ch. Ch. 2. Mezhdunarodnyj nauchno-informacionnyj centr «Naukosfera». Smolensk: ООО «Novalenso», 2018. 165 s.
5. Tkacheva R.A., Mirzoeva V.M., Aksjonova E.D., Kuznecova A.A. «Tam nas poljubili by»: hramy goroda povestvovatelja v romane L. Dobychina «Gorod Jen». Obshhie voprosy mirovoj nauki: Sb. nauch. trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 30 marta 2019. «Nauka Rossii», 2019. 112 s.
6. Tkachjova R.A., Mihajlova N.D., Aksenova E.D. «... Prozvishhe u nego bylo pochemu-to – Bronza». Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 12 (114). Ch. 5, dekabr'. Ekaterinburg. 2021. 166 s.
7. Tkachjova R.A., Mihajlova N.D., Vitlinskaja L.G. Obrazotvorcheskaja rol' hudozhestvennoj detali v rasskaze A. P. Chehova «Vragi». Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2020. № 12 (102). Ch. 3, dekabr'. Ekaterinburg, 2020. 190 s.
8. Tkachjova R.A., Mihajlova N.D., Shoajb A. Frazeologizmy, soderzhashhie zoonimy, v jazykovoju kartine mira. General question of world science. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific-practical conference 31.07.2020. S. 65 – 68.
9. Fjodorov F.P. Romanticheskij hudozhestvennyj mir: prostranstvo i vremja. Riga: Znanie, 1988. 456 s.

*Tkacheva R.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Mikhailova N.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuznetsova A.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tver State Medical University of the Ministry of Health of Russia*

**Artistic detail as a tool for analyzing the artistic world of
A.P. Chekhov's short story "Rothschild's Violin"**

Abstract: the article deals with an artistic detail as a tool for analyzing the artistic world of A.P. Chekhov's "Rothschild's Violin", which allows you to get closer to understanding the deep meanings hidden in the system of images of the story, and to reveal the complex connections between them. The authors show how the artistic detail determines the essential features of the artistic spaces of the main characters of the story: Yakov's deadening space is embodied in an extended spatial metaphor; the living world of Marfa is created by the symbolic details of the landscape, zoonyms in the portrait characteristics. The article notes the meaning-forming role of coloronyms, which are both a symbol of the living principle, and an "image-binding" detail, and a marker of the character's belonging to a certain space. The authors of the article believe that Rothschild, whose surname contains a reference to the dynasty of famous bankers, himself symbolizes the banker, called upon to preserve and increase the musical confession of Jacob's suffering soul through playing the violin. The article allows us to conclude that the involvement of artistic details in the analysis of the artistic world of the story made it possible to deeply and comprehensively analyze the content of the work of A.P. Chekhov and designate the symbolism inherent in the title of the story.

Keywords: Chekhov, the artistic world of the story, artistic detail, landscape, coloronym, spatial metaphor, symbolism of the Rothschild surname

For citation: Tkacheva R.A., Mikhailova N.D., Kuznetsova A.A. Artistic detail as a tool for analyzing the artistic world of A.P. Chekhov's short story "Rothschild's Violin". *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 67 – 73.

*Шамсутдинов Д.И., аспирант,
Уфимский университет науки и технологий*

**Репрезентация лингвокультурной ситуации в интертекстуальном
тезаурусе современных старшеклассников: результаты эксперимента
(на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)**

Аннотация: в статье рассматривается актуальный вопрос, связанный с репрезентацией лингвокультурной ситуации в интертекстуальном тезаурусе современных старшеклассников и приводит результаты исследования, проведенного на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автор особо подчеркивает, что проблема изучения лингвокультурной ситуации представляет довольно большой интерес для современного языкознания, а также определяет в качестве цели проводимого исследования установление того, как именно меняется и уточняется ядро и периферия концептов в языковой картине мира выпускников средней школы после того, как ими будет изучено творчество М.А. Булгакова. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что изучение лингвокультурной ситуации представляет с научной точки зрения повышенный интерес, как для исследования всевозможных художественных произведений, так и для рассмотрения отличительных и специфических особенностей формирования языковой личности в процессе освоения ей новой культурной информации. Установлено, что концепты, которые укоренены в сознании обучающихся и сформированы многолетним читательским опытом, в крайне малой степени поддаются переосмыслению при знакомстве с новым прецедентным текстом, в то время как концепты, которые находятся на периферии концептуального поля, существенно обогащаются, а вместе с тем обрастают довольно широким кругом различных культурных ассоциаций. В завершении автор отмечает, что лингвокультурологический подход к обучению предоставляет носителям языка уникальную возможность интериоризировать культурную информацию, а кроме того внести её в свой интертекстуальный тезаурус.

Ключевые слова: лингвокультурная ситуация, ЛКС, М.А. Булгаков, обучающиеся, произведение, концепт

Для цитирования: Шамсутдинов Д.И. Репрезентация лингвокультурной ситуации в интертекстуальном тезаурусе современных старшеклассников: результаты эксперимента (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 74 – 77.

Проблема изучения лингвокультурной ситуации (ЛКС) представляет большой интерес для современного языкознания, поскольку «может дать богатейший материал как для формирования общей теории лингвокультурной ситуации, так и для описания современной лингвокультурной ситуации в России» [2, с. 9]. Под ней мы вслед за Шаклеиным понимаем «динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных средах» [5, с. 19]. При этом, на наш взгляд, немаловажным представляется изучение современной ЛКС, поскольку «языковая личность всегда принадлежит к определенному лингвокультурному сообществу, ее изучение неизбежно связано с отражением в языке и языковом сознании фактов и концептов культуры» [3, 6].

В.И. Карасик утверждает: «каждому возрасту в рамках поколения свойственна специфическая разновидность речи...» [1, с. 44]. Соответственно, в своём исследовании мы подразумеваем, что результаты проведенного эксперимента характеризуют коллективную языковую личность определённой социальной группы – старших подростков.

В связи с этим в 2022-23 гг. в рамках исследования языковой личности М.А. Булгакова и отражения его творчества в языковой картине мира современных носителей языка мы провели ассоциативный эксперимент среди обучающихся 11 классов МАОУ «Физико-математический лицей №93», МАОУ «Гимназия №47 им. А.П.Гайдара», МБОУ «Школа №56» г. Уфы и ГБОУ «Школа «Интеграл» г. Москвы. В эксперименте приняли участие 138 человек: 98 обучающихся 11 класса были опрошены до изучения романа «Мастер и Маргарита» в рамках школьной программы (основная группа) и 40 – после (контрольная группа).

Целью нашего исследования стало выяснение того, как меняется, уточняется ядро и периферия концептов в языковой картине мира выпускников средней школы после изучения творчества М.А. Булгакова, в частности романа «Мастер и Маргарита». Временной и вместе с тем качественной границей в этом случае представляется не столько прочтение романа, с которым, предположительно, некоторые обучающиеся могли познакомиться самостоятельно ввиду его популярности среди подростков, сколько систематическое и многоаспектное изучение произведения на уроках литературы. Именно в процессе литературоведческого и

лингвистического анализа художественного текста под руководством учителя, на наш взгляд, дети знакомятся с «культурным окружением» книги, что более существенным образом отражается на картине мира читателя.

Обучающимся был предложен индивидуальный лист со словами-стимулами, встречающимися в повседневной речи, на уроках истории и литературы, в культуре в целом, а также актуальными для творчества М.А. Булгакова: *товарищ, кулак, чернь, Москва, Иуда, мастер, дьявол, Иисус, коммунизм, прошлое*. Инструкцию для респондентов мы сформулировали следующим образом: «Подберите культурные (исторические, литературные и пр.) ассоциации. Где Вам встречались эти понятия?» На проведение отводилось 10 минут. Мы преследовали целью не классический психолингвистический анализ полученных данных, а лингвокультурологический концептуальный, поэтому ввели ограничения, отойдя от метода свободного ассоциативного эксперимента. Так мы увидим, как изменится наполнение концепта под влиянием нового источника культурной информации – в нашем случае творчества Михаила Афанасьевича. Отметим также, что рассмотрение разделения ответов-ассоциаций на парадигматические и синтагматические, их синтаксической структуры не является первостепенным для нашей работы. Это обусловлено и целью исследования, и однообразностью слов-стимулов с лексико-грамматической точки зрения (имена существительные в ед. ч. ле им.п.).

В результате проведённого исследования мы выяснили, что слова-реакции преимущественно группируются по синонимическим, антонимическим и гипонимическим линиям, а их частотность в основном согласуется с данными «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова, сформированного на основе эксперимента над сопоставимой возрастной группой: студентами 1-3 курсов [4]. Приведённые слова-ассоциации формируют ядро ассоциативного и изоморфного ему концептуального поля.

Так, в обеих группах к стимулам «товарищ», «кулак», «Москва», «прошлое», «чернь» респонденты давали практически идентичные реакции, согласующиеся с лексическим значением этих понятий, представляющие собой антонимы, синонимы, гипонимы и гиперонимы, слова одной тематической группы. В то же время обучающиеся наполняли их некоторыми культурными феноменами, свойственными как культурному полю в целом, так и молодёжной субкультуре в частности. В большей степени это прецедентные имена и тексты: политических деятелей (Ленин, Сталин, Путин, Юрий Долгорукий), писателей (Пушкин, Есенин, Драгунский), художественных произведений («Кавказская пленница», «Три мушкетёра», «1984», «Белый клык», «Тихий Дон», «Москва-Петушки», «Путешествие из Петербурга в Москву», «Рождественская история»).

Мы выяснили, что концепты, часто встречающиеся в речевой практике обучающихся, в произведениях художественной литературы и фольклора, не были переосмыслены в связи с получением новой культурной информации. Мы приходим к выводу, что эти концепты, входящие в когнитивную базу носителей русской культуры, устойчивы в сознании и не подвергаются значительному переосмыслению.

В списке предложенных для анализа понятий мы выделяем концепты, ставшие ключевыми для творчества М.А. Булгакова: дьявол, Иисус, Иуда, мастер, коммунизм. В результате исследования мы выяснили, что все они были в той или иной мере переосмыслены обучающимися в процессе изучения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Так, на формирование концептов «дьявол» и «Иисус» творчество писателя оказало незначительное влияние: так, четверо обучающихся из контрольной группы привели имена героев романа – Воланд и Иешуа – в качестве реакции на стимулы. Мы видим, что концепты сформированы в языковой личности обучающихся, их поле обширно, включает в себя другие религиозные понятия, имена и т.п.

В то же время понятия «Иуда», «мастер» и «коммунизм», редко встречающиеся в речевой практике и культурном окружении обучающихся, были значительно переосмыслены под влиянием творчества М.А. Булгакова. Так, для концепта «Иуда», наполненного библейскими ассоциациями, общее количество реакций относительно мало: 135 в первой группе и 129 во второй. Этот количественный показатель отражает качественное изменение в структуре концепта у второй группы. Так, творчество Михаила Афанасьевича оказало значительное влияние на формирование поля понятия «Иуда», что подтверждается и прямыми отсылками к его творчеству (в обеих группах), и двукратным увеличением количества слов-реакций в соотношении с количеством респондентов в контрольной группе.

Стимул «коммунизм» вызвал у респондентов ассоциации с яркими и узнаваемыми приметами времени. Так, обучающиеся продемонстрировали большой отклик – привели 187 реакций, – а значит, для них это знакомое и близкое, эмоционально окрашенное понятие. Вторая группа дала сопоставимое количество реакций (176), и при двукратно меньшем числе участников группы это даёт основания предположить, что для них понятие «коммунизм» после прочтения романа стало ещё более актуальным. Здесь мы видим явное влияние творчества М.А. Булгакова, роман которого в основном посвящён критике советского государства

и его атрибутов. Обучающиеся второй группы привели пересекающиеся с первой группой понятия: Ленин, Сталин, социализм, капитализм, классы, красный, равенство, серп и молот, а также более специфичные: коллективизм, колхоз, пятилетка, совок. Это в том числе говорит о более полном формировании образа эпохи под влиянием творчества Михаила Афанасьевича.

Понятие, вынесенное в название произведения, стало ключевым словом всего романа. Мы видим, что стимул «Мастер» в первой группе вызвал стойкую ассоциацию с романом Михаила Афанасьевича: 26,5% обучающихся дали реакцию «Маргарита», причём это слово в анкетах было написано первым в подавляющем большинстве случаев. Интересно, что больше никаких элементов лингвокультуры респонденты не привели, кроме поговорки «мастер своего дела» и пословицы «дело мастера боится». Вторая группа продемонстрировала ещё более стойкую ассоциацию с романом Михаила Афанасьевича: 60% респондентов привели ассоциацию «Маргарита», а также некоторые другие («Звёздные войны», «Король и шут», Ода Нобунага). Контрольная группа также продемонстрировала двукратный рост количества реакций (150 в первой группе и 148 во второй). Мы видим, что именно роман Михаила Афанасьевича является источником формирования концепта в языковой личности обучающихся, причём изучение «Мастера и Маргариты» приводит к расширению концептуального поля: его наполняет большее количество элементов, появляются лингвокультурные ассоциации.

Таким образом, мы приходим к выводу, что изучение лингвокультурной ситуации, современной читателю, представляет большой научный интерес как для исследования художественных произведений, так и для рассмотрения особенностей формирования языковой личности в процессе освоения новой культурной информации. Мы видим, что концепты, укоренённые в сознании обучающихся, сформированные многолетним читательским опытом, в малой степени поддаются переосмыслению при знакомстве с новым прецедентным текстом, тогда как концепты, находящиеся на периферии концептуального поля, значительно обогащаются, обрастая широким кругом культурных ассоциаций. Мы можем сделать вывод, что лингвокультурологический подход к обучению позволяет носителям языка интериоризировать культурную информацию, внести её в свой интертекстуальный тезаурус.

Литература

1. Карасик В.И. Выражение статусных отношений средствами русского языка. русский язык в современном обществе (Функциональные и статусные характеристики): сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. Языкознания / отв. ред. Е.О. Опарина, Е.А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 30 – 52.
2. Михеева Л.Н. Лингвокультурная ситуация: теоретический и прикладной аспекты // Актуальные проблемы изучения русского языка и методика его преподавания. М.: Вестник РУДН, 2013. № 2. С. 5 – 10.
3. Носова Е.П. Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, в структуре языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2018. 271 с.
4. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М., 2002. [сайт]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 19.04.23)
5. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997. 184 с.
6. Погорелова И.В. Интернет-лингвистика как объект и субъект интерпретации лингвокультурной среды // Современный ученый. 2022. № 1. С. 91 – 95.

References

1. Karasik V.I. Vyrazhenie statusnyh otnoshenij sredstvami russkogo jazyka. russkij jazyk v sovremennom obshhestve (Funkcional'nye i statusnye harakteristiki): sb. Obzorov. RAN INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. otd. Jazykoznanija. otv. red. E.O. Oparina, E.A. Kazak. M.: INION RAN, 2005. S. 30 – 52.
2. Miheeva L.N. Lingvokul'turnaja situacija: teoreticheskiy i prikladnoj aspekt. Aktual'nye problemy izuchenija russkogo jazyka i metodika ego prepodavanija. M.: Vestnik RUDN, 2013. № 2. S. 5 – 10.
3. Nosova E.P. Precedentnye fenomeny, motivirovannye detskim chteniem, v strukture jazykovoj lichnosti: dis. ... kand. filol. nauk. SPb, 2018. 271 s.
4. Karaulov Ju.N., Cherkasova G.A., Ufimceva N.V. i dr. Russkij asociativnyj slovar': v 2 t. M., 2002. [sajt]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (data obrashhenija: 19.04.23)
5. Shaklein V.M. Lingvokul'turnaja situacija i issledovanie teksta. M.: Obshhestvo ljubitelej rossijskoj slovesnosti, 1997. 184 s.
6. Pogorelova I.V. Internet-lingvistika kak ob#ekt i sub#ekt interpretacii lingvokul'turnoj sredy. Sovremennyj uchenyj. 2022. № 1. S. 91 – 95.

*Shamsutdinov D.I., Postgraduate,
Ufa University of Science and Technology*

**Representation of the linguocultural situation in the intertextual thesaurus
of modern high school students: the results of an experiment
(based on the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita")**

Abstract:the article deals with a topical issue related to the representation of the linguocultural situation in the intertextual thesaurus of modern high school students and presents the results of a study conducted on the material of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The author emphasizes that the problem of studying the linguocultural situation is of quite great interest for modern linguistics, and also defines as the goal of the ongoing research to establish how exactly the core and periphery of concepts in the language picture of the world of secondary school graduates change and are clarified after they are the work of M. A. Bulgakov was studied. On the basis of the study, the author comes to the conclusion that the study of the linguocultural situation is, from a scientific point of view, of increased interest, both for the study of all kinds of works of art, and for considering the distinctive and specific features of the formation of a linguistic personality in the process of mastering new cultural information. It has been established that concepts that are rooted in the minds of students and formed by many years of reading experience are very little amenable to rethinking when they get acquainted with a new precedent text, while concepts that are on the periphery of the conceptual field are significantly enriched, and at the same time overgrown quite a wide range of different cultural associations. In conclusion, the author notes that the linguoculturological approach to learning provides native speakers with a unique opportunity to internalize cultural information, and in addition to bring it into their intertextual thesaurus.

Keywords: linguistic and cultural situation, LKS, M.A. Bulgakov, students, work, concept

For citation: Shamsutdinov D.I. Representation of the linguocultural situation in the intertextual thesaurus of modern high school students: the results of an experiment (based on the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita"). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 74 – 77.

*Васильева А.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Бабенцева Р.О.,
Нижекамский химико-технологический институт, филиал
Казанского национального исследовательского технологического университета*

Способы перевода неличных форм глагола на примере инфинитива и его конструкций на основе анализа текста научного стиля

Аннотация: в данной статье рассматриваются варианты перевода неличной формы глагола – инфинитива и его конструкций – с оригинального (английского) языка на русский на основе анализа технического текста научного стиля по направлению химической технологии органических веществ. Авторами проделана работа над систематизацией инфинитива и его конструкций по различным функциям в предложениях, в ходе практической работы была проанализирована частота их применения при переводе оригинального текста на английском языке.

Начиная изучение методов и особенностей при переводе неличной формы глагола – инфинитива и соответствующих сложных конструкций, следует начинать с понятия этих терминов, с ознакомления их определений с точки зрения работ, монографий нескольких лингвистов и грамматистов, с понимания способа образования и возможных форм; учитывать стиль текста и контекст перевода. Кроме того, интерес лингвистов к данной проблеме продолжает расти в связи с широкой вариативностью перевода инфинитива.

Материалы данного исследования помогут в дальнейшем обучении студентов и придадут их действиям по изучению инфинитива и инфинитивных конструкций в английском языке творческий и осмысленный характер. Также результаты проделанной работы станут хорошим и познавательным источником информации для переводчиков и преподавателей английского языка, технических специалистов, работающих в сфере профессионального перевода технических сведений.

Ключевые слова: инфинитив, инфинитивные конструкции, переводческие трансформации, функция части сказуемого, функция дополнения, функция обстоятельства, функция определения, объектная конструкция, субъектная конструкция

Для цитирования: Васильева А.А., Бабенцева Р.О. Способы перевода неличных форм глагола на примере инфинитива и его конструкций на основе анализа текста научного стиля // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 78 – 82.

Под инфинитивом в английском языке понимают неличную глагольную форму, которая только выражает действие без уточнения лица, времени или числа [5]. Они отличаются от других грамматических структур английского языка разнообразием ситуаций, в которых их употребляют в речи, и широким возможным вариантом сочетания с разными глаголами.

При работе с текстами научно-технической и любой другой направленности переводчикам, если им встретился инфинитив, необходимо сначала определить его функцию в предложении, ведь от этого и надо будет отталкиваться при выборе способа его перевода. Однако, эту задачу, которая хоть и выглядит на первый взгляд простой и предсказуемой, трудно решить, потому что всегда необходимо помнить, что грамматические системы языка оригинала и языка перевода отличаются. Поэтому точно передать значение и выразить смысл какой-либо грамматической единицы (в нашем случае инфинитива) довольно затруднительно, и для того чтобы карьера и дальнейшая работа были удачными, необходимо разобраться в проблеме определения функции и особенностях перевода.

Также для этого необходимо использовать различные переводческие методы и лексико-грамматические трансформации, чтобы грамотно и правильно передать смысл произведения. Поэтому проблемой перевода инфинитива занимались ученые-лингвисты, например, А.М. Пешковский, Е.С. Кубрякова, Л.С. Бархударов [1-4].

В результате анализа мы выделили следующие функции инфинитива, встретившиеся нам:

- перевод инфинитива в функции части сказуемого;
- перевод инфинитива в функции дополнения;
- перевод инфинитива в функции определения;
- перевод инфинитива в функции обстоятельства.

А также 3 основных способа перевода инфинитивных конструкций:

- объектная конструкция (Complex Object);
- субъектная конструкция (Complex Subject);

- оборот с предлогом for (For-To – Infinitive Construction).

Анализ проблемы правильного и точного перевода инфинитива и конструкций с инфинитивом на русский язык с учетом необходимого сохранения смысла технического произведения будет основан на разборе статьи «Fisher–Tropsch Synthesis for Conversion of Methane into Liquid Hydrocarbons through Gas-to-Liquids (GTL) Process: A Review», написанная авторами F. Alsudani, A. Saeed, N. Ali и другими [6]. В своей работе они описывают современные технологии газожижкостной конверсии (ГЖК), в том числе основы производства синтез-газа в качестве источника для синтеза Фишера-Тропша, приводят основные характеристики традиционных и каталитических технологий, новые конструкции реакторов.

Рассмотрим сначала особенности перевода инфинитива.

Как упоминалось ранее, необходимо определить функцию инфинитива в предложении. При анализе оригинального текста мы отметили, что больше всего обнаружился инфинитив функции части сказуемого. Мы расширили определение данной функции и выделили ее «три подфункции»:

- составного глагольного сказуемого с модальными глаголами *can, may, should, have to*;
- составного именного сказуемого;
- простого сказуемого с модальными глаголами *will* или *would*, выражающими будущее время, предположений, запросов и т.д.

Начнем наш разбор с первой «подфункции», так как ее доля была наибольшей, и пойдем дальше по мере убывания числового значения.

Некоторые примеры данной функции, которые встретились в анализируемом тексте, представлены ниже:

1) Natural gas *can solve* the challenge of maintaining the economy's current growth and *satisfy* the global energy demand because it has fewer environmental effects. – Природный газ *может решить* проблему поддержания текущего роста экономики и *удовлетворить* глобальный спрос на энергию, поскольку он оказывает меньшее воздействие на окружающую среду.

2) In oxidation processes, air *may replace* pure oxygen, but in such cases, the overall cost of the process will be higher because it requires heating large amounts of unwanted nitrogen. – В процессах окисления чистый кислород *можно заменить* воздухом, но в таком случае общая стоимость процесса будет выше, поскольку требуется нагревание большого количества нежелательного азота.

В ходе анализа, выявлена доля употребления инфинитива в части составного глагольного сказуемого, которая является самой высокой и составляет 50%.

Следующая по распространенности функция – *функция дополнения*, доля которой составляет 15%.

В тексте данная функция встречается в следующих примерах.

1) It is feasible *to get* high one-pass conversions by utilizing optimized catalysts because microchannel reactors have a high capacity to handle the enormous heat created during the FTS reaction and synthesis gas production. – *Добиться* высокой степени конверсии за один проход можно за счет использования улучшенных катализаторов, поскольку микроканальные реакторы обладают высокой производительностью обрабатывать огромное количество тепла, выделяемого во время реакции ФТ, и производства синтез-газа.

2) In both cases, a cobalt-based catalyst is used *to catalyze* the reaction at low temperature producing sulfur and aromatics-free syncrude with a large fraction of wax, heavy hydrocarbon. – В обоих случаях *для проведения каталитической реакции* при низкой температуре используется катализатор на основе кобальта с дальнейшим получением синтетической нефти, не содержащей серы и ароматических углеводородов, с большой долей в составе тяжелых парафинов.

Далее – *функция определения*, ее доля – 10%.

Примеры инфинитива в функции определения, встречающиеся в оригинальном тексте:

1) A main advantage of the GTL technology is its ability *to enhance* energy security by producing more fuels that can be used for domestic transportation without relying on crude oil. – Важным достоинством газожижкостной конверсии метана отмечают ее возможность *повысить уровень* техногенной энергобезопасности в связи с тем, что производится большое количество топлива, которое можно затем использовать для внутренних перевозок, не полагаясь на сырую нефть.

2) Therefore, the reactants mixture might not be pre-heated at high temperature, leading to a high natural gas and oxygen consumption, since part of the feed must be burned to produce the heat necessary *to reach* the reaction temperature. – Следовательно, смесь исходных веществ нельзя предварительно нагреть до высокой температуры, что приводит к высокому потреблению природного газа и кислорода, поскольку часть сырья нужно сжигать, для того чтобы получить тепло, необходимое *для достижения* температуры реакции.

Далее рассмотрим уже приведенный ранее инфинитив в функции части сказуемого, но в этот раз в составе *простого сказуемого в сочетании со вспомогательными глаголами*.

Примеры данной функции, найденные в анализируемом тексте:

1) Despite the high activity and selectivity of ruthenium (Ru), high methane *will be produced* by the process when this catalyst is used at low pressures. – Несмотря на высокую активность и селективность рутения (Ru), при использовании этого катализатора при низких давлениях в процессе *будет образовываться* большое количество метана.

2) These processes *will normally be accompanied* by another step where propylene can be converted to the high octane number di-isopropyl ether. – Эти процессы обычно *сопровождаются* еще одной стадией, на которой пропилен может быть преобразован в высокооктановый диизопропиловый эфир.

В нашей выборке доля рассматриваемой функции составила 9%.

Следующая функция – *функция обстоятельства цели*, доля которой составила 8%.

Примерами инфинитива в функции обстоятельства цели являются:

1) Several crucial factors, such as module design, sealing, and membrane geometry, must be taken into account *to enhance* the performance of the membranes. – *Чтобы повысить* производительность мембран, необходимо учитывать несколько важных факторов, таких как: конструкция модуля, уплотнение и форма мембраны.

2) Reactors for FT synthesis are designed *to achieve* excellent temperature control. – Реакторы для синтеза ФТ (Фишера-Тропша) спроектированы таким образом, *чтобы обеспечить* превосходный контроль температуры.

Далее вернемся к инфинитиву в функции части сказуемого, третьей разновидностью является инфинитив в составе *именного сказуемого*. Данный способ перевода встречается в 5% случаев

Примером данной функции является следующее предложение:

1) In addition, those processes are yet *to achieve* an appreciable improvement in CO₂ footprint. – Кроме того, эти процессы еще не привели к заметному уменьшению уровня выбросов CO₂ в окружающую среду.

Последними мы рассмотрим примеры употребления инфинитива в *функциях обстоятельства следствия и сопутствующих условий*. Доля обоих вариантов составляет 1,5%, в оригинальном тексте нам встретилось по одному примеру на каждый способ.

Пример инфинитива в функции обстоятельства следствия:

1) The autothermal process was mentioned previously *to be* a reasonable solution to heat transfer problems associated with the SMR process, where Reaction (3) would provide enough energy along with the energy acquired by the combustion of a portion of methane *to assist* Reaction (1). – Упомянутый ранее автотермический процесс оказался разумным решением проблем теплопередачи, связанных с процессом парового риформинга, где реакция (3) будет обеспечивать выделение достаточного количества энергии вместе с энергией, полученной при сгорании части метана, *чтобы способствовать* реакции (1).

Пример инфинитива в функции обстоятельства сопутствующих условий:

1) The feedstock would react with oxygen or steam *to produce* a mixture of hydrogen, carbon monoxide, and carbon dioxide. – Сырье реагирует с кислородом или паром *с образованием* смеси водорода, монооксида углерода и диоксида углерода.

Результаты анализа по способу перевода инфинитива представлены на рис. 1.

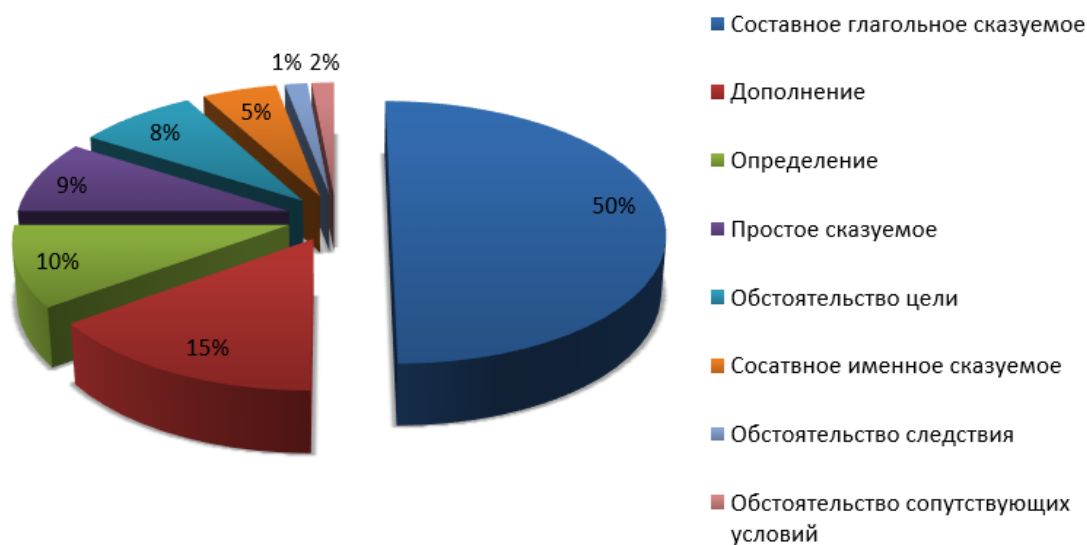

Рис. 1. Частота употребления в оригинальной статье инфинитива в определенной функции

Перейдем к анализу инфинитивных конструкций. Самой распространенной конструкцией является субъектная – *Complex Subject*, доля которой составляет 78%.

Примеры субъектной конструкции, которые встретились:

1) *This type of reactor was reported to suffer from reduced catalyst lifetime due to carbon formation caused by high operating temperatures.* – Сообщалось, что *недостатком этого типа реактора является* уменьшение срока службы катализатора из-за образования углерода, вызванного высокими рабочими температурами.

2) *Additionally, a low yield of an almost completely paraffinic product was found to be obtained at lower pressure (about 7 atm) containing a small amount of oxygenated organic compounds.* – Кроме того, считалось, что при более низком давлении (около 7 атм) *был получен низкий выход почти полностью парафинового продукта*, содержащего небольшое количество кислородсодержащих органических соединений.

Следующий тип – объектная конструкция *Complex Object*. В этом случае доля данной конструкции равна 11%.

Примером объектной конструкции является:

1) *Recent studies reported the main disadvantages of this system to be the mathematical models for scaling up and design and the necessity for suspended catalyst separation.* – Недавние исследования показали, что *основными недостатками этой системы являются математические модели для увеличения масштаба и проектирования*, а также необходимость отделения взвешенного катализатора.

Последней конструкцией, которую мы изучим, будет инфинитивный оборот с предлогом «for» – *For-To Infinitive Construction*, доля которого 11%.

Пример данного инфинитивного оборота:

1) *There are other methods for pure oxygen to produce at lower costs, such as using membrane technology.* – Существуют и другие методы *для того, чтобы получить чистый кислород* с меньшими затратами, например, с использованием мембранной технологии.

Результаты анализа по способу перевода инфинитивных конструкций представлены дальше на рис. 2.

В результате анализа оригинальной статьи и разбора около 90 примеров были выделены 4 функции исследуемой неличной формы глагола и определено их процентное употребление. Так, наиболее часто применяемой функцией инфинитива является функция составного глагольного сказуемого в сочетании с модальными глаголами *must, may, given* и ее доля составила 50%.

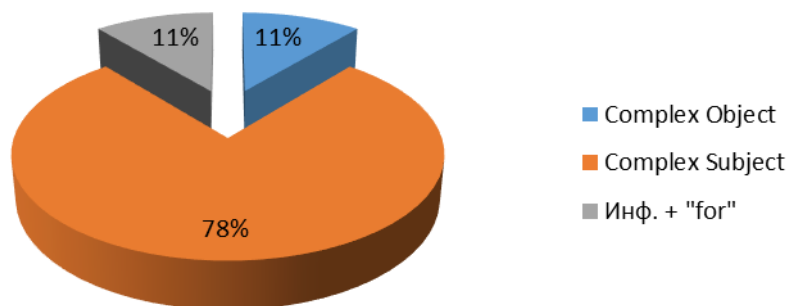

Рис. 2. Частота употребления в оригинальной статье инфинитивных оборотов

Далее по снижению степени употребления менее применяемой функцией в нашем исследовании является функция дополнения, доля которой составила 15%. Затем почти на том же уровне, особенно если сравнивать с функцией глагольного сказуемого, идут функции определения, простого сказуемого (разновидности функции части сказуемого) и обстоятельства цели – их доля составила 10%, 9% и 8% соответственно.

И совсем редко в оригинальной работе был использован инфинитив в следующих функциях (в скобках указано их процентное соотношение): составное именное сказуемое (5%), обстоятельство следствия (1,5%), обстоятельство сопутствующих условий (1,5%).

Переходя к инфинитивным конструкциям, для нас стало очевидным, что данные обороты являются маловостребованными в научно-технических текстах, например, субъектная конструкция (*Complex Subject*) используется в 78% примеров. Инфинитивный оборот с предлогом «for» (*For-To Infinitive Construction*) и объектная конструкция (*Complex Object*) используются лишь в 11% случаев соответственно.

Для того чтобы стать высококвалифицированным специалистом в своей сфере деятельности, переводчикам никогда не стоит забывать и всегда учитывать, что, так как инфинитив имеет множество вариаций при переводе, то при работе с научно-техническими текстами крайне важно точно передать смысл оригинала без потери существенной информации, учитывать формы и сопоставления.

Литература

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Editorial URSS, 2019. 158 с.
2. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М.: Editorial URSS, 2019. 158 с.
3. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении: монография. М.: Editorial URSS, 2023. 120 с.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Editorial URSS, 2022. 434 с.
5. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Editorial URSS, 2019. 294 с.
6. Alsudani F.T., Abdullah N.S., Nisreen S.A. Fisher-Tropsch Synthesis for Conversion of Methane into Liquid Hydrocarbons through Gas-to-Liquids (GTL) Process: A Review // Methane. 2023. № 2. P. 24 – 43.

References

1. Barhudarov L.S. Ocherki po morfologii sovremennogo anglijskogo jazyka. M.: Editorial URSS, 2019. 158 s.
2. Barhudarov L.S. Ocherki po morfologii sovremennogo anglijskogo jazyka. M.: Editorial URSS, 2019. 158 s.
3. Kubrjakova E.S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshhenii: monografija. M.: Editorial URSS, 2023. 120 s.
4. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. M.: Editorial URSS, 2022. 434 s.
5. Smirnickij A.I. Sintaksis anglijskogo jazyka. M.: Editorial URSS, 2019. 294 s.
6. Alsudani F.T., Abdullah N.S., Nisreen S.A. Fisher-Tropsch Synthesis for Conversion of Methane into Liquid Hydrocarbons through Gas-to-Liquids (GTL) Process: A Review. Methane. 2023. № 2. P. 24 – 43.

*Vasilyeva A.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Babentseva R.O.,
Nizhnekamsk Institute of Chemical Technology, branch
Kazan National Research Technological University*

Methods of translation of non-personal forms of a verb on the example of infinitive and its structures on the basis of analysis of a scientific style text

Abstract: this article discusses the options for translating the impersonal form of the verb - the infinitive and its constructions – from the original (English) language into Russian based on the analysis of the technical text of the scientific style in the direction of the chemical technology of organic substances. The authors have done work on the systematization of the infinitive and its constructions according to various functions in sentences, in the course of practical work, the frequency of their use in the translation of the original text in English was analyzed.

Starting the study of methods and features in the translation of the impersonal form of the verb – the infinitive and the corresponding complex structures, one should begin with the concept of these terms, with familiarization of their definitions from the point of view of works, monographs of several linguists and grammarians, with an understanding of the method of formation and possible forms; take into account the style of the text and the context of the translation. In addition, the interest of linguists in this problem continues to grow due to the wide variability in the translation of the infinitive.

The materials of this study will help in the further education of students and give their actions to study the infinitive and infinitive constructions in the English language a creative and meaningful character. Also, the results of the work done will become a good and informative source of information for translators and teachers of English, technical specialists working in the field of professional translation of technical information.

Keywords: infinitive, infinitive constructions, translation transformations, function of the part of the predicate, complement function, circumstance function, definition function, object construction, subject structure

For citation: Vasilyeva A.A., Babentseva R.O. Methods of translation of non-personal forms of a verb on the example of infinitiva and its structures on the basis of analysis of a scientific style text. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 78 – 82.

*Колтунова С.В., кандидат филологических наук,
Чернявская Н.Э., кандидат педагогических наук, доцент,
Белгородский государственный институт искусств и культуры*

Конференц-перевод: теоретический аспект

Аннотация: статья посвящена изучению теоретических вопросов, связанных с конференц-переводом. Раскрывается сущность конференц-перевода, указываются основные виды перевода, используемые на конференциях, саммитах, конгрессах и им подобных мероприятиях, определяется место конференц-перевода в современной переводческой классификации. Сквозь призму интерпретативной теории перевода, разработанной Д. Селескович, анализируются три этапа конференц-перевода как разновидности устного перевода, а именно понимание, девербализация и перевыражение. Подробно рассматриваются условия необходимые для понимания переводимой информации, к которым К. Бюлер относил оптимальную среду прослушивания, предыдущие знания по предмету, безраздельное внимание, низкий уровень тревожности и способности к переводу. Подчеркивается, что конференц-перевод особенно востребован в современном мире в силу сложившихся условий глобализации и многоязычной коммуникации.

Ключевые слова: теория перевода, устный перевод, интерпретативная теория перевода, синхронный перевод, последовательный перевод, конференц-перевод

Для цитирования: Колтунова С.В., Чернявская Н.Э. Конференц-перевод: теоретический аспект // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 83 – 88.

Стремительное развитие международных отношений в эпоху глобализации представляется немислимым без переводческой практики. Переводчики выступают своего рода связующими элементами, «мостиками», благодаря которым происходит преодоление физических, культурных или языковых барьеров. Как отмечают некоторые ученые, «сегодня переводчики – ключевые участники эффективной межкультурной и межъязыковой коммуникации, помогающие преодолевать трудности в понимании необходимой информации» [8, с. 193]. Однако для установления мужской культурной коммуникации переводчикам недостаточно знания двух и более языков. В зависимости от вида перевода – устный или письменный – и их последующей классификации, переводчик должен обладать целым набором практических навыков, специфичных для того или иного вида перевода. Так, устный перевод требует от переводчика владения хорошей памятью и слухом, стрессоустойчивостью и четкой дикцией, а письменный – знания стилистических норм, орфографии и пунктуации как родного, так и иностранного языков и другое. Остановимся подробнее на том виде устного перевода, который в современных реалиях кажется наиболее востребованным и недостаточно изученным, а именно на устном переводе конференций или на так называемом конференц-переводе.

Из истории перевода известно, что конференц-перевод – это тот вид устного перевода, который первым привлёк внимание общественности и первым вызвал всплеск публикаций по практическим и теоретическим вопросам. Согласно мнению Д.И. Красовского и А.П. Чужакина, «конференц-перевод – это современный термин, включающий в себя последовательный и синхронный виды устного перевода как наиболее часто встречающиеся на конференциях и переговорах. Соответственно, конференц-переводчик владеет обоими видами устного перевода» [2, с. 3].

А.Н. Усачева и Е.А. Шовгенина предлагают обратить внимание на порядок проведения конференций в нашей стране и, исходя из ее этапов, выяснить, какие виды перевода применяются на конференциях и подобных ей мероприятиях. Как известно, любая конференция начинается со встречи делегатов. За ней следует первое собрание, которое объединяет всех участников конференции, – это пленарное заседание. После него организовывается так называемый кофе-брейк, а далее начинается работа в секциях, которая также может прерываться на небольшие кофе-брейки. По завершении конференции, как правило, устраивается фуршет в неформальной обстановке. В случае, если на конференции присутствуют иностранные участники, то ее работа невозможна без переводчиков. Исходя из такой процедуры проведения конференций, исследователи выделяют следующие виды перевода, используемые на конференциях в нашей стране: «1) на пленарном заседании используется синхронный перевод докладов для иноязычных участников при наличии специального оборудования у иностранцев; последовательный перевод докладов для русскоязычных участников при отсутствии необходимого оборудования; 2) во время кофе-брейка, предполагающего общение участников с иностранными делегатами, применяется последовательный двусторонний перевод без подготовки; 3) в ходе работы секций возможно использование таких видов перевода, как нашептывание или шепотной синхронный перевод для иностранцев во время выступления русскоязычных докладчиков;

последовательный перевод для русскоговорящей аудитории во время выступления иностранных докладчиков; письменный перевод с русского на иностранный язык вопросов к иностранным докладчикам, поступающих в письменном виде; последовательный двусторонний перевод в режиме «вопрос-ответ» при обсуждении докладов» [7, с. 69]. Как видим, несмотря на такое разнообразие видов деятельности, конференц-переводчик занимается, в основном, последовательным и синхронным видами перевода.

Вопрос о месте конференц-перевода в современных переводческих классификациях не имеет однозначного решения, однако, на наш взгляд, наиболее точно его место определили отечественные исследователи А.А. Хромых, А.А. Шагеева, Ж.А. Храмушина, которые с опорой на разные современные классификации пришли к выводу, что конференц-перевод – это, главным образом, устный перевод, как правило, общественно-политического или научно-технического содержания; является официальным и профессиональным [8, с. 195].

В рамках изучения специфики конференц-перевода необходимо обратить внимание на так называемую интерпретативную теорию перевода. Среди всех известных на данный момент теорий или моделей перевода интерпретативная теория перевода, на наш взгляд, наиболее полно и точно объясняет сущность и специфику конференц-перевода. Данная теория была разработана в 1970-е годы французским переводчиком и ученым Д. Селескович. Во время работы устным переводчиком ученый заметила, что перевод представляет собой трехчастный процесс, поскольку при переводе происходит переход от одного языка к смыслу и от смысла к другому языку. Исходя из этого, процесс интерпретации осуществляется в три этапа: понимание смысла, девербализация и перевыражение смысла [10].

Зарубежный ученый К. Бюлер утверждал, что при конференц-переводе первостепенное значение для переводчика имеют два взаимозависимых аспекта: понять услышанную информацию и быть понятым слушателями. Ученый также отмечал, что полное понимание смысла возможно при выполнении таких условий, как оптимальная среда прослушивания, предыдущие знания по предмету, концентрация внимания, низкий уровень тревожности и, наконец, способности к переводу [9]. Первое условие о среде прослушивания для устного переводчика крайне важно по сравнению с местом работы письменного переводчика. Дело в том, что устному переводчику подчас приходится работать совсем не в идеальных условиях, например, на шумном заводе, в движущемся транспорте, на оживленной улице и т.д. У конференц-переводчика, как правило, условия для работы более благоприятные, ведь ему предстоит осуществлять перевод в достаточно тихой среде, как при последовательном, так и при синхронном переводе. Тем не менее, перед началом работы переводчику-синхронисту самому необходимо убедиться в исправности каждого аппарата, находящегося в кабине синхрониста (монитор, наушники, микрофон, кнопка переключения), поскольку посторонние шумы при такой работе недопустимы.

Рассматривая следующее указанное К. Бюлером условие для понимания смысла, а именно предыдущие знания по предмету, следует подчеркнуть, насколько разносторонне эрудированной личностью должен быть переводчик. Вот как об этом пишет известный отечественный переводчик Р.К. Миньяр-Белоручев: «Переводчик может и должен обслуживать любые специальности и все направления науки и искусства, но до известных пределов» [4, с. 17]. Такой вывод он делает исходя из собственного опыта, когда ему приходилось «переключаться» с абсолютно разных областей знания, переводить и узкопрофильные медицинские дискуссии, и обсуждения сельскохозяйственной деятельности, и дипломатические встречи, и многое другое. Кроме того, ученый отмечает, что знать все тонкости нашей многогранной науки так же невозможно, как невозможно подготовить переводчиков для всех существующих на данный момент специальностей. Однако проблема достаточно легко решается, если переводчику заранее сообщается тематика будущего мероприятия и предоставляются тематические материалы. Более того, он рекомендует создавать тематические словники, которые призваны облегчить работу устного переводчика, поскольку содержат необходимые словосочетания и выражения по той или иной теме. Однако не может остаться без внимания еще один аспект, о котором упоминал Р.К. Миньяр-Белоручев: «Перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует» [4, с. 11]. Следовательно, в арсенал переводчика в обязательном порядке должны входить достаточно обширные знания о культуре и народе той страны, с языком которой он работает.

Еще одно условие – безраздельное внимание – берет свое начало из психологической науки. Как отмечает Е.В. Аликина, в ходе переводческой деятельности целостность отражения действительности обеспечивается взаимообусловленным участием многих познавательных процессов, регуляция которых осуществляется единым центральным механизмом психики – вниманием [1, с. 43]. Вопросами внимания при устном, точнее синхронном, переводе также активно занимались отечественные ученые И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. Они подробно рассмотрели проблему одновременности выполнения человеком нескольких различных действий на примере одной из ее моделей, которой является синхронный перевод [6].

В психологии выделяют следующие характеристики качества внимания: объем, концентрация, устойчивость, переключение, избирательность. Остановимся на том, как каждое из этих качеств проявляет себя в профессии конференц-переводчика. Первое из них, объем внимания, обозначает количество объектов, которые могут одновременно находиться в поле внимания [6]. Для переводчика это качество внимания особенно ценно в тех случаях, когда при последовательном переводе ему необходимо воспринимать достаточно большие смысловые блоки. На помощь приходят переводческие записи, призванные систематизировать услышанную информацию с целью дальнейшего воспроизведения на другом языке. Следующее качество внимания, концентрация, выражается в том, насколько переводчик способен сосредоточиться на главных моментах и абстрагироваться от второстепенных. Важность концентрации внимания подтверждает и следующая ситуация: в случае, если переводчик отвлекся или задумался во время перевода, то повторно услышать ту или иную фразу, мысль, эмоцию, он уже не сможет. В основе устойчивости внимания лежит способность сосредотачиваться длительное время на конкретных предметах, явлениях или действиях. В работе устного переводчика это качество играет большую роль, поскольку от переводчика требуется длительное время удерживать внимание на выполняемой работе. Учеными выявлено, что человек может удерживать внимание без перерыва до 20 минут, по истечении этого времени внимание ослабевает. Однако работа устного переводчика, как при последовательном, так и при синхронном переводе, превышает этот временной диапазон. Для поддержания устойчивости внимания особенно при последовательном переводе переводчикам рекомендуется пользоваться переводческими записями, которые позволяют чередовать такие виды деятельности, как слушание, письмо и говорение. Эти же переводческие записи позволяют поддерживать следующее качество внимания – переключение, которое заключается в способности переводчика переключаться с одной языковой системы на другую. От данного качества зависит важнейший навык устного переводчика, а именно навык переключения, благодаря которому в сознании переводчика осуществляется поиск нужных структур для передачи информации на языке перевода. Еще одним важным для переводчика качеством внимания является избирательность, которая позволяет переводчику выбирать наиболее значимые слова для передачи основной мысли услышанного и для снятия смысловой избыточности.

С областью психологии связано следующее указанное К. Бюлером условие для понимания смысла – это низкий уровень тревожности. Не вызывает сомнений тот факт, что работа устного переводчика сопряжена с постоянными стрессами, вызванными волнением из-за высокой ответственности выполняемого перевода, необходимостью за доли секунды принимать правильное решение о выборе нужной фразы или оборота при переводе и многими другими факторами. Учеными доказано, что постоянное пребывание в состоянии стресса рано или поздно негативно скажется не только на качестве работы переводчика, но и на его физическом и, возможно, психическом состоянии. Отечественные ученые подчеркивают, что «вредным стресс становится лишь тогда, когда он превышает критический уровень, и мы перестаём его контролировать» [5, с. 82]. Однако в последние годы стали появляться исследования, призванные взглянуть на проблему стресса в другом ракурсе, а именно с положительной стороны. Рассматривая положительную роль стресса в работе устного переводчика, Е.Р. Поршнева и В.И. Сабадаш ссылаются на исследования коллег за рубежом, которые показывают, что влияние стресса на человека обусловлено его отношением к этому стрессу. Иными словами, если стрессовую ситуацию рассматривать как задачу, требующую определенного решения, а не как некий вредоносный фактор, то можно получить от стресса больше пользы, чем вреда. Из этого следует, что умеренный стресс является фактором, не блокирующим мыслительные процессы, а помогающим переводчику мобилизовать все свои знания и умения, чтобы наиболее эффективным образом решить поставленную задачу [5, с. 83].

Наконец, последним условием для полного понимания перевода К. Бюлер называет способности к переводу. Не вызывает сомнений тот факт, что устный переводчик должен безупречно владеть языками, с которыми он работает. Однако немаловажную роль в подготовке будущих переводчиков играет методика обучения переводу, которая призвана выработать прочные навыки и умения переводить последовательно и синхронно. Вопросам методики обучения переводу как устному, так и письменному в нашей стране уделяется большое внимание. Российская школа перевода наработала достаточно богатую методическую базу, сформированную, главным образом, с опорой на личный опыт практикующих переводчиков. Один из основоположников российской школы перевода, Р.К. Миньяр-Белоручев, внес огромный вклад в систему обучения будущих переводчиков, разработав особую методику обучения устному переводу. В основе его методики лежат такие дидактические принципы, как «принципы воспитывающего обучения, сознательности, наглядности, активности, систематичности, доступности» [3, с. 61-62]. При этом, он подчеркивал, что упражнения для развития переводческих навыков и умений должны строиться по принципу постепенности, т.е. от меньшего к большему, от простого к сложному. Соблюдение этих принципов, упорная отработка

переводческих навыков и совершенствование языковых способностей должны сформировать высококвалифицированного специалиста.

К. Бюлер отмечает крайнюю необходимость соблюдения всех пяти условий для понимания информации при переводе. По его мнению, если одно из этих условий не выполняется, общая концепция понимания исчезает, и это приводит к неспособности переводчика воспроизвести точную версию исходного сообщения (возникают пропуски, добавления, неточность или незаконченность мыслей), к необходимости постоянного повторения различных отрезков или даже к полному отказу от воспроизведения, что является крайне не приемлемым.

Следующим этапом в интерпретативной теории перевода, по Д. Селескович, является девербализация, которая в других теориях перевода чаще всего опускается. Под девербализацией в процессе перевода принято понимать «осознание переводчиком того, что хотел сказать автор в анализируемом отрезке оригинала» [10]. Иными словами, на данном этапе происходит сохранение лишь смысла услышанной информации, при этом, конкретные слова, которые передают этот смысл, должны быть забыты. Для лучшего осознания данного этапа Д. Селескович приводит следующую метафору: переводчик как бы расплетает на отдельные нити ткань, сотканную из материала одного языка, и затем из полученных нитей ткёт новый материал [10]. Ещё одно объяснение девербализации можно найти в нашем повседневном общении. Примечательно, что мы можем держать в голове разного рода информацию (события, явления, истории и т.д.), переданную словами, но мы не сохраняем точную формулировку этой информации в памяти. Доказательство тому можно найти в нейропсихологии, которая гласит, что язык и мысли находятся в разных областях мозга. Что касается работы устного переводчика, девербализация происходит очень быстро: на интуитивном уровне переводчик сводит сформулированную мысль автора оригинала к мысли, не имеющей языкового выражения. И в памяти переводчика сохраняется лишь извлеченный смысл, который он и передает в переводе. Отметим, что при письменном переводе наблюдать этап девербализации представляется сложнее, поскольку оригинальный текст в виде графических знаков остается перед глазами переводчика. В связи с этим, письменному переводчику приходится прилагать определенные усилия для достижения девербализации путем погружения в контекст, когда возникает необходимость переводить не отдельные слова, а непосредственно смысл.

Наконец, последним этапом в теории перевода Д. Селескович является перевыражение, которое подразумевает переформулировку или перекодирование исходного текста средствами другого языка. На этом, не менее важном, чем предыдущие, этапе происходит окончательная передача смысла оригинала на язык перевода. Данный этап также сопряжен с определенными трудностями, с которыми сталкивается переводчик, основная из которых сводится к необходимости выразить услышанную мысль так, как это принято в языке перевода, т.е. согласно принятым в языке перевода нормам. В противном случае, перевод может вызвать не только недопонимание или ложное толкование, но и комические ситуации. Как видим, рассмотренные нами этапы процесса перевода, а именно понимание, девербализация и перевыражение, в рамках интерпретативной теории перевода получают свое отражение в конференц-переводе как одном из видов устного перевода. Несмотря на то, что некоторые ученые высказываются об определенных недостатках данной теории перевода, трудно переоценить ее главное достоинство: девербализация смысла оригинального сообщения способствует преодолению интерференции в переводе. Иными словами, своего рода «отказ» переводчика от языковой формы оригинала дает ему возможность представлять услышанное высказывание на языке перевода по тем языковым нормам, которые приняты в этом языке.

Итак, наше исследование показало, что в настоящее время конференц-перевод является одним из самых востребованных и в то же время сложных видов устного перевода. С одной стороны, это связано с тем, что для современной эпохи характерен процесс глобализации, что приводит к расширению международных контактов. С другой стороны, это можно объяснить тем, что в зависимости от этапа проведения конференций и подобных ей мероприятий конференц-переводчику необходимо осуществлять разные виды устного перевода – последовательный, синхронный и шепотной – в достаточно короткий временной промежуток. При осуществлении любого из этих видов устного перевода, процесс перевода проходит 3 этапа: понимание, девербализацию и перевыражение. Конференц-перевод может и должен осуществляться только профессиональным переводчиком, который обладает уникальным ресурсом человеческого общения – умением услышать мысль, понять цель сказанного, найти точный эквивалент в другой языковой системе и правильно передать смысл услышанного.

Литература

1. Аликина Е.В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода. М.: Восточная книга, 2010.
2. Красовский Д.И., Чужакин А.П. Конференц-перевод (теория и практика). М.: Р. Валент, 2014.
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения переводу на слух. М.: Издательство Института Международных отношений, 1959.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999.
5. Поршнева Е.Ф., Сабадаш В.И. Положительная роль стресса в работе устного переводчика [Электронный ресурс] // Филологический аспект. Май, 2018. № 5 (37). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/polozhitelnaya-rol-stressa-v-rabote-ustnogo-perevodchika.html> (дата обращения 10.03.2023)
6. Психология перевода: учебное пособие (для Высших курсов переводчиков) / сост. И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1981.
7. Усачева А.Н., Шовгенина Е.А. Лингвокогнитивные проблемы конференц-перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Межкультурная коммуникация и сопоставительное изучение языков. 2012. № 2. С. 68 – 73.
8. Хромых А.А., Шагеева А.А., Храмушина Ж.А. Конференц-перевод (попытка осмысления теоретических основ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1 (75). С. 193 – 196.
9. Bühler H. Conference Interpreting: A Multichannel Communication Phenomenon // Meta. 1985. № 30 (1). P. 49 – 54.
10. Seleskovitch D. Interpreting for International Conferences: Problems of Language and Communication. Washington DC: Pen and Booth, 1994.

References

1. Alikina E.V. Vvedenie v teoriju i praktiku ustnogo posledovatel'nogo perevoda. M.: Vostochnaja kniga, 2010.
2. Krasovskij D.I., Chuzhakin A.P. Konferenc-perevod (teorija i praktika). M.: R. Valent, 2014.
3. Min'jar-Beloruchev R.K. Metodika obuchenija perevodu na sluh. M.: Izdatel'stvo Instituta Mezhdunarodnyh otnoshenij, 1959.
4. Min'jar-Beloruchev R.K. Kak stat' perevodchikom? M.: Gotika, 1999.
5. Porshneva E.F., Sabadash V.I. Polozhitel'naja rol' stressa v rabote ustnogo perevodchika [Jelektronnyj resurs]. Filologicheskij aspekt. Maj, 2018. № 5 (37). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/polozhitelnaya-rol-stressa-v-rabote-ustnogo-perevodchika.html> (data obrashhenija 10.03.2023)
6. Psihologija perevoda: uchebnoe posobie (dlja Vysshih kursov perevodchikov). sost. I.A. Zimnjaja, V.I. Ermolovich. M.: Izd-vo MGPIIJa im. M. Toreza, 1981.
7. Usacheva A.N., Shovgenina E.A. Lingvokognitivnye problemy konferenc-perevoda. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhkul'turnaja kommunikacija i sopostavitel'noe izuchenie jazykov. 2012. № 2. S. 68 – 73.
8. Hromyh A.A., Shageeva A.A., Hramushina Zh.A. Konferenc-perevod (popytka osmyslenija teoreticheskikh osnov). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9-1 (75). S. 193 – 196.
9. Bühler H. Conference Interpreting: A Multichannel Communication Phenomenon. Meta. 1985. № 30 (1). R. 49 – 54.
10. Seleskovitch D. Interpreting for International Conferences: Problems of Language and Communication. Washington DC: Pen and Booth, 1994.

*Koltunova S.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Chernyavskaya N.E., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Belgorod State University of Arts and Culture*

Conference interpreting: theoretical aspect

Abstract: the article is devoted to the study of theoretical issues related to conference interpreting. The essence of conference-interpreting is revealed, the main types of interpretation used at conferences, summits, congresses and similar events are indicated, the place of conference interpreting in the contemporary translation classification is determined. Three stages of conference interpreting as a variant of interpretation, namely, comprehension, deverbalization and reformulation are analyzed in the light of the interpretative theory of translation developed by D. Seleskovitch. The conditions necessary for understanding the information, to which C. Bühler referred optimal listening environment, previous knowledge of the subject, undivided attention, low levels of anxiety and interpreting abilities are considered in detail. It is emphasized that conference interpreting is especially in demand in the modern world due to the prevailing conditions of globalization and multilingual communication.

Keywords: translation studies, interpretation, interpretive theory of translation, simultaneous interpretation, consecutive interpretation, conference interpreting

For citation: Koltunova S.V., Chernyavskaya N.E. Conference interpreting: theoretical aspect. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 83 – 88.

*Макурина И.Ю., кандидат педагогических наук, доцент,
Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина
Министерства обороны Российской Федерации в г. Челябинске*

Языковая реализация категорий «сильный/слабый» в авиационном английском языке

Аннотация: в статье рассматриваются особенности строения и языкового выражения категорий «сильный/слабый», которые используются в профессиональном дискурсе авиаспециалистов и представляют собой определенную проблему при обучении курсантов военных училищ языку ведения радиообмена. Отмечается, что профессиональная речь авиаспециалиста, ведущего радиообмен на английском языке, имеет стандартизированный характер и является не только средством решения профессиональных задач, но и важным условием безопасных и успешных авиоперевозок. Автор представляет тематический состав областей оценочной категоризации, отражающих стандартные социально-профессиональные ситуации-контексты в профессиональном дискурсе авиаспециалистов, который позволил выделить оценочные концепты исследуемых категорий и определить языковые механизмы формирования оценочных смыслов. Приведены примеры, иллюстрирующие стандартную фразеологию радиообмена с исследуемыми категориями, анализируются их значения и ситуации применения.

Ключевые слова: лингвистическая категория, авиационный английский язык, фразеология радиообмена, оценочная категоризация, лексические единицы, объект действительности

Для цитирования: Макурина И.Ю. Языковая реализация категорий «сильный/слабый» в авиационном английском языке // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 89 – 93.

Начиная со второй половины XX века современная лингвистика сменила вектор научных интересов с изучения внутренних закономерностей языковых систем на исследование функционирования языка как важнейшего средства человеческого общения [1, с. 200-230]. Глобализация в экономической, политической и социальной сферах привела к необходимости стандартизации языкового общения между авиаспециалистами в процессе профессиональной деятельности. Успешность такой коммуникации обеспечивается целым набором компетенций (языковой, прагматической, коммуникативной, культурной), который позволяет специалистам решать профессиональные задачи при выполнении и обслуживании полётов.

Необходимо отметить, что стандартизированный язык радиообмена разработан Международной организацией гражданской авиации (ИКАО) при ООН еще в 1946 году. Однако любые авиационные происшествия и катастрофы, возникающие по языковым причинам, являются основанием для пересмотра существующей терминологии и корректировки регламентирующих руководств и документов гражданской авиации, т.к. основной целью функционирования международной организации является «удовлетворение потребности населения в безопасном, регулярном, эффективном и экономичном воздушном транспорте» [10].

Современный авиаспециалист в процессе выполнения служебных обязанностей должен на высоком уровне демонстрировать знание фразеологии радиообмена (Standard Phraseology) – это около 500 стандартных выражений и английского языка (Plain English) на уровне (Operational Level) не ниже 4 по шкале ИКАО, который призван обеспечить четкость, быстроту и объективность передачи информации как в штатных, так и в нештатных ситуациях, возникающих в процессе управления воздушным движением [12]. Умение употреблять лексические единицы во всех свойственных им формах и функциях является одним из важных показателей наличия необходимого уровня языковой компетенции у специалиста [6].

Таким образом, целью исследования является анализ оценочных категорий «сильный» и «слабый» в современном авиационном английском языке (ААЯ) и определение языковых механизмов формирования оценочных смыслов в профессиональной речи авиаспециалистов.

Объектом нашего исследования являются категории «сильный» и «слабый» в современном авиационном английском языке, которые представляют собой результат оценочной категоризации объектов действительности.

Актуальность работы обусловлена её связью с современным направлением - когнитивной лингвистикой, которая изучает процесс познания человеком окружающего мира в виде определенного набора базовых понятий и категорий. Изучение особенностей строения и языкового выражения оценочных категорий различных типов дискурса представляет интерес для современных лингвистов, т.к. данная область исследования многопланова и требует постоянного переосмысления вслед за быстро меняющейся действительностью и появлением новых научных подходов к изучению языка.

Практическая значимость представленной работы определяется тем, что её результаты могут быть использованы в научных изысканиях по лингвистике, лексикологии, терминологии, а также при обучении практическому владению английским языком для специальных целей.

Материалом для анализа послужили документы ИКАО, учебники и учебные пособия, справочная и специальная литература по гражданской и военной авиации, в которых содержатся профессиональные термины и стандартная фразеология ИКАО.

Такие методы работы, как описательный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, концептуальный анализ, метод сплошной выборки, а также метод описания изучаемого языкового материала позволили рассмотреть объект исследования с учетом поставленной цели.

Теоретической базой нашей работы стали научные труды отечественных и зарубежных исследователей. Среди них представители когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев [3]; Е.С. Кубрякова [8] и др.), структурной лингвистики (Н.Д. Арутюнова [2]; Г.В. Колшанский [7] и др.), а также специалисты, изучающие авиационный английский язык (ААЯ) как язык для специальных целей (Н.П. Мельниченко [9]; И.Н. Прокожай [11]; Н.А. Щетинина [14] и др.).

Вопросам оценки окружающего мира посвятили свои работы такие лингвисты как Н.Д. Арутюнова [2]; Н.Н. Болдырев [3]; Е.М. Вольф [5] и др. Оценивая окружающий себя мир, человек не только воспринимает объекты и явления действительности, но и дает им определенную характеристику, что заложено «... самой физической и психической природой человека ... его деятельностью, отношением к другим людям ...» [2, с. 5]. Оценка, по мнению этих ученых, как лингвистическая категория, представляет собой сложное явление по восприятию и обработке индивидуумом внешнего мира и является продуктом коммуникативно-познавательной деятельности самого человека, с одной стороны, а с другой, оказывает влияние на его деятельность. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать особенности функционирования прилагательных «сильный» и «слабый» в стандартных фразах радиотелефонной коммуникации современного ААЯ. В данных выражениях с семантической точки зрения прилагательные «сильный» и «слабый» выступают как имена признака, а в качестве оценочной структуры они отражают отношение говорящего к событию или предмету.

Во-первых, изучив языковой материал по теме нашего исследования, был определен тематический состав областей оценочной категоризации, отражающий стандартные социально-профессиональные ситуации-контексты в профессиональном дискурсе авиаспециалистов. К таковым относятся: 1) проблемы объективного характера, такие как погода, местные условия взлёта и посадки, состояние и эксплуатация аэродромов; 2) разного рода инциденты, связанные с нарушением работы систем воздушного судна (ВС) в воздухе или на земле или связанные с собственно коммуникацией. Во-вторых, были изучены дефиниции исследуемых слов, представленные в словарных статьях «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова [13] и «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [4]. В результате было установлено, что информация в перечисленных источниках в значительной степени схожа и может быть сведена к следующим значениям, отвечающим тематическому составу областей оценочной категоризации.

Сильный:

1. Обладающий большой физической силой, мощный. *С. человек. С. удар. Сильная машина. Сильная армия.*
2. Значительный (по величине, степени). *С. ветер. Сильная боль. Сильное впечатление. Сильное горе.*

Слабый:

1. Отличающийся малой силой, мощностью. *С. человек. С. мотор. Слабые токи.*
2. Малый, незначительный. *С. ветер. Слабая боль. Слабые признаки жизни.*
3. Лишённый твёрдости, устойчивости, последовательности. *С. характер. Слабая воля.*
4. Не крепкий, не насыщенный. *С. раствор.*
5. Не тугой, не плотный. *Верёвка слабо (нареч.) натянута [13].*

Расположение значений представленных лексических единиц в словарных статьях не случайно: оно основано на значимости и частотности их употребления. Для каждой из перечисленных выше областей на основе концептуального анализа были определены следующие оценочные концепты, передающие в ААЯ категории «сильный» – *strong, severe, thick, heavy* – и «слабый» – *weak, light, slight, thin*. Анализ языкового материала и изучение словарных статей Collins [15], Macmillan [16] показал, что отобранные в рамках нашего исследования лексические единицы относятся в современном английском языке к группе качественных прилагательных, которые состоят только из основы (одно/двусложные), не имеют словообразовательных элементов и изменяются по степеням сравнения. Не обладая сильной эмоциональной окраской, исследуемые прилагательные в авиационном дискурсе приобретают ярко выраженный оценочный характер, т.к. позволяют выразить степень безопасности авиаперевозок с учетом «лётности» погоды (ухудшения

или улучшения ее условий), готовности экипажа, надлежащей работы систем воздушного транспорта или наземных служб и т.п. Именно контекст способствует формированию и позволяет развиваться оценочным семам исследуемых категорий «сильный» и «слабый», заложенным в глубине значения английских слов *strong, severe, thick, heavy, weak, light, slight, thin*.

Говоря о метеорологической информации на маршруте полета, в аэропортах вылета или посадки, категории «сильный» и «слабый» реализуются группами единиц, номинирующими *обильность/массу* (*heavy/light/slight*), *физическую силу, мощь* (*strong/weak*) и *плотность гидрометеорологического явления* (*thin/thick*) или *угрозу/опасность погодного явления для конструкции самолета* (*severe/light, slight*). Сильные (обильные) осадки усложняют производство полетов и могут стать причиной задержки рейсов. С другой стороны, небольшой (незначительные дождевые массы) дождь ограничивает видимость и не представляет угрозы для работы авиационных служб. Например.

1. *Caution, heavy thunderstorm in the vicinity of the airfield*. Внимание: в окрестностях лётного поля наблюдается сильная гроза. Это атмосферное явление с громом и молнией, обладающее большой силой (обилием осадков), представляет непосредственную угрозу для безопасности полетов. 2. *Unable to observe traffic in distress due to thick fog*. Плотный/сильный туман не позволяет осуществлять визуальное наблюдение терпящего бедствия ВС. 3. Сила природных явлений передается через категории «мощь» и «скорость», раскрывая причину опасности этих явлений для деятельности человека. Так, в отличие от осадков, ветер в авиационном английском языке характеризуется направлением (*direction*) и скоростью (*velocity*) движения, что и определяет опасность/отсутствие опасности для выполнения полетов. Согласно документам ИКАО по своей силе ветер имеет следующие виды: штиль, слабый, умеренный, сильный, шторм, ураган. За каждой из перечисленных категорий закреплены соответствующие числовые характеристики, описывающие степень опасности этого природного явления. Слабый ветер характеризуется силой 0-2 м/с и не способен изменить курс воздушного судна (ВС). Сильный ветер – 6 м/с и выше способен вызвать трагические последствия для экипажа и конструкции самолета даже, если за штурвалом ВС находится опытный пилот. *Weather forecast for Belgrad at 12:00 UTC: strong wind 180° 20 knots*. Прогноз погоды для аэропорта Белград на 12.00 по скоординированному мировому времени: сильный ветер 180 градусов 20 узлов (поток воздуха большой силы). *Strong wind shear*. Сильный сдвиг ветра (резкое изменение направления ветра на небольшом участке пути). 4. *Be advised: severe turbulence from top of clouds up to 12,000 ft*. Сильная (опасная для целостности конструкции) турбулентность наблюдается от верхней границы облаков до 12.000 футов. *Experiencing light turbulence*. Ощущаю легкую турбулентность (несущественная угроза/ отсутствие прямой опасности для конструкции самолета).

Следующая область оценочной категоризации, связанная с нарушением работы систем воздушного судна (ВС) в воздухе или на земле, реализуются группами единиц, номинирующими *интенсивность процесса: мощь* (*strong/weak*); *интенсивность процесса: количество/объем* (*heavy/light*); *степень значительности происшествия* (*strong/weak*). Приведем примеры.

1. *The strength of transmission: The intensity of your signals is becoming weaker*. Слабый (не мощный) сигнал. *I read you strong but unreadable*. Сильный шум, ничего не понятно. 2. *We have stopped transmitting due to heavy interference*. Сильные (в большом объеме) помехи. 3. *Strong smoke in the cockpit*. Сильный дым в кабине экипажа. В авиа отрасли это явление представляет собой состояние бедствия для экипажа и определяется кодовым наименованием «MaydayMaydayMayday», что влечет за собой немедленную посадку ВС. *No smoke, but the smell is getting stronger*. Дыма нет, но запах гари усиливается. Опасность для жизни экипажа отсутствует, но требуется немедленная помощь наземной службы – состояние срочности «PanPanPan».

В заключение отметим: проведенный когнитивно-семантический анализ оценочных категорий «сильный» и «слабый» в современном авиационном английском языке позволил определить, что формирование оценочных смыслов характерно для качественных прилагательных, способных совмещать значения признака и оценки и, в первую очередь, зависит от «субъекта оценки» [5, с. 20]. В нашем случае, это международные организации гражданской авиации, которые оценивают окружающую действительность с точки зрения безопасности/опасности воздушного сообщения. Следовательно, исследуемые оценочные категории «сильный» и «слабый» носят исторически сложившийся наднациональный характер. Эти единицы зафиксированы в соответствующих руководствах и стандартах и обязательны к применению всеми представителями авиационной отрасли. В большей степени представленные категории используются в ААЯ для описания нестандартных/опасных ситуаций, связанных с проблемами систем ВС, угрозой жизни для людей или проблемами объективного характера, связанными с погодой, местными условиями взлёта и посадки, состоянием и эксплуатацией аэродромов. Для каждой из перечисленных областей на основе концептуального анализа были выделены оценочные концепты *strong, severe, thick, heavy*, передающие категорию «сильный», и *weak, light, slight, thin* –

катеорию «слабый» в языке радиообмена. Являясь изначально эмоционально-нейтральными, перечисленные языковые единицы, в авиационном дискурсе реализуют свой оценочный потенциал, вербализуя наличие/отсутствие опасности, стадию её развития/завершения, характер опасности и её последствия для жизни людей и работы авиатранспорта.

Литература

1. Апефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 416 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых знаний. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
3. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. научных трудов. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский госунар. унив-т, 2002. С. 103 – 114.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014. 1534 с.
5. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978. 200 с.
6. Гурвич П.Б., Кудряшов Ю.А. Лексические умения, обуславливающие говорение на иностранном языке, и основные 63 линии их развития. М.: Просвещение, 1991. 219 с.
7. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Комкнига, 2018. 232 с.
8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
9. Мельниченко С.А. Профессиональная языковая подготовка пилотов и авиадиспетчеров и вопросы контроля качества [Электронный ресурс] // Труды МГТА: электронный журнал. Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/2106682/> (дата обращения: 02.05.2023).
10. ООН: Международная организация гражданской авиации. URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc/icao> (дата обращения: 01.05.2023).
11. Прохожай И.Н. Когнитивно-прагматические и психолингвистические особенности дискурса радиообмена при выполнении международных полетов: дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 2011. 187 с.
12. Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком [Doc 9835 AN/453 2010; Manual... 2004]. Документ 9835. Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком. Монреаль: Изд-во ИКАО, 2010. 177 с.
13. Словарь Ожигова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27585>, 601 с. (дата обращения: 10.02.2023).
14. Щетинина Н.А. Коммуникативные особенности англоязычного дискурса радиообмена гражданской авиации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 19 с.
15. <https://www.collinsdictionary.com/>
16. Macmillan Dictionary. L., 2005. 1692 p.

References

1. Apefirenko N.F. Sovremennye problemy nauki o jazyke: uchebnoe posobie. M.: Flinta: Nauka, 2005. 416 s.
2. Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znaniy. Ocenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 339 s.
3. Boldyrev N.N. Struktura i principy formirovanija ocenocnyh kategorij. S ljubov'ju k jazyku: sb. naucznyh trudov. Moskva-Voronezh: IJa RAN, Voronezhskij gosudar. univ-t, 2002. S. 103 – 114.
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: Norint, 2014. 1534 s.
5. Vol'f E.M. Grammatika i semantika prilagatel'nogo. M.: Nauka, 1978. 200 s.
6. Gurvich P.B., Kudrjashov Ju.A. Leksicheskie umenija, obuslavlivajushhie govorenie na inostrannom jazyke, i osnovnye 63 linii ih razvitija. M.: Prosveshhenie, 1991. 219 s.
7. Kolshanskij G.V. Sootnoshenie sub#ektivnyh i ob#ektivnyh faktorov v jazyke. M.: Komkniga, 2018. 232 s.
8. Kubrjakova E.S. Tipy jazykovyh znachenij. Semantika proizvodnogo slova. M.: Nauka, 1981. 200 s.
9. Mel'nichenko S.A. Professional'naja jazykovaja podgotovka pilotov i aviadispetcherov i voprosy kontrolja kachestva [Jelektronnyj resurs]. Trudy MGTA: jelektronnyj zhurnal. Rezhim dostupa: <http://uchebana5.ru/cont/2106682/> (data obrashhenija: 02.05.2023).
10. OON: Mezhdunarodnaja organizacija grazhdanskoj aviacii. URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc/icao> (data obrashhenija: 01.05.2023).
11. Prohozhaj I.N. Kognitivno-pragmaticheskie i psiholingvisticheskie osobennosti diskursa radioobmena pri vypolnenii mezhdunarodnyh poletov: dis. ...kand. filol. nauk.Saratov, 2011. 187 s.
12. Rukovodstvo po vnedreniju trebovanij IKAO k vladeniju jazykom [Doc 9835 AN/453 2010; Manual... 2004]. Dokument 9835. Rukovodstvo po vnedreniju trebovanij IKAO k vladeniju jazykom. Monreal': Izd-vo IKAO, 2010. 177 s.

13. Slovar' Ozhigova [Elektronnyj resurs]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27585>, 601 с. (data obrashhenija: 10.02.2023).
14. Shhetinina N.A. Kommunikativnye osobennosti anglojazыchnogo diskursa radioobmena grazhdanskoj aviacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2013. 19 s.
15. <https://www.collinsdictionary.com/>
16. Macmillan Dictionary. L., 2005. 1692 p.

*Makurina I.Yu., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Air Force Military Educational and Scientific Center Air Force Academy
named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Branch in Chelyabinsk)*

Linguistic implementation of categories "strong/weak" in Aviation English

Abstract: the article examines the peculiarities of structure and linguistic implementation of the categories "strong/weak", which are used in the aviation discourse and represent a certain problem in teaching the language of radio communication to higher military school cadets. It is noted that the language of radio communication is a standardized language, which is not only a means of solving professional tasks, but also an important condition for the safe and efficient air transportation. The author presents the thematic areas of evaluative categorization, reflecting the standard socio-professional situations in the professional discourse of aviation professionals, which allows to identify the evaluative concepts of the categories "strong/weak" and to determine the linguistic mechanisms of formation of evaluative meanings. Examples illustrating the standard phraseology of radio exchange with the given categories, their meanings, situations of application are analyzed.

Keywords: linguistic category, Aviation English, *appreciative categorization*, lexical items, object of reality, standard phraseology

For citation: Makurina I.Yu. Linguistic implementation of categories "strong/weak" in Aviation English. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 89 – 93.

*Манджиева С.В., кандидат филологических наук, доцент,
Халгаева Д.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Радоченко Д.Н.,
Джалсанова Е.С.,
Тюрбеева Б.А.,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова*

Способы словообразования жаргонной лексики хакеров

Аннотация: развитие компьютерных технологий послужило формированию особого подязыка - жаргона хакеров в качестве активно развивающейся динамической лексической системы языка, нелитературной части профессионального языка компьютерных технологий в подязыке Internet. Субкультура хакеров является устойчивой группой, объединенной общими признаками на идеологическом, культурном, профессиональном уровнях. В отношении статуса языка хакеров используется лингвистическое понятие жаргона, под которым подразумевается разновидность речи, преимущественно используемая в устной коммуникации (в письменной фиксации устной речи) отдельной достаточно устойчивой социальной группой, объединение представителей которой обусловлено, в частности, профессиональной деятельностью, положением в обществе, интересами или возрастом. Актуальность настоящего исследования обусловлена расширением представления о механизмах формирования жаргонной лексики хакеров, о сущности языка субкультуры хакеров, искусственно создаваемого с целью языкового обособления. В статье рассматриваются особенности словообразования жаргонной лексики хакеров. Выявлено, что в создании лексических единиц хакеров в значительной степени используются суффиксальные образования с предполагаемой экспрессивной окраской, сопряженной с необычным присоединением суффиксов к таким словам, которые в рамках литературного языка не функционируют в подобном сочетании. На функциональном уровне в подязыке Internet жаргоны хакера представлены в виде системных, общих и дифференцирующих лексических проявлений. Данная работа расширяет представления относительно систематизации и изменений, внесенных в нестандартную английскую речь с появлением компьютерных технологий.

Ключевые слова: подязык Internet, жаргон хакеров, словообразование, аффиксация, словосложение, конверсия, аббревиатуры, акронимы

Для цитирования: Манджиева С.В., Халгаева Д.Д., Радоченко Д.Н., Джалсанова Е.С., Тюрбеева Б.А. Способы словообразования жаргонной лексики хакеров // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 94 – 98.

С появлением всемирной сети Интернет возникла необходимость в обозначении большого количества понятий, используемых в сфере глобальной сети, в частности, в области компьютерных технологий. Данные обстоятельства послужили причиной создания лексикографических словарей с фиксацией терминов, характерных для подязыка Internet.

В лингвистическом аспекте жаргоны неоднородны. В них можно выделить следующие коммуникативные средства: средства, соотносимые с единицами общенационального языка, составляющими основу жаргонизмов на уровне лексики и грамматики; арготические слова и выражения, заменяющие понятия, официально принятые в соответствующем подязыке или обозначающие наименования, не обладающие общепринятым свойством употребления. Соотношение данных двух составляющих в содержательном наполнении жаргона не одинаково [5, с. 73].

Жаргон хакеров не считается языковой нормой, представляя собой социальный жаргон, актуальный для эпохи электроники.

Рассмотрим основные особенности жаргона с позиции лингвистики: жаргон интерпретируется как своего рода испорченное наречье, обладающее отрицательно-оценочной окраской, созданное в связи с определенной целью [7, с. 53]; в аспекте социальной стратификации акцентируется контраст жаргона культуре речи, отсутствие в его определении культурологического фона [2]; жаргон представлен в виде совокупности слов, направленных на расширение речевого состава группы носителей конкретного языка, структурные составляющие которого жаргон не затрагивает, кроме лексического пласта в рамках описания ситуаций, значимых для группы [6]; жаргон, будучи частью языковой системы в целом, рассматривается как достаточно сложная подсистема языка с характерным семантическим наполнением, сниженным стилем, ограниченным кругом пользователей [4]; жаргон в составе национального языка социально маркирован, служит средством непринужденного общения в кругу людей, сходных по интересам [5].

В создании лексических единиц хакеров в значительной степени используются суффиксальные образования с предполагаемой экспрессивной окраской, сопряженной с необычным присоединением суффиксов к таким словам, которые в рамках литературного языка не функционируют в подобном сочетании. Например, для образования существительного от глагола *win* общепринято использовать суффикс *-ing*, однако в жаргоне хакеров предпочтительны экспрессивные варианты - *winnage*, *winnitude*. Наиболее продуктивными являются следующие суффиксы:

-ity (35%)

mysterious - **mysteriosity** – the art of something being mysterious; *ferrous* – **ferrosity** – the state of being frightening and violent;

-ation (28 %)

hackerfication, barfulution *interj.* – an exclamation, expressing disgust.

-age (17%)

winnage – n. the situation when a lossage is corrected, or when something is winning; **stoppage** n. – extreme lossage that renders something (usually something vital) completely unusable. “The recent system stoppage was caused by a fried transformer”.

-itude (10%)

win - **winnitude** – the quality of winning (as opposed to *winnage*, which is the result of winning); *craft* – **craftitude** - a unified installation system for Minecraft mods and other extensions;

-dom (10%)

hackerdom, crackerdom, phreakerdom – the realm or sphere of computer hackers, crackers phreakers who break into computer systems, bypass passwords or licenses in computer programs, or in other ways intentionally breach computer security [10].

Таким образом, характерной чертой суффиксального образования жаргонизмов хакеров является так называемое некорректное присоединение определенных суффиксов к производной основе. Однако ошибочно полагать, что данная тенденция обуславливает невежество хакеров. Напротив, данные способы словообразования, отражая уникальную идеологию хакеров, состоящую в отчуждении ими всего остального мира, являются достаточно осознанными, преднамеренными и служат тем самым неким средством эффективного воздействия на пользователя, обособления своего сообщества от чужого.

Что касается префиксальных жаргонизмов, то следует отметить, что в количественном отношении данные единицы представлены в меньшем количестве, чем суффиксальные. Так, например, префикс *-k*, *-n*, *-nano* являются одним из продуктивных как в лексике хакеров, так и за ее пределами, в частности, в молодежном сленге. С фонетической точки зрения данная приставка не отделяется в произношении от основного слова и произносится слитно [k`], [n`].

Проиллюстрируем некоторые примеры: **k-kool**, **k-rad**, **k-awesome** – extremely; **k-evil**, **k-terrible**, **k-lame**, **k-schrewd**, **k-annoying** (used to intensify negatives). Overuse of this prefix, or use in more formal or technical contexts, is considered an indicator of lamer status.

nroff /n'rof/ n. [Unix, from “new roff”] – a companion program to the Unix typesetter troff, accepting identical input but preparing output for terminals and line printers

nanobot – n. a robot of microscopic proportions, presumably built by means of **nanotechnology**; **nanocomputer** n. a computer with molecular-sized switching elements [10].

Таким образом, современное состояние жаргона хакеров, в частности, его префиксальной системы, характеризуется появлением совершенно новых префиксов.

Сокращения относятся к достаточно распространенному способу образования жаргона хакеров, поскольку специфика их деятельности как субкультуры основана на составлении разнообразных программ с неизбежным использованием сокращений и аббревиатур в целях эффекта экономии языковых средств [1].

Зачастую аббревиации подвергаются компьютерные термины и названия особых систем, инструментариев (38%): **HTML** – Hypertext Markup Language (the standard markup language for documents designed to be displayed in a web browser); **DNS** - Domain Name System (a hierarchical and decentralized naming system for computers, services, or other resources connected to the Internet or a private network); **FTP** – File Transfer Protocol (a standard communication protocol used for the transfer of computer files from a server to a client on a computer network); **URL** – Uniform Resource Locator (colloquially termed a web address, is a reference to a web resource that specifies its location on a computer network and a mechanism for retrieving it); **PDL** – Program Design Language [10].

Как правило, аббревиатуры произносятся по буквам, так как данные лексические единицы функционируют в письменной форме и читаются как полное слово. Например, [he'teme'e'l], [fete'pe], [d'ene'es], [jure'e'l].

В отличие от аббревиатур акронимы произносятся как полные слова (51%): **RAM** – random access memory; **GIF** – graphic interchange format; **CAM** – computer-aided manufacturing [10].

Зачастую данные акронимы приобретают характеристики стандартных слов, в частности, форму множественного числа. Создание некоторых акронимов сопряжено с некой тенденцией к оригинальности: **HTH** – Hope This Helps (e.g. following a response to a technical question); **MMF** – Make Money Fast (refers to any kind of scheme which promises participants large profits with little or no risk or effort) [10].

Как показал анализ материала, в лексике хакеров слова-слитки играют важную роль для оказания прагматического воздействия на пользователей сети, а также в стремлении к оперативности изложения: **screenager** (screen + teenager = *informal*. a young person who spends a lot of time using computers and the Internet); **netizen** (net+citizen=slang. a person actively involved in online communities or the Internet in general); **digerati** (digital+literati=people who know a lot about literature=pl. people who understand and use computers in a very skilful way) [4].

Конвертированные единицы обусловлены, как правило, внутренним семантическим характером. Так, в процессе формирования жаргона хакеров посредством конверсии изменение в семантическом наполнении достигается за счет образования глаголов от неодушевленных существительных, в которых в качестве основы нового значения лексемы сема предметности дополняется семой действия посредством предмета (**mousepad** n. – коврик для мыши; **to mousepad** v. – водить мышью по коврику для передвижения курсорной стрелки на экране), сема «лицо» заменяется семой действовать подобно лицу (**weblogger** n. – создатель блога, сетевого дневника: **to weblog** v. – вести блог, сетевой дневник).

Согласно анализу практического материала, в процессе словосложения превалирующей моделью является N+N (48%): **ironmonger** n. – a hardware specialist (derogatory); **hairball** n. – a large batch of messages that a store-and-forward network is failing to forward when it should; **playpen** n. – a room where programmers work; adj+ППП (4%): **hardcoded** adj. – [common] said of data inserted directly into a program, where it cannot be easily modified, as opposed to data in some profile, resource [10].

В рамках исследования процесса словосложения отметим особенности гипонимии, основанной на видородовых отношениях между двумя составляющими элементами сложного слова в подъязыке Internet: слова-гипонимы, выражающие видовые понятия и содержащие большее количество семантических компонентов, и, соответственно, слова-гиперонимы с акцентуацией родовых отношений: online betting exchange, online song-swapping service, web-hosting, web news, web site pirates, web sites promotion. В рассматриваемых примерах слова-гиперонимы расположены в начале терминологического словосочетания и репрезентированы лексемами online, web, web site, объем семантических значений которых уже по сравнению со словами-гипонимами. Более того, данные лексемы участвуют в реализации функции препозитивного определения существительного, представленного основой – номинативными биномами, которые получают свое осмысление в качестве сложных слов с основой существительного или словосочетания с прилагательными в виде первого компонента [3].

В жаргоне хакеров в качестве способа словообразования достаточно продуктивно используется метатеза (от греч. *metathesis* – перестановка), основанная на комбинаторном изменении звуков, взаимной перестановке звуков или слогов в пределах слова. Посредством данного лингвистического явления хакеры демонстрируют в некоторой степени креативность, словотворчество, свое юмористическое отношение к действительности. Для хакера метатеза представляет собой своего рода игру со словом, литературной формой языка. Их языковая форма демонстрирует идеологическое мышление хакеров, их рвение к необычности [7].

При этом лексемы, созданные посредством метатезы, не обогащают семантическое наполнение слова, они лишь оказывают весьма сильное визуальное воздействие (**dain bramage** =brain damage).

Согласно анализу материала, в жаргоне хакеров в аспекте грамматики отмечаются особенности образования множественного числа, особое построение диалоговых фраз.

Примечательно, что достаточное распространение получает среди хакеров тенденция некорректного образования множественного числа имен существительных: mouse – **meeeces**, mongoose – **polygoose**, bunch of socks – **soxen**, wares – **warez**, dudes – **dudez** [10].

Проанализированные примеры демонстрируют весьма устоявшуюся тенденцию написания во множественном числе окончания -z вместо -s, присоединения уже существующих окончаний или приставок (*poly*, *-en*). Тем не менее, данные примеры не обуславливают невежество хакеров, напротив, практически все хакеры – образованные люди, некоторые из которых имеют несколько высших образований; креативность в грамматическом отношении исключает хакеров из сообщества обычных людей.

Следует отметить, что в целях экономии компьютерного пространства был создан принцип P-convention, ориентированный на краткое оформление вопросов и ответов в диалогах и подразумевающий трансформацию отдельного слова в вопросительную конструкцию посредством простого добавления к нему согласо-

го “P”, который согласно конвенции хакеров LISP (LIST Processing Languages) имеет значение “predicate”. Следовательно, хакерам свойственно в целях экономии пространства и времени создание вопросов, не применяя специальные грамматические вопросительные конструкции [8].

Например, Standard English: Would you like a cup of tea?

P-convention: **Tea-P?** [pi:]

При этом следует подчеркнуть, что действие принципа P-convention распространяется только на общие вопросы.

Ответы на вопросы подобного рода также характеризуются заменой общепринятой фразы посредством сокращений T (yes) и NIL (no=[nil]).

- Food-P?

- T, with pleasure / NIL, thank you.

В словаре жаргона хакеров находим следующие толкования данных единиц: **T** /T/ – [from LISP terminology for “true” Yes. Used in reply to a question (particularly one asked using The -P convention). In LISP, the constant T means “true”, among other things. Some Lisp hackers use “T” and “NIL” instead of “Yes” and “No” almost reflexively. This sometimes causes misunderstandings. When a waiter or flight attendant asks whether a hacker wants coffee, he may absently respond “T”, meaning that he wants coffee; but of course he will be brought a cup of tea instead. Fortunately, most hackers (particularly those who frequent Chinese restaurants) like tea at least as well as coffee – so it is not that big a problem; **NIL** /nil/ - No. Used in reply to a question, particularly one asked using the “-P” convention. Most hackers assume this derives simply from LISP terminology for “false”, but NIL as a negative reply was well-established among radio hams decades before the advent of LISP. The historical connection between early hackerdom and the ham radio world was strong enough that this may have been an influence [9].

Грамматические отклонения в жаргоне хакеров актуализируют их стремление индивидуализировать свою деятельность и привлечь внимание лингвистов к данному языковому явлению.

Функционирование жаргона хакеров, как и других профессиональных жаргонов, акцентируется своей областью употребления, основанной на неофициальном общении специалистов в непринужденной обстановке по вопросам работы с компьютером. В данной сфере жаргон хакеров, будучи средством коммуникации, реализует функцию, направленную, в частности, на идентификацию - принадлежность человека к сообществу профессионалов и отчуждение его от неспециалистов, а также функцию воздействия в целях выразительности речи.

Таким образом, жаргон хакеров не считается языковой нормой, представляя собой социальный жаргон, актуальный для эпохи электроники.

Аффиксация, словосложение, конверсия, сокращения относятся к наиболее распространенным способам словообразования жаргонизмов хакеров. В создании лексических единиц хакеров в значительной степени используются суффиксальные образования с предполагаемой экспрессивной окраской, сопряженной с необычным присоединением суффиксов к таким словам, которые в рамках литературного языка не функционируют в подобном сочетании. К наиболее продуктивным суффиксам, используемым для образования существительного, относятся -ity, -ation, -age, -itude, -dom; среди префиксов превалируют -k, -n, -nano. Данные аффиксы являются достаточно осознанными, преднамеренными и служат тем самым неким средством эффективного воздействия на пользователя, обособления своего сообщества от чужого.

В лексике хакеров слова-слитки, аббревиатуры, акронимы играют значимую роль для оказания прагматического воздействия на пользователей сети, а также в стремлении к оперативности изложения.

На морфологическом уровне отмечается некорректное образование множественного числа имен существительных, нетрадиционный способ построения диалоговых фраз. Грамматические отклонения в жаргоне хакеров актуализируют их стремление индивидуализировать свою деятельность и привлечь внимание лингвистов к данному языковому явлению.

Литература

1. Гринев С.В. Специальная лексика и терминологическая лексикография // Лексика и лексикография. М., 1991. С. 16 – 24.
2. Елистратов В. Аргю и культура // Словарь московского аргю: Материалы 1984-1990 гг. М., 1994. С. 32 – 41.
3. Жичкина А.В. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. М., 2005. 208 с.
4. Забело И.В. Некоторые особенности тематической организации лексики компьютерного жаргона // Библиотекарь. 2001. № 6. С. 95 – 103.
5. Маковский М.М. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. М., 2005. 168 с.

6. Рябичкина Г.В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 462 с.
7. Силинский С.В. Речевая вариативность слова. Спб.: Изд-во Петербург, ун-та, 1995. 126 с.
8. Holland N. The Internet Regression // *Psychoanalytic Studies e-journal*, 1996. P. 25 – 37.
9. Meyer G.R. *The social organization of computer underground*. Boston, 2000. 438 p.
10. Hacker's jargon file. Version 4.0.0., 1997. 796 p.

References

1. Grinev S.V. *Special'naja leksika i terminologicheskaja leksikografija*. Leksika i leksikografija. M., 1991. S. 16 – 24.
2. Elistratov V. *Argo i kul'tura. Slovar' moskovskogo argo: Materialy 1984-1990 gg*. M., 1994. S. 32 – 41.
3. Zhichkina A.V. *Social'no-psihologicheskie aspekty obshhenija v Internete*. M., 2005. 208 s.
4. Zabelo I.V. *Nekotorye osobennosti tematicheskoy organizacii leksiki komp'yuternogo zhargona*. Bibliotekar'. 2001. № 6. S. 95 – 103.
5. Makovskij M.M. *Sovremennyy anglijskij sleng: Ontologija, struktura, jetimologija*. M., 2005. 168 s.
6. Rjabichkina G.V. *Problemy substandartnoj leksikografii anglijskogo i russkogo jazykov: teoreticheskij i prikladnoj aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Pjatigorsk, 2009. 462 с.
7. Silinskij C.B. *Rechevaja variativnost' slova*. Spb.: Izd-vo Peterburg, un-ta, 1995. 126 s.
8. Holland N. The Internet Regression. *Psychoanalytic Studies e-journal*, 1996. P. 25 – 37.
9. Meyer G.R. *The social organization of computer underground*. Boston, 2000. 438 p.
10. Hacker's jargon file. Version 4.0.0., 1997. 796 p.

*Mandzhieva S.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Khalgaeva D.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,*

*Radochenko D.N.,
Dzhalsanova E.S.,
Tyurbeeva B.A.,*

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

Ways of word formation of hacker jargon

Abstract: the development of computer technology has made it possible to form a special sublanguage - jargon of hackers as an actively developing dynamic lexical system of the language, a non-literary part of the professional language of computer technology in the Internet sublanguage. The subculture of hackers is a stable group united by common features at the ideological, cultural, and professional levels. With regard to the status of the language of hackers, the linguistic concept of jargon is used, which means a type of speech that is mainly used in oral communication (in written representation of oral speech) by a separate fairly stable social group, the unification of its representatives is due, in particular, to professional activities, position in society, interests or age. The relevance of this study is to broaden the ideas concerning the mechanisms of the slang vocabulary of hackers formation, the essence of the language of the hacker subculture, artificially created for the purpose of linguistic isolation. The article defines the features of word formation in the slang vocabulary of hackers. It has been revealed that in the creation of lexical units of hackers, suffix formations with a supposed expressive coloring are used to a large extent, associated with the unusual addition of suffixes to such words that do not function in such a combination within the literary language. At the functional level, in the Internet sublanguage, hacker jargons are presented in the form of system-defined, general, and differentiating lexical manifestations.

Keywords: internet sublanguage, hacker jargon, word formation, affixation, composition, conversion, abbreviations, acronyms

For citation: Mandzhieva S.V., Khalgaeva D.D., Radochenko D.N., Dzhalsanova E.S., Tyurbeeva B.A. Ways of word formation of hacker jargon. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 94 – 98.

*Цуканова Д.В., PhD, старший преподаватель,
Университет Бордо Монтедь, Франция,
Российский университет дружбы народов,
Семанина А.А., ассистент,
Российский университет дружбы народов*

Этнокультурные особенности преподавания русской лексики франкоговорящим обучающимся

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН

Аннотация: динамика языковых и культурных ареалов является зеркалом национального характера русских и франкоговорящих обучающихся. Современная учебная деятельность ориентируется на междисциплинарный подход, как взаимообусловленную систему интеграции знаний, позволяющий обучать инофонов наиболее результативно, так как принимается во внимание их восприятие иноязычной и родной лингвокультур в их корреляции и конфронтации. Одним из методических аспектов преподавания лексики является важность учёта этнопсихологических факторов, включающих кросс-культурные условия коммуникации на русском языке как иностранном. Особое внимание студентов необходимо сосредоточивать на проникновении культуры в изучаемый язык, что позволяет реципиентам грамотно интерпретировать лингвокультурную парадигму, детерминированную в неродном мировоззрении, а также избегать деструктуризации межкультурной коммуникации. Между тем, в процессе подачи учебного материала, преподавателю необходимо учитывать специфику традиций и менталитета аудитории. Этнокультурные особенности, являясь совокупностью психологических черт, присущих той или иной этнической группе, проявляются в национальном характере и менталитете, что наиболее сконцентрировано во фразеологии, отражающей экономические, природные и культурные условия становления определённого народа – идеологию, воззрения и ценности конкретной эпохи – актуальной для современной действительности.

Ключевые слова: этнокультура, этнопсихология, русский язык как иностранный, РКИ, лексика, французы, франкоговорящие студенты, фразеологизмы

Для цитирования: Цуканова Д.В., Семанина А.А. Этнокультурные особенности преподавания русской лексики франкоговорящим обучающимся // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 99 – 104.

Познание человека определяется культурой, большую роль в которой играет язык, выполняющий свои интерпретирующие функции в процессе концептуализации и категоризации реальности. Системы взглядов разных народов различны и имеют ярко выраженный этнический компонент, интегрирующий национальные оттенки в их мировоззрение. Специфика оценок и образных представлений о мире, менталитета и культурных ценностей, проявляющаяся в языковых единицах разного уровня, проецируется на дискурсивную деятельность говорящих и на мыслительные модели коммуникативных процессов [10, р. 635].

Как подчёркивают в своём исследовании И.В. Скуратов и В.И. Корж (2020), «национальный характер – совокупность особых психологических черт, свойственных социальной этнической группе в конкретных экономических, культурных и природных условиях её развития» [9, с. 112]. Данная дефиниция тесно коррелирует с понятием «менталитет» – оба феномена составляют основу концептосферы этнопсихологии.

Ввиду того, что ни один язык не способен существовать в культурном вакууме, и поскольку нет двух абсолютно идентичных культур, инофоны, изучающие иностранный язык, неизбежно сталкиваются на своем пути обучения с культурными конфронтациями [12, р. 745]. Согласно с мнением В.М. Шаклеина, С.А. Дерябиной, М.А. Кареловой, С.С. Миковой, И.И. Митрофановой (2020), трудности в восприятии феномена этнокультуры во время изучения языка связаны с ее сложностью как явления, например, у французов, изучающих русский язык как иностранный (далее – РКИ) – это период, когда они должны получить необходимые знания об отражении реального мира в языке, включая национальный характер, народные жанры, этнографические детали русской жизни, этнические и религиозные символы, коммуникативные табу и т.д. [12, р. 745].

Французский и русский языки типологически и генетически совершенно разные. Французский – это аналитический романский язык, в то время как русский – синтетический славянский, имеющий шесть падежей и не обладающий формальной категорией артиклей. Артикль во французском языке выражает семантико-синтаксическую категорию существительного – играет роль его основного актуализатора [11]. Однако спецификой этнопсихологического развития русского и французского языков является то, что с XVIII по XIX вв. в культуру Российской Империи активно внедрялась культура Франции. «... писатели XIX

в. активно использовали в русском языке французские слова, фразеологические выражения, отдельные фразы и фрагменты текста, которые выполняли как коммуникативные, так и стилиобразующие функции. Процесс ориентации русского общества на французский язык превратился в галломанию» [4, с. 70; 6, с. 135]. Данные тенденции повлекли за собой такое явление, как дихотомия двуязычия и диглоссии. При этом русский язык в то время не обрёл низкий статус, а символизировал определенные ценности и использовался в таких высоких сферах деятельности человека, как научные тексты, художественная литература и пресса, не выступая, при этом, в роли антагониста французского языка [14, р. 457 – 458]. С тех пор определённые этнокультурные ценности прочно укоренились в менталитете россиян, что нашло своё отражение в этнопсихолингвистических коллизиях языка и народа. Таким образом, многие французские заимствования не только лексики, но и феноменов культуры, традиций и обычаев, проникли и укоренились в ментальных особенностях носителей русского языка.

В качестве ярких примеров этнокультурных особенностей, обнаруживаемых в языке французов и россиян, могут выступать фразеологизмы. Данные единицы лексической системы с национально-культурной семантикой, имеющие этнопсихолингвистическую специфику, выступают в роли устойчивых средств языковой выразительности, при этом понятия, стереотипы, стандарты и символы, являющиеся признаками человеческой культуры, усвоенными разными народами, чаще всего заключены в поговорки – язык сохраняет и передает из поколения в поколение этнокультурные особенности благодаря своей накопительной функции [13].

Лингвисты уделяют фразеологии большое внимание, так как она представляет собой языковую универсалию, где наиболее ярко отражаются «воззрения народа, общественный строй, идеология эпохи» [7, с. 42; 1, с. 261], сформированные сквозь призму социальных, психологических, этнографических и антропологических коллизий (табл. 1).

Таблица 1

Семантические особенности фразеологических оборотов французского и русского языков

Концепции	Французский фразеологизм	Концепт во французском языке	Русский эквивалент	Концепт в русском языке	Значение фразеологизма
интерактивность	« <i>Chien hargneux a toujours l'oreil le déchirée</i> » / «У ворчливой собаки всегда драное ухо»	Характеристика человека, обречённого на провал в коммуникации, постоянно настроенного злобно и агрессивно	«Ворчливая собака – добыча для волка»	В русской языковой картине мира такая собака имеет отрицательное значение, являясь «символом неустроенной жизни», «нищенского существования», «низкого положения». В русском языке ещё говорят: «Бойся тихой собаки», соответственно, «шумная» собака, как правило, не опасна	Основная функция собаки испокон веков – охранная [8, с. 154], при этом «шумная» собака считается глупой и не способной защитить имущество хозяина, а влекущая за собой одни проблемы, как и ворчливый человек
равноценность	« <i>À bon chat, bon rat</i> » / «Хорошему коту, хорошая крыса»	С 1881 г. во Франции кот стал символом независимости и свободных нравов Парижа (в особенности чёрного цвета). С конца XIX в. кот стал символической интерпретацией французов как «импульсивных экстравертов» [3]	«Большому кораблю большое плавание» (иронич.) или исконно русская «По Сеньке шапка»	Фразеологизм стал знаменит после постановки комедии «Ревизор», в которой городничий мечтал о том, чтобы его дочь вышла замуж за «чиновника из Петербурга»	Оценка потенциальной провальности планов чрезмерно амбициозной личности. Или в значении: каждый достоин не более того, что имеет, т.е. каждый получает по заслугам

Продолжение таблицы 1

очевидность	«Appeler un chat un chat» / «Называть кота котом» или «Appeler les choses par leurs noms» / «Называть вещи своими именами» (полный вариант: «Давайте называть вещи своими именами, а не садовый инструмент»)	В данном фразеологизме акцент делается не на имплицитной семантике животного, а на подчёркивании очевидности вещей / положения дел	«Посмотреть правде в глаза»	Испокон веков «в русской паремиологии правда – морально-нравственный идеал, высшая ценность» [5, с. 96], что подчёркивает такие основные этнопсихологические черты русских людей, как справедливость и честность.	В значении: говорить правду, сказать как есть, быть откровенным, несмотря на какие-то условности или этикетные любезности; оценивать по достоинству
делать пакость	«Jeter un chat aux jambaes» / «Кинуть кота под ноги»	В католической средневековой Франции кошку считали пособницей дьявола и других нечистых сил, соответственно, использование данного животного в отношении другого человека было равноценно чёрной магии	«Подложить свинью»	Свинья – ассоциативное поле данного концепта: неопрятности; нечистого животного; человека с низкими моральными принципами	Сделать пакость кому-нибудь, как правило, исподтишка; устроить неприятность, создать кому-то большие проблемы
безрассудность	«Acheter chat en poche» / «Купить кота в мешке»	Во французском языке данная пословица рождена из практического взаимодействия покупателей с недобросовестными торговцами, которые при продаже могли заменить в мешке молочного поросёнка на дохлую кошку	«Сыграть в русскую рулетку» («Сыграть в гусарскую рулетку»)	Вопреки тому, что данная игра приписывается русским офицерам XIX в., православное воспитание категорически не позволяло им подвергать свою жизнь практически суициду (самому страшному греху в христианстве – т.к. после самоубийства человек не способен покаяться)	Сделать абсурдный поступок; согласиться на что-либо, не изучив условия сделки / качество товара, не приняв во внимание особенности положения дел и пр.
неблагодарность	«A cheval donné on ne regarde pas la bride» / «У подаренной лошади узду не разглядывают»	Ранее лошадь была очень ценным животным, так как являлась незаменимым средством передвижения и большим помощником в человеческом труде. Узду часто могли украшать полоской ткани, драгоценными камнями, золотом или серебром и пр., что представляло из себя определённую ценность	«Дарёному коню в зубы не смотрят»	При покупке данного животного можно было натолкнуться на мошенников, которые заранее прикормили его продуктами, дающими энергию как у молодого рысака, подкрасили шерсть, придали ей блеск и пр. Истинная картина здоровья и возраста парнокопытного вырисовывалась на зубах лошади: чем лучше зубы, тем она моложе и более ухожена.	Идиома в значении принимать с благодарностью помощь или предмет, не придираясь и не критикуя подарки или то, что даётся бесплатно

Продолжение таблицы 1

невероятность, немислимость	« <i>C'est le nid d'une souris dans l'oreille d'un chat</i> » / «Нора мышки в ухе кошки»	Идиома рубежа XIX-XX вв. Некоторые ее интерпретируют, как аналог русской поговорки: «Наглость – второе счастье» или «Наглая мышь селится в ухе у кошки», однако, во французском языке – это символ немислимости и провальности к.-л. действий. Данный фразеологизм подчёркивает типичную для французов «смелость познания мира» [3]	«За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь»	Не стоит браться сразу на несколько дел. Данную поговорку породил практический опыт охотников. Данная тенденция имплицитно подчёркивает такую характерную этнопсихологическую черту русского человека, как любовь к труду	Нереальность того, что человек добьётся успеха в каком-то деле
	« <i>Il ne faut pas réveiller le chat qui dort</i> » / «Не стоит будить спящего кота». В Африке данный фразеологизм видоизменился: « <i>Il ne faut pas réveiller l'éléphant qui dort</i> » / «Не стоит будить спящего слона» [1, с. 261]	Во Франции до XIX в. кот считался посланником нечистых сил, соответственно, предполагалось, что если человек разбудит его, то навлечёт на себя неприятности. Во французских колониях по мнению местных жителей Африки кот не представляет из себя к.-л. источник опасной силы, поэтому «кота» заменили на «слона» [1, с. 261]	«Ну буди лихо пока оно тихо» или (калька с англ. яз.) «Не буди спящую собаку»	Собака в русской культуре считается более агрессивным и опасным животным, чем кот.	Не стоит совершать каких-либо действий – это позволит избежать неприятностей; не следует раздражать агрессивного, озлобленного или эксцентричного человека; не стоит «добавлять масла в огонь»
	« <i>Le prix s'oublie, la qualité reste</i> » (Фредерик Генри Ройс) / «Цена забывается – качество остаётся»	Данная поговорка подчёркивает такое качество французов, как практичность	«Гость не много гостит, да много видит»	Идиома подчёркивает такое качество русских людей, как гостеприимство	Оба фразеологизма подчёркивают то, что дела человека забываются, а сформированное на их фоне мнение о нем остаётся

Исходя из табл. 1, можно обнаружить полное семантическое совпадение большинства русских и французских фразеологизмов, что в определённой степени обусловлено галломанией, которая процветала с первой трети XVIII в. и достигла своего апогея при Екатерине II вследствие слепого следования «цивилизованным» стереотипам чужой культуры, навязанным СМИ [2, с. 38]. Важно принимать во внимание, что достаточно долгое время Россия находилась под влиянием французских культурных и лингвистических тенденций, что повлекло за собой перенятие множества французских лингвокультурных аспектов в русский язык – феномен галломании спровоцировал возникновение основного количества современных семантических совпадений и, как следствие, этнопсихолингвистических сходств во французском и русском языках, отражаемые во фразеологии данных народов.

Выводы

Согласно принципам этнопсихологии, специфика культуры, традиций, менталитета и духа народа часто выражена в литературных источниках и в устном народном творчестве. При обучении франкоговорящих студентов русскому языку следует принимать во внимание культурные отличия и сходства языка инофонов и РКИ, что позволит избежать обучающимся и преподавателю деструктивной коммуникации, дезадаптации и межкультурных конфликтов.

Литература

1. Багана Ж. Об общефранцузских фразеологизмах в африканских вариантах французского языка // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2015. № 5. С. 260 – 265.
2. Брагина А.О. Психологический портрет русского человека // Медицина Кыргызстана. 2012. № 4. С. 37 – 38.
3. Ермолова Д.Ю. Психологический портрет французов // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2014. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014002625> (дата обращения: 15.10.2022)
4. Колосова Н.А. Французская традиция в российском культурном пространстве // Спецкурсы по романской филологии: сб. учеб.-метод. материалов кафедры романской филологии / под. ред. В.Т. Клокова. Саратов: изд-во Саратов ун-та, 2003. Вып. 2. С. 67 – 84.
5. Кочнова К.А., Кирюшина М.В. Лингвокультурная модель «Правда» в русском языковом менталитете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-2 (60). С. 96 – 98.
6. Кучминская Н.Р. Историко-лингвистический аспект русско-французского двуязычия // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 133 – 141.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие: для студентов вузов. 2-е изд., стер. М.: Academia, 2004 (ГУП Саратов. полигр. комб.). 202 с.
8. Минци Ван Концепт «собака» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале пословиц и поговорок) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 150 – 155.
9. Скуратов И.В., Корж В.И. Специфика национального менталитета и национального характера русских и французов через призму этнических лингвокультур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 111 – 115.
10. Kim L. (2020) Ethnocultural Differences in Discourse Thought Patterns and Their Significance for Linguocultural Competence. Conference: X International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». DOI:10.15405/epsbs.2020.08.75.
11. Ovodenko M. (2018) Différences Typologiques Entre le Russe et le Français (Le Cas de l'Article). Hypotheses. Date de publication: 02.04.2018. URL: <https://arlap.hypotheses.org/11452>. Date: 15.10.2022.
12. Shaklein V., Mitrofanova I., Deryabina S., Mikova S., Karelova M. Ethnoculture Concept in Modern Language Education Within the Ethnic Studies Paradigm. Conference: International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» dedicated to the 80th anniversary of Turkeyev H.V. 2020. P. 745 – 749. DOI:10.15405/epsbs.2020.10.05.100.
13. Surguladze N. Conference: Colloque de Parémiologie 2011 "Tous les chemins mènent à Paris Diderot" Université Paris Diderot-Paris 7At: Paris, France Volume: III Project: Phraseology and Paremiology. 2012.
14. Verschik A. French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1: Language Use among the Eighteenth and Early Nineteenth Century Russian Elite ed. by Derek Offord et al. 2015. № 4. P. 457 – 463. DOI:10.1353/imp.2015.0097

References

1. Bagana Zh. Ob obshhefrancuzskih frazeologizmah v afrikanskih variantah francuzskogo jazyka. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2015. № 5. S. 260 – 265.
2. Bragina A.O. Psihologicheskij portret russkogo cheloveka. Medicina Kyrgyzstana. 2012. № 4. S. 37 – 38.
3. Ermolova D.Ju. Psihologicheskij portret francuzov. Materialy VI Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum». 2014. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014002625> (data obrashhenija: 15.10.2022)
4. Kolosova N.A. Francuzskaja tradicija v rossijskom kul'turnom prostranstve. Speckursy po romanskoj filologii: sb. ucheb.-metod. materialov kafedry romanskoj filologii. pod. red. V.T. Klokova. Saratov: izd-vo Saratov un-ta, 2003. Vyp. 2. S. 67 – 84.
5. Kochnova K.A., Kirjushina M.V. Lingvokul'turnaja model' «Pravda» v russkom jazykovom mentalitete. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 6-2 (60). S. 96 – 98.

6. Kuchminskaja N.R. Istoriko-lingvisticheskiy aspekt russko-francuzskogo duvjazychija. Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2013. № 1. S. 133 – 141.
7. Maslova V.A. Lingvokul'turologija: ucheb. posobie: dlja studentov vuzov. 2-e izd., ster. M.: Academia, 2004 (GUP Sarat. poligr. komb.). 202 s.
8. Minci Van Koncept «sobaka» v russkoj i kitajskoj jazykovyh kartinah mira (na materiale poslovic i pogovorok). Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2016. № 4. S. 150 – 155.
9. Skuratov I.V., Korzh V.I. Specifika nacional'nogo mentaliteta i nacional'nogo haraktera russkih i francuzov cherez prizmu jetnicheskikh lingvokul'tur. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2020. № 1. S. 111 – 115.
10. Kim L. (2020) Ethnocultural Differences in Discourse Thought Patterns and Their Significance for Linguocultural Competence. Conference: X International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». DOI:10.15405/epsbs.2020.08.75.
11. Ovodenko M. (2018) Différences Typologiques Entre le Russe et le Français (Le Cas de l'Article). Hypotheses. Date de publication: 02.04.2018. URL: <https://arlap.hypotheses.org/11452>. Date: 15.10.2022.
12. Shaklein V., Mitrofanova I., Deryabina S., Mikova S., Karelova M. Ethnoculture Concept in Modern Language Education Within the Ethnic Studies Paradigm. Conference: International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» dedicated to the 80th anniversary of Turkeyev H.V. 2020. P. 745 – 749. DOI:10.15405/epsbs.2020.10.05.100.
13. Surguladze N. Conference: Colloque de Parémiologie 2011 "Tous les chemins mènent à Paris Dide-rot" Université Paris Diderot-Paris 7At: Paris, France Volume: III Project: Phraseology and Paremiology. 2012.
14. Verschik A. French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1: Language Use among the Eighteenth and Early Nineteenth Century Russian Elite ed. by Derek Offord et al. 2015. № 4. P. 457 – 463. DOI:10.1353/imp.2015.0097

*Tsukanova D.V., PHD, Senior Lecturer,
University of Bordeaux Montaigne, France,
Peoples Friendship University
Semanina A.A., Assistant Professor,
Peoples Friendship University*

Ethnocultural features of teaching Russian vocabulary to French-speaking students

Abstract: the dynamics of linguistic and cultural areas is a mirror of the national character of Russian and French-speaking students. Modern educational activity focuses on an interdisciplinary approach, as an interdependent system of knowledge integration, which allows teaching foreign speakers most effectively, since their perception of foreign and native linguistic cultures in their correlation and confrontation is taken into account. One of the methodological aspects of teaching vocabulary is the importance of taking into account ethnopsychological factors, including cross-cultural conditions of communication in Russian as a foreign language. Special attention of students should be focused on the penetration of culture into the language being studied, which allows recipients to correctly interpret the linguocultural paradigm determined in a non-native worldview, as well as avoid the deconstruction of intercultural communication. Meanwhile, in the process of submitting educational material, the teacher needs to take into account the specifics of the traditions and mentality of the audience. Ethnocultural features, being a set of psychological traits inherent in a particular ethnic group, manifest themselves in the national character and mentality, which is most concentrated in phraseology reflecting the economic, natural and cultural conditions of the formation of a certain people – the ideology, views and values of a particular era – relevant to modern reality.

Keywords: ethnoculture, ethnopsychology, Russian as a foreign language, RFL, vocabulary, French, French-speaking students, phraseological units

For citation: Tsukanova D.V., Semanina A.A. Ethnocultural features of teaching Russian vocabulary to French-speaking students. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 99 – 104.

*Даулань М., аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Вербализация концепта «медицина» в русской и английской медицинской рекламе

Аннотация: современная наука о языке насчитывает десятки разноаспектных работ, направленных на исследование рекламного текста. Интересны исследования рекламы сквозь призму когнитивной лингвистики. Такие работы характеризуются стремлением показать, что язык рекламы отображает картину мира и многочисленные ментальные образования, именуемые концептами. Актуальность работы обусловлена интересом сравнения русской и английской лексической объективации концепта «медицина» в медицинских рекламных сообщениях. Исследование русских и английских коммерческих медицинских текстов показало, что такая реклама имеет направления: 1) продвижение услуг, предлагаемых частными медицинскими организациями, 2) продвижение фармакологической продукции, 3) привлечение внимания к социально важным проблемам (вопросы здоровья человечества). Материалом послужили медицинские рекламные видеоролики на русском и английском языках, отобранные методом сплошной выборки, представленные на видеоплощадке «YouTube». Цель данной работы: выявить и сравнить вербальную репрезентацию концепта «медицина» в русских и английских рекламных произведениях. В настоящей статье представлена лексическая вербализация концепта «медицина» в русско- и англоязычной медицинской рекламе, выявлены ядро, периферия, установлен характер выделенных единиц, построены графические модели, произведено сравнение разноязыковых (русских и английских) вербализаторов.

Ключевые слова: концепт, медицина, реклама, английский язык, репрезентация, лексика

Для цитирования: Даулань М. Вербализация концепта «медицина» в русской и английской медицинской рекламе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 105 – 108.

В настоящее время реклама стала ключевым звеном между компанией, продающей продукт, и потребителем – без нее трудно представить существование и развитие фирмы в виду перенасыщенности современного рынка различными товарами и услугами. Современная реклама рассматривается не только как инструмент сбыта продукции, но и как особая формы общения – она является посредником в передаче информации в массы, выполняющим практически все функции средств массовой коммуникации (СМК): контакт с обществом, удовлетворение потребностей общества в получении определенного рода информации (продажа товаров и услуг), формирование общественного мнения и стандартов, ориентирование на социум (управление и манипуляция) и др. [1, с. 60].

Реклама формирует представление о концептах, создает искусственный, необходимый рекламодателю образ и внушает его потенциальному покупателю с целью большего сбыта товара и получения прибыли. Такая функция является манипуляционной, она заставляет читателя видеть определенные фрагменты мира так, как того желает компания, предлагающая товар или услугу.

Наука о языке насчитывает десятки работ в области когнитивного описания концептов. Этот термин является предметом таких парадигм, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика и др., в связи с этим существуют десятки определений данного термина. Так, Ю.С. Степанов и В.Н. Телия рассматривали данное понятие с точки зрения культурологии; ученые считали, что концептом является какое-либо звено культуры во внутреннем мире человека, при этом язык играет второстепенную роль – он лишь инструмент вербализации «сгустка культуры» (концепта) [2, с. 43].

Представителями когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Ф. Алефиренко и др.) концепт понимается как кусочки мира и жизнедеятельности, сформированные и запечатанные в сознании, ментальном мире человека, способные анализироваться, главным образом, посредством языкового, семантического, когнитивного анализов (анализ лексикографических данных, синонимов ключевого слова, паремий, анализ сочетаемости, ассоциативный эксперимент). З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагали следующее определение концепта: «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [3, с. 24].

Мы отдаем предпочтение второй позиции. Концепт – ментальная единица, некий фрагмент мира, представление о котором сформировано самим человеком, исходя из жизненного опыта, или с помощью внеш-

них факторов. Реклама является таким фактором – она способна оказывать влияние на выстраивание в голове личности определенных образов.

Медицинские коммерческие сообщения среди прочих средств массовой коммуникации выступают главным инструментом в составлении представлений человека о болезнях, здоровье, фармакологии и медицинской сфере в целом. Концепт «медицина» – «многогранное семантическое образование, которое отражает представление о деятельности человека и результатах этой деятельности в сфере медицины; является антропологически важным, базовым и составляет основу национальной концептосферы» [4, с. 112].

Анализируя структуру концепта «медицина» в медицинских рекламных роликах, выявили ядро (наиболее устойчивые номинации, характеризующие суть содержания концепта) и периферию (дополнительные когнитивные компоненты) [5, с. 131]. В ядро концепта входят два ключевых дуальных понятия, они одновременно являются составляющими медицины – внутренние слои: здоровье (health) и болезнь (disease). Верно отмечала Л.В. Туленинова, что «наличие одного служит обязательным условием существования другого» [6, с. 14].

Словарь антонимов русского языка выделяет лексемы «здоровье» и «болезнь» в антонимичную пару [7]. Словарь Кузнецова предлагает следующую трактовку ядерных лексем. Здоровье: «1) нормальное состояние организма, нормальное функционирование органов; 2) самочувствие, состояние организма; 3) об отсутствии признаков неблагополучия, угрожающих нормальной деятельности или существованию какой-либо сложной социальной или природной структуры». Болезнь: «1) нарушение деятельности организма из-за конкретного заболевания, расстройство здоровья; 2) разрушение, повреждение чего-либо; 3) отклонение от нормы в чем-либо» [8].

Кэмбриджский толковый словарь дает следующие определения: health – 1) «the condition of the body and the degree to which it is free from illness, or the state of being well» (состояние тела и степень, в которой оно свободно от болезни, или состояние здоровья), 2) «services and jobs that exist to take care of people's health» (услуги и рабочие места, которые существуют, чтобы заботиться о здоровье людей), 3) «the condition of something that changes or develops, such as an organization or system» (состояние чего-то, что изменяется или развивается, например, организации или системы); disease – «(an) illness of people, animals, plants, etc., caused by infection or a failure of health rather than by an accident» (болезнь людей, животных, растений и т. д., вызванная инфекцией или ухудшением здоровья, а не несчастным случаем), «something that is considered very bad in people or society» (что-то, что считается очень плохим в людях или обществе) [9].

Периферийное наполнение группируется по трем характеристикам к каждому внутреннему слою концепта «медицина».

1. Продвижение услуг, предлагаемых частными медицинскими организациями (болезнь): *боль (6), усталость (2), недомогание (2), боль в спине, боль в суставах, головокружение, мучают, недуг, остеопороз, остеохондроз, pain (8), malaise (4), anesthesia (2), ill health (2), despair, stroke symptoms, misery.*

2. Продвижение услуг, предлагаемых частными медицинскими организациями (здоровье): *качественно (3), лечение (3), высококвалифицированные специалисты (2), жизнь (2), сила (2), эффективно (2), энергия, безболезненно, активный образ жизни, настроение, жизнь без боли, хватит терпеть, поставит на ноги, окажут, профессионалы, профессионализм, новейшее оборудование, life (3), energy (2), doctors (2), happiness (2), treat now – pay later, our doctors are professionals, high qualification, provide quality medical services.*

3. Продвижение фармакологической продукции (болезнь): *заложен нос (3), насморк (3), кашель (2), головная боль (2), озноб, мокрота, плохое самочувствие, мигрень, изжога, вздутие, вирус, сломил, ангина; cough (4), runny nose (3), bronchitis, anxiety, heaviness in the stomach, emotional decline, sadness.*

4. Продвижение фармакологической продукции (здоровье): *поможет (5), забота (4), справится с боль (3), будьте здоровы, спасение, позаботься о себе, быстрое лекарство, новая биоформула; help (3), enhanced action (3), support (2), help to cope with the disease, acts quickly on the area of pain.*

5. Привлечение внимания к социально важным проблемам (болезнь): *что ты знаешь о ВИЧ?, навсегда, наркотики, асоциальный, приговор, сигареты – самый сильный наркотик; alcohol killed thousands of people, do you think it won't affect you? dangerous delusion.*

6. Привлечение внимания к социально важным проблемам (здоровье): *дистанция, скажи жизни «да», профилактика, меры предосторожности, защитные средства, откажись от курения; let yourself live, choose life.*

Репрезентанты внутреннего слоя «болезнь» концепта «медицина» объединяются по следующим характеристикам: 1) симптомы какого-либо заболевания (озноб, кашель, cough, runny nose), 2) название болезни (ангина, остеохондроз, bronchitis), 3) глаголы с негативной коннотацией, называющие воздействие на человека со стороны заболевания (мучают, сломил, killed). Такие языковые единицы отличаются отрицательной

окраской, представляют нечто неприятное, вызывающее боль, беспокойство, проблемы. Вербализаторы слоя «здоровья», напротив, отличаются положительным характером и разделяются по следующим группам: 1) призыв аудитории к лечению и заботе о себе (скажи жизни «да», позаботься о себе, choose life), 2) хвалебные изречения в адрес медицинского персонала, оборудования, препарата (профессионалы, высококвалифицированные, high qualification) 3) прочие языковые единицы с положительной коннотацией (профилактика, энергия, качественно, support, happiness).

Построим графическую модель лексического наполнения концепта «медицина» в русской и английской рекламе» (рис. 1, рис. 2).

Рис. 1. Структура семантического поля концепта «медицина» в русской медицинской рекламе (по порядку: верхний слой – ядро, ближняя, дальняя, крайняя периферии)

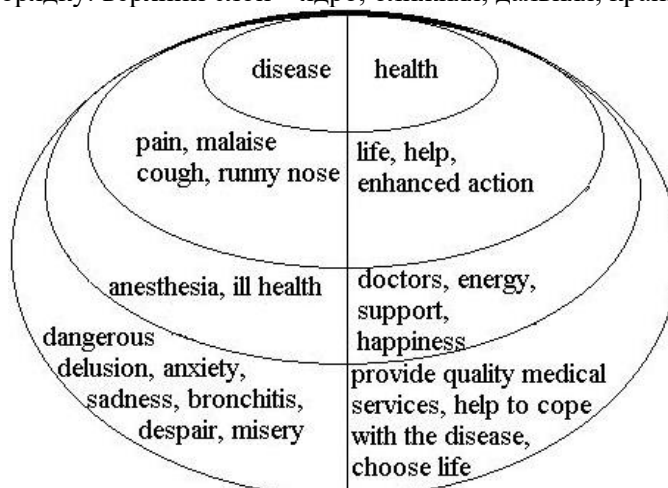

Рис. 2. Структура семантического поля концепта «медицина» в английской медицинской рекламе (по порядку: верхний слой – ядро, ближняя, дальняя, крайняя периферии)

Лексикографическое сравнение русско- и англоязычных вербализаторов позволило установить синонимические пары, или пары, имеющие одинаковый смысл при переводе с одного языка на другой: жизнь – life, мучение – misery, кашель – cough.

Таким образом, проведенный семантико-когнитивный анализ лексических репрезентантов концепта «медицина» в русской и английской рекламе медицинской тематики позволил установить схожесть в структуре, характеристике и в употребляемых языковых единицах. Концепт «медицина» представлен в виде комбинации «болезнь – здоровье». Слова, репрезентирующие концепт «медицина» в рекламных текстах, подобраны следующим образом: негативные лексемы сменяются положительно окрашенными единицами, где под вторым подразумеваются рекламируемые медицинские товары и услуги. Это создает идеальный образ рекламируемого объекта – продаваемая продукция является исцелением от описываемых отрицательных явлений.

Литература

1. Засурский Я.Н. Информационное общество и СМИ. М.: МГУ, 1999. С. 59 – 62.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2021. 394 с.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 24.
4. Фаронская С.А. Концепт «Медицина» в интернет-дискурсе: на материале комментариев социальной сети «ВКонтакте» // Филология и культура. 2022. № 4 (70). С. 111 – 114. [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50011989_97581307.pdf (дата обращения: 10.04.2023)
5. Голубых А.А. Ядерные компоненты концептосферы 'Medicine' в современном английском языке // Ученые записки казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2021. Т. 163 (1). С. 130 – 141. [Электронный ресурс] URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1737969409/163_1_gum_12.pdf (дата обращения: 13.04.2023)
6. Туленинова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т, 2008. 22 с.
7. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: более 2000 антонимических пар / под ред. Л. А. Новикова. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 1998.
9. Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press & Assessment. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 25.04.2023)

References

1. Zasurskij Ja.N. Informacionnoe obshhestvo i SMI. M.: MGU, 1999. S. 59 – 62.
2. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku. M.: Flinta, 2021. 394 s.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka. Voronezh, 2006. S. 24.
4. Faronskaja S.A. Koncept «Medicina» v internet-diskurse: na materiale kommentariev social'noj seti «VKontakte». Filologija i kul'tura. 2022. № 4 (70). S. 111 – 114. [Elektronnyj resurs] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50011989_97581307.pdf (data obrashhenija: 10.04.2023)
5. Golubyh A.A. Jadernye komponenty konceptosfery 'Medicine' v sovremennom anglijskom jazyke. Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Serija gumanitarnye nauki. 2021. T. 163 (1). S. 130 – 141. [Elektronnyj resurs] URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1737969409/163_1_gum_12.pdf (data obrashhenija: 13.04.2023)
6. Tulenina L.V. Koncepty «zdorov'e» i «bolez'n» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd: Volg. gos. ped. un-t, 2008. 22 s.
7. L'vov M. R. Slovar' antonimov russkogo jazyka: bolee 2000 antonimicheskikh par. pod red. L. A. Novikova. M.: Russkij jazyk, 1984. 384 s.
8. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. pod red. S.A. Kuznecova. SPb: Norint, 1998.
9. Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press & Assessment. 2023. [Elektronnyj resurs] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (data obrashhenija: 25.04.2023)

*Dawulan M., Postgraduate,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Verbalization of the concept "medicine" in Russian and English medical advertising

Abstract: the modern science of language includes dozens of various works aimed at the study of advertising text. The research of advertising through the prism of cognitive linguistics is interesting. Such works are characterized by the desire to show that the language of advertising displays a picture of the world and numerous mental formations called concepts. The relevance of the work is due to the interest in comparing Russian and English lexical objectification of the concept "Medicine" in medical advertising works. A study of Russian and English commercial medical texts showed that such advertising has the following directions: 1) promotion of services offered by private medical organizations, 2) promotion of pharmacological products, 3) drawing attention to socially important health problems. The material was medical promotional videos in Russian and English, selected by continuous sampling, presented on the YouTube video platform. The purpose of this work: to identify and compare the verbal representation of the concept "Medicine" in Russian and English advertising messages. This article presents the lexical verbalization of the concept "Medicine" in Russian and English medical advertising, identifies the core, peripheries, establishes the nature of the selected units, builds graphic models, compares multilingual (Russian and English) verbalizers.

Keywords: concept, medicine, advertising, English, representation, vocabulary

For citation: Dawulan M. Verbalization of the concept "medicine" in Russian and English medical advertising. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 105 – 108.

*Даутов Г.Ф., кандидат филологических наук, доцент,
Хайруллина А.С., кандидат филологических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Особенности творчества Гаяза Исхаки

Аннотация: Гаяз Исхаки был ярким представителем джадидитского движения, глубоко понимал, какую роль сыграл ислам в течении веков на пути формирования нравственных устоев татарского народа, в воспитании личности. В основу произведений Гаяза Исхаки положена национальная идея, и в связи с национальной проблематикой решается вопрос о судьбе всей нации. В данной статье рассмотрены особенности творчества Гаяза Исхаки.

Изучены не только классические произведения автора, но так же затронуты основные моменты и индивидуально-творческие особенности тематики произведений, характерные для творчества Гаяза Исхаки, что явилось новизной данной научной работы.

При изучении творчества Гаяза Исхаки, у которого на счету такие произведения как: “Счастье – в знании”; “Девушка-тюбетейщица”; “Жизнь с тремя женами”; “Встреча, или Гульгизар”; “Исчезновение через двести лет”; “Нищенка”; “Жизнь ли это?”; “Жена муллы”; “Суннатчи – бабай”; “Мулла – бабай”; “Он был еще не женат” – они все являются очень содержательными и не потеряли своей актуальности и в современном мире.

Творчество Гаяза Исхаки, его произведения занимают огромное место в истории и культуре татарского народа. Необходимо сказать, что эта научная статья посвящена исследованию особенностей произведений Гаяза Исхаки. Главную роль в произведениях занимают отражение различных сторон жизни татарского народа, присущие ему национальные традиции и обычаи в произведениях классика татарской литературы признанного яркой звездой в татарской литературе Гаяза Исхаки.

При написании статьи были использованы труды М. Хасанова, Ф. Мусина, произведя сравнительный анализ с тематической идентичностью в произведениях творившего в начале XX века Г. Исхаки, показали, что национальная тема являлась основной для литературы данного периода.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования основных его положений в разработке школьных, вузовских учебных программ, лекций, семинарских занятий, спецкурсов по курсу истории родной литературы, филологии.

Представленные в исследовании данные могут быть использованы в преподавании татарской и русской литературы в национальной (татарской) школе, филологических изысканиях по соответствующей проблеме, результаты могут найти применение в изучении и преподавании истории родной литературы, мировой художественной культуры.

Ключевые слова: Гаяз Исхаки, татарский народ, нация, культурное богатство, особенности творчества

Для цитирования: Даутов Г.Ф., Хайруллина А.С. Особенности творчества Гаяза Исхаки // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 109 – 114.

Соответствие проблематики произведений: стоит отметить, что при изучении творчества Гаяза Исхаки, который подарил татарской литературе такие произведения, как: “Счастье – в знании”; “Девушка-тюбетейщица”; “Жизнь с тремя женами”; “Встреча, или Гульгизар”; “Исчезновение через двести лет”; “Нищенка”; “Жизнь ли это?”; “Жена муллы”; “Суннатчи – бабай”; “Мулла – бабай”; “Он был еще не женат” – они все являются очень содержательными и не потеряли своей актуальности и в современном мире. В своих произведениях Гаяз Исхаки обращает внимание читателя на национальную жизнь народа, обычаи, национальные обряды, древние корни. Необходимо сказать, что в этих произведениях Гаяза Исхаки, отражаются мысли, мечты и отчаяния народа, его будущее и судьба национальной культуры.

Все писатели начала XX века приходили в литературу как просветители. В своем стихотворении “Просыпайся, мужик!” поэт Г. Тукай призывает мужчин проснуться, встрепенуться ото сна, приступить к упорной работе в своем хозяйстве, на земледелии, а Г. Ибрагимов ругает кадимистские медресе в произведении “Изгнание Заки шакирда из медресе”...

Гаяз Исхаки, будучи классиком татарской литературы, не является исключением из этого списка, он приходит в татарскую литературу с произведением “Счастье – в знании” в котором говорится: «О Господи, вложи в сердце пути к знаниям, несмотря ни на что, поставь моего ребенка на путь науки, и он будет благословлен полезными знаниями для нашего мира и будущего. Габдрахман! Ведь знания обязательны, каким образом ты ответишь в судный день за то, что не изучил их? [3, с 23].

Естественное явление, что наши ученые уделяют большое внимание проблемам просвещения в эпоху бурного роста буржуазных отношений, науки и техники, торгового капитала, когда образование, учеба, светское образование превратились в вопросы выживания не только отдельных людей, а в целом, выживания нации. Они активно используют литературу с целью донесения своих идей до публики, именно из-за этого, данному виду искусства отводится конкретная задача – содействие стремлению к самосознанию.

Но общественно-политические события начала прошлого века, развитие науки и техники требовали ускоренного и резкого развития жизни, в том числе и в сфере культуры и литературы. Поэтому произведения раннего периода были описаны видным литературоведом Джамалом Валиди так: «Это все – чистое, пустое и моралистическое. Искусство мало что сделало для них. Образцовых типов нет, а изображения очень редки, и послания, скрытые за ними, видны простейшему глазу [1, с. 2], хотя Гаяз Исхаки, как и другие писатели, в очень короткий срок развивает литературные способности, совершенствуя свое писательское мастерство как в плане идей и тем, так и в плане художественного развития. Вслед за данной тематикой, появляются новые произведения «Девушка-тюбетейщица» и «Жизнь с тремя женами», в них Гаяз Исхаки в лице Ф. Мусина отдает предпочтение описанию жизни богатых и жизни молодежи, романтизируя вопросы любви, заботы и долга в жизни юных героев, в лирико-сентиментальной волне [5, с. 57]. Также выходит в свет произведение «Встреча, или Гульгизар», здесь описывается драма поздней любви, она протекает через психологические переживания.

Произведение «Исчезновение через двести лет», написанный в 1904 году, имеет общественный резонанс и информирует о том, что татарская литература обладает образом мышления, современным политическим сознанием, способностью видеть прошлое и будущее своего народа. Уже в 1907 году с романа «Нищенка» происходит основная характеристика творчества Гаяза Исхаки – каждое его произведение посвящено одной стороне татарской жизни. Упомянутый роман начинается с рассказа об урбанизации, начавшей происходить среди татар в начале XX века. Однако часть татар, не получившая от государства никакой поддержки, не может приспособиться к городской жизни, не может себя раскрыть и вынуждена вернуться в деревню или погибнуть. Героине произведения «Нищенка» Сагадат, которая является сиротой, предстоит суровое испытание судьбы, но, она находит силы порвать с безрадостным прошлым, покидает дом богатого мужа Габдуллы, переезжает в другой город – Петербург, обучается и тем самым готовит себя к народнической миссии.

Данные народнические идеи, нашли яркое выражение и в автобиографическом образе героя Мансура, который играет большую роль в нравственном прозрении Габдуллы и духовном воскрешении Сагадат.

Произведение «Нищенка» – первый в истории татарской литературы роман, который был создан в русле критического реализма. В этом произведении нашли отражение социальные противоречия татарского общества, проблемы эмансипации женщин. По мнению автора, решение данных противоречий, является одним из важнейших условий социокультурного возрождения нации.

В романе «Нищенка» также отражены взгляды на этикет в так называемом «раннем возрасте», следует признать, что больше описано и влияние просветителей, подобных Мансуру, на общество и личность. М. Гасанов о романе: «Реальная жизнь показывает, что семейная жизнь главного героя произведения «Нищенка» продлится недолго. Основная причина, разорвавшая отношения между мужем и женой, заключается в том, что, Габдулла был слишком жаден и не бросил своей старой привычки гоняться за женщинами. Таким образом, в вопросе личного «пополнения» счастья логика реальной жизни татарского мира не совпадает с волей и воображением писателя, она сильнее его» [2, с. 98].

Произведение Гаяза Исхаки «Жизнь ли это?» [4, с. 9] имеет глубокое психологическое содержание и широко оценена общественностью. Произведение было написано в Турции в 1909 году. К огромному сожалению, об этом произведении, описывающем противоречия между физиологическими устремлениями бодрствующего, взрослеющего человека и его духовной зрелостью, приходится слышать от студентов оценку «Произведение полностью непонятно». Такая оценка, с одной стороны, показывает большую разницу в отношении к миру между теми, кто жил в начале XX века, и сегодняшней молодежью, а с другой стороны, говорит о способности художника описывать духовную жизнь человека того времени, как точный и целостный мир. Мягко говоря, нам не показались бы странными шаги героя романа, описывающего лишь неизменные ценности с начала произведения.

Анализируя это произведение, мы считаем необходимым помнить одну характеристику. Во-первых, хотя наши медресе веками воспитывали людей грамотными, надо признать, что методика обучения их чтению и письму находилось на очень низком уровне. Во-вторых, образование продолжается в традициях, оставшихся со времен Булгарского и Казанского ханств, и не совпадает с изменениями, внесенными научно-техническим прогрессом в начале XX века. Шакирды начала нового века, возможно, уже поняли и

почувствовали эти изменения. Так в произведении «Жизнь ли это?» герой думает таким образом: «Злобная мысль, которая зародилась во мне во время обучения в медресе, кажется безобразной игрой, она борется и борется с моей душевной красотой. Его злоба, греховность его мысли, хочет побороть всю истинную идилию» [4 с. 32].

В этом произведении автор злобно задает вопрос: «Жизнь ли это?». Это значит, что кто-то не доволен своей жизнью. Автор также по другому называет произведение – «Воспоминания шакирда». «Воспоминания в произведении начинаются 28 мая 1895 года и заканчиваются 3 мая 1908 года, то есть охватывают тринадцать лет. Тринадцать лет – это большая часть жизни подростка, и за это время шакирд проходит большой путь развития не только в эмоциональном плане. В своих воспоминаниях, которые он написал 18 сентября 1899 года, шакирд говорит, что ему исполнилось 23 года, значит, он родился в 1876 году. Это значит, что ему было уже 19 лет, когда он начал писать мемуары. В этом возрасте у человека есть четкое представление об окружающем мире, обществе и ясные чувства, рождающиеся в его сердце. Если вспомнить, что ему было тридцать два года, когда писались мемуары, то это свидетельствует о том, что он был уже в немолодом возрасте. Если человек, прошедший почти половину своей жизни, не удовлетворен ею и решает открыто говорить об этом с другими, это уже не пустая трата времени. Поэтому эти мысли долго тревожили его и, наконец, были записаны», – пишет Д. Валиди [1, с. 2].

Гаяз Исхаки «раскрывает самые израненные стороны» татарской жизни, как писатель он ясно заявляет о своей цели: «Может быть, мои читатели решат проблему, которую я не могу решить сам, может быть, они найдут ответ на то событие, которое я не могу найти, поэтому, я решил написать книгу “Жизнь ли это?”» [4, с. 18].

Обыкновенный человек не заметит такого дефекта в жизни шакирда. Его отец – видный мулла в деревне. Их жизнь налажена. Даже вернувшись из медресе на летние каникулы шакирд, на берегу озера в Казани, вместе с отцом проводит день, переходя от еды к еде... Подростку, который в будущем станет муллой, не разрешается даже играть, развлекаться или работать вместе со сверстниками в деревне, потому что они считаются не равными ему. Все люди, с которыми он общался – это его родители, хазрат, муллы. Герой не хочет мириться с этой ситуацией, он хочет познакомиться с девушками своей деревни. Однако парень, который никогда раньше не встречался с человеком, и, надо сказать, не очень в этом заинтересован, не умеет просто разговаривать с девушками, а вместо этого ждет, когда они придут и заговорят с ним.

Обычно замкнутый в себе человек богат воображением, любит представлять себе то, что не может сделать в реальности. Шакирд, не пьющий, не курящий и не делающий ничего греховного, боится даже таких «греховных» мыслей и кается во время молитвы. Нежелание – главная беда шакирда. Даже если он намеревается что-то сделать, он не может сконцентрироваться на выполнении этого без отклонений. Мать планирует написать письмо соседской дочери Сагиде и пишет его, но не может это письмо передать, потому что больше всего боится попасть на человеческий язык, и плохие слова дойдут до ее родителей. Конечно, это очень хорошее качество. Однако изящные, ласковые слова, любовь, которые присущи юности и другие нормальные действия, не чуждые чад природы, кажутся непреодолимым препятствием для шакирда, привыкшего покорно жить в рамках определенного набора правил. Самое интересное для него – деревенская молодежь, которая живет общением друг с другом. Никто не виноват. Все, чего хочет шакирд, – это попытаться жить естественно, как и все люди. Однако такая жизнь невозможна для такого человека, как он. Замысел, интерес, сила произведения заключается в описании сопротивления шакирда. Его окружает недопонимание всей сущности такой жизни. Такого рода внутренний конфликт – является главной особенностью произведения Гаяза Исхаки «Жизнь ли это?» [4, с. 23].

Видно, что, автор выступает в этом произведении как мастер психологии и описывает все эмоции молодого человека, живущего в начале прошлого века. Явным образом показывает недостатки школ и медресе.

Литературное творчество – это сложный процесс. Писатель – это, прежде всего, представитель своего народа, человек, и его может интересоваться многое. Но какой-то аспект жизни привлекает его особенно, он думает о нем и хочет донести свои мысли до других.

М. Хасанов выделяет три фактора формирования Гаяза Исхаки как личности: «Первый, – говорит он, – это хорошее воспитание данного от природы таланта, унаследованного и одаренного его родителями, то есть органическое сочетание природный талант и национальное образование... "Ученый – как второй фактор "... называет влияние движения джадидизма, охватившего татарский мир в последней четверти XIX века, и указывает на "Школу татарских учителей в Казани" – в качестве третьего фактора [7, с. 16].

Какое бы существование у нас ни было, в произведениях Гаяза Исхаки национализм удивительным образом наполнен общечеловеческими ценностями и психологизмом.

Как биологический вид мы не свободны от эмоций, свойственных каждому человеку и представителю каждого народа. Ярким примером тому является повесть «Жена муллы». В произведении на первый план выдвигаются ценности мусульманской культуры, семейной жизни: семья, взаимопонимание, любовь к детям, уважение к женщине-матери, преданность своей нации. Необходимо сказать, что в данной повести, выраженные с исключительной психологической глубиной, гуманистические идеи писателя воплотились в образе Сагиды, перед мудростью и высоконравственными поступками которой, преклоняется ее муж Вахид-хазрат [3].

Хотя Вахид-хазрат и Сагида женятся по любви, понимают друг друга и живут очень красивой жизнью, они лишены счастья родить и вырастить ребенка, что являлось бы радостью жизни для семейной пары. Сагида очень тяжело переносит этот факт, не может найти себе места, потому что, в женщине материнские инстинкты заложены природой. Хотя поначалу эта проблема носит более отдаленный характер с заботами о создании собственного гнездышка и материальном обеспечении семьи, по мере пройденного времени, она все больше беспокоит пару и создает скрытую эмоциональную боль. И ее решение предлагает Сагида, истинная мать нации, впитавшая в свое сердце исламскую мораль: «Пророки тоже женились... Святые тоже женились... Поэтому, хазрат, я думаю, что ты тоже должен жениться... Я хотела быть твоей свахой. Девушку для тебя нашла. Она добрая, хорошая, красивая. Девушка – Галима, дочь благородного человека – Фахри. Хазрат, разреши мне! Я пойду к Зульфие абыстай сватать тебя на их дочери...» [3].

Жизнь людей, их менталитет и отношение к миру во многом зависят от того, какой религии они придерживаются. Конечно, Сагиде, возможно, было нелегко взять соперницу по собственной воле, женщина всегда останется женщиной, но желание быть матерью, которое дано каждой женщине от природы и, наконец, исполнение долга женщины – став матерью, сильнее, и она делает это опираясь на законы шариата, которые определяют наше существование.

Одним из ярких примеров отражения национально-онтологических ценностей стала повесть Гаяза Исхаки «Суннатчи – бабай». Главные герои произведения – старик Курбангали и его жена Гульюзум – носители лучших нравственных качеств татарского народа. Нужно учитывать то, что, их долгая и счастливая супружеская жизнь основана на преемственности исторического опыта многих поколений, вековых мусульманских традиций народа [3].

Произведение «Суннатчи – бабай» целиком посвящено описанию татарской жизни, сцене, которую можно найти только в татарской жизни. Обрезание, как следует из названия, – обряд, встречающийся только у татар. Вторым характерным явлением является утверждение Суннатчи бабая на основании документа о том, что только он имеет право на этот обряд. Признание этого процесса с помощью генеалогии, конечно, прямолинейно и искренне, но основа действия, главный принцип, документирование профессии, по крайней мере, стремящихся к ней, говорит о не забвении эпохи татарской государственности. М. Сахапов также указывает, что «Сохранение здоровой исторической памяти, которая является надежным щитом для защиты нации от кризиса...» – одна из основных идей, заложенных в произведении «Суннатчи – бабай» [6]. Говоря о характеристике старушки, второй жены Суннатчи бабая, словами автора, мы не согласны: «Причиной его раннего ухода из мира является неуклюжая, безчеловечная невежда – старушка...» [3]. На наш взгляд, причина в другом. Вторая жена дедушки, кажется ему не доброй, не хорошей. Потому что главный герой – дедушка привык к своей старушке – Гульюзум, он только ее впускает близко к душе, он привык к жизни с ней. Необходимо сказать, что, даже если бы вторая жена сама была ангелом, это было бы не ладно, потому что это не Гульюзум, а дедушка, который хочет хорошего отношения и вкусной еды, которому привык уже на протяжении многих лет. Его невозможно повторить. ...Даже узоры на кончике пальца никогда не повторяют друг друга, и уж точно человек не может быть полным аналогом. Старик и старушка уже стали одним телом и душой. Если мы сравним то, что, ампутированную руку, можно заменить протезом, она будет не естественной, как собственная рука, будет вызывать дискомфорт и неудовлетворенность...

Неспособность дедушки принять вторую жену за родную душу и его скоротечная смерть также имеют символическое значение. Любая нация создает свое существование на протяжении столетий. И если в него проникнут другие, чужие обычаи, это может серьезно повредить существованию народа как нации. Так и в произведении «Суннатчи – бабай», он показан через жизнь отдельного человека.

Также обратим внимание на роман «Мулла – бабай». Гаяз Исхаки в 1910 году приступил к написанию романа «Мулла – бабай» и даже опубликовал три его части. Произведение имеет сходства с произведением «Жизнь ли это?». Конечно, она должна быть шире, богаче взглядами на жизнь, эмоциями, оценками общества. Здесь уже присутствует и имя главного героя – это Халим. Считается, что его проверяли в течении значительного периода времени, прежде чем он в дальнейшем стал муллой, в приклонном

возрасте. Однако, читатели прощаются с ним еще в юном его возрасте. Это произведение не дописано. Как видно по описаниям, данная тема, должно быть, глубоко тронула Гаяза Исхаки [3].

Семейное воспитание и образование Гаяза Исхаки основано на мусульманских традициях. Данное произведение он называет «Мулла – бабай», что глубоко раскрывает религиозную жизнь. В нем освещен жизненный путь религиозного человека от детства до взрослой жизни, но роман заканчивается, когда мулла еще не достигает пожилого возраста. Главный герой Халим родился в семье простого деревенского мужика. Конечно, жизнь в медресе писатель представляет с ее положительными и отрицательными сторонами. Он рассказывает об этой пережитой им жизни, о судьбе Халима и с любовью, и со смехом [3].

Халим, который сначала учился в деревенском медресе, планирует учиться в городе и убегает, сжигая деревянное здание. Он многого ждет от городского медресе. Его родители, братья и сестры рады тому, что он станет муллой и ученым, и всячески его поддерживают. Хотя у них простая деревенская семья, что типично для мусульман, их преданность знаниям считается сильной. Несмотря на то, что они не очень богаты, но, гостинцы в виде мяса, меда и масел, поступают к хазратам и халифам регулярно. Самого Халима тоже всегда обеспечивают едой.

В произведении «Мулла – бабай» явно можно представить систему религиозного образования. К наставникам и халифам здесь относятся с большим уважением, они славятся строгой дисциплиной. Несомненно, молитвы, Намаз совершаются. Новым шакирдам (включая Халима) трудно приспособиться к распорядку в медресе. Он скучает по своей деревне, матери, сестрам, дому. Веселья, игры и бои подушками среди множества мальчишек, собравшихся в одном месте, хватает. Но, дети играют спокойно и аккуратно [3].

...С большими трудностями продвигалась учеба Халима – он завершил «Тафсир» и «Шахре Габдулла». Когда ему удастся достичь продвижения по учебе, его перестают называть «сыном простого деревенского мужика». Когда он вернулся в деревню, его очень уважали. Как-то собрались все муллы на трапезу, также пришел хазрат, проверил его уровень образования и похвалил Халима. Так Халим провел годы обучения в медресе. Также показаны некоторые из отрицательных поступков жизни медресе и учеников. Нетерпеливое ожидание смерти матери богача, поход туда за милостыней, затем поминки, где дети собирали деньги – все очень подробно описано в произведении. Эти сцены очень живые, артистичные и, конечно же, написаны с большим юмором [3].

Следует отметить, что в романе «Мулла – бабай», в отличие от его предшествующего произведения «Разве это жизнь?», Гаяз Исхаки не изображает муллу в столь отрицательном качестве. Потому что, он в то время уже был мудрым и уже повидавшим жизнь человеком, который не хочет полностью упразднить религию [3].

Повесть «Он был еще не женат» занимает особое место в литературном творчестве, так как здесь поднимается тема межнациональных отношений. Здесь описывается, что герои пытаются выйти за рамки национального менталитета и религиозных установок. Автором здесь показаны разные взгляды на любовь, семью, отношения между мужчиной и женщиной. Он интерпретирует их то с общечеловеческих позиций, то с позиции ислама и христианства. Образ русской женщины Анны – идеализируется, окружается романтическим ореолом и тем самым противопоставляется образам татарских женщин, которые уступили в интеллектуальном росте вследствие косности среды, в которой они живут [3].

Заключение

Делая вывод можно сказать, что Гаяз Исхаки как никто другой понимал, что ислам сыграл и играет огромную роль в спасении татарского народа и его языка, так как религия ислам – это своего рода религиозный институт, наладивший правила и нормы национального существования. Гаяз Исхаки в своем творчестве освещал национально значимые вопросы татарского общества, чаще всего вызывающие тревогу за судьбу родного народа. Следует отметить, что такого рода проблемы, поднятые Гаязом Исхаки в начале и середине прошлого столетия, остаются актуальными и для современного национального бытия.

Литература

1. Валиди Дж. Гаяз эфэнде // Время. Оренбург, 1913. 5 март-3 апрель.
2. Гасанов М. Щедрый талант. Общественно-политическая деятельность и исторические взгляды Г. Исхаки. Казань, 2002. 234 с.
3. Исхаки Г. Произведения: в 15-ти т. Казань, 1998. Т. 1. 324 с.
4. Исхакий Г. Жизнь ли это? // Произведения. в 15-ти т. Казань: Таткнигиздат, 1999. Т. 2. 112 с.
5. Мусин Ф. Гаяз Исхакий. Казань, 1998. 172 с.

6. Сахапов М. Исхаки и татарская литература XX века. Казань, 2003. 253 с.
7. Хасанов М. Великий герой татарского Ренессанса // Произведения Гаяза Исхаки: в 15-ти т. Казань: Таткнигиздат, 1998. Т. 1. 132 б.

References

1. Validi Dzh. Gajaz jefjende. Vremja. Orenburg, 1913. 5 mart-3 april'.
2. Gasanov M. Shhedryj talant. Obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost' i istoricheskie vzgljady G. Ishaki. Kazan', 2002. 234 s.
3. Ishaki G. Proizvedenija: v 15-ti t. Kazan', 1998. Т. 1. 324 s.
4. Ishakyj G. Zhizn' li jeto? Proizvedenija. v 15-ti t. Kazan': Tatknigizdat, 1999. Т. 2. 112 s.
5. Musin F. Gajaz Ishakyj. Kazan', 1998. 172 s.
6. Sahapov M. Ishaki i tatarskaja literatura XX veka. Kazan', 2003. 253 s.
7. Hasanov M. Velikij geroj tatarskogo Renessansa. Proizvedenija Gajaza Ishaki: v 15-ti t. Kazan': Tatknigizdat, 1998. Т. 1. 132 b.

*Dautov G.F., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Hayrullina A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University*

Features of the work of Gayaz Ishaki

Abstract: this article discusses the features of the work of Gayaz Ishaki. Gayaz Ishaki was a prominent representative of the Jadidite movement, deeply understood what role Islam played over the centuries in the formation of the moral foundations of the Tatar people, in the education of the individual. The works of Gayaz Ishaki are based on a national idea, and in connection with national issues, the question of the fate of the entire nation is being resolved.

Not only the author's classical works have been purposefully studied, but the main points and individual creative features of the themes of the works characteristic of the work of Gayaz Ishaki are also touched upon, which was the novelty of this scientific work.

When studying the work of Gayaz Ishaki, who has such works as: "Happiness is in knowledge"; "The Skullcap Girl"; "Living With Three Wives"; "Meeting, or Gulgizar"; "Disappearance in Two Hundred Years"; "Beggar"; "Is It Life?"; "The Mullah's Wife"; "Sunnatchi – Babai"; "Mullah – Babai"; "He was not yet married" they are all very meaningful and have not lost their relevance in the modern world. In his works, Gayaz Ishaki draws the reader's attention to the national life of the people, customs, national rites, ancient roots. It must be said that these works of Gayaz Ishaki reflect the thoughts, dreams and despair of the people, their future and the fate of national culture.

The work of Gayaz Ishaki, his works occupy a huge place in the history and culture of the Tatar people. It must be said that this scientific article is devoted to the study of the features of the works of Gayaz Ishaki. The main role in the works is occupied by the reflection of various aspects of the life of the Tatar people, its inherent national traditions and customs in the works of the classic of Tatar literature recognized as a bright star in Tatar literature by Gayaz Ishaki. The study reflects various aspects of the life of the Tatar people, will further improve the quality of education in the classes of Tatar literature. Gayaz Ishaki's work is still relevant to this day.

When writing the article, the works of M. Khasanov, F. Musin, were used; after making a comparative analysis with the thematic identity in the works of G. Iskhaki, who created at the beginning of the twentieth century, they showed that the national theme was the main one for the literature of this period.

The practical value of the research lies in the possibility of using its main provisions in the development of school and university curricula, lectures, seminars, special courses on the history of native literature, philology.

The data presented in the study can be used in teaching Tatar and Russian literature in the national (Tatar) school, philological research on the corresponding problem, the results can be used in the study and teaching of the history of native literature, world art culture.

Keywords: Gayaz Ishaki, Tatar people, nation, cultural wealth, features of creativity

For citation: Dautov G.F., Hayrullina A.S. Features of the work of Gayaz Ishaki. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 109 – 114.

Кабакова С.А., кандидат филологических наук, независимый исследователь

Мотив убийства в поздних произведениях В.М. Шукшина

Аннотация: в статье на материале поздних крупноформатных произведений В.М. Шукшина: «Калина красная», «Энергичные люди», «А поутру они проснулись», «До третьих петухов», «Я пришел дать вам волю», «Квинтэссенция души» рассматривается мотив убийства как важный элемент для раскрытия образа персонажей, совершивших преступления, и для понимания художественных текстов в целом. Проводится классификация и анализ мотива убийства на основе установленных критериев, помогающие шире раскрыть грани персонажей мастера слова, понять «правду паразита», «правду зла».

Результаты данной статьи могут быть использованы в спецкурсах о творчестве В.М. Шукшина.

Ключевые слова: мотив убийства, классификация, поздние крупноформатные произведения, В.М. Шукшин, образ убийцы

Для цитирования: Кабакова С.А., Мотив убийства в поздних произведениях В.М. Шукшина // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 115 – 120.

Мотив убийства встречается во многих произведениях русских и зарубежных писателей. Цели совершения преступления, психологическое состояние преступника, планирование, процесс осуществления или неосуществления убийства, возможное покаяние, наказание интересовали мастеров слова, в том числе В.М. Шукшина. Нередко прибегает писатель к названному мотиву в поздних крупноформатных произведениях последние пять лет своей жизни.

Исследователи уделяют большое внимание к анализу правонарушений в творчестве мастеров слова, систематизируют их по разным критериям. Например, Л.Р. Клебанов преступления, изображенные известными писателями, среди них и В.М. Шукшин, рассматривал в своей книге «Преступник и преступление на страницах художественной литературы» с точки зрения статей Уголовного кодекса РФ. Н.С. Прокурова, И.А. Фаргиев, Е.О. Щур также в своих трудах обращались к теме преступлений в художественных текстах. Т.Л. Рыбальченко рассматривала драку, суд, тюрьму как парадигму проявления «воли» персонажей рассказов Шукшина. Тарасова Д.В. раскрывала мотив убийства как значимый элемент деструктивной деятельности человека на материале литературы XIX век, предложила свою квалификацию данного мотива, основанную на цели (социальный, политический, управляемый, идеологический, личностный), психологическом состоянии героя (расчет хладнокровный; сомнение, волнение; состояние аффекта, безумие), характере организации (случайность, порыв, расчет), результате (совершенное или нет). Эта квалификация при анализе мотива убийства в данной статье будет взята за основу, дополнена следующими критериями: гендерная принадлежность убийцы, нахождение в трезвом состоянии или алкогольном опьянении (похмелье). Данные критерии помогут шире раскрыть грани персонажей В.М. Шукшина, понять «правду паразита», «правду зла» [3, Т. 8, с. 154].

В позднем творчестве писателя анализируемый мотив встречается достаточно масштабно в связи с народным восстанием и его подавлением в романе «Я пришел дать вам волю». Кроме того, убийства совершаются в киноповести «Калина красная», в повести-сказке «До третьих петухов», в заявке на литературный сценарий двухсерийного художественного фильма «Квинтэссенция души», основанного на материалах уголовного дела. Также не само преступление, а его инсценировка изображена в сатирической повести для театра «Энергичные люди», говорится об «убийстве» как о шутке, фарсе, розыгрыше в незаконченном произведении «А поутру они проснулись».

В киноповести «Калина красная» писатель показывает двух убийц: Губошлепа и Петра. Первый – жестокий, мстительный, расчетливый, отпетый негодяй. Шукшин показывает его худым, спокойным, но стремительным человеком, подчеркивает молодую ненужность, а также наглость в характере и в глазах: «этот человек оглох навсегда для всякого справедливого слова. Если ему некого будет кусать, он, как змея, будет кусать свой хвост» [2, Т. 3, с. 359]. Сравнение Губы с холодной рептилией говорит о его чрезвычайной хитрости, коварности, ненасытности, жадности, импульсивности, злости. Змея, кусая свой собственный хвост, причиняет себе боль и вред, образует во время укуса круг, что также символично для героя Шукшина. Губошлеп создает банду, некий круг, за пределы которого не выпускает никого, а попытку выхода из него расценивает как вызов, вынесенный приговор. Покинуть его окружение сможет только мертвый человек. Губошлеп на протяжении всей киноповести находится исключительно в кругу своих бандитов, будь то в логове или на поле с березовым лесом, Губа всегда не один, подпитывает систематически ядом окружающих, делает их соучастниками преступлений.

Петр Байкалов же человек семейный, труженик, фронтовик. Все самые родные, дорогие сердцу люди живут с ним вместе под одной крышей большого дома: мать, отец, сестра, жена, дочь-школьница, заканчивающая десятый класс. Его старший сын учится уже в институте. Из рассказа Любы читатель узнает, что двое братьев его погибли на войне. Таким образом, Петро – человек, имеющий свои корни, историю, продолжение. Байкалов — это сын, муж, отец, друг. Для писателя этот герой является олицетворением порядочности, честности, справедливости, правды. И он спонтанно становится убийцей банды Губошлепа, ликвидатором зла, возмездием, карой.

Труженик с большой русской душой, фронтовик расправляется с душегубами, давит змеиный клубок, очищает землю от грязи. Всегда спокойный, немногословный Петр, даже плачущий молча, стремительно принимает судьбоносное решение, в котором отразилась вся сила русского духа. Его молниеносный порыв на фоне сильнейшего эмоционального потрясения оборачивается смертью для убийц Егора и страшным наказанием для самого себя и своей семьи. Праведник становится вынужденным убийцей и будущей жертвой правосудия.

В киноповести «Калина красная» упоминание об убийцах или убийствах прослеживается еще в четырех эпизодах. В первом случае – при разговоре Егора с родителями Любы и Петра:

«Ну – из тюрьмы... Что же, в тюрьме одни только убийцы сидят?

– Кто тебя в убийцы зачисляет? Но только ты тоже... того, что ты бухгалтер, это ты тоже... не заливай тут» [2, Т. 3, с. 313]. Для деревенских людей тюрьма – место главным образом для убийц, поэтому разговор двух поколений не может состояться, между ними непонимание и неприятие. Прокудин своим наигранным поведением и подложными фразами не вписывается в атмосферу крепкого крестьянского дома со сложившимися нравственными устоями. Вопросы стариков Байкаловых воспринимаются Егором как допрос.

Во втором эпизоде жена Петра Зоя, не доверяя бывшему зеку и чувствуя постоянную тревогу, кричит об «убийстве» своего мужа: «Убили! Убили! – заполошно кричала Зоя, жена Петра. – Люди хорошие, убили!» [2, Т. 3, с. 319]. Казалось бы, курьезная ситуация – случайное ошпаривание кипятком Петра из рук Прокудина – видится родному человеку попыткой убийства или самим преступлением. Страх за жизнь своего мужа и родственников, ожидание неминуемых перемен овладевает и до того беспокойную женщину. Предчувствие чего-то страшного, неизбежного не подводит Зою: убивают не Петра, а он сам берет на себя тяжкий грех – заканчивает жизнь отпетых подлецов.

В третьем эпизоде Люба при рассматривании фотографий в семейном альбоме рассказывает Егору о смерти своих братьев на войне: «Они сперва вместе воевали, потом Пашу ранило, но он поправился и опять пошел. И тогда уж его убило. А Ваню последним убило, в Берлине» [2, Т. 3, с. 321]. В данном случае убийство на войне родных воспринимается как неизбежность, предполагаемый и даже очевидный итог человеческой жизни, жертвы во имя мира, свободы, покоя. Люба повествует о Петре, который в восемнадцатилетнем возрасте оказался на поле сражения, попал в плен, где его избивали, затем был освобожден советскими войнами. Он – герой трудного жизненного пути, не сломленного никакими пытками, лишениями военного времени, видевшего многократно смерть и убийства, однако не выдержавшегося хладнокровного лишения жизни Егора в мирное время.

В четвертом случае – при встрече Прокудина с бывшим мужем Любы: «Сколько уж раз на деле убеждался Егор, что все же человек никогда до конца не забывается – всегда, даже в страшно короткое время, успеет подумать: что будет? И если убивают, то – хотели убить. Нечаянно убивают редко» [2, Т. 3, с. 351]. Новый хозяин в доме Байкаловых – Прокудин демонстрирует свое бесстрашие, словно играет с жизнью, идя в одиночку на встречу четырем парням, готовыми его «прищучить». Писатель подчеркивал в статье «Самое дорогое открытие» то, что Егор сам целенаправленно искал своей смерти: «К гибели вела вся логика и судьбы, и характера. Если хотите, он сам неосознанно (а может, и осознанно) ищет смерти» [3, Т. 8, с. 144]. Однако в мыслях Прокудина заложено важное видение, сформированное представление В.М. Шукшина об убийстве: лишают жизни обдуманно, даже успевают подумать над последствиями («что будет?»), случайные смерти эпизодичны.

Мотив убийства на войне в «Калине красной» перекликается с жертвами народного восстания романа «Я пришел дать вам волю». С одной стороны мужественная победа русских людей в Великой Отечественной войне и героическая попытка поднятия силы духа простого народа во главе Степана Разина против притеснений, самодурства, унижений правящей власти, а с другой – страшное кровопролитие, бесчисленные потери, жестокость. Роман Шукшина насыщен безжалостными пытками (дыба, поливание свежих кровотокающих ран рассолом, удары по спине железным накаленным на огне прутом), увечьями (обрезание ушей, вырезание языка, оставление следа на щеке каленым железом,), казнями через четвертование, колесование, повешение (в том числе на крюке за ребро), утопление, многотысячными смертями мужчин, женщин, детей, ссылками в Сибирь. Любой бунт – это людские потери, «мясорубка»: «И замель-

кали сабли, и мягко, с тупым коротким звуком кромсали тела человеческие. И головы летели, и руки, вздетые в мольбе, никли, как петли, перерубленные» [3, Т. 4, с. 116]. Разин от рассудительного, сомневающегося в своих решениях лидера-дипломата превращается в считанные секунды в одержимого бунтаря, убивающего невинных людей и даже детей. Как справедливо отметила Е.И. Конюшенко, «"преступление законов" народной (и христианской) этики принимает у шукшинского Разина вид настоящего беснования, дьявольской одержимости» [4, с. 122]. Эти поистине страшные деяния - отголоски масштабных казачьих кутежей-праздников. Убийства невинных – это не способ борьбы за правое дело, не вынужденная мера, а преступления на фоне помешательства и даже временного безумия. Атаман Степан Разин отдает приказы убить своим казакам, таким образом исполняющие волю своего батьки совершают убийства, повинувшись его воли.

В повести-сказке «До третьих петухов» донской атаман Илья в жестокой битве убивает Горыныча, спасает Ивана от неминуемой гибели. В произведении нет подробного описания сражения, однако по отдельным фразам «земля дрожала», «тяжелые удары и невнятные возгласы» и признанию атамана («Здоровый бугай <...> насилу одолел» [2, Т. 2, с. 545]) читатель понимает, что убить злодея было далеко не легко. В этом произведении мотив убийства вызван стремлением освободить друга от неминуемой гибели.

В сатирической повести для театра «Энергичные люди» гости во главе с хозяином квартиры Аристархом задумывают покушение на нежелающую молчать, терпеть их поведение, написавшую донос Веру Сергеевну. Она является и женой, и хозяйкой квартиры, и палачом в момент порыва идти к прокурору. Уговоры, соблазны, не дают желаемого результата, поэтому мужская компания прибегает к последнему способу воздействия – угрозе лишения жизни. Причем не один из гостей не считает данную затею аморальной, гнусной, ужасной, а скорая, но продуманная на ходу подготовка к убийству, веселит и даже подбадривает «энергичных». Курносый с кухонным ножом, Брюхатый с тяжелым подсвечником, Аристарх с топориком для рубки мяса и с написанным заранее «отречением» для своей жены, Чернявый с подушкой, Лысый с лживыми уговорами и причитаниями не совершать кровопролитие намерены припугнуть хозяйку квартиры. Если бы не сообразительность Веры Сергеевны (попытка выпрыгнуть из окна и рассказать все), то шутейная инсценировка убийства могла перейти в самое настоящее кровавое преступление. Не случайно несколько раз повторяется, что соседей в доме нет – все на сдаче ГТО, тело жены Аристарха готовы расчленить, «помельче изрубить», вынести внутренности и ее останки в хозяйственных сумках, а лично муж желает замыть кровь после преступления. Аристарх способен убить с особой жестокостью свою жену ради дальнейшего процветания, комфортной обеспеченной жизни. Убить словно убрать, стереть, смыть ненужный надоедливый элемент. Пять мужчин не смогли довести свой план до конца, даже до инфаркта миокарда, инсульта или, как сказал Курносый, «чтобы она ... на диван сделала» [2, Т. 2, с. 476]. Вера Сергеевна в одиночку переиграла «энергичную» компанию, навязав свои правила игры – из возможной жертвы преступления превратилась в королеву ситуации.

В повести для театра «А поутру они проснулись» шутка урки про убийство человека Очкариком с энтузиазмом подхватывается «жителями» вытрезвителя. Рассуждения о том, как лучше оправдать преступление перед следователем, бойкие споры об умысле убийства, отягчающих обстоятельствах, состоянии «выпимши» во время его совершения приводят в состояние оцепенения, ужаса жертвы розыгрыша: «Очкарик стоял белый, как простыня» [2, Т. 2, с. 551]. Посталкогольное болезненное состояние не дает возможности вспомнить причину попадания в вытрезвитель не одного очкарика, парень крестьянского облика сомневается в причастности себя в подобном же преступлении: «А не убил ли я кого?» [2, Т. 2, с. 551]. Таким образом, в речи мрачного звучат слова, подводящие итог разыгранной ситуации, беспометства людей, пьющих без меры: «совсем одичал народ», «убить – запросто» [2, Т. 2, с. 551]. Важно отметить, что Шукшин показывает вытрезвитель как последнее пристанище людей, пытающихся накануне забыться с помощью алкоголя, уйти от реальных нерешенных проблем в свой мир. В историях «постояльцев» медицинского учреждения, фиксируемых социологом, выявляются причины пьянства, причем каждый из рассказчиков пытается оправдать свой поступок, вызвать понимание, сочувствие или жалость слушателя.

Полностью основана на материалах уголовного дела заявка на литературный сценарий двухсерийного художественного фильма «Квинтэссенция души», написанная незадолго до смерти писателя (ориентировочно в мае 1974 г.). Генетический семейный эгоизм и расчет порождают мальчика Борю – безжалостного, корыстного, продуманного, спокойного выродка-убийцу 11-летней сестры, матери и отца. Убивает сын – выпускник медицинского института по специальности психиатр, веря в свое «учение о сверхсильной душе, суть которого обнаружение возможностей невозможного», ведет дневник, записывает цитаты известных мудрых людей, проводит исследования – минипланы на ближайшие преступления [3, Т. 9, с. 138]. Он использует разные способы и орудия убийства, не повторяется: сестру задушил подушкой и закопал в подвале, родителей застрелил двустволкой, представив ситуацию как самоубийство. Борис Виккел верит, что ес-

ли детально продумать убийство, то творить самосуд можно без каких-то негативных последствий. Преступления в данном случае воспринимаются как доказательства его «учения», «идеи». А.И. Куляпин, О.Г. Левашова рассматривали связь «Квинтэссенцию души» с «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского. Исследователи указывают на фамилию главного героя, лишенную русскоязычных корней, то есть находящуюся за пределами «национальной почвы», а с влияниями Запада соотносят отсутствие у Виккела души. Кроме того, известные ученые отмечают, что у В.М. Шукшина «матерубийство ассоциируется с убийством России» [8, с. 162].

Рассмотренные мотивы убийств в поздних крупноформатных произведениях Шукшина не все четко поддаются классификации, созданной Д.В. Тарасовой, некоторые преступления совмещают несколько видов мотивов. Так, социальный вид, созданный жизненными условиями и обстоятельствами, представлен в произведениях: «Энергичные люди», «А поутру они проснулись»; идеологический (обусловлен своей идеей, новым учением) - «Квинтэссенция души»; элементы политического вида содержатся на страницах «Калины красной» (упоминание о гибели на войне братьев Байкаловых), романа «Я пришел дать вам волю» (кровавое пролитие во время народного восстания); личностный (обусловлен мстостью, желанием отомстить обидчику, врагу, восстановить справедливость) – в текстах: «Я пришел дать вам волю», «До третьих петухов», «А поутру они проснулись»; управляемый (повиновение чужой воли) – в произведении «Я пришел дать вам волю». По психологическому состоянию все герои писателя испытывают эмоциональное напряжение, однако хладнокровный расчет и состояние помешательства свойственны Борису Виккелу («Квинтэссенция души»), доказывающий свою идею. Волнения, порой сомнения, переходящие временами в безумие присущи Степану Разину («Я пришел дать вам волю»). Поведение «энергичной» компании, Губошлепа, «жителей» вытрезвителя связаны также с волнением, переходящим в одержимость. По характеру организации убийства в шукшинских текстах встречаются расчет либо порыв, случайных преступлений для писателя не бывает, как уже говорилось выше. К первому типу (расчету) можно отнести поведение Бориса Виккела («Квинтэссенция души»), Губошлепа («Калина красная»). Ко второму (порыву) мы причислили Степана Разина («Я пришел дать вам волю»), Петра («Калина красная»), «пациентов», пребывающих в медвытрезвителе («А поутру они проснулись»), атамана («До третьих петухов»). Совмещают в себе одновременно расчет и порыв поведение Аристарха и его гостей («Энергичные люди»), Практически все перечисленные в статье преступления поздних текстов В.М. Шукшина являются совершенными, состоявшимися, кроме попытки убийства Веры Сергеевны («Энергичные люди»), шутки о совершении преступления в медвытрезвителе («А поутру они проснулись»). Лишают жизни в анализируемых текстах исключительно мужчины, что значимо для писателя, ведь у женщины (образ матери, жены, сестры) предназначение иное. Особенно важен образ матери для В.М. Шукшина, «терпеливо ждущей своего непутевого сына, заплутавшего на жизненных дорогах, обнаруживающий устойчивую соотнесенность с архетипом Богородицы» [9, с. 199].

«Энергичные» люди, «обитатели» вытрезвителя, зачастую Степан Разин и его войны находятся в состоянии опьянения и похмелья в момент совершения опасного деяния или его попытки. Последствия данного состояния важно показать писателю, как не только пагубную привычку, приводящую к преступлению, а как разрастающуюся страшную болезнь нации.

Проведенный анализ поздних текстов мастера слова показал, что от озлобленных «энергичных», беспощадного, безжалостного Губошлепа образ убийцы трансформируется в новый тип личности – демона в Борисе Виккеле.

Литература

1. Клебанов Л.Р. Преступник и преступление на страницах художественно литературы / Ин-т государства и права Рос. акад. Наук. М.: Волтерс Клувер, 2006. 144 с.
2. Шукшин В.М. Собр. соч.: в 5 т. Екатеринбург, 1992.
3. Шукшин В.М. Собр. соч.: в 9 т. Барнаул, 2009.
4. Конюшенко Е.И. Разин // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. Диалог культур. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. 290 с.
5. Рыбальченко Т.Л. Драка-суд-тюрьма как парадигма проявления «воли» персонажей рассказов В.М. Шукшина // Извне и изнутри Сибири: А. Чехов – А. Вампилов – В. Шукшин: коллективная моногр. / отв.ред С.А. Комаров. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2014. 416 с.
6. Курбатов В.И. Юридическая психология: учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; Ростов-на-Дону: Наука-Пресс, 2006. 464 с.
7. Гармаш Л.В. Танатологические мотивы в прозе русских символистов: монография. Харьков: Изд-во ООО «Щедрая усадьба плюс», 2015. 312 с.

8. Куляпин А.И, Левашова О.Г. Достоевский Федор Михайлович // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. Диалог культур. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. 290 с.
9. Левашова О.Г. Бирюкова Н.В. Шукшин и поэзия «серебряного века» Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. Диалог культур. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. 290 с.
10. Хузман Ф. Об образе и смысле смерти. История, физиология и психология проблемы. М.: Энигма, 1997. 144 с.
11. Щур Е.О. Преступления в художественной литературе и возможные меры наказания за них // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 10 – 14.
12. Тарасова Д.В. Мотив убийства в русской литературе XIX века // Studia Humanitatis. 2019. № 3.
13. Прокурова Н.С. Проблема преступления и наказания в литературе XIX века // Правозащитный потенциал гражданского общества. Практики, технологии, методики: Сборник материалов. Волгоград, 2016. С. 71 – 85.
14. Фаргиев И.А. Жертва преступления в художественной литературе // Юрист-правовед. 2005. « 3. С. 28 – 31.

References

1. Klebanov L.R. Prestupnik i prestuplenie na stranicah hudozhestvenno literatury. In-t gosudarstva i prava Ros. akad. Nauk. M.: Volters Kluver, 2006. 144 s.
2. Shukshin V.M. Sobr. soch.: v 5 t. Ekaterinburg, 1992.
3. Shukshin V.M. Sobr. soch.: v 9 t. Barnaul, 2009.
4. Konjushenko E.I. Razin. Tvorchestvo V.M. Shukshina: jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. T. 2: Jestetika i pojetika prozy V.M. Shukshina. Dialog kul'tur. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2006. 290 s.
5. Rybal'chenko T.L. Draka-sud-tjur'ma kak paradigma projavlenija «voli» personazhej rasskazov V.M. Shukshina. Izvne i iznutri Sibiri: A. Chehov – A. Vampilov – V. Shukshin: kolektivnaja monogr. otv.red S.A. Komarov. Ishim: Izd-vo IGPI im. P.P. Ershova, 2014. 416 s.
6. Kurbatov V.I. Juridicheskaja psihologija: uchebnoe posobie. M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K»; Rostov-na-Donu: Nauka-Press, 2006. 464 s.
7. Garmash L.V. Tanatologicheskie motivy v proze russkih simvolistov: monografija. Har'kov: Izd-vo OOO «Shhedraja usad'ba pljus», 2015. 312 s.
8. Kuljapin A.I, Levashova O.G. Dostoevskij Fedor Mihajlovich. Tvorchestvo V.M. Shukshina: jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. T. 2: Jestetika i pojetika prozy V.M. Shukshina. Dialog kul'tur. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2006. 290 s.
9. Levashova O.G. Birjukova N.V. Shukshin i poezija «serebrjanogo veka» Tvorchestvo V.M. Shukshina: jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. T. 2: Jestetika i pojetika prozy V.M. Shukshina. Dialog kul'tur. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2006. 290 s.
10. Huzeman F. Ob obraze i smysle smerti. Istorija, fiziologija i psihologija problemy. M.: Jenigma, 1997. 144 s.
11. Shhur E.O. Prestuplenija v hudozhestvennoj literature i vozmozhnye mery nakazanija za nih. Jurislingvistika. 2022. № 25. S. 10 – 14.
12. Tarasova D.V. Motiv ubijstva v russkoj literature XIX veka. Studia Humanitatis. 2019. № 3.
13. Prokurova N.S. Problema prestuplenija i nakazanija v literature XIX veka. Pravozashhitnyj potencial grahdanskogo obshhestva. Praktiki, tehnologii, metodiki: Sbornik materialov. Volgograd, 2016. S. 71 – 85.
14. Fargiev I.A. Zhertva prestuplenija v hudozhestvennoj literature. Jurist#-pravoved#. 2005. « 3. S. 28 – 31.

Kabakova S.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Independent Researcher

The motive for the murder in the later works of V.M. Shukshin

Abstract: in an article based on the material of late large-format works by V.M. Shukshin: "Kalina Krasnaya," "Energetic people," "And in the morning they woke up," "To the third roosters," "I came to give you will," "Quintessential soul" is considered the motive of the murder as an important element for revealing the image of the characters who committed crimes, and for understanding artistic texts in general. Classification and analysis of the motive of murder is carried out on the basis of established criteria, which help to expand the boundaries of the characters of the master of the word, to understand the "truth of the parasite," "the truth of evil."

The results of this article can be used in special courses on the work of V.M. Shukshin.

Keywords: murder motive, classification, late large-format works, V.M. Shukshin, the image of the killer

For citation: Kabakova S.A. The motive for the murder in the later works of V.M. Shukshin. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 115 – 120.

*Новикова Л.Д.,
Российский государственный социальный университет*

Специфика передачи лингвистических средств языкового воздействия при переводе рекламных текстов

Аннотация: в статье речь идет об особенностях перевода рекламных текстов. Рассмотрена структура его построения, в котором графически выделяется несколько ключевых частей, в том числе рекламный лозунг или слоган. Изучен вопрос перевода рекламных речевых сообщений. Выявлены существующие проблемы в данной области. Сделана попытка найти способы их решения, в части систематизации перевода, которые позволят эффективно осуществлять рекламную деятельность.

Необходимо отметить, что с момента выхода торговых и производственных организаций на международный рынок одной из первостепенных задач в сфере маркетинга и продвижения потребительских продуктов, стал релевантный перевод рекламных сообщений, имеющий тенденцию к синтаксическому выражению.

Таким образом, обосновано, что трудности перевода могут быть связаны с разными уровнями языка: лексическим, грамматическим, синтаксическим, лексическим.

Помимо лингвистической стороны рекламного текста, важно учитывать также культурный, исторический, психологический и социальный аспекты. Носители разных языков имеют отличия в менталитете и культуре потребления товаров, поэтому при переводе важно произвести адаптацию рекламного текста к конкретной целевой аудитории, с учетом современных тенденций.

Ключевые слова: реклама, перевод, переводческая стратегия, текст, слоган, международные отношения, рекламная деятельность

Для цитирования: Новикова Л.Д. Специфика передачи лингвистических средств языкового воздействия при переводе рекламных текстов // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 121 – 125.

Реклама и рекламный текст, как феномен общественной жизни существует уже долгое время, её появление обычно соотносят с появлением торговли.

Несмотря на длительное существование, реклама стала объектом маркетинговых и лингвистических исследований только в конце XIX в. Именно в этой исторической эпохе можно обнаружить предпосылки значительного роста индустрии рекламы, который произошёл во второй половине XX в. и начале XXI в. Среди основных предпосылок можно выделить ряд наиболее важных.

Во-первых, это развитие технологических инноваций, а также цифровая трансформация экономики по средствам которой значительно увеличился темп производства товаров и услуг, что вызвало, соответственно, потребность в их реализации. Во-вторых, процесс глобализации, способствующий росту количества международных контактов и объединению государств в общее экономическое пространство. В-третьих, стадия экономического развития. В рамках постиндустриального общества обладание информацией и умение её использовать являются одними из самых важных средств в достижении целей продвижения и увеличения продаж. В-четвёртых, большое значение имеет развитие телекоммуникаций и средств массовой информации, которые составили новое медиа пространство, ставшее эффективной площадкой для продвижения товаров [1].

А.Д. Белова определяет рекламу как «текст, содержащий информацию, которая вызывает интерес у определенной аудитории к определенным товарам, с целью его дальнейшей реализации» [1, с. 146].

М.Н. Володина дает следующее определение: «Реклама – это распространяемая в определенной форме информация неличностного характера о товарах, услугах или идеях и начинаниях, предназначенная для группы лиц (целевой аудитории) и оплачиваемая определенным спонсором» [3, с. 11].

Семантический анализ данного термина, позволил сделать вывод о том, что реклама – это особый вид текста, сообщающий информацию потенциальному потребителю. Среди основных целей рекламного текста выделяются следующие: привлечение внимания, образа товара и создание ощущения, сходного с создаваемым объектом рекламы [4, с. 29].

Привлечение внимания и запоминаемость рекламы обеспечиваются путём использования различных языковых средств. Одной из характерных черт рекламных текстов является особая структура его построения, в котором графически выделяется несколько ключевых частей: заголовок, основной текст, подписи и комментарии, и рекламный лозунг или слоган. [6, с. 24]. Каждая из них легко распознаваема благодаря отличии

ям от других частей сообщения. Особое внимание необходимо уделить заключительной и наиболее значимой в эмоциональном и смысловом плане части – слогану.

Рекламный лозунг, или слоган, представляет собой яркую, узнаваемую фразу, выражающую в краткой форме философию организации и подчёркивающую ключевые характеристики рекламируемого товара. Обычно слоган размещается в конце рекламного объявления, резюмируя сообщённую в тексте информацию. Кроме того, положение рекламного лозунга в конце текста обеспечивает лучшую запоминаемость сообщения и продукта [6, с. 29].

Помимо структуры, при изучении рекламы, необходимо уделить внимание такой её лингвистической стороне, как лексике. С точки зрения лексического содержания, рекламный текст характеризуется особым подбором слов и выражений. В частности стоит обратить внимание на следующие аспекты: употребление стилистически окрашенных слов; употребление лексики в непрямом значении для создания образности; использование слов с оценочным компонентом; употребление идиом и устойчивых выражений; использование эмоционально окрашенных слов; намеренное нарушение лексической сочетаемости слов для достижения лучшего эмоционального воздействия; краткость, лаконичность, отсутствие избыточности текста; простота и понятность лексики, избегание абстрактных понятий; небольшое количество заимствованной лексики [7, с. 48].

Создание и подчёркивание предметности, подкрепляются не только существенным преобладанием имён существительных в тексте, но и использованием таких грамматических конструкций, как несогласованные определения, выраженные существительным с предлогом, и согласованные определения, выраженные относительным прилагательным. Кроме того, для продвижения рекламной идеи и привлечения большего внимания могут использоваться такие синтаксические средства, как риторический вопрос, восклицание, вопросно-ответная форма текста.

В рекламе для создания более сильного воздействия на потребителя используются тропы, фигуры и стилистические приемы. Приведем примеры:

Солнце злаков, гармония натуральных продуктов - печенье «Юбилейное»

- метонимия

The city is in your hands - автомобиль «Ford»

Take the gold - спортивные товары «Adidas»

I like Volvo - автомобиль «Volvo»

Центр коррекции веса «IdealLine» - технология совершенства

- олицетворение

Optimism wakes up with Nescafe - кофе «Nescafe»

That's your furniture saying: I'm worn out - мебель «Lar Center»

Born under a lucky star - пиво «Heineken»

Takes you miles away in seconds - автомобиль «Lexus»

Подружись с вашим борщом. Порядочность гарантирую. Сметана Valio -молочные продукты «Valio»

Настроение притягивает - вермут «Cinzano»

- эпитеты

Yes. Great skin can be created - косметическая компания «Clinique»

Божественное пиво - пиво «Вятч»

- гипербола

No other pain-relieving gel works like Deep Relief - гель «Relief»

Dirty mouth? Nothing cleans it up like Orbit - жевательная резинка «Orbit»

Blend-a-Med. Стоматологи свидетельствуют: лучшей защиты от кариеса не существует - зубная паста «Blend-a-Med»

Orbit Свежая Мята - самая вкусная защита от кариеса! - жевательная резинка «Orbit»

- перифраз

Прохладная, чистая, освежающая вода и рядом - Aqua Minerale

- риторический вопрос, риторическое восклицание

Хочется молока? - шоколад «Nestle»

Кто знает, о чём малыш мечтает? - средство для кожи «Mustela»

Не дай себе засохнуть! - напиток «Sprite»

- антитеза

Простые решения сложных задач - мебель «Миллениум»

От соломы до мягкости только одна минута - косметика «L'Oreal»

- Можно увидеть, нельзя украсть» - антиугонная система «Clifford»
- анафора
- Exceptional women. Exceptional diamond - ювелирный магазин
Your own car. Your own phone. Your own place. Your dad's insurance? - страховая компания «Nationwide Insurance»
- Pure spirit. Pure experience - водка «Crystal Head Vodka»
It's naughty. It's diet Nestea - чай «Nestea»
Максимум объёма и разделения! Максимум гламура! - тушь для ресниц «Bourjois Paris»
Новые услуги связи - новые возможности бизнеса - компания «Северо-западный Телеком»
Вдвое больше роскошного цвета, вдвое больше легкости и комфорта - губная помада «Avon»
- эпифора
- See new. Hear new. Feel new - компания «Nokia»
Heavy industries. Happy industries - автомобиль «Hyundai»
Майский чай - любимый чай! - чай «Майский»
- градация
- Можно сварить, можно запечь, можно пожарить. Главное - сделать вкусно! - майонез «Calve»;
- анадиплосис
- Only the brave deserves the fair and the fair deserve Jaeger - спортивные товары «Jaeger Sportswear»
Жизнь – это игра. Игра вне правил и стереотипов - автомобиль «Фольксваген»
- парцелляция
- Forget wetness. Forget bulk. Play on with Pampers Active fit with dry max - подгузники «Pampers»
Get in. Get happy - автомобиль «Фольксваген»
Your shade. Your finish. Your match - косметика «Estee Lauder»
Ford Fusion. Высокий. Компактный. Вместительный - автомобиль «Ford»
- игра слов, каламбур
- If you want your business to pick up pick up the phone - телекоммуникационная компания AT&T
Feed your teeth - зубная паста «Blend-A-Med»
Так исторически сварилось - пиво «Карлсберг»
«Пиносол - оставь насморк с носом» - лекарственное средство «Пиносол»
Зубная паста из Италии. Не содержит макарон - зубная паста «President»
- вкрапление известных выражений, фразеологизмов, пословиц, цитат
- See the world through chocolate colored glasses - шоколад «Nesquik»
Live on the Coke side of life - напиток «Coca-Cola»
В жизни всегда есть место открытию - банк «Открытие»
Шарики — это не роскошь, это настроение! - сувенирный магазин «Kvettki»
Дальше действовать будем мы! - банк «Тинькофф»
- рифма
- Be a woman for a cause not for applause - ликёр «Baileys Irish Cream»
A Mars a day helps you work, rest and play - шоколад «Mars»
Love this skin you are in - косметика «Olay»

Другой немаловажной характеристикой текста является его отнесенность к тому или иному функциональному стилю речи (ФСР). Рекламные тексты получили широкое распространение относительно недавно, и только в последнее время стали объектом изучения лингвистов, поэтому на сегодняшний момент статус таких текстов определён не окончательно и вызывает дискуссию в языковедческой среде. Такое неопределённое положение во многом обусловлено особенностями рекламы - она сочетает в себе черты разных функциональных стилей речи, что и затрудняет её отнесение к какому-то одному из них.

В общем смысле, функциональный стиль речи, как определяет его Т.В. Матвеева - это «наиболее крупная речевая разновидность литературного языка, сложившаяся исторически в зависимости от формы общественного сознания и человеческой деятельности, а также, целей, содержания и условий речевого акта» [7].

Результат данного исследования, позволяет сделать следующие выводы:

- рекламный текст представляет собой особый функциональный подстиль, сочетающий в себе черты разговорного, художественного, публицистического и научного ФСР. Реклама имеет две главные коммуникативные функции - информирование и привлечение потребителей;

- рекламный текст обладает особой структурой построения и отличается рядом лингвистических особенностей, в частности использованием эмоционально окрашенной лексики, большим количеством идиом

и многозначных слов, краткостью и лаконичностью формы выражения, преобладанием конкретных существительных и использованием глаголов преимущественно в настоящем времени и активном залоге, большого количества стилистических приёмов;

- как особый компонент рекламного текста, а часто и как отдельное рекламное сообщение, выступает слоган, или рекламный лозунг. Слоган представляет собой краткую, яркую и запоминающуюся фразу, выражающую философию компании в максимально сжатой и лаконичной форме. Рекламные лозунги разделяют на торговые и корпоративные;

- проблема перевода рекламного текста появилась относительно недавно. С момента выхода торговых и производственных организаций на международный рынок релевантный перевод рекламных сообщений стал одной из первостепенных задач в сфере маркетинга и продвижения потребительских продуктов.

В заключение отметим, что трудности перевода могут быть связаны с разными уровнями языка: лексическим, грамматическим, синтаксическим, лексическим. В каждом отдельно взятом случае необходимо прибегать к существующим методам решения таких проблем. Первоочередной задачей переводчика является сохранение эффективности рекламы – реклама должна привлекать внимание, вызывать положительные эмоции, запоминаться и вызывать желание приобрести товар. Помимо лингвистической стороны рекламного текста, важно учитывать также культурный, исторический, психологический и социальный аспекты. Носители разных языков имеют отличия в менталитете и культуре потребления товаров, поэтому при переводе важно произвести адаптацию рекламного текста к конкретной целевой аудитории.

Литература

1. Белова А.Д. Особенности перевода рекламного текста. Успехи современного естествознания. 2012. № 5. 212 с.
2. Бельтюков В.И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии): монография. М.: Педагогика, 2013. 176 с.
3. Володина М.Н. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. 760 с.
4. Джефкинс Фрэнк. Реклама: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 350700 – Реклама: пер. с англ. под ред. Б.Л. Еремина; Международная рекламная ассоц. Москва: ЮНИТИ, 2012. 523 с.
5. Пирогова Ю.К., Паршин П.Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика: учебное пособие для вузов. М.: Изд-во международного института рекламы, 2000. 261 с.
6. Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Изв. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2002. № 24. С. 276 – 288.
7. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2010. 160 с.

References

1. Belova A.D. Osobennosti perevoda reklamnogo teksta. Uspehi sovremennogo estestvoznaniya. 2012. № 5. 212 s.
2. Bel'tjukov V.I. Vzaimodejstvie analizatorov v processe vosprijatija i usvoenija ustnoj rechi (v norme i patologii): monografija. M.: Pedagogika, 2013. 176 s.
3. Volodina M.N. Jazyk sredstv massovoj informacii: uchebnoe posobie dlja vuzov. Pod red. M.N. Volodinoj. M.: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2008. 760 s.
4. Dzhefkins Frjenk. Reklama: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'no-sti 350700 – Reklama: per. s angl. pod red. B.L. Eremina; Mezhdunarodnaja reklamnaja assoc. Moskva: JuNITI, 2012. 523 s.
5. Pirogova Ju.K., Parshin P.B. Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika: uchebnoe posobie dlja vuzov. M.: Izd-vo mezhdunarodnogo instituta reklamy, 2000. 261 s.
6. Popova E.S. Struktura manipuljativnogo vozdejstvija v reklamnom tekste. Izv. Ural. gos. un-ta. Ekaterinburg, 2002. № 24. S. 276 – 288.
7. Serdobinceva E.N. Struktura i jazyk reklamnyh tekstov: uchebnoe posobie. Moskva: Flinta: Nauka, 2010. 160 s.

*Novikova L.D.,
Russian State Social University*

The specifics of the transfer of linguistic means of linguistic influence in the translation of advertising texts

Abstract: the article deals with the features of the translation of advertising texts. The structure of its construction is considered, in which several key parts are graphically highlighted, including an advertising slogan or slogan. The issue of translation of advertising speech messages has been studied. The existing problems in this area are identified. An attempt has been made to find ways to solve them, in terms of systematization of translation, which will allow effective advertising activities.

It should be noted that since the entry of trade and production organizations into the international market, one of the primary tasks in the field of marketing and promotion of consumer products has become the relevant translation of advertising messages, which tends to syntactic expression.

Thus, it is proved that translation difficulties can be associated with different levels of language: lexical, grammatical, syntactic, lexical.

In addition to the linguistic side of the advertising text, it is also important to take into account cultural, historical, psychological and social aspects. Native speakers of different languages have differences in the mentality and culture of consumption of goods, therefore, when translating, it is important to adapt the advertising text to a specific target audience, taking into account current trends.

Keywords: advertising, translation, translation strategy, text, slogan, international relations, advertising activity

For citation: Novikova L.D. The specifics of the transfer of linguistic means of linguistic influence in the translation of advertising texts. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 121 – 125.

*Роббек Л.В., кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук*

Особенности функционирования фразеологизмов в языке олонхо (лексикографический аспект)

Аннотация: в статье представлены результаты анализа фактического материала текста якутского героического эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина (1947) на предмет выявления соотношения фразеологизмов, фразеологических оборотов речи и собственно фольклорных устойчивых выражений (эпических формул, формульных конструкций, конструкций формульного характера). Данная работа проведена в качестве предпосылки для проведения дальнейших разработок теории словаря языка олонхо в зоне лексикографирования фразеологизмов и фразеологических оборотов речи, функционирующих в тексте якутского эпоса. Необходимость подобных подготовительных работ вызвана отсутствием в тюркском языкознании теории разграничения фразеологизмов и фольклорных идиом в языке устно-поэтического творчества. В ходе анализа произведены заметки, представляющие собой наиболее значимые моменты, которые могут составить основу для проведения дальнейших исследований в этой области. Так, отмечена роль ритмико-синтаксического параллелизма, образующего на основе классических фразеологизмов якутского языка новые устойчивые словесные комплексы фольклорного характера; свободные, импровизационные формы фразеологизмов в тексте якутского эпоса; а также случаи расхождения семантических значений фразеологизмов в типичных условиях и при их употреблении в олонхо. Высказана мысль, что в будущем можно рекомендовать внести некоторые единицы языка олонхо в реестр фразеологизмов якутского языка. Проведённый анализ обозначил, что задач, которые необходимо решить в дальнейшем, достаточно много, т.к. фразеологизмы являются одним из комплексных, и соответственно, не простых явлений в филологии.

Ключевые слова: якутский язык, лингвофольклористика, фольклорная лексикография, словарь языка олонхо, фразеологизмы, единицы языка олонхо, эпическая формула, фольклорная формульность

Для цитирования: Роббек Л.В. Особенности функционирования фразеологизмов в языке олонхо (лексикографический аспект) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 126 – 131.

Современная якутская лексикография на сегодняшний день достигла достаточно заметных результатов. Наиболее веским итогом здесь можно назвать издание 15-ти томов Большого толкового словаря якутского языка (буквы «А» – «Э»), выход в свет которого является значительным событием во всей тюркской лексикографии.

В силу сказанного, в настоящий момент назревает необходимость инициировать начало работ над новыми проектами, относящимися к ранее не изученным областям якутского языкознания. Одним из таких филологических предприятий является лексикографическая разработка словаря языка якутского героического эпоса олонхо (далее – СЯО), в 2005 году признанного ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества.

Разработка макро- и микроструктуры СЯО предполагает решение немалого количества базисных, а также частных вопросов. В число такого порядка задач входит теоретическое обоснование подачи в указанном словаре фразеологизмов (далее – ФРЗ) и фразеологических оборотов речи.

О фразеологичности природы языка олонхо (далее – ЯО) якутские языковеды отмечают давно: «ЯО изобилует множеством устойчивых, фразеологических сочетаний и оборотов» [10, с. 210]. Однако на нынешнем этапе развития якутского языкознания фразеологический характер и фразеологическая природа ЯО требуют более конкретного осмысления и более конкретных подходов к своему изучению. В первую очередь здесь основное внимание необходимо уделить тому факту, что ЯО, помимо фразеологичности характера, считается также формульным: «Вся основная ткань текста состоит из эпических формул-клеточек и формулообразных элементов. Это обстоятельство свидетельствует об огромном богатстве арсенала формул в языке фольклора в целом и большом лексико-фразеологическом разнообразии ЯО» [10, с. 212].

Поэтому для решения поставленной цели необходимо вначале определить общую степень фразеологичности ЯО, т.е. соотношения в текстах якутского эпоса единиц ЯО, к которым мы относим эпические формулы (далее – ЭФ), формульные конструкции (далее – ФК), конструкции формульного характера (далее – КФХ) [9], и общепринятых (в классическом понимании) ФРЗ. Данная статья посвящена указанному вопросу.

Так, в ЯО, помимо ФРЗ, встречаются такие собственно фольклорные выражения, как: *татаар тыллаах таба эпэтин, уоттаах харахтаах утары көрбөтүн* букв. 'пусть никто с огненным взором в упор на вас

не посмотрит, пусть говорящий на татарском языке плохо не скажет про вас' [6, с. 74; 94; 224], с вариантами: *уоттаах хараххынан утары көрөр буолаайабын, татаар тылгынан дьабырыйар буолаайабын* букв. 'не метай своих огненных взглядов, не кричи гневными словами' [6, с. 98], *уоттаах харахтаах утары көрбөтүн, үс бараа хара күлүктээхтэр кырыы харахтарынан кынчарыйбатыннар* букв. 'да не посмотрят на вас в упор своим огненным взглядом, да не покосятся на вас имеющие три тёмных важных тени' [6, с. 358]; *ой курдук онорун, тах курдук тангынардын* букв. 'нарядите как зелёную рощицу, разоденьте легко и красиво' [6, с. 82; 88], с вариантом: *сир курдук симиэтэбим, ой курдук онордобум* букв. 'наряжу как цветущую землю, разодену как пышный лесок' [6, с. 88]; *күөн көрсөр, күрэс былдьаһар* букв. 'встанет на равную ногу, будет состязаться в славе' [6, 1947, с. 80; 86; 104; 128; 142; 230; 248; 256; 258; 266; 310]; *алгыс үтүөтүн албаан, тыл үтүөтүн этэн* букв. 'пусть (проводят их) лучшими благословениями, отпустят (их), сказав хорошее напутствие' [6, с. 74; 86; 92; 158; 224]; *төрүүр оҕону уйалыы, иитэр сүөһүнү күрүүлүү, аал уоту отто* букв. 'чтобы делали колыбели рождаемым детям, чтобы устроили изгороди разводимому скоту, чтобы разожгли священный огонь' [6, с. 76; 92; 296; 354], с вариантами: *төрүүр оҕо уйатын түгнэрдилэр, иитэр сүөһү күрүүтүн иннэрдилэр* букв. 'опрокинули колыбели рождающихся детей, разрушили изгороди разводимого скота' [6, с. 68], *төрүүр оҕон уйата мөлтүөбэ, иитэр сүөһүн күрүүтэ иннэстиэбэ* букв. 'будет ослаблена колыбель рождаемых детей, свалится изгородь разводимого тобой скота' [6, с. 182]; *илин атаххыт ибирэ суох буоллун, кэлин атаххыт кэбирэ суох буоллун* букв. 'да не будет препятствия вашим передним ногам, да не будет помехи вашим задним ногам' [6, с. 92; 158; 224]; *алаас сыһыы быһаҕаһын саҕа* букв. 'величиной с половину поляны-алаас' [6, с. 76; 94; 96; 164; 224; 324]; *былыргы дьылга, урукку күнгэ, эргэтээби бириэмэбэ* букв. 'в старинные годы, прошлые дни, в древние времена' [6, с. 96; 122; 240; 256; 270], с вариантом: *урукку күнгэ, ааспыт хонукка* букв. 'в былые дни, в прошедшие сутки' [6, с. 202]; *аҕыс иилээх-саҕалаах, атааннаах-мөҥүөннээх аан ийэ дойду* букв. 'восьмиободная, восьмикрайняя, скользкая и бугристая изначальная мать-земля' [6, с. 110; 164]; *тордуйалаах уу курдук долгуйда, атыйахтаах уу курдук дьалкыйда* букв. 'сотрясалось, как болотная зыбь, расплескалось, как вода в черпаке берестяном' [6, с. 78; 112; 136; 178; 220; 258], *түүтээбэр чэтчэкитик, охтообор түргэнник* букв. 'легче пуха, быстрее стрелы' [6, с. 134; 142] и др., которые на данный момент не включены в реестр ФРЗ якутского языка [см. 4; 5; 2]. Данные выражения, также как ФРЗ, обладают свойствами повторяемости и имеют относительно-устойчивый структурный состав.

Неразработанность теории разграничения в эпическом тексте ФРЗ и собственно фольклорных устойчивых выражений (ЭФ, ФК, КФХ и др.) в некоторых случаях может ввести специалистов в диаметрально противоположные заблуждения, которые, без всякого сомнения, не приведут к успеху словарной работы. «Зыбкость, неопределённость и многообразие в понимании объекта фразеологических исследований сопряжены с такой запутанностью терминологии, какой нет, вероятно, ни в одном разделе лингвистики» [7, с. 208]. Поэтому при лексикографировании языка якутского эпоса вначале необходимо провести строгую черту между ФРЗ и собственно единицами ЯО (ЭФ, ФК, КФХ), выяснить – где в тексте эпоса функционируют собственно ФРЗ, а где – собственно фольклорные выражения. При разработке теории СЯО данный вопрос является принципиальным.

Рассмотрим традиционные определения ЭФ и ФРЗ. «Фольклорные формулы представляют собой устойчивые языковые и речевые образования, несущие в себе кванты традиционной культурной информации» [1, с. 100]. «ФРЗ – это устойчивые, воспроизводимые, раздельнооформленные образования с целостным (реже – частично целостным) переносным значением, функционально близкие к слову, обладающие экспрессивно-эмоциональной выразительностью и не моделируемым характером семантики» [4, с. 25]. Пониманию фразеологичности природы и характера ЯО импонирует мнение А.Ф. Гильфердинга, выступающего за дедуктивный подход к выявлению объектов фольклорной фразеологии, и утверждающего, что «любой фольклорный текст идиоматичен и членится на фрагменты различного объёма, иерархически соподчинённые» [11, с. 19].

Прояснить, чётко обозначить какие устойчивые словесные комплексы (далее – УСК) являются ЭФ, какие ФРЗ, а какие иными единицами ЯО, можно только в результате проведения анализа, т.к. при функционировании в эпическом тексте отмеченные единицы принимают различные функционально-структурные формы и, соответственно, порой экспонируют крайне схожие признаки.

Рассмотрим результаты, полученные нами после проведения полного анализа фактического материала на примере текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина (1947).

1. Оказалось, что в тексте названного олонхо наблюдается тенденция к образованию на основе общепринятых ФРЗ новых УСК, структура которых построена по принципу ритмико-синтаксического параллелизма (далее – РСП).

Данное явление характерно для эпоса, т.к. «необычайное богатство – как по количеству, так и по разнообразию – повторяющегося параллелизма» в языке фольклора было отмечено ещё Р.О. Якобсоном [12, с. 121].

Причины разрастания структуры ФРЗ, функционирующих в олонхо, кроются в особенностях характера и природы самого языка фольклора. Фольклорный лексикограф А.Т. Хроленко, размышляя о возможных методиках поиска фразеологических единиц в фольклорных текстах, отмечает о существовании «особой, характерной только для песенного фольклора языковой конструкции «вертикального» характера: существительные, принадлежащие одному лексико-семантическому полю, устойчиво следуют друг за другом в смежных стихах. Компоненты этой конструкции обнаруживают грамматический и позиционный параллелизм» [11, с. 25]. Механизм видоизменения структуры ФРЗ в тексте якутского эпоса оказался аналогичен сказанному.

Кроме того, «в поэзии слова свой окончательный, завершённый смысл получают лишь в составе целостной семантической единицы, какой является, например, единица, выражающаяся в психологически параллельной конструкции» [8, с. 226].

Приведём примеры, демонстрирующие данное явление в ЯО: *барбатах балык миинин курдук бадья-бүдүө дойду* ‘место, погруженное во тьму, место, охваченное сумраком’ [4, с. 124] – *барбатах балык миинин курдук бадья-бүдүө дойду, буспут мунду миинин курдук борук-сорук дойду* букв. ‘страна мрачносерая, похожая на недоваренную рыбку уху, сумеречная страна, подобная ухе мелкой рыбки-мундушки’ [6, с. 120]; *биир сымыыт ханна сытыйбатабай* ‘где наша не пропадала!’ [4, с. 135] – *биир сымыыт ханна сытыйбатай, биир уол оҕо ханна төрүүбэтэй* букв. ‘где одно яйцо не сгнивало, где один мальчик не родился’ [6, с. 138; 232]; *биир сымыыт ханна сытыйбатай, биир уол оҕо ханна өлбөтөй* букв. ‘одно яйцо где не сгнивало? Один молодец где не погибал?’ [6, с. 252]; *көрөн баран чыпчылыыах бэтэрээ өттүгэр (икки ардыгар)* ‘в мгновение ока’ [4, с. 238] – *көрөн баран чыпчылыыах бэтэрээ өттүгэр, истэн баран эбурийиэх бэтэрээ өттүгэр* букв. ‘прежде чем, посмотрев на это, успели моргнуть глазом, и, услышав про это, успели втянуть в себя воздух’ [6, с. 84; 94]; *муну муннунан тыыран* ‘пережив много горя, претерпев жизненные невзгоды; пройдя сквозь огонь и воду’ [5, с. 24] – *мун бөбөнү муннубунан тыыран, эрэй бөбөнү энэрбинэн кэнэн, сор бөбөнү сотобунан хааман* букв. ‘муки и страдания носом своим прорывал, трудности неисчислимые полней своей разрывал, несчастья страшные одолел своей голенью’ [6, с. 198] и др.

Мы считаем, что при разработке теории СЯО УСК, образованные от основ ФРЗ методом использования приёмов РСП, в целом следует расценивать как ФРЗ, а не как собственно фольклорные выражения.

2. Анализ показал, что в ЯО ФРЗ функционируют в более свободной, импровизационной форме и достаточно легко меняют конфигурации, которые фиксированы в реестре ФРЗ якутского языка [4; 5; 2].

Например: *ох курдук онгоһун, тап курдук тангын* ‘собраться, снарядиться ловко, ладно; быть совершенно готовым к действию’ [5, с. 54] – *ох курдук онгорон, кустук курдук куоһаан* букв. ‘отделали словно стрелу, отточили старательно, как боевую стрелу’ [6, с. 132], *кустук курдук куоһаан, ох курдук умнаан* букв. ‘как наконечник стрелы отточив, как древко стрелы обстругав’ [6, с. 256], *кустук курдук куоһанан, ох курдук онгоһулан* букв. ‘как наконечник стрелы закалившись, как боевая стрела приготавлившись’ [6, с. 336]; *халын хахха, суон дурда буол* ‘будь нашим надёжным защитником, крепким заслоном’ [5, с. 329] – *суон ойуур курдук дурда буол, халын ойуур курдук халха буол* букв. ‘будь защитой, словно старый крупный лес, стань оградой, словно лес дремучий’ [6, с. 98; 170; 224], *ыл эрэ, көр ноко, ити мин суон дурдабын, халын хаххабын* букв. ‘эй, парень, погляди-ка! Вот это есть моя толстая ограда, широкая защита моя’ [6, с. 146], *суон тыын толугура, халын тыын хардайа буол* букв. ‘будь выкупом мощного дыханья, будь заменой толстого дыханья’ [6, с. 148], *суон тыыммытын толуйарга, халын тыыммытын харыйдыырга* букв. ‘защищать наше толстое дыханье, ограждать наше широкое дуновение’ [6, с. 202; 222], *суон тыыммын толуй, халын тыыммын харыйый* букв. ‘будь залогом моего толстого дыханья, защити моё широкое дуновение’ [6, с. 292], *суон тыыммытын толуйбутун, халын бэйэбитин халхалаабытын* букв. ‘ты защитил наше толстое дыхание, ты оградил наше широкое тело’ [6, с. 302], *халын тыыммын харыйдаатыгыт, суон тыыммын толуйдугут* букв. ‘вы моё широкое дыхание оградили, мою крепкую жизнь выручили’ [6, с. 350]; *ириэнэх суолун ирдээ, тон суолун тордоо* ‘неотступно преследовать, выслеживать (с твёрдой решимостью догнать врага, зверя и т.д.)’ [4, с. 206] – *ир суолун ирдиэхтин, тор суолун тордуохтун* букв. ‘чтобы я мог идти по тёплым следам, чтобы преследовать по мёрзлым путям’ [6, с. 114; 318; 280], *ир суолун ирдээмин, тор суолун тордооммун* букв. ‘я пришёл по твоим тёплым следам, последовал по твоим потемневшим следам’ [6, с. 128] и др.

Механизм формирования данного явления в языке фольклора специалистами был замечен давно и в теории лингвофольклористики уже квалифицирован: «Исполняя песню, былинку, народный мастер обращается к модели, представляющей актуальный для него в данный момент тип художественной ситуации, и путём

отбора из неё и комбинирования звеньев продуцирует текстообразующий блок, воспроизводящий конкретную художественную картину» [1, с. 103]. Кроме того, здесь немаловажно и значение метода варьирования: «Варьирование – одно из фундаментальных свойств языка, суть его – выражение какой-либо языковой сущности различными способами. Данное свойство пронизывает всю языковую систему, характерно оно и для ФРЗ» [3, с. 33-35]. Материал текста якутского эпоса подтвердил тезисы наших коллег.

3. Особое внимание следует обратить на выявленные в ходе анализа случаи расхождения семантических значений ФРЗ в их типичной установке и при употреблении в олонхо.

Например: *иттэннэ уур, умса уур* ‘точь в точь, на одно лицо, как две капли (быть похожим на кого-л.)’ [4, с. 215] – *иттэннэ ууран иһин дэлби үктүөм, умса ууран көхсүн тобулу үктүөм* букв. ‘уложив на спину, живот распороть, уложив ниц лицом, продавить спину’ [6, с. 278].

По контексту произведения значение данного ФРЗ является прямым – ‘уложить на спину, уложить ниц лицом’. Соответственно, клише здесь не является ФРЗ. Поэтому фольклорному лексикографу, прежде чем приступить к словарной работе, необходимо решить, как поступать в подобных нестандартных ситуациях.

4. И последнее. Анализ показал, что в будущем можно рекомендовать внести некоторые единицы ЯО в реестр ФРЗ якутского языка. Однако вопросов, требующих своего решения здесь достаточно много, поэтому к данному мероприятию необходимо подходить крайне взвешенно и аккуратно.

Например: *айыы аймаҕа, күн улууһа* букв. ‘племя айыы, улусы солнца’ [6, с. 70; 98; 134; 138; 140; 140; 142; 154; 170; 190; 216; 224; 256; 274; 276; 292; 296; 298; 312; 320]; *айыы хаан аймахтара, күн хаан улууһа* букв. ‘великие племена айыы, почтенные улусы солнца’ [6, с. 80; 236; 248; 264]; *айыы аймаҕа, күн өркөт улууһа* букв. ‘люди племени айыы, народ улуса солнца’ [6, с. 98; 294]; *айыы аймахтара* букв. ‘племена айыы’ [6, с. 98; 262; 276]; *үс күн дьөһөлдүүт уолаттар* букв. ‘три солнцеликих парня-служителя’ [6, с. 70; 136]; *аҕыс булас суһуохтаах* букв. ‘с восьмисаженной косой’ [6, с. 72; 98; 124]; *тоҕус субан туруйа курдук уолаттар, аҕыс тыһы кыталык курдук кыргыттар* букв. ‘девять парней, подобных рослым журавлям, восемь девушек, похожих на самок стерхов’ [6, с. 82; 166; 202]; *көмүс түөстээх күөрэгэйдэрим, алтан түөстээх далбарайдарым* букв. ‘сереброгрудые жаворонки мои, медногрудые птенчики мои’ [6, с. 96; 124; 262; 278]; *сүөл дойдуттан сөптөөх киһи, тэҕэл дойдуттан тэнгнээх киһи* букв. ‘достойный соперник из важной страны, равный противник из дальней земли’ [6, с. 128]; *күөн көрүс, күрэс былдьас* букв. ‘грудью помериться, состязаться на славу’ [6, с. 128; 142; 232; 248; 258]; *түгэх дойду түөкүнэ, дириг дойду дьылбинэ, анараа дойду албына* букв. ‘злодей донной страны, волшебник глубокой обители, обманщик по-тусторонней земли’ [6, с. 128; 140; 176; 224]; *илин атабын ибирэ суох буоллун, кэлин атабын кэбирэ суох буоллун* букв. ‘да не будет препятствия твоей передней ноге! Да не будет задержки твоей задней ноге!’ [6, с. 158; 224; 234]; *алаас сыһы быһаҕаһын саҕа* букв. ‘окружностью с половину алааса’ [6, с. 164; 324]; *үс күннүк сир* букв. ‘расстояние трёх дней пути’ [6, с. 238; 356]; *үрдүк аат, үтүө сурах* букв. ‘высокое имя, добрая слава’ [6, с. 262] и др.

Таким образом, можно констатировать, что выделение ФРЗ в тексте олонхо и отделение их от других единиц ЯО (ЭФ, ФК, КФХ и др.) вполне возможно. На сегодняшний день при проведении указанной процедуры руководством являются материалы фразеологических словарей якутского языка [4; 5; 2].

В целом, проведённый анализ подводит к мысли, что в фразеологических словарях якутского языка сохранятся наиболее универсальные, лаконичные формы ФРЗ. А в эпосе ФРЗ, как и другие единицы ЯО, функционируют в самых различных комплектах. Ведь язык, а тем более язык фольклора – это живая система и здесь любое выражение практикуется в дифференциальных ситуативных условиях.

Исследования, направленные на решение проблем, озвученных в данной статье, теоретическое обоснование подачи ФРЗ в СЯО – задача наших следующих работ.

Литература

1. Артеменко Е.Б. Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы III Всеросс. науч.-практич. конф-ции. Ч. II. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 99 – 108.
2. Григорьев Н.С. Саха тылын сомоҕо домохторун тылдьыта. Якутск, 1974. 98 с.
3. Докукина М.А. О варьированности фразеологических единиц в текстах былин // Фольклорная лексикография. вып. 4: Сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГПУ, 1995. С. 33 – 35.
4. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Н.: Изд-во СО РАН, 1998. Т. 1. 287 с.
5. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Н.: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. Т. 2. 420 с.
6. Нюргун Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина; ред. текста, пер. и коммент. Г.У. Эргиса. Якутск: Кн. изд-во, 1947. 409 с.

7. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикология. Лексикография. культура речи. М., 1974. 208 с.
8. Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979. С. 199 – 252.
9. Роббек Л.В. Единицы лексикографического описания в словаре языка олонхо // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Серия: «Эпосоведение». 2021. № 2 (22). С. 69 – 78. DOI: 10.25587/a8299-5392-7163q
10. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и становление общенациональных норм. Н.: Наука, 1990. 273 с.
11. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. 162 с.
12. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 478 с.

References

1. Artemenko E.B. Fol'klornaja formula i ustnopojeticheskaja tradicija. Problemy izuchenija zhivogo russkogo slova na rubezhe tysjacheletij: Materialy III Vseross. nauch.-praktich. konf-cii. Ch. II. Voronezh: VGPU, 2005. S. 99 – 108.
2. Grigor'ev N.S. Saha tylyn somoҕo domohtorun tyld'yta. Jakutsk, 1974. 98 s.
3. Dokukina M.A. O var'iruemosti frazeologičeskikh edinic v tekstah bylin. Fol'klornaja leksikografija. vyp. 4: Sb. nauch. tr. Kursk: Izd-vo KGPU, 1995. S. 33 – 35.
4. Nelunov A.G. Jakutsko-russkij frazeologičeskij slovar'. N.: Izd-vo SO RAN, 1998. T. 1. 287 s.
5. Nelunov A.G. Jakutsko-russkij frazeologičeskij slovar'. N.: Izd-vo SO RAN. Filial «Geo», 2002. T. 2. 420 s.
6. Njurgun Bootur Stremitel'nyj. Tekst K.G. Orosina; red. teksta, per. i komment. G.U. Jergisa. Jakutsk: Kn. izd-vo, 1947. 409 s.
7. Ozhegov S.I. O strukture frazeologii. Leksikologija. Leksikografija. kul'tura rechi. M., 1974. 208 s.
8. Ossoveckij I.A. Nekotorye nabljudenija nad jazykom stihotvornogo fol'klora. Očerki po stilistike hudozhestvennoj rechi. M.: Nauka, 1979. S. 199 – 252.
9. Robbek L.V. Edinicy leksikografičeskogo opisanija v slovare jazyka olonho. Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: «Jeposovedenie». 2021. № 2 (22). S. 69 – 78. DOI: 10.25587/a8299-5392-7163q
10. Slepcev P.A. Jakutskij literaturnyj jazyk: Formirovanie i stanovlenie obshhenacional'nyh norm. N.: Nauka, 1990. 273 s.
11. Hrolenko A.T. Pojetičeskaja frazeologija russkoj narodnoj liricheskoj pesni. Voronezh: Izd-vo VGU, 1981. 162 s.
12. Jakobson R.O. Raboty po pojetike. M.: Progress, 1987. 478 s.

*Robbek L.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Features of the functioning of phraseological units in the Olonkho language (lexicographic aspect)

Abstract: the article presents the result of the analysis of the factual material of the text of the olonkho «Nyurgun Bootur the Swift» by K.G. Orosin (1947) in order to identify the correlation of phraseological units, phraseological turns of speech and actually folklore set expressions (epic formulas, formula constructions, formula constructions). This work was carried out as a prerequisite for further development of the theory of the vocabulary of the olonkho language in the area of lexicography of phraseological units and phraseological turns of speech that function in the text of the Yakut epic. The need for such preparatory work is caused by the absence in Turkic linguistics of the theory of differentiation of phraseological units and folklore idioms in the language of oral poetic creativity. In the course of the analysis, notes were made that represent the most significant points that can form the basis for further research in this area. Thus, the role of rhythmic-syntactic parallelism is noted, which forms new stable verbal complexes of a folklore nature based on the classical phraseological units of the Yakut language; free, improvisational forms of phraseological units in the text of the Yakut epic; as well as cases of discrepancy between the semantic meanings of phraseological units in typical conditions and when they are used in olonkho. The idea is expressed that in the future it is possible to recommend adding some units of the olonkho language to the register of phraseological units of the Yakut language. The analysis carried out indicated that there are a lot of tasks that need to be solved in the future, since phraseological units are one of the complex, and, accordingly, not simple phenomena in philology.

Keywords: the Yakut language, linguo-folkloristics, folklore lexicography, dictionary of the Olonkho language, phraseological units, units of the Olonkho language, epic formula, folklore formulary

For citation: Robbek L.V. Features of the functioning of phraseological units in the Olonkho Language (lexicographic aspect). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 126 – 131.

У Цзыпэн, аспирант,
Университет Цинхуа, Китай,
Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

Сопоставительное исследование военных метафор в российских и китайских эпидемических новостях с точки зрения семиотики

Исследование поддержано грантом Китайского центра стратегических исследований иностранных языков (CCSFL)-Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам (SFLEP) «Исследование мировых языков и культур», WYZL2022TJ0002: Сопоставительное исследование военных метафор в российских и китайских эпидемических новостях с точки зрения семиотики

Аннотация: объектом исследования данной статьи являются военные метафоры в новостях эпидемии в Китае и России. Благодаря сочетанию количественных и семиотических методов исследования, синтаксические, семантические и прагматические особенности военных метафор в новостях эпидемии в основных СМИ Китая и России с 2020 года по 2022 году сравниваются и анализируются. Исследование показало, что уровень синтактики представляет собой вертикальную ассоциативную связь, а уровень семантики конкретно проявляется в виде существования военных метафор с культурными атрибутами, и количество китайских военных метафор больше, чем количество русских. На уровне прагматики это главным образом референциальная функция, эмоциональная функция, конативная функция и поэтическая функция, из которых поэтическая функция уникальна для китайских военных метафор.

Ключевые слова: военная метафора, сопоставительное исследование, новости эпидемии, синтаксические особенности, семантические особенности, прагматические особенности

Для цитирования: У Цзыпэн Сопоставительное исследование военных метафор в российских и китайских эпидемических новостях с точки зрения семиотики // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 132 – 136.

Введение

Метафоры часто используются в китайских и российских новостях об эпидемиях для иллюстрации сложных понятий, а военная метафора – одна из самых распространенных метафор в новостях об эпидемиях. Военные метафоры относятся к аналогии реальных войн с невоенными действиями или событиями, придавая другим категориям сильное ощущение противостояния, срочности и риторического напряжения [3]. Изучение военных метафор помогает построить дискурсивную систему сопротивления эпидемиям [10]. Большинство дискурсов о военных метафорах в китайских академических кругах сосредоточены на концептуальных метафорах как ветви дискурса, и мало результатов было найдено в изучении военных метафор в противоэпидемических сообщениях [4]. В России исследования военных метафор в основном сосредоточены на политическом дискурсе, спортивном дискурсе, газетном дискурсе и т.д. Комплексные и контрастные исследования по эпидемическим темам редки, риторические и функциональные исследования распространены, достигнуто много результатов прикладных исследований, но теоретическое изучение военных метафор отсутствует, а глубина исследования недостаточна. Цель данной работы – сравнительно проанализировать синтаксические, семантические и прагматические особенности военных метафор в русских и китайских новостях об эпидемии с точки зрения семиотики, углубить теоретические исследования и уточнить лингвистическую ценность военных метафор.

1. Семиотическое определение военной метафоры

Как особая ветвь метафорического явления, семиотическое определение военной метафоры имеет сходство с определением метафоры, но семиотическое определение понятия военной метафоры более специфично. Военная метафора возникает как семиотический процесс, процесс переноса понятий или представлений из военной области в невоенную область, слияния сигнификата и денотации военной области в новый сигнификат, то есть вторичный сигнификат знака, в результате чего знак постоянно приобретает новое значение денотации, то есть значение военной метафоры, как показано на рис. 1. Теоретически, расширение денотации символа бесконечно, и это бесконечное расширение также объясняет закон порождения военной метафоры. Таким образом, процесс порождения военных метафор – это когнитивный процесс построения взаимосвязей между различными понятиями с помощью знакомых, конкретных понятий для восприятия незнакомых, абстрактных понятий. По сути, это процесс использования символов военной области для объяснения других символов и становления других символов, поэтому сущность военных метафор также является своего рода интерсимволизмом [6].

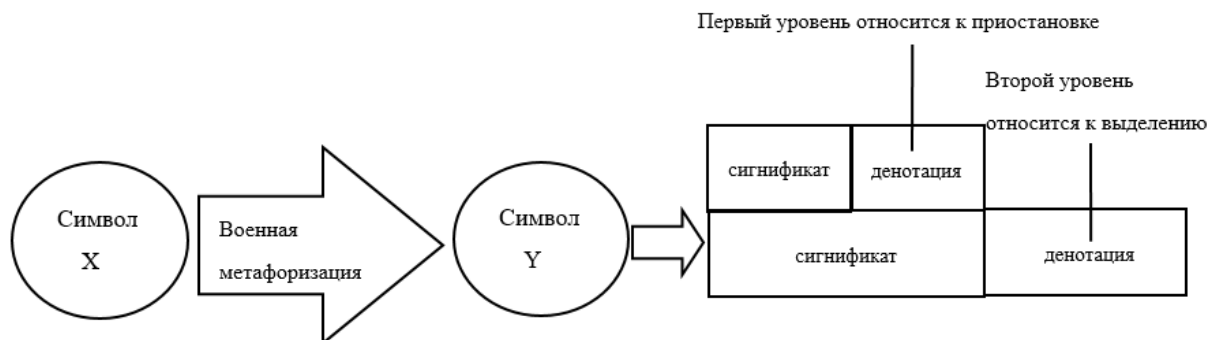

Рис. 1. Значение военных метафор и генерация символических уровней

2. Семиотическое сравнение китайско-российских военных метафор в новостях об эпидемии

Мы сопоставили новости об участии лидеров в эпидемии в основных СМИ Китая и России в 2020-2022 гг. Российские источники включают в основном сайт президента РФ, ТАСС и РИА Новости и т.д, всего 328 военных метафор, а китайские источники включают в основном «Си Цзиньпин о государственном управлении» (том 4) и Народная газета онлайн и т.д, всего 432 метафоры войны. Также предлагается проанализировать военные метафоры с помощью моррисовской семиотики.

2.1 Семиотика Морриса

Моррис, американский философ-прагматик и семиотик, впитал семиотические идеи Пейрса и разделил семиотику на три сегмента: синтактику, семантику и прагматику. Синтактика изучает отношения между знаками, то есть изучает комбинацию знаков, семантика изучает отношения между знаками и референтными объектами, то есть изучает знаки в различных режимах денотации, а прагматика изучает отношения между знаками и интерпретаторами, то есть изучает цель или результат знаков в процессе действия. [1] Этот семиотический путь не только выявляет качественные различия между различными уровнями, характеризующими содержание знаков, но и поясняет, что различные уровни взаимосвязаны, обусловлены друг другом и вмещаются в содержание знака, и способны постоянно порождать новые смыслы и содержание, причем расширение знаков является одним из способов создания метафор. Моррис объединяет европейский прагматизм (с его акцентом на синтактике), эмпиризм (с его акцентом на семантике) и логицизм (с его акцентом на прагматике) для дальнейшего уточнения направления и методологии семиотического исследования метафоры.

2.2 Сопоставление синтактики

Согласно семиотической точке зрения Морриса, синтактика изучает отношения между символами и формы между символами, то есть изучает комбинацию или словосочетание символов.[1] Военные метафоры в китайских и русских новостях, связанных с эпидемией, не образуют горизонтальной синтактической комбинации со словами из области войны, но помещаются в другие категории, образуя вертикальную синтактическую ассоциацию, которая не только обогащает значение слов, но и подчеркивает значение, выраженное с помощью этой военной синтактической особенности. Например:

(1)要统筹做好人员调配, 尽量把**精兵强将**集中起来, 把重症病人集中起来, 统一进行救治, 努力降低病死率。(Перевод: Мы должны координировать распределение персонала, стараться объединить лучших медицинских работников, объединить тяжелобольных пациентов и объединить их для лечения в целях снизить уровень заболеваемости и смертности. Си Цзиньпин, 3.2.2020)

(2) Нужно быть готовыми к возможным ударам этого вируса на новом его витке. У нас есть хотя бы пара недель для того, чтобы подготовиться», – заметил Путин. (Путин, 12.1, 2022)

«**精兵强将**/Элитные солдаты и сильные генералы» в этом китайском примере первоначально означали, что солдаты и генералы хорошо экипированы и способны. Обычно они используются в сочетании со словарным запасом военной области, но здесь они используются в области борьбы с эпидемией. Это относится к «отличным медицинским работникам» и сравнивает отличных медицинских работников с элитными солдатами и сильными генералами. Это используется, чтобы подчеркнуть роль отличных медицинских работников в борьбе с эпидемией. Оригинальный китайский текст использует такого рода сохранение образа военной сферы для построения вертикальной ассоциативной связи. «Удар» в русском примере означает нападение на что-нибудь. Оно распространено на поле боя. Оно также используется в сочетании с невоенной лексикой. Оно используется в контексте борьбы с эпидемией для обозначения негативных последствий,

вызванных эпидемией. Как и в китайском примере, оно это также вертикальная ассоциативная синтаксическая связь.

2.3 Сопоставление семантики

Согласно моррисовской семиотике, семантика изучает отношения между символами и их объектами-референтами, то есть изучает референт символов в различных режимах представления референта. Денотативные режимы можно разделить на пять типов: идентифицирующие, маркирующие, оценивающие, предписывающие и конституирующие знаки. [1] Режимы денотации военных метафорических символов в китайских и российских новостях об эпидемии - это в основном идентифицирующие, оценивающие, предписывающие символы. Система, образованная этими режимами денотации, может быть также понята как семантическая система денотации.[11] Система денотации, построенная на денотативных, культурных и внутриречевых развивающих значениях военных метафорических символов. Например:

(3) 在这场严峻斗争中，各级党组织和广大党员、干部冲锋在前、顽强拼搏，充分发挥了**战斗堡垒**作用和先锋模范作用。(Перевод: В этой тяжелой борьбе партийные организации на всех уровнях и большинство членов и кадров партии находятся на переднем крае, упорно борются и в полной мере выполняют свою роль боевых бастионов и передовых образцов. Си Цзиньпин, 23.2.2020).

(4) Хочу особо обратиться к врачам, фельдшерам, медицинским сёстрам, сотрудникам больниц, поликлиник, ФАПов, служб скорой помощи, к нашим учёным. **Вы сейчас на переднем крае защиты страны** (Путин, 25.3, 2020)

В широком смысле язык подчинен культуре, и язык неизбежно отражает культурные элементы нации [7]. Многие военные метафоры в китайских новостях об эпидемиях также имеют культурные атрибуты, не только потому, что многие военные метафоры происходят из аллюзий, но и потому, что пятитысячелетняя история китайской цивилизации содержит множество исторических фактов о войне, и эта богатая история войны обеспечивает культурную почву для военных метафор. В примере 3 фраза «боевой бастион», которая является опорной точкой для атаки и обороны в бою, происходит из китайской исторической аллюзии и имеет культурные атрибуты. Термин «на переднем крае» встречается во многих русских литературных произведениях, где первоначальное слово, обозначающее передний край войны, превратилось в передний край происходящего и имеет важный и актуальный культурный атрибут. Китайская и русская военная метафора с её культурной семантикой является важным проявлением этого типа военной метафоры.

2.4 Сопоставление прагматики

Согласно моррисовской семиотической точке зрения, прагматика изучает отношения между знаком и интерпретатором, то есть исследует действие и назначение знака в процессе использования. В своём знаменитом эссе «Лингвистика и поэтика» (1960) русско-американский лингвист и семиотик Якобсон предложил шестифункциональную модель языка. Он расширил шесть элементов языковой деятельности – адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт и код – до эмоциональной, интенциональной, денотативной, поэтической, коммуникативной и метаязыковой функций [9]. Акцент Якобсона на шести элементах дискурсивной коммуникации является не только лингвистической моделью, но и включает в себя другие идеологические или семиотические системы, и поэтому является семиотической моделью [2]. Ван Миньюй (2015: 432) утверждает, что Якобсон предложил шесть элементов языковой деятельности для того, чтобы построить функциональную систему языковых знаков.[8] Поэтому здесь мы опираемся на функциональную систему лингвистических знаков Якобсона для анализа референциальной функции, эмоциональной функции, конативной функции и поэтической функции военных метафор в китайско-российских новостях об эпидемии. Например:

(4) 我们在疫情发生后迅速开展全方位的人力组织战、物资保障战、科技突击战、资源运动战。(Перевод: После начала войны мы быстро развернули всестороннюю войну за организацию рабочей силы, войну за материальную безопасность, войну за технологическое нападение и войну за перемещение ресурсов. Си Цзиньпин, 8.9.2020)

(5) Путин дал поручения в связи с **нашествием «омикрона»** (Путин, 1.12, 2022)

В примере 5 термины «война за организацию рабочей силы», «война за материальную безопасность», «война за технологическое нападение» и «война за перемещение ресурсов» и в примере 6 «нашествие омикрона» имеют, прежде всего, референтную функцию; война за организацию рабочей силы относится к процессу организации рабочей силы, война за материальную безопасность относится к акту обеспечения материалами, война за технологическое нападение относится к процессу технологического прогресса, война за перемещение ресурсов относится к разворачиванию ресурсов, а «нашествие омикрона» относится к акту заражения вирусом Омикрон. Во-вторых, использование слова «война» в связи с организацией трудовых ресурсов, материальной безопасности, научно-технических рейдов и перемещения ресурсов также от-

ражает важность, придаваемую этим действиям, и срочность этих действий, демонстрируя эмоциональное отношение говорящего, также отражает разрушительный характер вируса Омикрон и бдительность говорящего против заражения штаммом Омикрон, то есть эти слова имеют аффективную функцию, а китайские военные метафоры образуют просодию в синтаксисе, что делает их броскими для чтения, а также имеет поэтическую функцию.

Заключение

В данном исследовании были сопоставлены новости о лидерах, связанных с эпидемией, в основных СМИ Китая и России в период 2020-2022 годов, причём российские источники в основном включают сайт президента РФ, ТАСС и РИА Новости и т.д, в общей сложности 328 военных метафор, а китайские источники в основном включают «Си Цзиньпин о государственном управлении» (том 4) и Народная газета онлайн и т.д, в общей сложности 432 военных метафоры. На основе семиотической теории было проведено сопоставительное исследование этих китайско-российских военных метафор на уровнях синтактики, семантики, и прагматики. Исследование показало, что уровень синтактики представляет собой вертикальную ассоциативную связь, а уровень семантики конкретно проявляется в виде существования военных метафор с культурными атрибутами, и количество китайских военных метафор больше, чем количество русских. На уровне прагматики это главным образом референциальная функция, эмоциональная функция, конативная функция и поэтическая функция, из которых поэтическая функция уникальна для китайских военных метафор.

Литература

1. Моррис. Символы денотации, язык и поведение. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1989. С. 57 – 58.
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. Москва: Издательство «Прогресс», 1975. С. 193 – 231.
3. У Цзыпэн Сопоставительный анализ военных метафор в российско-китайском политическом дискурсе // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 6. С. 100 – 105.
4. У Цзыпэн. Исследование русского перевода военных метафор с точки зрения когнитивной функции: Си Цзиньпин о государственном управлении (II) в качестве примера // Исследования языка и культуры. 2022. № 2. С. 208 – 216.
5. Си Цзиньпин Си Цзиньпино государственном управлении IV. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2022. С. 101 – 122.
6. Лу Хунчжоу. Символы – Языки – Люди. Тяньцзинь, Издательство Нанькайского университета, 2016. 211 с.
7. Чэнь Сяодань Классификация и перевод культурно нагруженных слов с точки зрения семантической вакансии // Журнал Цинхайского университета для национальностей (научное издание по образованию), 2010. № 6. С. 106 – 108.
8. Ван Миньюй. Семиотика языка. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2015. 432 с.
9. Ван Миньюй Теория семиотического мышления. Пекин: Коммерческая пресса, 2021. С. 23.
10. Lakoff George. Metaphor and War, Again. California: University of California, 2003. С. 25.
11. Lakoff G.P, Johnson M.L. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. С. 68.

References

1. Morris. Simvoly denotacii, jazyk i povedenie. Shanhaj: Shanhajskoe narodnoe izdatel'stvo, 1989. S. 57 – 58.
2. Jakobson R. Lingvistika i pojetika. Moskva: Izdatel'stvo «Progress», 1975. S. 193 – 231.
3. U Czypjen Sopotavitel'nyj analiz voennyh metafor v rossijsko-kitajskom politicheskom diskurse. Uspеhi gumanitarnyh nauk. 2022. № 6. S. 100 – 105.
4. U Czypjen. Issledovanie russkogo perevoda voennyh metafor s točki zrenija kognitivnoj funkcii: Si Czin'pin o gosudarstvennom upravlenii (II) v kachestve primera. Issledovanija jazyka i kul'tury. 2022. № 2. S. 208 – 216.
5. Si Czin'pin Si Czin'pino gosudarstvennom upravlenii (II). Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 2022. S. 101 – 122.
6. Lu Hunchzhou. Simvoly – Jazyki – Ljudi. Tjan'czin', Izdatel'stvo Nan'kajskogo universiteta, 2016. 211 s.
7. Chjen' Sjaodan' Klassifikacija i perevod kul'turno nagruzhenных slov s točki zrenija semanticheskoi vakansii. Zhurnal Cinhajskogo universiteta dlja nacional'nostej (nauchnoe izdanie po obra-zovaniju), 2010. № 6. S. 106 – 108.
8. Van Min#juj. Semiotika jazyka. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2015. 432 s.

9. Van Min#juj Teorija semiotičeskogo myshlenija. Pekin: Kommercheskaja pressa, 2021. S. 23.
10. Lakoff George. Metaphor and War, Again. California: University of California, 2003. S. 25.
11. Lakoff G.P, Johnson M.L. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. S. 68.

Wu Zipeng,
Tsinghua University, China,
Tianjin Foreign Studies University, China

A comparative semiotic study of war metaphors in Russian and Chinese epidemic reports

Abstract: the object of this article is the military metaphors in epidemic news in China and Russia. Through a combination of quantitative and semiotic research methods, the syntactic, semantic and pragmatic features of military metaphors in epidemic news in mainstream media in China and Russia from 2020 to 2022 are compared and analysed. The study reveals that the syntactic level is a vertical associative relationship, while the semantics level specifically manifests as the existence of military metaphors with cultural attributes, and the number of Chinese military metaphors is more than that of Russian metaphors. On the level of pragmatics, it is mainly referential function, emotional function, conative function and poetic function, of which poetic function is unique for Chinese military metaphors.

Keywords: military metaphor, comparative study, epidemic news, syntactic features, semantic features, pragmatic features

For citation: Wu Zipeng A comparative semiotic study of war metaphors in Russian and Chinese epidemic reports. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 132 – 136.

*Цыганкова А.А., аспирант,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Переключение кодов как маркер идиостиля Умберто Эко

Аннотация: данная статья посвящена анализу переключения кодов в текстах итальянского ученого и писателя Умберто Эко. Умберто Эко как весьма образованный человек, владеющий несколькими иностранными языками, с одной стороны, и теоретик постмодернизма, с другой, допускает в своих текстах иноязычные вкрапления крайне часто. Переключение кодов обнаруживается в текстах любой направленности, включая научные статьи, публицистические заметки и художественные произведения. При этом в каждом из них переключения кодов выполняют разные функции. Хотя матричным языком для Эко всегда выступает итальянский, гостевые языки выбираются им в зависимости от направленности текста. Так, в научных статьях гостевыми языками выступают латинский, французский, древнегреческий и английский, а переключения кодов используются прежде всего в цитатной, предметно-тематической и металингвистической функциях. В текстах публицистической направленности гостевым языком чаще всего оказывается английский, сами переключения кодов выполняют эмоциональную функцию, металингвистическую и функцию экономии речевых усилий. Наконец, в романе «Имя розы» квинтэссенцией становится стиль речи Сальватора, в котором встречаются элементы всех романских языков. Помимо эмоциональной функции, переключение кодов в речи Сальватора практически реализует теоретические основы постмодернизма, разработанные Умберто Эко. Одновременно с этим, хотя автор и заявляет о том, что написанные им тексты могут быть восприняты самым широким кругом читателей, разнообразие и повсеместность встречаемых переключений кодов показывают, что до конца понять написанное может читатель, владеющий как минимум двумя дополнительными языками.

Ключевые слова: переключение кодов, идиостиль, постмодернизм, мультилингвы, итальянистика, Умберто Эко

Для цитирования: Цыганкова А.А. Переключение кодов как маркер идиостиля Умберто Эко // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 137 – 143.

Переключение кодов или кодовое переключение – предмет многочисленных лингвистических изысканий последних сорока лет. В настоящий момент под переключением кодов (ПК) понимается «специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них» [8]. Понятие «билингв» при этом трактуется довольно широко, поскольку существующие исследования сосредотачиваются в равной степени как над случаями ПК в речи носителей двух языков [9, 1, 2], так и в тех случаях, когда гостевой язык не является вторым родным для автора высказывания [3, 4].

Среди специалистов распространены разные точки зрения на мотивацию говорящего при ПК, а также на функции ПК, однако общепризнанным считается, что ПК – явление универсального порядка, которое может использоваться в любой сфере. В свою очередь, причины его использования могут определяться набором факторов, среди которых адресат сообщения, условия коммуникации, тема разговора и т.д. [5].

Наиболее полная классификация функций ПК приведена Галиной Николаевной Чиршевой [8], на нее мы и будем опираться в данном исследовании. Итак, Чиршева выделяет 11 функций ПК: адресатная, цитатная, юмористическая, фатическая, эзотерическая, функция экономии речевых усилий, эмоциональная, функция самоидентификации, предметно-тематическая, металингвистическая, воздействующая. В соответствии со структурой ПК Чиршева выделяет три типа: диалогическое, межфразовое, внутрифразовое.

Умберто Эко – один из наиболее известных итальянских писателей и интеллектуалов XX века. Родным языком Умберто Эко был итальянский, помимо него он хорошо знал французский и английский, понимал испанский, португальский, немецкий, изучал латынь и древнегреческий. Научные интересы Эко включают широкий спектр предметов и явлений, начиная от медиевистики и семиотики, заканчивая исследованиями массовой культуры. Не забудем упомянуть, что Умберто Эко также оказал решающее влияние на становление постмодернизма, разработав его теоретические положения и реализовав их на практике в художественных произведениях.

Переключение кодов – явление, встречающееся повсеместно в текстах Умберто Эко. Тексты научной, публицистической, художественной направленности изобилуют вкраплениями на всех известных ему язы-

ках. Такое обращение с языковым материалом не только демонстрирует высокий уровень культуры автора, но и закономерно продолжает постмодернистскую концепцию интертекстуальности, плетению текста, как ткани, из разных материалов. Однако существуют различия в том, как применяется переключение кодов в текстах разной направленности.

Научные тексты

В качестве материала для иллюстрации ПК в научных текстах мы будем использовать сборник статей Умберто Эко о средневековой мысли, *Scritti sul pensiero medievale* [15]. Поскольку переключение кодов тесно соотносится с тем, как его воспринимает адресат сообщения, обратим внимание на небольшую ремарку в предисловии: «Mi ero domandato se, in coda a una raccolta di studi che pretendevano a qualche rigore, e destinati agli **studiosi**, <...> questo scostante volume potrebbe pervenire anche nelle mani di **chi medievista non è**, e a questo **lettore occasionale** vorrei offrire qualche introduzione meno surcilgiosa e più affettuosa alla cultura di quei secoli» [*Я спрашивал себя, стоит ли вслед за собранием трудов, претендующих на некую научную строгость и адресованных ученым, этот скромный том может оказаться в руках тех, кто не является медиевистом, и этому случайному читателю я хотел бы предложить менее суровое и более ласковое введение в культуру тех веков - здесь и далее перевод наш*]. Таким образом, сам автор предполагает, что размещаемый в сборнике текст может быть воспринят и специалистом по Средневековью, и тем случайным читателем, который медиевистом не является.

ПК в научных текстах Эко используются в первую очередь в цитатной функции. Чтобы проиллюстрировать собственную мысль, Эко приводит цитаты из других текстов на языке оригинала, при этом снабжает их собственным переводом на итальянский язык в квадратных скобках:

«E a questo proposito si è parlato di una estetica socratica dei cistercensi, fondata sulla contemplazione della bellezza dell'anima;

O vere pulcherrima anima quam, etsi infirmum inhabitantem corpusculum, pulchritudo caelestis admittere non despexit, angelica sublimitas non reiecit, claritas divina non repulit!

[O anima, che sei veramente la più bella, anche se abiti un inetto corpiciattolo, la bellezza celeste non ha disdegnato di accoglierti presso di sé, la sublime natura angelica non ti ha rigettato, la luce divina non ti ha respinto!]

(Bernardo, *Sermones super Cantica Canticorum*, PL 183, col. 901; anche *Opera I*; 166)»

[*O душа, ты воистину самая красивая, даже если одета в неумелое тело, небесная красота не брезговала принять тебя у себя, возвышенная ангельская природа не отвергала тебя, божественный свет не отвергал тебя!*]

Встречаются также и ПК металингвистического характера, например, когда автор рассуждает о переводе тех или иных единиц. В таких случаях в тексте присутствует и внутрифразовое вкрапление на иностранном языке, и поясняющий его комментарий на итальянском:

- “Nell’827 Ilduino, il primo traduttore del testo, di fronte ai paragrafi 133-134 del IV capitolo dei Nomi divini, intendendo il *kalón* come **bontà** ontologica, traduce <...>” [В 827 Ильдуин, первый переводчик этого текста, в параграфах 133-134 четвертой главы *Об именах богов* понимает *kalón* как божественную добродетель]

- “È gradevole ciò che suscita **ammirazione (tò thaumastón)**; la metafora si manifesta (**phaínesthai**) quando si esamina (**skopeîn**) una possibile convenienza o analogia” [Приятно то, что вызывает восхищение (**tò thaumastón**); метафора утверждает себя (**phaínesthai**), когда изучается (**skopeîn**) возможное сходство или подобие]

Однако гораздо чаще встречаются ПК, не снабжаемые пояснением. Например, помимо цитат, Эко широко использует ПК при упоминании трудов, написанных на иностранных языках. Приведем несколько примеров:

- “...al di là della maniera retorica, nella villoniana *Ballade des dames du temps jadis*” [в другой риторической манере, в вийоновской *Ballade des dames du temps jadis*]

- “E Cicerone nel *De natura deorum* riconfermava...” [И Цицерон в *De natura deorum* подтверждал...]

Наравне с названиями произведений, встречаются и цитаты, и названия понятий на иностранных языках, также не снабжаемые комментарием:

- “Dice “**vox vero conceptiones animi intellectusque significat**” e “**voces vero quae intellectus designant**” e, parlando di *litterae, voces, intellectus, res*, sostiene che “**litterae verba nominaque significant**” e che “**haec vero [nomina] principaliter quidem intellectus secundo vero loco res quoque designant. Intellectus vero ipsi nihil aliud nisi rerum significativi sunt.**””

Безусловно, приведенные случаи ПК обусловлены предметом речи, то есть выполняют предметно-тематическую функцию. Обратим также внимание на то, что в тех случаях, когда ПК реализуется в одном

слове или в названии текста, о котором идет речь, Эко согласует его грамматически с остальными членами предложения (иллюстрируется артиклями в приведенных выше примерах).

Приведенные случаи ПК демонстрируют виртуозное владение темой и великолепные навыки ориентирования в материале по избранной теме, однако, очевидным образом существенно сужают круг адресатов, которые могут воспринять этот текст. В основной массе Эко переключается с итальянского на латынь, однако сколь ни были бы родственными и близкими эти языки, далеко не каждый рядовой читатель в состоянии воспринимать приведенные выше латинские пассажи. Таким образом, ПК демонстрирует противоречие между тем, как видит своего читателя сам Умберто Эко, говоря в начале о том, что это вполне может быть случайный человек, и тем, кто имеет достаточно компетенций, чтобы осилить его тексты.

Публицистические тексты

В качестве примера публицистических текстов Умберто Эко мы будем использовать сборник его заметок “*La bustina di Minerva*” (“Картонки Минервы”) для газеты *L’Espresso* [14]. «Картонки Минервы» — это сборник небольших статей разной тематики полемической направленности. Именно в текстах публицистической направленности Умберто Эко реализует ПК в самом широком спектре его функций.

Если в статьях по средневековой мысли основными гостевыми языками были латынь и французский, то в данных заметках Эко чаще всего вкрапляет английский. В большинстве своем ПК в этих текстах носят характер вкраплений: Эко периодически вставляет во фразу на итальянском пару слов на английском языке:

- ““Come farà ora a stappare le bottigliette di birra? ” – domanda che pare delirante ma è invece molto pertinente, in quanto mette in luce l’aspetto radicalmente **freak** di tutta questa storia” [“Как он теперь откупоривает маленькие бутылки пива?” - вопрос, который кажется бредовым, но на самом деле, очень актуальным, поскольку он подчеркивает радикально уродливый **freak**-аспект всей этой истории”]

- “Con i mezzi di massa non esiste **feed-back** e cioè i destinatari non possono reagire e chi parla non ne può conoscere le reazioni” [“В средствах массовой информации нет **feed-back**, то есть адресаты не могут реагировать, а говорящие не могут знать реакции”]

Обратим внимание, что в последнем примере в качестве иноязычного вкрапления фигурирует уже вполне вошедшее во все европейские языки слово **feed-back**, однако данная заметка была написана в конце 1990-х годов, когда этого слова в итальянском языке не было.

В приведенных выше примерах ПК используется по причине отсутствия необходимой единицы в матричном языке, таким образом, чтобы не описывать необходимое понятие многими словами, в целях экономии речевых усилий заимствуется слово из английского языка. Однако есть и контексты, в которых можно было выбрать итальянский эквивалент, сосуществующий в языке с заимствованным словом, тем не менее Эко отдает предпочтение ПК:

- “Ne elenco alcune: il treno (ma la macchina a vapore è del secolo precedente), l’automobile <...>, la posta pneumatica, **il water closet**, il campanello elettrico...” (=vaso sanitario)

[Перечислю некоторые из них: поезд (хотя паровая машина принадлежит к предыдущему столетию), автомобиль, пневматическая почта, **water closet**, электрический звонок]

- “Un galeone, attendibile anche se di dimensioni modeste, approda nella rada, ne discendono pirati con tanto di benda nera sull’occhio, <...> improvvisano duelli e, alla fine, <...> spacciate di stufato di tartaruga e conch marinato o a polpette, che è una specie di abalone con la consistenza del **chewing gum**”. (=gomma da masticare)

[Галеон, хотя и скромный по размеру, приземляется на рейде, на него спускаются пираты с черной повязкой на глазу, <...> возникают дуэли и, в конце концов, <...> приготовьте тушеную черепаху и маринованную раковину или фрикадельки, которые являются своего рода морским ушком с консистенцией жевательной резинки]

В сборнике представлены также отдельные заметки, в которых ПК носит металингвистический характер, т.е. комментируются явления английского языка (“*Scrivere in modo politicamente corretto*”), описывается взаимодействие с электронным переводчиком (“*Come giocare con Altavista*”), явления иноязычной культуры («*New York, New York, what a beautiful town!*»):

“Dove mi sento più smarrito è nel dire quale sia una parola che amo. Certo, mi piacciono in inglese **flabbergasted**, **discombabulated**, **preposterous** e **jeopardize**, in tedesco **gemütlich**, in spagnolo **desarrollo** e in francese **à savoir**, ma sono reazioni giocose da **xenoglotta** (bella anche questa)” [Больше всего я теряюсь в том, чтобы сказать, какое слово я люблю. Конечно, мне нравятся в английском **flabbergasted**, **discombabulated**, **preposterous** и **jeopardize**, в немецком **gemütlich**, в испанском **desarrollo** и во французском **à savoir**, но это все кокетство **xenoglotta** (и это тоже красивое)].

Как и в текстах научной направленности, в этих заметках нередко случаи, когда ПК поясняется в пределах высказывания:

- “D'altra parte le obiezioni estetiche che di solito si muovono ai graffitari, o **writers**, come amano farsi chiamare, sono debolissime” [С другой стороны, эстетические цели, которые обычно руководят граффитари-ями, или **writers**, как они любят сами себя называть, самые слабейшие].

- “Oggi si parla molto di **privacy** – che poi vorrebbe dire riservatezza, ma ormai il termine viene assunto come se significasse “diritto alla riservatezza” e dunque, benché sia un barbarismo, va usato in questo senso tecnico” [Сегодня много говорят о **privacy** – имеется в виду конфиденциальность, но теперь этот термин воспринимается как означающий “право на конфиденциальность”].

Хотя в большинстве приведенных примеров ПК происходит естественным образом, иноязычные единицы органически вплетаются в ткань текста, есть и контексты, в которых ПК нарочито разрывает ее. Это те случаи, когда Эко имеет своей целью обсудить некое противоречивое явление англоязычной культуры, таким образом реализуется эмоциональная функция ПК:

- “In una mia Bustina precedente dicevo che il **politically correct**, nato in America per difendere i diritti delle minoranze oppresse, per opporsi a ogni forma di discriminazione razziale, sta trasformandosi in un nuovo fondamentalismo” (ср. Politicamente corretto в примере выше)

[В предыдущей “картонке” я говорил о **politically correct**, родившемся в Америке для защиты прав подавляемых меньшинств, чтобы противостоять любой форме расовой дискриминации, сейчас этот термин трансформируется в фундаментализм нового порядка]

- “Il popolo il cui buon re Enrico VIII cambiava una moglie per stagione e incaricava il boia delle pratiche di divorzio, il cui Bardo amava una **Dark Lady** che forse era un **Dark Boy**”

[Народ, чей король Генрих VIII менял жен как перчатки и перепоручал дела по разводам палачу, чей Бард любил **Dark Lady**, которая, возможно, была **Dark Boy**]

Не обходится и без ПК в цитатной функции:

- “**Louis Etienne (Le Jury et les exposants, 1863)** diceva di Manet che “**Le déjeuner sur l’herbe è uno scherzo di cattivo gusto, un dipinto sconcio e indegno di essere esposto.**””

- “**Mundus senescit**, dicevano gli antichi, e morivano a 40 anni”.

Хотя газета *L'Espresso* не является сугубо элитарным периодическим изданием, а наоборот, направлена на массового читателя (что подтверждается ее тиражом в 250 тысяч экземпляров), очевидно, что колонка Умберто Эко приподнимала общий интеллектуальный уровень газеты. Хорошо понимая это, Эко чувствовал себя свободно, в своей привычной манере жонглируя цитатами и отсылками, а также свободно обращаясь с явлениями иноязычных культур. Таким образом, несмотря на средний уровень читателя газеты *L'Espresso*, с помощью ПК Эко снова определял интересующего его читателя, как и в случае с научными текстами.

Художественные тексты

В качестве материала художественной речи мы используем «Имя розы», первый роман Умберто Эко [13].

В первую очередь мы имеем дело с речью героя-рассказчика, который часто цитирует Библию на латинском языке, не снабжая этот текст переводом или сноской: “Ma **videmus nunc per speculum et in aenigmate** e la verità, prima che faccia a faccia, si manifesta a tratti...”

В данном случае ПК реализуют эмоциональную функцию, поскольку таким образом автор рассчитывает на определенный коммуникативный эффект, а именно демонстрирует временную дистанцию, отделяющую читателя от героя-рассказчика.

Квинтэссенцией языковых переключений в романе становится речь Сальватора – одного из самых странных обитателей монастыря. Языку Сальватора посвящено достаточно много специальных исследований, например, работы немецких лингвистов Жаклин Вике [12] и Кристиан Кох [11].

Ж. Вике среди используемых Сальватором языков называет итальянский, латинский, провансальский, каталанский, португальский и немецкий. Кох добавляет к ним испанский и французский. Отечественный исследователь А.А. Терещук выделяет дополнительно к вышеназванным пьемонтские, венецкие и тосканские [6].

В разных диалогах Сальватора можно проследить разное количественное и качественное соотношение элементов, среди которых как отдельные слова, так и фрагменты текстов, дающие ключи к пониманию высказывания. Так, например, первое слово, которое слышит Адсон от Сальватора [13] – восклицание «**Pentenziagite!**» является искаженным стяжением и превращением в глагольную форму латинского выражения «**paenitentiam agite**» из Евангелия от Матфея («Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» Матфей 3:2). Это реконструкция, идеально воспроизводит фонетические процессы перехода от латыни к романским языкам (редукция предупредительного гласного, стяжение дифтонга, замолкание конечного -m, пала-

тализация *t* перед *i*). Одновременно такой призыв к покаянию указывает на то, что Сальваторе является братом-миноритом и выходцем из францисканского ордена.

Зачем же У. Эко наделяет Сальватора таким затейливым идиолектом? Об эмоциональной мотивации, движущей Сальватором, говорит Адсон, связывая переключение кодов с локализацией воспоминаний говорящего: «...come se riuscisse a parlare di un cibo, intendo, solo con le parole delle genti presso cui aveva mangiato quel cibo, ed esprimere la sua gioia solo con sentenze che aveva udito emettere da gente gioiosa, il giorno che egli aveva provato parimenti gioia» [13]. Называя устами Адсона язык Сальватора «ужасным вавилонским языком первого часа господней казни», автор с помощью такой речевой характеристики придает этому персонажу особый масштаб и статус.

Исследователи также отмечают, что переключение кодов в речи персонажей Эко вписывается в общую постмодернистскую концепцию пастиша и гибридизации разных знаковых систем, реализуя ее на определенном уровне: «texts are made of unlimited semiosis and unlimited intertextuality, and that a narrative is essentially a literary and linguistic pastiche of signs and systems of signs from the great encyclopedia of literature and language» [10].

Таким образом, переключение кодов следует признать одним из маркеров идиостиля Умберто Эко, присутствующим в текстах разных жанров, и наша статья, как и все предыдущие исследования текстов и приемов Умберто Эко, является продолжением предусмотренной им самим языковой игры и заданного им культурного диалога. Понимание текста в зависимости от уровня компетенции читателя, а также разный уровень его толкования, очевидно, тоже входят в задумку автора. Обычный итальяноязычный читатель, скорее всего, будет рад узнать латинские слова в падежных формах, которые он изучал в школе, а также опознать формы испанского, французского, немецкого языков, ему будет приятно встретить выражение на родном диалекте. Эрудит, равный по интеллектуальному могуществу самому Эко (если такой существует) без труда узнает все цитаты, все переплетения смыслов и игру языков. А свою основную команду партнеров по игре Умберто Эко находит в лице филологов, принимающих подачу автора и кропотливо сопоставляющих романские формы и, в меру своего уровня компетентности, разрешающих загадки великого писателя. И именно в этом и состоит жизнь постмодернистского текста, такая, как ее задумал Умберто Эко.

Литература

1. Денисова Е.А. Кодовые переключения в произведениях англоязычного бикультурального автора-билингва Дж.Р. Файлза // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10. С. 85 – 91.
2. Папинова Ж.Б. Лингвоструктурные характеристики переключения кодов в спонтанной речи бурят-билингвов // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 6. С. 75 – 90.
3. Паутова С.М. Взаимосвязь структуры кодовых переключений с их прагматическими функциями в современных русскоязычных произведениях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. № 4. С. 103 – 109.
4. Паутова С.М. Способы передачи кодовых переключений при переводе на русский язык романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019 № 3. С. 91 – 96.
5. Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 123 – 127.
6. Терещук А.А. На каком языке говорит Сальваторе? Переключение кодов в романе Умберто Эко «Имя розы» // Древняя и Новая Романия. 2021. № 27. С. 104 – 114.
7. Чиршева Г.Н. Двухязычная коммуникация. Череповец, 2004.
8. Чиршева Г.Н. Кодовые переключения в общении русских студентов // Язык, коммуникация и социальная среда. 2008. № 6. С. 63 – 79.
9. Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В., Мушников Н.С. Прагматика русско-английских переключений кодов в речи двух билингвальных детей // Верхневолжский филологический Вестник. 2018. № 3. С. 193 – 199.
10. Capozzi R. Palimpsests and Laughter: The Dialogical Pleasure of Unlimited Intertextuality in The Name of the Rose // Italica. 1989. № 66. P. 412 – 428.
11. Koch Ch. Et amen. No? Sul carattere testuale dell'idiottoleto poliglotta della figura di Salvatore nel romanzo Il nome della rosa di Umberto Eco // promptus. 2018. № 2. P. 171 – 190 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/325009480_Et_amen_No_Sul_carattere_testuale_dellidiottoleto_poliglotta_della_figura_di_Salvatore_nel_romanzo_Il_nome_della_rosa_di_Umberto_Eco (дата обращения 24.01.2022)

12. Wicke J. Herkunft und Struktur der "spätbabylonischen" Sprache Salvatores in Ecos Der Name der Rose // Armin Burkhardt, Eberhard Rohse: Umberto Eco. Zwischen Literatur und Semiotik. Ars et Scientia. 1991. P. 203 – 222.
13. Eco U. Il nome della rosa [Имя розы]. Milan, Bompiani, 2018. 624 p.
14. Eco U. La bustina di Minerva [Картонки Минервы]. Milan, Bompiani, 2011. 345 p.
15. Eco U. Scritti sul pensiero medievale [Эссе о средневековой мысли]. Milan, Bompiani, 2012. 935 p.

References

1. Denisova E.A. Kodovye perekljuchenija v proizvedenijah anglojazychnogo bikul'tural'nogo avtora-bilingva Dzh.R. Fajlza. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 10. S. 85 – 91.
2. Papinova Zh.B. Lingvostrukturnye harakterisitki perekljuchenija kodov v spontannoj rechi burjat-bilingvov. Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 6. S. 75 – 90.
3. Pautova S.M. Vzaimosvjaz' struktury kodovyh perekljuchenij s ih pragmaticheskimi funkcijami v sovremennyh russkojazychnyh proizvedenijah. Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki. 2018. № 4. S. 103 – 109.
4. Pautova S.M. Sposoby peredachi kodovyh perekljuchenij pri perevode na russkij jazyk romana Je. Berdzhessa «Zavodnoj apel'sin». Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2019 № 3. S. 91 – 96.
5. Procenko E.A. Problema perekljuchenija kodov v zarubezhnoj lingvistike (kratkij obzor literatury za poslednie desjatiletija). Vestnik VGU. Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija». 2004. № 1. S. 123 – 127.
6. Tereshhuk A.A. Na kakom jazyke govorit Sal'vatore? Perekljuchenie kodov v romane Umberto Jeko «Imja rozy». Drevnjaja i Novaja Romanija. 2021. № 27. S. 104 – 114.
7. Chirsheva G.N. Dvujazychnaja kommunikacija. Cherepovec, 2004.
8. Chirsheva G.N. Kodovye perekljuchenija v obshhenii russkikh studentov. Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. 2008. № 6. S. 63 – 79.
9. Chirsheva G.N., Korovushkin P.V., Mushnikova N.S. Pragmatika rusko-anglijskikh perekljuchenij kodov v rechi dvuh bilingval'nyh detej. Verhnevolzhskij filologičeskij Vestnik. 2018. № 3. S. 193 – 199.
10. Capozzi R. Palimpsests and Laughter: The Dialogical Pleasure of Unlimited Intertextuality in The Name of the Rose. Italica. 1989. № 66. P. 412 – 428.
11. Koch Ch. Et amen. No? Sul carattere testuale dell'idiotto poliglotta della figura di Salvatore nel romanzo Il nome della rosa di Umberto Eco. promptus. 2018. № 2. P. 171 – 190 [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.researchgate.net/publication/325009480_Et_amen_No_Sul_carattere_testuale_dellidiotto_poliglotta_della_figura_di_Salvatore_nel_romanzo_Il_nome_della_rosa_di_Umberto_Eco (data obrashhenija 24.01.2022)
12. Wicke J. Herkunft und Struktur der "spätbabylonischen" Sprache Salvatores in Ecos Der Name der Rose. Armin Burkhardt, Eberhard Rohse: Umberto Eco. Zwischen Literatur und Semiotik. Ars et Scientia. 1991. P. 203 – 222.
13. Eco U. Il nome della rosa [Imja rozy]. Milan, Bompiani, 2018. 624 p.
14. Eco U. La bustina di Minerva [Kartonki Minervy]. Milan, Bompiani, 2011. 345 p.
15. Eco U. Scritti sul pensiero medievale [Jesse o srednevekovoj mysli]. Milan, Bompiani, 2012. 935 p.

*Tsygankova A.A., Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University*

Code switching as a marker of Umberto Eco's idiostyle

Abstract: this article is devoted to the analysis of code switching in the texts of the Italian scientist and writer Umberto Eco. Umberto Eco, as a very educated person who spoke several foreign languages, on the one hand, and a postmodernist theorist, on the other, occurred foreign language inclusions in his texts extremely often. Code switching is found in texts of any orientation, including scientific articles, journalistic notes and fiction. At the same time, code switchings perform different functions in each of them. Although Italian is always the matrix language for Eco, the guest languages are chosen by him depending on the specific of the text. For instance, in scientific articles, Latin, French, ancient Greek and English are the guest languages, and code switchings are used primarily in citation, subject-thematic and metalinguistic functions. In journalistic texts, the guest language most often turns out to be English, the code switchings perform an emotional function, a metalinguistic function and a function of saving speech efforts. Finally, in the novel "The Name of the Rose", Salvator's style of speech becomes quintessential, in which elements of all Romance languages meet. In addition to the emotional function, code switching in Salvator's speech practically implements the theoretical foundations of postmodernism developed by Umberto Eco. At the same time, although the author claims that the texts written by him can be perceived by the widest range of readers, the variety and ubiquity of the code switchings encountered show that only a reader who speaks at least two additional languages can fully understand what he has written.

Keywords: code-switching, idiostyle, postmodernism, multilingual, italianistics, Umberto Eco

For citation: Tsygankova A.A. Code switching as a marker of Umberto Eco's idiostyle. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 137 – 143.

*Кажарова М.А., преподаватель, старший преподаватель,
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

Магия слова: языковые манипуляции в юридическом, политическом и социальном дискурсе

Аннотация: ещё Аристотель писал: «Всякий, кто намерен навязать свое господство человеку, должен овладеть его языком». Конфуций же утверждал, что: «Когда язык не совпадает, тогда все, что сказано, превращается в то, что не должно было быть сказано. Поэтому не следует допускать произвола в обращении со словами» [14, с. 37]. Наша работа относится к социальным и филологическим наукам (с особым акцентом на политике, социологии и праве). Главная мысль, пронизывающая весь текст, состоит в том, что социальному анализу обычно мешают два серьезных порока мысли, которые мы назвали «магией слова» или «вербальной магией» и «лингвистическим натурализмом». Согласно первому, слова обладают абсолютной властью над реальностью таким образом, что посредством обращения к слову можно изменить реальность. Согласно второму, существует онтологическое тождество между языком и социальным миром. И магия слова, и лингвистический натурализм используются для порождения иррациональных эмоций (особенно в политическом дискурсе или на политической арене), для побуждения людей к действию, для манипулирования им и даже для лжи людям.

Ключевые слова: язык, манипуляция, дискурс, ложь, политический дискурс, социальный дискурс, юридический дискурс

Для цитирования: Кажарова М.А. Магия слова: языковые манипуляции в юридическом, политическом и социальном дискурсе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 144 – 152.

Введение

«Самое опасное для человека, – говорил немецкий поэт Шеллинг [15, с. 568], – это тирания темных понятий». Нет сомнения, что в этом утверждении много правды. Но есть в этом и что-то фальшивое. Еще более опасным, чем откровенно неясный язык, является явно ясный язык, который тем не менее вводит в заблуждение и сбивает с толку. За обилием словоблудия можно обнаружить либо изрядную дозу высокомерия, либо недостаток ума. Но известно, что речь идет об этом. Однако мало кто настороженно относится к «простому» языку. В этом и заключается наша ошибка. Недостаточно опасаться запутанных терминов, но стоит также опасаться «точных». Что касается многообразия использования языка, необходимо всегда сохранять – помня фразу Конфуция – настороженность и не терпеть небрежности.

Изложение основного материала статьи

В этой статье мы изучим языковые злоупотребления, которые обычно имеют место в юридическом, социальном и политическом дискурсах. Очевидно, что языковых манипуляций в этих сферах много и они весьма разнообразны. Отсюда вытекает необходимость более четкого разграничения данного исследования. В своей работе мы собираемся использовать некоторые основные категории аналитической философии языка. В частности, мы сконцентрируемся на изучении двух феноменов, которые хотя и были исследованы ранее довольно подробно, но продолжают оказывать свое влияние в самых различных областях общественного бытия.

Первый из этих феноменов известен как «лингвистический натурализм» [5, с. 184]. Под этим понятием следует понимать ту очень древнюю тенденцию людей приписывать всем именам (существительным) соответствующий эмпирический ориентир. То есть речь идет об известной «теории значения», согласно которой значение термина определяется его названием (Рассел и Струсон ссылаются на «теорию обозначений») [12, с. 55].

Тесно связано с лингвистическим натурализмом другое явление, которому будет посвящена большая часть размышлений в нашей статье, мы называем его «магией слов» (словесная магия) [11, с. 44]. Этот термин указывает, по существу, на два разных (но родственных) феномена: 1) либо на веру в то, что слова – это вещи; то есть что между ними существует онтологическая идентичность, 2) либо на тот факт, что слова имеют абсолютную власть над вещами, т.е. посредством простого концептуального изменения реальность также трансформируется.

Однако, прежде чем анализировать оба понятия, необходимо сделать важное различие: в случае реальной политики (Realpolitik на языке Бисмарка) определенной социальной системы или правовой практики определенного порядка практически невозможно, чтобы там не проводилось никаких языковых манипуля-

ций в самых разных целях. Многое из того, что говорится на политической арене, выполняет, по существу, стратегическо-электоральную функцию; то есть политики хотят убедить людей голосовать за определенную политическую партию или одобрить определенную меру (налоговую, валютную, экономическую и т. д.). На этом уровне использование пропаганды, манипуляции, а иногда и лжи, и обмана почти неизбежно. Таким образом, неудивительно, что в отношении социальных практик (в их самых разных проявлениях) языком манипулируют, искажают и извращают для достижения определенных целей. В этой работе мы не будем непосредственно касаться этой плоскости анализа. Наоборот, то, что интересно исследовать, — это скорее теоретический уровень. То есть здесь уместно уже классическое различие между «объектным языком» (языком реальной юридической и политической практики) и «метаязыком» (языком анализа, проводимого специалистами в этих областях).

Другими словами: хотя это и неприемлемо с моральной точки зрения, но словарный запас политики и права изобилует мифами, пропагандой и даже ложью, поскольку там преследуются очень разнообразные цели, поэтому никоим образом недопустимо, чтобы и на теоретическом уровне (уровне мета-теории) проявлялись те же самые пороки. В дальнейшем хотелось бы подчеркнуть, что, к сожалению, это требование не выполняется. Иначе говоря, специализированные исследования авторитетных социальных и юридических теоретиков также нередко попадают под чары словесной магии и лингвистического натурализма, что приводит к возникновению целого ряда путаниц, которые в значительной степени препятствуют развитию научно-реалистической концепции человеческих объединений [16, с. 16].

Истоки лингвистического натурализма и словесной магии.

На первых этапах эволюции человека, т.е. в его формировании как гоминида, а затем и в развитии первых мифических и философских систем, не существовало четкого разделения между именами, присвоенными вещам, и самими вещами. То есть за каждым словом обязательно стояло соответствующее ему физическое явление. Называя слово, мы также ссылались на реальность. Если человек произносил слова «вспышка» или «молния», а они считались табу в фольклорной традиции, то следовало ожидать, что его ударит током (в тот или иной момент) и оставит его тело бездыханным. «Первобытное представление состоит, несомненно, в том, что имя указывает или описывает вещь. Из чего непосредственно следовало бы, что наличием имени можно было бы доказать существование вещи» [10, с. 21].

В своей необычной книге *Erkenntnis und Illusion* [18] социальный теоретик Э. Топич ссылается на феномен лингвистического натурализма (или «*Wortrealismus*», как он его называет), ответственного за появление целого ряда социальных мифов. Все эти мифы берут свое начало в определенных языковых структурах, унаследованных человечеством с незапамятных времен. По этому поводу автор пишет: «Огромное значение для развития мифических и философских концепций имеет, наконец, вера в существенную внутреннюю связь или даже идентичность между словом и вещью. Это приводит не только к самым разнообразным формам словесной магии, но и, в итоге, к словесному реализму, то есть к убеждению, что существование слова приравнивается к объекту, который оно обозначает» [18, с. 8-9].

Аналогичным образом, в классическом исследовании А. Росса (его книга: *Tû-Tû*) [13], посвященном племени Айсат-Наф с островов Нуазули, описываются крайности, до которых могут доходить отношения между вещами и словами, а также магические эффекты, которые приписываются этим отношениям. Это племя, согласно рассказу Росса, считает, что в случае, если произойдут определенные события, например, если мужчина встретится со своей свекровью (ситуация, которая категорически запрещена), или если мужчина убьет одно из священных животных, или если кто-нибудь съест пищу, приготовленную для вожака, тогда его настигнет проклятие *Tû-Tû*. Члены племени, совершившие такое нарушение, согласно языку Айсат-Наф, приводятся в состояние *Tû-Tû*, для чего требуется специальная церемония очищения. Важным спасительным моментом в данном случае является, по сути, то обстоятельство, что между возникновением эмпирического факта (например, встречей со свекровью) и словом «*Tû-Tû*» существует прямая или непосредственная связь. До тех пор, пока не возникнет ни одно из особых обстоятельств, запрещенных Айсат-Наф, слово «*Tû-Tû*» нельзя будет правильно использовать. Как только слово произнесено (в силу свершившегося факта), происходит наложение чар, поэтому необходимо будет провести соответствующую религиозную церемонию, чтобы очистить этого члена племени от проклятия «*Tû-Tû*».

В любом случае важно отметить, что разделение реальности на основе имен порождает тенденцию «субстантивировать» (или «онтологизировать») самые разнородные уровни реальности, впадая в убеждение, что каждое слово обозначает эмпирически реальный объект. Эта концепция, очевидно, вовсе не безобидна. Можно предположить, что за словом «стул» стоит соответствующий физический объект, или что за словом «животное» стоит четвероногое животное и т.д. Но, и именно здесь совершается большой метафизический скачок, невозможно предположить, как это делают многие люди и социальные теоретики, что за термином «свобода» стоит что-то, что соответствует сущности «свободы», или что за словом «демократия» есть ре-

альное физическое явление, или что существует «право», «справедливость», «Отечество» и т.д. Исходя из этого обстоятельства, ученые связывают магическое мышление с развитием речи у детей. Он утверждал: «Словесная магия является естественным следствием этих представлений маленького ребенка о природе слов. Будучи неспособным признать, что слова являются символами, тогда представление ребенка о том, что слова привязаны к вещам, дополнительно приводит его к убеждению, что имена являются причинами вещей и что они могут быть использованы непосредственно для воздействия на них. Это остается «естественным» до тех пор, пока символ и означаемая вещь не отделены друг от друга» [3].

С другой стороны, одно из наиболее частых и важных проявлений вербальной магии в примитивном мышлении (и, конечно, и в современном языке) состоит в том, чтобы считать, что реальность можно изменить, просто изменив название явлений. То есть власть над миром дается властью над словами! Следовательно, согласно этой вере, все сводится к поиску правильного лингвистического рецепта изменения реальности. «Если у вас есть ваше имя, формула или заклинание, связывающее вас, вы можете контролировать духа, джинна, злого демона или что бы это ни была за сила» [10, с. 116].

В древние времена алхимик произносил заклинание, чтобы превратить железо в золото, спиритуалист произносил имя человека, чтобы на него пало проклятие, или колдун втыкал гвозди в изображение ненавистного человека, чтобы тот заболел, и т. д. Сегодня (и это один из основных тезисов нашей статьи), вещи не изменились по существу, то есть в своих глубинных психологических структурах. Политик, социолог и юрист нередко считают, что волшебный ключ заключается в смене нескольких названий: если назвать политическую систему «демократической», то (как по волшебству) исчезнет все реальное неравенство; если назвать систему трудового рабства «свободным предпринимательством», то исчезнет эксплуатация; если назвать банду воров «политической партией», то они получают легитимность для вхождения в правительство; если назвать тюрьму «следственным изолятором», то исчезнут совершаемые там нарушения прав человека; если женщин называть не *la notario*, а *la notaria*, не *la cirujano*, а *la cirujana*, не *la acompañante*, а *la acompañanta*, то будет достигнуто гендерное равенство, и так далее. Это вербальная магия в действии!

Но магия слова на этом не заканчивается. В юриспруденции, например, на протяжении многих веков (да и сегодня) было принято считать, что если не соблюдается определенная лингвистическая формула, т. е. процессуальная формула, то данная юридическая сделка считается недействительной или иск отклоняется *ad portas*. Благодаря этому требованию сакральности формализмов совершались (и до сих пор совершаются) огромные несправедливости. В этом смысле обряды религии и колдовства имеют близкое структурное сходство с обрядами права. Конечно, этот церемониальный элемент ни в коем случае не является невинным. В нем заложена идея «силы слова». За юридическим действием стоит не человек, а лингвистическая формула, которая устанавливает правомерность действия. По этому поводу Нойман-Дюсберг говорит: «По моему мнению, старые словесные формулы и ритуальные процедуры в богослужении, религии и законе восходят к такому магическому происхождению» [10, с. 77]. В частности, *certa et sollemnia verba* в первобытные времена были общими для всех культовых и юридических действий. В этом смысле молитвенные формулы и юридические формулы соответствовали друг другу. Как говорящий должен был призвать правильное божество, так и истец должен был использовать соответствующее *actio*.

Даже в наши дни, когда якобы доминируют знания и технаучка, все еще существуют довольно очевидные остатки старой словесной магии. Так, например, в обычном языке мы говорим «дать слово» (в смысле пообещать что-то), как если бы слово было вещью и имело неодолимую власть над людьми. Точно так же отвращение к непристойным выражениям или существование таких преступлений, как клевета, являются наглядной демонстрацией той власти, которую язык продолжает оказывать на сознание людей. Кроме того, любопытно обнаружить во многих уголовных кодексах преступления, связанные с высказываниями в адрес умерших. В случае Коста-Рики есть статья 148 УК: «Оскорбление памяти умершего человека: «Тот, кто оскорбляет память умершего человека клеветническими или порочащими выражениями, наказывается арестом от десяти до пятидесяти дней...».

Таким же образом в религиозных и юридических ритуалах сохранились старые формулы и, по сути, клятвы, которые своим произнесением стремятся связать субъекта набором неумолимых обязательств, которые, в случае невыполнения, будут отомщены Богом, Отечеством или каким-то другим высшим существом. В качестве примера рассмотрим типичную формулу присяги: «Вы клянетесь перед Богом или перед самыми святыми своими убеждениями и обещаете Отечеству и Университету, соблюдать и защищать Конституцию и законы Республики, добросовестно выполнять обязанности и ответственность, налагаемые осуществлением вашей профессиональной деятельности. Если вы это сделаете, то вам подскажет ваша совесть, а если нет, то Отечество и Университет потребуют этого от вас». Здесь очевидно, что когнитивное содержание этих слов равно нулю. Они апеллируют к другому измерению, которое точно не является рациональным.

Очевидно, что в этих случаях мы имеем дело с формой вербального идолопоклонства психологического характера. Истоки этого идолопоклонства были прослежены - такими авторами, как З. Фрейд или Б. Малиновский – до примитивных проявлений анимизма. Под «анимизмом» (или «аниматизмом») этот автор (Фрейд) понимал тенденцию людей приписывать жизнь всем неодушевленным предметам, то есть всей природе. Согласно этой концепции, камень или кусок металла, как и животное или человек, обладает собственной жизнью и может оказывать влияние на судьбы человека. Это радикальный перенос человеческих характеристик (персонификация) на окружающую среду с целью сделать ее менее враждебной, то есть хорошо известный феномен «антропологизации» физической природы, который порождает не только такие системы, как пантеистическая философия (Спиноза, Бруно, Шеллинг), но и самые разнообразные религии мира. Как уже отмечал Дэвид Юм в своей «Естественной истории религии»: «Среди людей существует универсальная тенденция воспринимать всех других существ как самих себя и переносить на объекты те характеристики, которые им наиболее знакомы и о которых они хорошо осведомлены» [15, с. 42].

Иными словами, лингвистический натурализм и вербальная магия - определяемые в терминах веры в то, что слова являются или имеют абсолютную власть над вещами - берут свое начало на очень ранних стадиях развития человечества. Вполне вероятно, что такое убеждение даже имеет фило- и онтогенетическую основу (то есть заложено в наших основных структурах мышления). Идея рассматривать язык как отражение реальности и, в итоге, рационального мышления, привела к процессу концептуальной независимости фундаментально мистико-метафизического типа; то есть к процессу, в котором единственное, что имеет значение – это слова как таковые, независимо от того, имеют они значение или нет. Парадигматический пример этого процесса дают некоторые (не все) схоластические дискуссии о природе Бога, троицы, ангелов и т.д., в которых основной интерес так называемого рационального богословия заключается в догматическом формулировании концептуально согласованной основы, то есть в строго синтаксической проработке категорий, независимо от рассмотрения семантических или прагматических элементов. В конце концов, эти дискуссии заканчивались (и заканчиваются по сей день) в «безупречном раю концепций», далеком от любой эмпирически проверяемой реальности. Нечто подобное происходит и в области юридической догматики, которую осуждал Джеринг более двухсот лет назад. Возникает вопрос (но на него невозможно ответить в данной работе), не содержат ли социальные и политические теории, находящиеся сегодня в моде (например, Хабермас и его «идеальная речевая ситуация», Гидденс и его «теория структуризации», Луман и его «аутопоэзис», постмодернизм и другие), в своих основных элементах много вербальной магии. Поэтому в заключение этого раздела уместно вспомнить мнение Гете о философских (и юридических) теориях, которое он охарактеризовал так: «Легкость нетерпеливого духа, который хочет с радостью избавиться от фактов и на их место поставить только образы, понятия, а иногда только слова» [4, с. 18].

Катарсический (или лечебный) характер языка

Одним из наиболее распространенных заблуждений относительно языка является предположение, что он служит только для передачи (рациональных) идей. Люди, независимо от того, являются ли они социологами или нет, впадают в такое состояние ума, что не задумываются о том, что язык может использоваться и для многих других целей. Это обстоятельство не осталось незамеченным Мефистофелем, когда он лапидарно заключил: «Люди обычно верят, когда слышат слова, что они обязательно должны содержать какую-то идею [и какой-то смысл]». В течение многих лет эта основная идея оставалась незамеченной, и только в «Философских исследованиях» Витгенштейна была дана правильная трактовка проблемы. Именно он наиболее ясно увидел, что слова служат не только для формулирования идей, но и для множества других целей: выразить чувства, отдавать приказы, описывать предметы, сообщать различные факты, петь, разгадывать загадки, шутить, просить, благодарить, проклинать, приветствовать и т.д.

Многофункциональный характер языка имеет огромные последствия, которые часто забываются или игнорируются в социальном анализе. Незнание разнообразия способов использования языка привело к тому, что многие теоретики приписывают словам в основном когнитивный, т.е. символический и, следовательно, рациональный характер. Однако антропологические и этнологические исследования показали, что с незапамятных времен использование языка имеет катарсическое содержание, т.е. высвобождение иррациональных сил или подавленных импульсов в человеческой психике. Религиозные песнопения, молитвы, мистические церемонии или, в наши дни, политические речи и телевизионная пропаганда выполняют именно эту функцию. Иными словами, язык, как справедливо заметил Малиновский, является «способом действия, а не инструментом рефлексии» [7, с. 24]. Поэтому Э. Топич отметил, что слова составляют основу того, что он называет «моделями экстаза и катарсиса». «Суть этих [языковых] конструкций заключается в использовании крайне неопределенных выражений, которые вызывают определенные чувства, но не обозначают ничего точного...». Таким образом, этот автор, поддерживая В. Парето, считает, что мы имеем дело с насто-

ящей «словесной музыкой» (*musica di vocaboli*), основная задача которой заключается в создании состояний опьянения и духовной летаргии.

Эмотивное использование языка заключается не в передаче рационально понятного или когнитивно осмысленного сообщения, а в пробуждении определенных душевных состояний у слушателя [17]. Таким образом, слова являются не средством передачи мыслей, а психологическим инструментом провокации. Требуется, чтобы слушатель вошел в «состояние транс», т.е. не задавался вопросом о реальном значении того, что он слышит, а слышал его таким, какой он есть, т.е. в его фонетическом измерении, и действовал соответственно. Слова здесь «выступают уже не как знаки, а как звуки; они являются музыкальными обозначениями на службе эмоциональной психологии» [11].

Поэтому рассмотрение языка как инструмента рациональной и научной коммуникации, преобладающего в социально-правовом дискурсе, оставляет в стороне, иллюзорным образом, эмоциональное измерение слов. Категории рационального/иррационального не находят здесь прямого применения. В убеждающем дискурсе (из которого в основном состоит наше повседневное общение) критерии когнитивного значения не применяются. Совсем наоборот. Можно утверждать, что чем более иррационален используемый язык, чем более он удален от каких-либо эмпирических референтов, чем ближе он к «вою», о котором в своих работах говорит Сиоран [1], тем сильнее будет его убеждающий эффект. Гневное мычание или эйфорический крик разъяренной массы – лучшее тому доказательство. Любой признак здравомыслия в этих обстоятельствах будет воспринят как препятствие к действию. Лучшая атмосфера, в которой может оказаться это специфическое использование языка, – это сценарий, в котором доминируют злость, ужас, ярость или бред участников. Кто видел, что могут произвести несколько заумных слов (народ, справедливость, свобода, страна) в иррациональной толпе, тот без труда поймет описываемое явление. Всего одного примера будет достаточно, чтобы продемонстрировать ту «силу слов», о которой мы говорим: «Три миллиона людей, вооруженных священным делом свободы, и в такой стране, как эта, которой мы обладаем, непобедимы против любой силы, которую враг может выставить против нас. Более того, Господи, мы не будем сражаться в одиночку, ибо есть справедливый Бог, который вершит судьбы народов и который поднимет своих союзников для наших крестовых походов. Битва, Господи, не только для сильных. Она также для бдительных, активных и храбрых. Кроме того, Господи, у нас нет выбора. Даже если бы мы были достаточно сильны, чтобы желать этого, уже слишком поздно выходить из боя. Отступление возможно только в покорности и рабстве! Наши цепи разбиты! Их треск слышен на лугах Бостона. Война неизбежна. Так пусть же она начнется! Я повторяю, Господи: пусть она наступит! // Напрасно, Господи, затягивать это дело. Люди могут кричать «Мир, мир, мир», но мира больше нет. Война уже началась. Следующий галеон, плывущий на север, донесет до наших ушей лязг оружия. Наше дыхание уже на поле боя! Почему же мы бездействуем? Чего желают люди? Чего хотят они? Неужели жизнь так ценна, или мир так сладок, чтобы купить его ценой цепей и рабства? Запрети это, Боже Всемогущий! Я не знаю, как поступят другие, но что касается меня, то дайте мне свободу или дайте мне смерть!» [2].

Это, безусловно, длинная цитата, но она кажется нам хрестоматийным примером эмоциональной силы языка. Рассмотренная с чисто рациональной точки зрения, цитируемая речь не содержит практически никакого информативного элемента. Это просто мощный призыв к эмоциям, который, кстати, привел к убийству довольно большого количества людей во время Американской революции. Более того, речей, подобных этой, в истории политических и социальных движений великое множество.

Конечно, не должно быть никакого обмана или белой лжи. Мы уже говорили об этом в начале данной статьи. Описанная выше вербальная магия встречается не только в религиозных храмах, на парламентских конгрессах или футбольных стадионах. Именно там наиболее ярко проявляется то, что уже присутствует в обычном и даже «научном» использовании языка. Для социолингвиста важно не только обратить внимание на то, как религиозная проповедь действует на общину верующих, но и на «околдовывающие» эффекты, присутствующие в его собственной дисциплине. Иначе говоря, именно в научной (метатеоретической) сфере требуется наибольшая осторожность и внимание, поскольку именно там страсть должна доминировать над разумом.

Другими словами, лингвистический натурализм и вербальная магия играют роль анальгетика, то есть коллективного языкового обмана, который позволяет воображаемо компенсировать непредвиденные обстоятельства реального мира. С помощью формул языка люди достигают духовного состояния, которое невозможно в реальной жизни. В этом отношении очень хорошо подходят слова Э. Фромма: «В той мере, в какой общество не допускает реального удовлетворения, фантазированное удовлетворение служит заменой и становится мощной поддержкой социальной стабильности. Чем больше отказ от реальной жизни, тем сильнее должна быть забота о компенсации. Удовлетворения, получаемые в фантазиях, имеют двойную функцию, характерную для всех наркотиков: они действуют как анальгетик и в то же время как тормоз для

активного изменения реальности. Общие фантазийные удовлетворения имеют существенное преимущество перед индивидуальными грезами: в силу своей универсальности фантазии воспринимаются сознанием как реальные. Иллюзия, в которой участвует каждый, становится реальностью» [3].

Вопросы, ведущие к «ничему»

Существует тесная связь между лингвистическим натурализмом, вербальной магией и тем, что Ф. Вайсман назвал «логикой вопроса» [19, с. 65]. Как правило, наивность в использовании языка проявляется не только в формулировании утвердительных предложений (гипотез, объяснений, утверждений), но и в формулировании вопросов. Люди склонны считать, что - просто потому, что грамматика это позволяет - можно задавать вопросы о чем угодно и получать на них рациональные ответы. Согласно этой идее, все дело в том, чтобы расставить слова в правильном порядке или поставить несколько вопросительных знаков, так что вопрос уже сформулирован, и мы можем искать ответ. Если на вопрос нельзя ответить *eo ipso*, то это либо потому, что человек глуп, либо потому, что у него недостаточно информации, но ответ наверняка есть. Все дело в его поиске. Это, повторяем, пожалуй, один из самых глубоко укоренившихся мифов во всем обыденном (и научном) менталитете человека. Это приводило к самым бессмысленным и абсурдным спорам, которыми полна история философии (и даже науки).

Со своей стороны, все еще касаясь проблемы «логики вопросов», Г.Э. Мур говорит нам: «У меня сложилось впечатление, что во всех философских исследованиях... трудности и разногласия, которыми изобилует история, в основе своей обусловлены одной причиной, а именно: попыткой ответить на вопросы, не выяснив предварительно, на какие именно вопросы хочется ответить» [9]. Следовательно, мы считаем, что одно из самых значительных личных и интеллектуальных достижений, которое может получить теоретик, и в этом отношении аналитическая философия была абсолютно права, – это понять, и не только понять, но и усвоить и применять, что самое важное в теоретико-научной задаче – это не столько ответы, которые могут быть даны на определенные загадки, но, в сущности, то, какого рода вопросы могут быть сформулированы обоснованным и законным образом. От формулировки вопроса зависит, какого рода знание будет получено: инструментальное, пригодное для использования с точки зрения социальной теории, или мифическое, суть которого заключается в успокоении демонов неопределенности, то есть знание, служащее утешением.

Это различие между тем, что законно «сомнительно», с технологическо-социальной точки зрения, и тем, что «бесспорно», несмотря на свою чрезмерную важность, возможно, является одним из самых упускаемых из виду различий в области социальных и юридических наук. Примером этого, учитывая его важность в определенных областях знания, является вопрос о целях. Вопрос о том, какова цель института X или Y (например, уголовного наказания, тюрьмы и т.д.), иными словами, является типичным «языковым колдовством». Это как спросить у диетолога, пример немного утрирован, но может помочь прояснить вопрос: какова цель диеты? Очевидно, что диетологу, чтобы прояснить такой вопрос с определенной степенью корректности, потребуется ряд уточнений: какой тип диеты имеет в виду спрашивающий, диету из овощей, диету из мягких сортов мяса, диету с исключительным употреблением определенных продуктов, а не других и т.д.? После выяснения объема абстрактного и общего понятия «диета» врач должен будет продолжить еще ряд уточнений: например, определить, кто (какой тип пациента) задает вопрос. Диета для человека с больным сердцем – это не то же самое, что диета для человека с диабетом, или для человека, который хочет похудеть, и так далее.

Ответ на вопрос об «универсальной диете» (то есть об общей цели института X или Y) – это, в конечном счете, настоящая схоластическая игра, которую невозможно прояснить рационально. Однако, правомерность вопроса зависит исключительно от того, какой ответ хотят получить. Если априори признается, что ответ ни в малейшей степени НЕ имеет значения и что вопрос об общем рационе сформулирован исключительно в целях игры, или что его задают, чтобы «скоротать время» или что это делается просто для того, чтобы написать книгу, даже если она практически бесполезна для тех, у кого есть реальное заболевание, требующее диеты, или что это делается исключительно из соображений тщеславия и для участия в конференциях по диетам, тогда следует признать, бесспорно, что задавать вопрос о диете в вышеописанных терминах правомерно и законно. Более того, с этой точки зрения была бы оправданной, во всех ее крайностях, и даже весьма рекомендуемой постановка подобных вопросов.

Однако, и это решающий момент, если при постановке вопроса мы хотим получить знания реально-инструментального характера, то есть знания, которые в большей или меньшей степени помогут тем, кто в действительности нуждается в диете для облегчения своих недугов, то следует признать, что метод «универсального вопроса» малоприспособлен для этих целей, и что, следовательно, должны быть сделаны уточнения, которые мы уже упоминали.

Это уточнение – элементарное и давно объясненное в различных областях аналитической философии – сегодня, как и вчера, остается одним из главных врагов реалистической методологии права (и социальных

наук в целом) и краеугольным камнем мифологического мышления. Как часто приходится читать бесконечные дискуссии и дебаты, полные всевозможных тонкостей, по таким вопросам, как: цель нормы, цель юридического толкования, цели уголовного наказания и т.д. Мы полагаем, что в этом отношении нам необходимо помнить, что задача научного знания состоит не только в том, чтобы отвечать на вопросы, которые мы ему адресуем, но и в том, чтобы научить нас, какие вопросы мы можем разумно ему адресовать.

Выводы

Язык – это «инструмент», который в значительной степени определяет наш способ мышления и восприятия мира. Согласно новаторским исследованиям Б. Ли Уорфа, Э. Сапира, К.К. Огдена, И.А. Ричардса, Л. Витгенштейна и недавно Н. Хомского, именно наши ментальные структуры (наша «грамматика») направляют психологические процессы восприятия, оценки и познания окружающей среды. [20] Таким образом, в таких областях, как социальная и правовая теория, язык имеет первостепенное значение, которое, однако, часто игнорируется. Следовательно, как мы показали в этой статье, типично «мистические» (или магические) формы аргументации все еще существуют в социальном и политическом анализе, хотя иногда и в замаскированном виде.

Лингвистический натурализм и вербальная магия – это, вопреки распространенному мнению, очень частые явления в аргументации, которые, по сути, включают два ключевых аспекта: а) наивную веру в то, что слова являются вещами или отождествляются с вещами, то есть что там, где есть слово, почти наверняка есть и объект, и б) веру в то, что слова имеют власть над вещами. Так, нередко, особенно в политическом и юридическом дискурсе, постоянно предполагается, что если изменить несколько терминов, то мир изменится. Страна станет более справедливой и равноправной, если ее назвать «демократической», война будет законной, если ее считать «священной», государство станет врагом человечества, если его назвать «террористическим», и так далее.

Возможности использования языка многочисленны и разнообразны. Однако в обыденном (и научном) сознании часто предполагается, что слова служат только для передачи идей, то есть что язык выполняет символическую или когнитивную задачу. Таким образом, язык сводится к чисто рефлекторному и рациональному уровню, а другие функции слов, особенно в политической и правовой сфере, откровенно игнорируются. Как говорит Меллизо: «Вся история творилась с помощью слов, к лучшему или худшему. От первого тирана, выкрикивавшего магические лозунги своему народу, до последнего, к услугам которого [сегодня] пресса, радио и телевидение. Любое искусство повелевать было искусством говорить» [8].

Из всех видов использования языка, пожалуй, самым важным является эмоциональное использование. Как правило, слова стремятся побудить людей к действию, а не к передаче мыслей. Для достижения этой цели язык используется как инструмент убеждения, в котором магические формулы, риторические приемы, пропаганда и даже ложь – в порядке вещей. Такое использование языка имеет своей задачей переместить аффективные и иррациональные основы человеческого сознания к целям духовного утешения.

Антропологические исследования указывают на то, что и лингвистический натурализм, и вербальная магия были относительно частыми явлениями в древних культурах. В так называемом «первобытном мышлении» (по сути, речь идет о цивилизациях без письменности) было принято верить в магическую силу языка. Если у вас была правильная лингвистическая формула, то вы могли изменить реальность: заставить дождь идти, урожай расти или врага умереть. Эта мифическая вера до сих пор не исчезла из нашей современной культуры. Она сохранилось, например, в языке политики или права, где до сих пор считается, что, изменив неприятные названия некоторых вещей, изменится и сама реальность. Из этого можно сделать вывод, что люди быстро развиваются в своих технологических отраслях, но в том, что касается их основных мыслительных структур, они гораздо ближе к тем древним цивилизациям, чем принято считать.

Литература

1. Ciorán E.M. Silogismos de la amargura, traducción de Rafael Panizo, TusQuets Editores, 3. edición, Barcelona, 1997. P. 16.
2. Cook R.J. One hundred and one famous poems, Contemporary Books Inc., Chicago, 1958. P. 177 (traducción de MES).
3. Fromm E., El dogma de cristo y otros ensayos sobre religión, psicología y cultura, traducción de Gerardo Steenks, Editorial Paidós, Buenos Aires, sin año de publicación. 17 p.
4. Goethe W., Maximen und Reflexionen, número 428. 18 p.
5. Haba, E.P., El espejismo de la interpretación literal. Encrucijadas del lenguaje jurídico, Vlamarán S.A., Escuela Judicial, San José, 2003, tomo I y II. 215 p.
6. Koch, H.J., Y RÜSSMAN, H., Juristische Begründungslehre, Verlag C.H. Beck, München, 1982. 120 p.
7. Malinowski, S., op.cit., P. 331.

8. Mellizo F. El lenguaje de los políticos, Editorial Fontanella, Barcelona, 1968.
9. Moore G.E., Principia Etica, Prometheus Books, New York, 1988. 260 p.
10. Neumann-duesberg H., Sprache im Recht, Regensburg-Münster, 1949. 165 p.
11. Ogden C.K. RICHARDS, I.A., El significado del significado. Una investigación sobre la influencia del lenguaje en el pensamiento y sobre ciencia simbólica, traducción de Eduardo Prieto, 2. edición, Editorial Paidós, Buenos Aires, 1964. 80 p.
12. Parkinson G.H.R. La teoría del significado, traducción de Paloma Villegas, Breviarios, Fondo de Cultura Económica, México, Madrid, 1976. 65 p.
13. Ross A. "Tû-Tû", traducción de Genero R. Carrió, Abeledo-Perrot, Buenos Aires, 1961. 140 p.
14. Rùthers B. Rechtstheorie. Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts, C.H. Beck Verlag, Munich, Alemania, 1999. 110 p.
15. Schelling F.W.J. Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums, in: Werke, selección en tres tomos, editada y con introducción de Otto Weiß, Fritz Eckardt, Leibzig, 1907. 650 p.
16. Sokal A., Bricmont J., Imposturas Intelectuales, Paidós, Barcelona, Buenos Aires, México, 1999. 70 p.
17. Stevenson CH., Ethics and Language, Yale University Press, New Haven y Londres, 14. reimpresión, 1972. 36 p.
18. Topitsch E., Erkenntnis und Illusion. Grundstrukturen unserer Weltauffassung, 2. edición aumentada y corregida, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), Tübingen, 1988. 50 p.
19. Waismann F. Logik, Sprache, Philosophie, Reclam, Stuttgart, 1976, en especial el capítulo titulado: Zur Logik des Frages". P. 565.
20. Whorf B.L., Sprache, Denken, Wirklichkeit. Beiträge zur Metalinguistik und Sprachphilosophie, traducido al alemán [del original en inglés] por Peter Krausser, Rowohlts Enzyklopädie, 22. Edición, Hamburgo, 1999. 240 p.

References

1. Ciorán E.M. Silogismos de la amargura, traducción de Rafael Panizo, TusQuets Editores, 3. edición, Barcelona, 1997. P. 16.
2. Cook R.J. One hundred and one famous poems, Contemporary Books Inc., Chicago, 1958. P. 177 (traducción de MES).
3. Fromm E., El dogma de cristo y otros ensayos sobre religión, psicología y cultura, traducción de Gerardo Steenks, Editorial Paidós, Buenos Aires, sin año de publicación. 17 p.
4. Goethe W., Maximen und Reflexionen, número 428. 18 p.
5. Haba, E.P., El espejismo de la interpretación literal. Encrucijadas del lenguaje jurídico, Vlamarán S.A., Escuela Judicial, San José, 2003, tomo I y II. 215 p.
6. Koch, H.J., Y RÛSSMAN, H., Juristische Begründungslehre, Verlag C.H. Beck, München, 1982. 120 p.
7. Malinowski, S., op.cit., P. 331.
8. Mellizo F. El lenguaje de los políticos, Editorial Fontanella, Barcelona, 1968.
9. Moore G.E., Principia Etica, Prometheus Books, New York, 1988. 260 p.
10. Neumann-duesberg H., Sprache im Recht, Regensburg-Münster, 1949. 165 p.
11. Ogden C.K. RICHARDS, I.A., El significado del significado. Una investigación sobre la influencia del lenguaje en el pensamiento y sobre ciencia simbólica, traducción de Eduardo Prieto, 2. edición, Editorial Paidós, Buenos Aires, 1964. 80 p.
12. Parkinson G.H.R. La teoría del significado, traducción de Paloma Villegas, Breviarios, Fondo de Cultura Económica, México, Madrid, 1976. 65 p.
13. Ross A. "Tû-Tû", traducción de Genero R. Carrió, Abeledo-Perrot, Buenos Aires, 1961. 140 p.
14. Rùthers B. Rechtstheorie. Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts, C.H. Beck Verlag, Munich, Alemania, 1999. 110 p.
15. Schelling F.W.J. Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums, in: Werke, selección en tres tomos, editada y con introducción de Otto Weiß, Fritz Eckardt, Leibzig, 1907. 650 p.
16. Sokal A., Bricmont J., Imposturas Intelectuales, Paidós, Barcelona, Buenos Aires, México, 1999. 70 p.
17. Stevenson CH., Ethics and Language, Yale University Press, New Haven y Londres, 14. reimpresión, 1972. 36 p.
18. Topitsch E., Erkenntnis und Illusion. Grundstrukturen unserer Weltauffassung, 2. edición aumentada y corregida, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), Tübingen, 1988. 50 p.
19. Waismann F. Logik, Sprache, Philosophie, Reclam, Stuttgart, 1976, en especial el capítulo titulado: Zur Logik des Frages". P. 565.
20. Whorf B.L., Sprache, Denken, Wirklichkeit. Beiträge zur Metalinguistik und Sprachphilosophie, traducido al alemán [del original en inglés] por Peter Krausser, Rowohlts Enzyklopädie, 22. Edición, Hamburgo, 1999. 240 p.

*Kazharova M.A., Lecturer, Senior Lecturer,
Military University named after Prince Alexander Nevsky of the
Ministry of Defense of the Russian Federation,
Financial University under the Government of the Russian Federation*

The magic of words: language manipulation in legal, political and social discourse

Abstract: as far back as Aristotle wrote: "Anyone who intends to impose his domination on man must master his language. Confucius, on the other hand, asserted that: "When language does not coincide, then all that is said turns into what should not have been said. Therefore, one should not allow arbitrariness in the treatment of words." Our work belongs to the social and philological sciences (with special emphasis on politics, sociology, and law). The main idea that pervades the whole text is that social analysis is usually hampered by two serious flaws in thought, which we have called "word magic" or "verbal magic" and "linguistic naturalism. According to the first, words have absolute power over reality in such a way that through recourse to words one can change reality. According to the second, there is an ontological identity between language and the social world. Both the magic of words and linguistic naturalism are used to generate irrational emotions (especially in political discourse or in the political arena), to induce people to act, to manipulate them, and even to lie to people.

Keywords: language, manipulation, discourse, lying, political discourse, social discourse, legal discourse.

For citation: Kazharova M.A. The magic of words: language manipulation in legal, political and social discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 144 – 152.

*Лопатин А.Л., аспирант,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта*

«Минна фон Барнхельм – “истинная комедия” эпохи Просвещения»

Аннотация: в данной статье рассматривается творчество Готхольда Эфраима Лессинга, среди которого важное место в формировании писательского мастерства автора занимают юношеские комедии. Также описывается ситуация с комедиями в Германии того времени. Особое внимание уделяется понятию «истинная комедия» и комедии периода творческой зрелости писателя «Минна фон Барнхельм», имеющей как трагические, так и комические черты.

В процессе исследования установлено, что Кенигсберг был одним из центров формирования немецкого Просвещения. Именно в Кенигсберге сложилась новая понятийная культура с надеждой и энтузиазмом восприятия обществом: культура разума, добродетели и справедливости. Главный герой комедии – майор Телльхейм – является лицом немецкого Просвещения в Кенигсберге.

Ключевые слова: Лессинг, кенигсбергский театр, бюргерская комедия, истинная комедия, немецкое Просвещение, немецкая драматургия

Для цитирования: Лопатин А.Л. «Минна фон Барнхельм – “истинная комедия” эпохи Просвещения» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 153 – 159.

Восемнадцатое столетие для немецкой культуры стало временем интенсивной трансформации драмы и появлением альтернативных взглядов на классическое театральное искусство. Выдающиеся деятели искусства и литературы, такие как Иоганн Вольфганг фон Гёте, Готхольд Эфраим Лессинг дали толчок для поступательного развития и взлёта театрального искусства на небывалую ранее высоту. Благодаря им немецкая культура получила признание за пределами страны и вошла в мировую историю.

К концу XVIII и первой половине XIX века литература и драма вошли в эпоху классицизма, что прослеживается в произведениях не только перечисленных выше авторов, но и других талантливых писателей: Фридриха Шиллера, Готфрида Бюргера, Иоганна Гердера, Фридриха Клингера.

Наиболее выраженными здесь являются именно элементы классицизма, которые преобладали в середине восемнадцатого столетия: культ разума и идеализация государственного начала. В этот исторический момент театральная драматургия полностью сбросила с себя образы классицизма, которые ранее здесь преобладали. Именно с середины восемнадцатого столетия, вдохновившись опытом французской культуры, в Германии стала формироваться собственная просветительская драма. Этот исторический период ознаменовался и тем, что в стране стала образовываться и развиваться собственная театральная критика.

Особые социальные и политические условия Германии придали моральной конституции мыслителей и поэтов своеобразный характер. Начиная с религиозности Лютера, наиболее характерной чертой немецкой мысли была внутренняя направленность морального сознания, возвращение, как бы религиозного движения к самому себе – убеждение, что высшая ценность жизни заключается в отношении, а не во внешней работе. Раздробленность нации, отсутствие влияния образованных буржуазных классов на правительство должны были усилить эту черту. И если дисциплина протестантского государства, как прочный фундамент гражданской жизни, сохраняла праведность, исполнение долга, горькое сознание ответственности субъекта перед своей совестью, то Просвещение лишь оторвало это моральное сознание от христианских доктрин, с помощью которых оно было связано с трансцендентным миром. Это усилило суровую твердость, с которой самые значительные личности немецкого Просвещения утверждали себя перед всем миром в независимой ценности своей личности. Так возникла своеобразная форма героизма этих людей и созданные ими поэтические фигуры. Перед лицом политического мира, где государственные структуры, лица и цели были слишком малы, чтобы стать практическими идеалами, на службе которых сильный характер мог бы сделать достаточно. Более того, они даже исключены из этого мира формой государства, суть которой основывалась именно на строгом отделении князя и его правительственного аппарата с его офицерами и гражданской службой от «гражданина». Эти люди нашли убежище в абстрактном мире моральных принципов, поскольку они определяют личность изнутри, независимо от всех исторических условий – вечно одинаковые, нерушимые и неумолимые.

Этот великий опыт, который находит свое выражение в поэзии немецкого Просвещения, самое высокое – в драме Лессинга. Переживания – это источник, из которых питается поэтическое произведение, но в высшем смысле переживание становится творческим у поэта, открывает ему новые черты жизни. Событие, которое изображает поэт, становится значимым только тогда, когда в нем проявляется эта черта. Поэтиче-

ское произведение достигает наивысшего эффекта, когда перед читателями и слушателями раскрывается такая черта жизни. И когда то, что в обществе ещё не осознаётся в полноте или выражается абстрактно, поэт озвучивает в своём творчестве: тогда он становится лидером своей нации, и его влияние на людские умы неизмеримо. Так было и с опытом, который Лессинг выражал, начиная с «Филоты», и с эффектом, который от него исходил.

Лессинг родился в 1729 году в населённом пункте Каменц, что относился к Саксонии. Отцом его был лютеранский священник. Намереваясь идти дорогой своего отца, Лессинг отправился на обучение в университет Лейпцига, где проходил обучение на богословском факультете. Буквально через два года после поступления на обучение, он отравился в Берлин, где принялся строить карьеру писателя и журналиста. Именно в это время ему удалось опубликовать собственное собрание сочинений. А уже последний том его работ содержал в себе пьесу, благодаря которой литератор получил статус национального реформатора в области культуры. Произошло это благодаря пьесе «Мисс Сара Сэмпсон» [5, с. 237].

Хотя «Мисс Сара Сэмпсон» стала первым значительным успехом Лессинга как драматурга, это была не первая его пьеса. Когда в 1755 году появилась его «Мещанская драма», он уже был автором нескольких комедий, написанных в промежутке с 1747 по 1750 годы. Самая ранняя из них – «Молодой ученый» – была поставлена труппой под руководством госпожи Нойбер – одной из главных союзниц Готтшеда в его усилиях по повышению стандартов немецкого театра, когда Лессинг был еще студентом в Лейпциге. Говоря о работе с ней, драматург замечал, что именно благодаря госпоже Нойбер он «научился множеству важных мелочей, которые должен знать драматург, и которые нельзя постичь, всего лишь штудирова образцы» [6, с. 11]. В то время Лессинг мечтал стать «немецким Мольером». Его ранние комедии близки взглядам, пропагандируемым Готтшедом в его «Опыте критической поэтики для немцев» [4].

Комедии, которые ставились в Германии, до того, как Готтшед провёл реформу театра, были грубыми фарсами, лишёнными остроумия или хорошего вкуса, и в значительной степени полагались на пошечины, неуместность и грубость. Хотя интерес Готтшеда был сосредоточен в основном на трагедии, он стремился повысить стандарты комедии и превратить ее из простого развлечения для сброда в то, что может понравиться образованным людям. Все, что напоминало о непристойности, все грубости должны были быть решительно исключены. Комедия должна была иметь определенную и ограниченную моральную и социальную цель. Изображение порока или нечестия в любом масштабе выходило за ее рамки. Ее надлежащим предметом были человеческие глупости или причуды, ее функция – высмеивать любую нелепую эксцентричность поведения, любое абсурдное преувеличение или идиосинкразию, которые отклонялись от просвещенных стандартов, принятых образованными людьми. В пьесах Мольера Готтшед увидел образец того вида комедии, который он хотел создать в Германии [14, с. 10].

«Какими бы значительными и новаторскими ни были усилия Готтшеда в области драматургии и поэтики, ограниченность его взглядов стала очевидной уже в раннем возрасте. Механистический взгляд на творческий процесс написания стихов, ограничивающее понятие верного подражания природе, жесткое настаивание на соблюдении трех единиц и положения о статусе оказались препятствиями для развития новой буржуазной литературы и рано подверглись критике со стороны его современников. Самым важным критиком литературной теории и практики Готтшеда был Лессинг (1729-1781). В своей «Переписке с Мендельсоном и Николаи по поводу трагедии» (1756/57) он отделяет себя от трех единиц и положения о статусе, а также от механического принципа подражания Готтшеда и морально-дидактической функционализации поэзии, не порывая, однако, с требованиями Просвещения. В рамках движения Просвещения, Готтшед представлял позицию, которая еще не была полностью свободна от уступок феодальной мысли, в то время как Лессинг занял позицию, которая окончательно преодолела феодальную литературную теорию и практику в Германии» [8, с. 159-160].

Госпожа Готтшед перевела некоторые произведения Мольера для репертуара труппы Нойбер, а затем написала несколько собственных комедий по примеру мужа. Но это были лишь бледные и невнятные подражания французской классической комедии.

Ранние пьесы Лессинга разделяют с Госпожой Готтшед слабости и ограничения, присущие типу комедии Готтшеда, с прямой моральной целью. Персонажи существуют только как типы. Главный герой, как в «Молодом учёном» и «Женоненавистнике» (1748), является воплощением смешного качества или отношения; вспомогательные персонажи являются фольгой. Эти персонажи представлены в серии сцен, призванных проиллюстрировать комический недостаток, который драматург намерен исправить, выставив его на посмешище. Каждый эпизод с педантичной точностью связан с этой моральной целью, и окончательное впечатление от этих ранних пьес, несмотря на некоторые вспышки индивидуального остроумия и веселья, является надуманным и механическим. Сам Лессинг говорил о комедии «Молодой учёный» следующее: «Я думаю, выбор предмета много способствовал тому, что на этот раз я не потерпел неудачи. Молодой учёный

был едва ли не единственным типом глупца, который уже тогда не мог не быть мне хорошо известен. Ведь я вырос среди подобных чудовищ, – что же удивительного в том, что я обратил против них первые удары своего сатирического бича?» [7, с. 45].

Тем временем, немецкий романист Геллерт начал экспериментировать с другим видом комедии, также завезенным из Франции. «Трогательная» или «слезливая комедия» – эти два прилагательных использовались соответственно апологетами и противниками нового жанра – была создана по образцу «комедии очарования», которую Нивель де ла Шосси разработал на основе сентиментальной комедии Мариво и Дестуша. В руках Геллерта сентиментальная комедия стремилась не столько вызвать смех, сколько представить сцены домашней жизни среднего класса, рассчитанные на чувства. Геллерт добился естественной и реалистичной характеристики и реалистичного изображения современной жизни и обстоятельств, но его «трогательные комедии», лишенные какого-либо ярко выраженного комического элемента, были также лишены смысла и направления [14, с. 11].

Хотя его собственные юношеские комедии были написаны в духе Готтшеда, Лессинг во время их написания, знал о новой сентиментальной комедии. Его ранняя реакция на нее носит оттенок насмешки. В книге «Еврей» (1749) слуга Кристоф описывает библиотеку своего хозяина: «Она состоит из комедий, которые заставляют плакать, и трагедий, которые заставляют смеяться; из нежных героических поэм, из глубоких застольных песен» [14, с. 237].

Пьеса «Еврей» была закончена в Берлине. В течение первого года пребывания там Лессинг написал еще две комедии – «Вольнодумец» (1749) и «Клад» (1750). Затем он занялся другой интеллектуальной деятельностью, которая на некоторое время отвлекла его внимание от комедии, и только в 1754 году он вернулся к ней. Им стала издаваться «Театральная библиотека», имевшая своей целью познакомить современное общество с наиболее выраженными чертами и характеристиками прогрессивной драматургии. Завоевать тот интерес, который был у публики после реформы Готтшеда драматургии французского классицизма [1, с. 343]. Так, первый номер «Театральной библиотеки» посвящен «Рассуждениям о слезливой или трогательной комедии» и содержит два эссе, одно из которых написано Геллертом, а другое – французским противником «слезливой комедии», и собственные комментарии Лессинга к этим двум точкам зрения. Он пытается установить, что же на самом деле подразумевается под термином «слезливая или трогательная комедия»: «Вы подразумеваете то произведение, которое далеко не всегда вызывает смех или в целом, не смешное? Там, где есть симбиоз добра и зла, или там, где присутствуют только положительные герои?» Он одобряет только первое, которое как разум, так и пример поэтов прошлого, убеждают его в эффективности: «Против первого жанра, в котором чередуются смех и эмоции, шутка и серьезность, сказать, конечно, нечего» [14, с. 12].

Однако у него есть серьезные возражения против второго вида, «когда человек не смеется». И данный вид, и фарс, который в равной степени односторонен и пытается вызвать только смех, кажутся ему не соответствующими требованиям настоящей комедии: «Фарс хочет только рассмешить вас; слезливая комедия хочет только тронуть вас; настоящая комедия хочет и того, и другого» [13, с. 91].

И фарс, и сентиментальная комедия критикуются как слишком ограниченные по эффекту и цели: фарс обращается только к низшим сословиям, сентиментальная комедия – только к «маменькиным сынкам», которых можно найти среди уважаемых людей. Лессинг представляет себе комедию, уходящую корнями в современную жизнь и призванную одновременно развлекать и затрагивать чувства, такую, которая будет обращена ко «всему народу».

Более чем за десять лет до этого Лессинг создал свой образец истинной комедии – «Минна фон Барнхельм». За эти десять лет интенсивное изучение Дидро укрепило его убежденность в художественных преимуществах, которые можно получить от слияния серьезных и комических элементов. В попытке освободиться от жесткости французских классических условностей Дидро стал выразителем нового жанра *serieux*, ни полностью трагического, ни полностью комического, целью которого было естественное изображение характеров и обстоятельств современной жизни среднего класса. Как по тематике, так и по трактовке пьесы Дидро очень понравились Лессингу. В 1760 году в книге «Театр Дидро» он опубликовал перевод пьес Дидро и представил их своим соотечественникам как образцы, у которых немецкая драматургия могла бы с пользой поучиться [14, с. 13].

В «Гамбургской драматургии» Лессинг уточняет свое понятие истинной комедии: «...ошибочно полагать что комединый жанр ограничивается исключительно высмеиванием моральных изъянов или утрированных пороков. Любые виды противоречий, контрасты, преувеличенность вызывают улыбку. Однако, стоит разграничивать смех и насмешку. Поскольку эти понятия несут в себе разную суть. Смех с человеком и смех над человеком не есть идентичные понятия.

Благодаря такому жанру как комедия, душа человека лечится. Но здесь идёт речь не о насмешках над чувствами человека, а над пороками, которые выявляются в ходе развития сюжета. Комедия – крайне важный жанр в драматургии. И именно комедия несёт в себе смех в самом лучшем смысле этого слова. Симбиоз положительного и отрицательного, эмоции и мода, даже пафос и абсолютная серьёзность могут быть смешными» [13, с. 121].

Немецкий учёный, теоретик герменевтики Вильгельм Дильтей пишет о пьесе следующее: ««Минна фон Барнхельм» – первый немецкий образец того драматического искусства глубоких идеальных антагонизмов, которые утверждаются в состоянии общества или в природе человека и в конце концов должны быть преодолены в душе самого героя. Эта новая драматическая техника основана на глубине немецкой жизни. Натан, Тассо, Фауст в этом отношении похожи» [9, с. 47].

В конце 1760 года Лессинг покинул Берлин и стал секретарем при губернаторе Силезии – генерале Тауэнцине в Бреслау. В письме Рамлеру от 6 декабря 1760 года он сообщил, что уехал, потому что новая должность давала ему перспективу финансовой стабильности, а также потому, что «пока еще есть время, чтобы жить среди людей, а не среди книг». Берлинским друзьям Лессинга на какое-то время показалось, что его литературная карьера закончена.

На титульном листе «Минны фон Барнхельм» указано, что комедия была «завершена в 1763 году». На самом деле она была закончена только в 1767 году. Дата же на титульном листе напоминает о том годе, когда Лессингу впервые пришел в голову замысел в Бреслау, но основная работа над пьесой, по-видимому, была проделана по возвращении в Берлин в 1765 году.

«Истинная комедия» Лессинга быстро стала сенсацией и имела огромный успех, который Гете охарактеризовал как «метеор» на литературном небосклоне и увидел в нем начало новой поэзии: «Но одно произведение, самый верный отголосок Семилетней войны, совершенное северогерманское национальное содержание, я должен с честью упомянуть здесь прежде всех других: это первая театральная постановка, взятая из значительной жизни, специфически временного содержания, которая поэтому также имела эффект, на который никто не мог рассчитывать: Минна фон Барнхельм... Именно эта постановка счастливо открыла взгляд в такой более высокий, более значительный мир из литературного и буржуазного мира, в котором до сих пор двигалась поэзия» [10, с. 103].

«Минна фон Барнхельм» была опубликована весной 1767 года и вышла одновременно отдельным изданием и как заключительная пьеса второго тома его собрания комедий. Впервые пьеса была поставлена в только что открывшемся Национальном театре в Гамбурге 30 сентября 1767 года. За этим представлением быстро последовали постановки во Франкфурте-на-Майне, Вене и Лейпциге. Представление в Лейпциге 18 ноября 1767 года было встречено с таким восторгом, что пьеса была повторена пять раз в течение последующих двух недель. Берлинская премьера, состоявшаяся 21 марта 1768 года, была принята с таким же энтузиазмом.

В Кенигсберге, самом крупном немецком городе на востоке страны, данная пьеса была показана больше 20 раз, в период с 1768 до 1929 гг. [16].

Данная пьеса впервые была поставлена на кенигсбергской сцене 12 декабря 1768 года, благодаря тогдашнему директору театра Карлу Дёббелину. Актёр стремился создать немецкий национальный театр. Он подошел к решению этой проблемы с правильной стороны – ставя оригинальные немецкие пьесы, он хотел основать национальную сцену, о которой мечтали все немцы. С уверенностью эффективного бизнесмена и комика, а не чуткого актера, он знал, как представить немецкой публике ценные оригинальные пьесы в достойном исполнении. В этом отношении важно и то, что он начал работу, которая, по его признанию, рассматривается не как служение искусству, а как прибыльный и выгодный бизнес, в той части Германии, которая всегда была особенно восприимчива к немецкой оригинальной пьесе [15, с. 14-15].

Позднее данная пьеса была поставлена на сцене директорами кенигсбергского театра: К. Шух, Штейнбергом и Шварцом (благодаря им, пьеса ставилась несколько раз в год), Хюреем, Шредером, Вальтерсдорфом.

До 1806 года пьеса показывалась в старом театре на Кройценплатц, который построил К.Э. Аккерманн в 1755 году. Театральное здание на 800 мест было построено на деньги известного кенигсбергского мецената Фридриха Сатургуса.

После 1806 года пьесу стали показывать в новом театре на Парадеплац. Участок был подарен Фридрихом Вильгельмом III, который хотел построить Гарнизонную церковь на месте старого здания 1774 года, однако грунт оказался непригодным для этого [15, с. 8].

Лессинг, похоже, с самого начала чувствовал, что в «Минне фон Барнхельм» он приступил к чему-то более амбициозному и важному, чем любая из его предыдущих пьес. В письме, которое он написал Рамле-

ру 20 августа 1764 года после тяжелой болезни, прервавшей работу над пьесой, он описывает свое нетерпение вернуться к ней:

«До моей болезни весной 1764 года я должен был работать усерднее над ней. Я пока не могу вернуться к ней; я могу начать ее, как захочу. Я горю желанием нанести последние штрихи к моей «Минне фон Барнхельм», и все же мне не хочется работать над ней вполсилы. Я не мог ничего рассказать вам об этой комедии, потому что это действительно один из моих последних проектов. Если она не окажется лучше, чем все мои предыдущие драматические пьесы, я намерен вообще не заниматься театром. Возможно, я слишком долго веселился» [14, с. 14].

Его опасения, что он слишком долго воздерживался от написания пьес, оказались необоснованными. Его жизнь в Бреслау действительно означала перерыв в учёбе и литературной деятельности. Должность секретаря Тауэнциена вовлекала его в официальные обязанности, отнимавшие много времени, собственные вкусы диктовали участие в оживленной светской жизни Силезской столицы. Но эти очевидные отвращения не только не помешали его развитию как драматурга, но и способствовали этому. «Минна фон Барнхельм» – величайшая пьеса Лессинга именно потому, что она наиболее глубоко основана на непосредственном опыте. В то время как он посвящал себя официальным обязанностям и документам, проведению времени за карточным столом и вином, он накапливал опыт времени, знания прусских офицеров, которые играли, говорили и пили с ним [14, с. 15].

Изучая работы Лессинга не трудно понять, что он был абсолютным противником Семилетней войны – он совершенно не поддерживал военные инициативы Фридриха Второго, которые несли огромный урон как самой стране, так и её народу. Очевидно, что это отрицательно сказывалось и на культурной жизни общества того времени.

Наиболее заметно негативное отношение Лессинга к действиям властей можно проследить в момент его переезда из Бреслау в Берлин. Литератор уехал из города в 1765 году, покинув пост секретаря при одном из ключевых генералов города. Увольняясь с государственной службы, он чётко обозначил свою альтернативную точку зрения, в негативном русле высказываясь в адрес действующего короля. Отказался литератор и от предложения возглавить кафедру риторики. Обосновав своё решение тем, что не может каждый год в обязательном порядке выдавать хвалебные оды в адрес Главы государства. Таким образом, он продемонстрировал свой резкий нрав, который к слову, обрёл его на определённые трудности и лишения [4, с. 450-451, 3, с. 151].

Что касается его литературного труда, то в пьесе описывается, как герой - майор фон Телльхейм - находится в томительном ожидании относительно своей дальнейшей участи. Это было связано с его чрезмерной гуманностью по отношению к поражённым саксонцам. Герой, с лучшими личностными качествами, исключительным чувством чести и долга, обходит стороной капризную элиту, уважает солдат, которые руководствуются чувством патриотизма, выбирая жизненный путь и такую карьеру. Личность майора в произведении отображена истинным эталоном человека эпохи Просвещения.

Особого внимания заслуживает и невеста героя – аристократка Минна фон Барнхельм, которая силами автора предстала перед зрителем заметной, харизматичной личностью, с живым умом, эрудицией и исключительным чувством юмора. На мир невеста майора смотрит пусть и не идеально, но невероятно оптимистично. И благодаря этому уникальному качеству, влюблённым удастся легко преодолеть все препятствия, которые возникают на их пути. Антиподом положительных героев выступает государственный аппарат, который автор выставляет в крайне отрицательном контексте. Несмотря на свои принципы и профессионализм, майор часто сталкивается лично с произволом власти. Лессинг показывает социальное неравенство в Германии того времени, множественные ограничения и табу, которые ещё более контрастируют с личной свободой и искренностью главных героев произведения.

Лессинг уделял первоочередное внимание характеру героя в драме [1, с. 350]. Именно в обрисовке главных героев наиболее отчетливо проявляется превосходство «Минны» над предшествующими ей комедиями. Минна и Телльхейм не имеют ничего общего с кукольными персонажами ранних пьес Лессинга. Оба они – персонажи значительной глубины и сложности, действующие психологически убедительно, исходя из понятных мотивов. Оба персонажа вызывают уважение и восхищение. В Телльхейме знакомые Лессинга, узнали в литературном портрете его погибшего друга, поэта майора Эвальда фон Клейста, павшего в битве при Кунерсдорфе в 1759 году.

Уделено немалое внимание в произведении и народным героям. В частности, стоит обратить внимание на личность вахмистра Вернера, двух слуг – Франциска и Юста, которые принимают самое большое участие в жизни молодых влюблённых. Здесь же прослеживается лояльность Лессинга к демократии. Народные персонажи, как главные герои, имеют чистые помыслы и благородные нравы.

Успех Лессинга на сцене столицы Восточной Пруссии в Кенигсберге был, конечно, не случаен, уже хотя бы потому, что ее главный герой – прусский офицер, объединяющий в своем образе известные прусские добродетели, такие как честь, верность долгу в их связи с новыми морально-нравственными ценностями Просвещения. При этом следует подчеркнуть, что в отличие от других областей Германии, особая духовно-нравственная атмосфера Кенигсберга в наибольшей степени соответствовала основной идее творческой надежды Лессинга, означенную им как «инстинкт истины» (*Trieb zur Wahrheit*). Об этом свидетельствует не только всемирно исторически значимый факт появления в Кенигсберге морально-философской вершины европейского Просвещения феномена И. Канта, но и неудавшаяся попытка Лессинга создать в Гамбурге первый немецкий Национальный театр.

Литература

1. Аникст А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. М.: «Наука», 1967. 455 с.
2. Гильманов В.Х. Кант в дискурсе «технологий надежды» // Кантовский сборник 2010. № 2 (32). С. 80 – 87.
3. Иванова Е.В., Федорченко О.С. Роль драматических произведений Г.Е. Лессинга в развитии немецкого театра // V Машеровские чтения: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 29-30 сентября 2011 года / Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2011. С. 151 – 152.
4. Мокульский С. История западноевропейского театра: в 8 т. М.: 1956-1957. Т. 2. 907 с.
5. Сидорченко Л.В., Апенко Е.М., Белобратов А.В. История зарубежной литературы XVIII века: учеб. для филол. спец. Вузov. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк.; 2001. 320 с.
6. Филатова В.И. Бюргерские трагедии Г.Э. Лессинга и сценическое искусство XVIII века в Германии и России: специальность 17.00.01 "Театральное искусство": автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2005. 24 с.
7. Фридлиндер Г.М. Готхольд-Эфраим Лессинг. М.: Искусство, 1957. 240 с.
8. Beutin Wolfgang, Matthias Beilen, Klaus Ehlert – Deutsche Literaturgeschichte, von den Anfängen bis zur Gegenwart, Metzler, 2013, Stuttgart, Weimar, 781 p.
9. Dilthey Wilhelm: Das Erlebnis und die Dichtung; Lessing, Goethe, Novalis, Humlolderlin, 1957, Stuttgart, B.G. Teubner, 434 p.
10. Goethe Johann Wolfgang: Goethe's sämtliche Werke: in 6 Bd, Band 4, Cotta, 1863, 860 p.
11. Lessing G.E. Abhandlungen von dem weinerlichen oder rührenden Lustspiele in Lessings Werke. Vollständige Ausgabe in 25 Teilen., Hrsg. Julius Petersen und Waldemar von Olshausen. 20 Bde. Berlin/Leipzig 1925-29, 158 p.
12. Lessing G.E. Gesammelte Werke, erster Band. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagsbuchhandlung, 1858, 481 p.
13. Lessing G.E. Sämtliche Schriften, Band 7 [Hrsg.: Karl Lachmann]. Berlin: Voß, 1838, 479 p.
14. Margaret A McHaffie: Gotthold Ephraim Lessing; London: Thomas Nelson, 1962. 130 p.
15. Paper Ida: Inagural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde: Das Theater in Königsberg Pr. von 1750 bis 1811 mit besond. Berücksichtigung der Königsberger Theaterkritik dieser Zeit. Königsberg i. Pr. 1928. 186 p.
16. URL: <http://kultur-in-ostpreussen.de/adkspielplaene> (дата обращения: 29.04.23)

References

1. Anikst A. Teorija dramy ot Aristotelja do Lessinga. M.: «Nauka», 1967. 455 s.
2. Gil'manov V.H. Kant v diskurse «tehnologij nadezhdy». Kantovskij sbornik 2010. № 2 (32). S. 80 – 87.
3. Ivanova E.V., Fedorchenko O.S. Rol' dramaticheskikh proizvedenij G.E. Lessinga v razvitii nemeckogo teatra. V Masherovskie chtenija: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konfe-rencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, Vitebsk, 29-30 sentjabrja 2011 goda. Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova, 2011. S. 151 – 152.
4. Mokul'skij S. Istorija zapadnoevropejskogo teatra: v 8 t. M.: 1956-1957. T. 2. 907 s.
5. Sidorchenko L.V., Apenko E.M., Belobratov A.V. Istorija zarubezhnoj literatury XVIII veka: ucheb. dlja filol. spec. Vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vyssh. shk.; 2001. 320 s.
6. Filatova V.I. Bjurgerskie tragedii G.Je. Lessinga i scenicheskoe iskusstvo XVIII veka v Germanii i Rossii: special'nost' 17.00.01 "Teatral'noe iskusstvo": avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija. Sankt-Peterburg, 2005. 24 s.
7. Fridlender G.M. Gothol'd-Jefraim Lessing. M.: Iskusstvo, 1957. 240 s.

8. Beutin Wolfgang, Matthias Beilen, Klaus Ehlert – Deutsche Literaturgeschichte, von den Anfängen bis zur Gegenwart, Metzler, 2013, Stuttgart, Weimar, 781 p.
9. Dilthey Wilhelm: Das Erlebnis und die Dichtung; Lessing, Goethe, Novalis, Humlolderlin, 1957, Stuttgart, B.G. Teubner, 434 p.
10. Goethe Johann Wolfgang: Goethe's sämtliche Werke: in 6 Bd, Band 4, Cotta, 1863, 860 p.
11. Lessing G.E. Abhandlungen von dem weinerlichen oder rührenden Lustspiele in Lessings Werke. Vollständige Ausgabe in 25 Teilen., Hrsg. Julius Petersen und Waldemar von Olshausen. 20 Bde. Berlin. Leipzig 1925-29, 158 p.
12. Lessing G.E. Gesammelte Werke, erster Band. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagsbuchhandlung, 1858, 481 p.
13. Lessing G.E. Sämtliche Schriften, Band 7 [Hrsg.: Karl Lachmann]. Berlin: Voß, 1838, 479 p.
14. Margaret A McHaffie: Gotthold Ephraim Lessing; London: Thomas Nelson, 1962. 130 p.
15. Paper Ida: Inagurual-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde: Das Theater in Königsberg Pr. von 1750 bis 1811 mit besond. Berücksichtigung der Königsberger Theaterkritik dieser Zeit. Königsberg i. Pr. 1928. 186 p.
16. URL: <http://kultur-in-ostpreussen.de/adkspielplaene> (data obrashhenija: 29.04.23)

*Lopatin A.L., Postgraduate,
Immanuel Kant Baltic Federal University*

“Minna von Barnhelm – “true comedy” of the age of Enlightenment”

Abstract: this article examines the work of Gotthold Ephraim Lessing's youth comedies which played a significant role in the formation of the author's writing technique. The situation of comedies in Germany at that time is also described. Particular attention is paid to the concept of "true comedy" and the comedy of the writer's period of creative maturity "Minna von Barnhelm", which has both tragic and comic features.

Within the framework of the research it was established that Königsberg was one of the centers of formation of the German Enlightenment. It was in Königsberg that a new conceptual culture emerged with the hope and enthusiasm of society's perception: a culture of reason, virtue and justice. The main character of the comedy, Major Telheim, is the face of the German Enlightenment in Königsberg.

Keywords: lessing, Königsberg theater, burger comedy, true comedy, German Enlightenment, German dramaturgy

For citation: Lopatin A.L. “Minna von Barnhelm – “true comedy” of the age of Enlightenment”. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 153 – 159.

*Рудых А.В., аспирант,
Тихоокеанский государственный университет*

Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в исследованиях литературоведов Китая

Аннотация: статья посвящена вопросам издания и изучения романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в Китае. Во введении даётся краткий обзор исследований, известных только на китайском языке и описывается текущее состояние достоевистики в Поднебесной с опорой на статистику по деятельности Фонда социальных наук Китая и Министерства образования КНР. Далее проводится экскурс в историю знакомства китайских литературных кругов с романом «Бесы», а также, приводится перечень переводных изданий в хронологическом порядке. В продолжении работы исследуются аспекты рецепции романа и акценты исследовательского интереса, которые включают в себя: религию, убийство и самоубийство, политические взгляды Ф.М. Достоевского, нигилизм, терроризм и полемика вокруг романа. Прослеживается динамика в акцентах научного изучения этого произведения. Даётся обзор эволюции критической позиции по отношению к данному роману в разные социально-исторические периоды и делаются предположения о предпосылках такой эволюции. В заключительной части комментируются статьи и монографии, свободные от идеологических догм, а также делается вывод, что практика двух первых десятилетий XXI века косвенно свидетельствует об ослаблении идеологического надзора за романом. В наше время само упоминание названия произведения в китайских литературных кругах больше не является хождением по тонкому льду. Столь позитивные изменения дают надежды на появление в достоевистике Поднебесной нового витка научного интереса к этому актуальному и перспективному произведению. Для удобства восприятия информации автор применяет таблицы.

Ключевые слова: «Бесы», Китай, Достоевский, идеология, рецепция, перевод

Для цитирования: Рудых А.В. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в исследованиях литературоведов Китая // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 160 – 165.

Введение

Ф.М. Достоевский является одним из самых значительных и известных в мире русских писателей, и мыслителей, одним из выдающихся представителей русской литературы XIX века. Закономерно, что в мировой культуре его творчество занимает особое место и признано явлением общечеловеческого масштаба. В этой связи не удивительно и то, что китайские литературоведы уделяют его творчеству особое внимание.

В одном из своих интервью знаток иностранной литературы и профессор Пекинского педагогического университета Лю Вэньфэй поделился тем, как его современники из Поднебесной относятся к творчеству русского писателя: «Сейчас Достоевского читают в захлеб и с большим удовольствием! И интерес к нему велик!». По его мнению, сейчас в КНР наступил лучший период для чтения Достоевского [1]. В подтверждение слов профессора можно обратить внимание на тот факт, что для исследования Достоевского Фондом социальных наук Китая, а также Министерством образования КНР было учреждено 7 и 4 гранта соответственно (табл. 1, 2) [2].

Таблица 1

Гранты Фонда социальных наук КНР на исследование Ф.М. Достоевского	
год	количество
1991	1
1994	1
2015	1
2018	1
2019	2
2020	1

Таблица 2

Гранты Министерства образования КНР на исследование Ф.М. Достоевского	
год	количество
2018	1
2019	3

История исследований и переводы романа

Первый перевод романа «Бесы» был выполнен в 1930-е годы, но это было переложение не напрямую с русского языка, а с английского [3]. В начале 1950-х гг. выходит первый том «Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского», в который вошёл новый перевод «Бесов» и других произведений. В 1983 году считавшийся ранее спорным и реакционным роман «Бесы» впервые был переведён с русского на китайский язык [4].

Следует признать, что не всем произведениям Достоевского в Китае уделялось одинаковое внимание. Тогда, как роман «Преступление и наказание» только за последние двадцать лет переводился десять раз, «Бесы» были переложены на китайский в общей сложности всего четыре раза (табл. 3).

Таблица 3

Переводы романа «Бесы» в Китае		
год	издательство	переводчик
1983	издательство «Народная литература»	Нань Цзян
2001	издательство переводной литературы г. Шанхай	Лоу Цзылян
2002	издательство «Илинь»	Цзан Чжунлунь
2010	издательство «Проствещение» провинция Хэбэй	Фэн Чжаоюй

Разница наблюдается не только в переводческом, но и в исследовательском интересе. Например, на сайте «Чжунго чживан» [5], который является самым крупным в Китае сайтом для поиска опубликованных научных работ, по ключевым словам, «Достоевский, Братья Карамазовы» можно найти 101 результат, а по «Достоевский, Бесы» всего 31. Только за последние 20 лет китайские исследователи выпустили 14 монографий по творчеству Достоевского [6]. Среди них не удалось обнаружить трудов, посвящённых роману «Бесы». Такое отношение к произведению, думается, изначально было продиктовано идеологическими причинами, а позже стало негласной традицией.

Аспекты рецепции, научного дискурса

В ходе литературоведческого поиска удалось обнаружить, что посвящённые роману «Бесы» статьи, кандидатские работы и монографии китайских авторов затрагивают следующие аспекты: религия, убийство и самоубийство, политические взгляды Ф.М. Достоевского, нигилизм, терроризм и полемика вокруг романа.

Например, в статье «Упадок веры и возможность спасения» китайский автор Юэ Сюнь главным образом исследует процесс превращения Николая Ставрогина в преступника. Автор считает, что процесс этот начинается с отсутствия веры, продолжается добровольным выбором движения по наклонной и завершается самоубийством. В работе исследуются нигилистические взгляды Ставрогина, а также невозможность спасения его души с точки зрения христианской традиции.

В статье «Исследование центрального значения исповеди Ставрогина» Чжэн Сяотин говорится, что первоначально глава «У Тихона» нумеровалась девятой и должна была заключать вторую часть. Позже, по этическим соображениям, она не была включена в роман. Автор статьи называет главу смысловым и структурным центром романа, считая, что именно с неё духовная трагедия Ставрогина берёт своё начало, постепенно двигаясь к апогею. Китайский исследователь пишет, что заострение внимания на этой главе помогает прочтению и рецепции романа, а также пониманию сложной позиции Достоевского по отношению к так называемому «женскому вопросу».

Статья Пэнь Чао «Описание смерти в романе «Бесы»» посвящена изображению смерти сквозь призму бахтинской теории диалога и христианской идеи греха и наказания. Автор статьи утверждает, что, изображая смерть, Достоевский всякий раз наделял её символизмом. Смерть Степана Трофимовича, который от неверия пришёл к Богу и духовным высотам христианства, вдохновлена христианской любовью. Самоубийство же Ставрогина было преступлением и последовавшим за него наказанием. Суицид Кириллова имеет силу бунта и поиска себя. Пэнь Чао считает, что сами обстоятельства смерти и её различные контексты отражают реалии социальной жизни в царской России. На его взгляд, в понимании Достоевского, только любя свою страну и землю, можно вырваться из хаоса бесовской пляски и достичь спасения души.

В статье «Почвеннические взгляды Ф.М. Достоевского через роман «Бесы»» молодой исследователь Лю Фан изучает политические взгляды писателя. Китайский автор даёт объективный и глубокий анализ судеб трёх персонажей романа, которые избрали путь на развитие России по западному образцу. Лю Фан указывает на почвеннические взгляды Достоевского, которые тот недвусмысленно выразил через роман «Бесы».

В докторской диссертации «Исследование отношения к смерти в романе «Бесы»» упомянутая выше Гэн Цзымэй замечает, что исследования романа в Китае, в основном, фокусируются вокруг отдельного персонажа или авторского замысла в целом. В случаях, когда авторы исследуют тему самоубийства, ими рассматриваются мотивы суицида, а также исторический контекст реалий царской России. Гэн Цзымэй считает, что описание смерти у Достоевского свидетельствует не только о жизненном опыте самого писателя, но и отражает его способ осмысления происходящих событий, ценностные ориентиры и видение российской действительности в целом и национальной судьбы в частности.

В работе Гу Сяоянь «Интертекстуальное прочтение «Бесов» Эмилем Золя» исследуется сложная структурная интертекстуальность произведений Э.Золя и романа Ф.М. Достоевского «Бесы». В выводе Гу Сяоянь заключает: «Всю жизнь Золя читал и интерпретировал «Бесов», а «Бесы», в свою очередь, интерпретировали Золю, став неотъемлемой частью творческого процесса писателя» [7].

В статье Е Цзиньцзянь «Текстологический анализ Кембриджской школы – народническое движение накануне русской революции (на примере романа «Бесы»)» рассматривается движение социалистов в России второй половины XIX века и последующая революция. Статья даёт прочтение романа Достоевского «Бесы» в академической парадигме Кембриджской школы. Главный тезис статьи заключается в том, что для своей реализации свобода требует авторитарных форм и что, в силу социально-экономических и политических ограничений, зачастую революции не приносят долгожданных свобод, но трансформируют государство в сторону всеобъемлющего и глубокого авторитаризма. Автор признаёт политическую прозорливость Достоевского, при этом подчёркивая, что её основанием является эмпирический опыт. Отдавая должное пронизательности и остроте, с которой в «Бесах» критикуется революция, Е Цзиньцзянь, считает, что и православно-славянский путь, за который ратует Достоевский, ещё более не приемлем для России. В конце статьи делается вывод об общемировой тенденции на трансформацию обществ от авторитаризма в сторону либерализма.

Китайская исследовательница Чжай Гуйпин в своей диссертации «Кто же является настоящим бесом в романе «Бесы»?» пишет, что бесами являются как либералы, нигилисты и западники типа Степана Трофимовича Верховенского, так и их ученики и последователи, типа Николая Ставрогина. В итоге делается вывод, что перед опасностью интервенций либерализма и нигилизма, государству необходим возврат к своей нации, к «почве», что является тем, что действительно нужно русскому человеку.

До 1918 года имя Достоевского было известно в Китае только, как участника кружка Петрашевского. После перевода рецензии английского критика В.Б. Тритес (W.B. Trites) на произведения Достоевского и её публикации в Китае, читатели из Поднебесной узнали Фёдора Михайловича как писателя. В 1920-е годы изучением Достоевского занимались в основном писатели-критики: Мао Дунь (1896-1981), Лу Синь (1881-1936), Чжэн Чжэньдо (1898-1958) и другие. Русский автор привлёк их своей народностью и гуманизмом, которые могли быть использованы в создании новой китайской литературы. В этой связи можно говорить об утилитарном подходе к трудам Достоевского.

В статье «Перцепция произведений Достоевского в современном Китае» Чэнь Лужу пишет, что с 1919 по 1949 годы позиция Достоевского в Китае была весьма шаткой. Среди его творчества было два вида сознательно игнорируемых литературными кругами произведений. Во-первых, это труды абстрактно-отвлечённые и лишённые практического применения, типа «Двойник», а также реакционные труды, типа «Бесы». Во-вторых, это излишне «лёгкие» и «несерьёзные» работы типа «Дядюшкин сон», «Вечный муж», «Село Степанчиково и его обитатели» и т.д. [8].

После периода игнорирования, этот остро политический и реакционный роман получил неоднозначное восприятие в китайских литературных кругах. Например, в первой главе монографии Пэн Кэсюнь «Изучение художественных особенностей романов Достоевского» (2006) говорится, что изображение деятельно-

сти террористов в романе «Бесы» вызвало дискуссии среди китайских литературных критиков. Кто-то утверждал, что Достоевский отклонился от прогрессивного пути литературы и стал писать о том, на что читательским массам не следует обращать внимания. Их противники утверждали, что, будучи великим гением, о чём бы он ни писал – всё это его искренние и глубокие убеждения [9].

На 12-й странице предисловия к «Собранию сочинений Ф.М. Достоевского» (1953) сказано, что, если в 20-е годы XX века вокруг идеологического посыла романа ещё существовала какая-то полемика, то в 50-х – 80-х годах было решено отказаться от пропаганды православия и реакционных идей Достоевского, в связи с чем его изучение было приостановлено, как и изучение всего творчества Достоевского [10].

К изучению Достоевского Китай вернулся в 1979 году, в преддверии шестидесятилетия «Движения 4 мая». При этом литературоведы стремились к политической корректности: высоко ценили творческие достижения писателя, но критиковали его мировоззренческие позиции. Например, Цян Гужун писал, что ссылка вызвала у великого писателя депрессию, заставив обратиться в религию, что не могло не привести к отрыву от прогрессивных писателей и сказало на дальнейшем творчестве [11]. В написанной Дяо Шаохуа монографии «Достоевский» издательства «Ляонин женьминь чубаньшэ» (1982) говорится, что «Бесы» явным образом проявили реакционный настрой самого Фёдора Михайловича. По мнению автора, произведение стало злобной клеветой на революцию.

Ситуация с восприятием и оценкой «Бесов» изменилась в начале 2000-х годов. В послесловии к роману «Бесы» Издательства переводной литературы г. Шанхай (2001) [12] Лоу Цзылян дал высокую оценку когда-то «самому реакционному» произведению; он писал, что, критикуя нигилизм и террор, автор в полной мере проявил свой писательский талант, умение анализировать человеческую психологию и тонкости в построении сюжетной линии. С ним соглашается Тань Цюаньцин, который в своей книге «Трансграничность языка и мышления – сравнительные исследования Достоевского» [13] подчёркивает, что «Бесы» не только критикует нигилизм, социализм и террор под ширмой революции, но и пророчески описывает ужасы последовавшей эпохи.

Очевидно, что Китай всё больше и больше открывается этому произведению и не только в литературе. В декабре 2014 года спектакль «Бесы» в постановке Юрия Любимова был показан на сценах столичных театров КНР [14].

Заключение

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в ходе литературного процесса в КНР не всем произведениям великого русского писателя уделялось одинаковое внимание. В XX веке критическая позиция по отношению к роману «Бесы» претерпевала изменения. Полемика вокруг романа, характерная для 20-х годов, к середине прошлого столетия сменилась на сознательное игнорирование. К концу XX века роман был реабилитирован в литературных кругах, но с существенными оговорками. По нашим наблюдениям, большинство современных исследователей «Бесов» в Поднебесной либо уклоняются от темы политики, либо, касаясь её, не выражают своего мнения, а лишь цитируют и ссылаются на позиции и точки зрения более ранних авторов. Практика двух первых десятилетий XXI века косвенно свидетельствует о том, что идеологический надзор больше не довлеет над романом, а его изучение и упоминание в литературных кругах больше не является хождением по тонкому льду. Столь позитивные изменения дают надежды на появление в китайской достоевистике новых научных трудов, посвящённых этому недостаточно изученному роману.

Литература

1. Профессор из Китая рассказал о влиянии Достоевского // ТВ БРИКС:Новостной портал [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/world/47207830-professor-iz-kitaya-rasskazal-o-vliyanii-dostoevskogo/?ysclid=lffc2vbyuf270902079>
2. Отчёт о исследованиях Достоевского в Китае // Темы исследований:Инструмент для учёных [Электронный ресурс] URL: <https://www.xuantibao.com/subject/detail?sid=8&wid=7749>
3. Ай Хуэйжун. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях // Научный диалог. 2020. № 11. С. 154 – 176.
4. Версии переводов романа «Бесы» // 360.док: платформа по обмену информацией [Электронный ресурс] URL: http://www.360doc.com/content/12/0121/07/3759162_1055545577.shtml
5. Чжунго чживан [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnki.net/>
6. Чжао Хун, Дубкова О.В. Перевод и исследование творчества Ф.М. Достоевского в Китае в XXI в. // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 671 – 686.
7. Гу Сяоянь. «Интертекстуальное прочтение «Бесов» Эмилем Золя» // Вайго вэньсюэ [Foreign literature]. 2018. № 3. С. 79.

8. Чэнь Лужу. Перцепция произведений Достоевского в современном Китае // Вестник Института Цзяин. 2012. Т. 34. № 4. С. 57 – 62.
9. Пэн Кэсюнь. Изучение художественных особенностей романов Достоевского. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006. С. 528.
10. Собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Пекин: Издательство Вэньгуан шудянь иньхан, 1953. Т. 1. С. 527.
11. Цян Гужун. О Достоевском: предисловие к переводу «Дядюшкин сон» // Вестник Восточно-китайского педагогического университета. 1980. № 4. С. 49 – 52.
12. Достоевский Ф.М. Бесы: пер. с рус. Лоу Цзылян [Lou Ziliang]. Шанхай: Издательство переводной литературы, 2001.
13. «Трансгранчность языка и мышления – сравнительные исследования Достоевского» Тянь Цюаньцзинь. Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2010. 314 с.
14. Вахтанговский театр привез «Бесов» в Китай // InterMedia: Новостной ресурс [Электронный ресурс] URL: <https://www.intermedia.ru/news/269940?ysclid=ldwp5bcyn4421517594>

References

1. Professor iz Kitaja rasskazal o vlijanii Dostoevskogo. TV BRIKS:Novostnoj portal [Jelek-tronnyĭ resurs]. URL: <https://news.rambler.ru/world/47207830-professor-iz-kitaya-rasskazal-o-vliyanii-dostoevskogo/?ysclid=iffc2vbyuf270902079>
2. Otchjot o issledovanijah Dostoevskogo v Kitae. Temy issledovanij:Instrument dlja uchjonyh [Jelektronnyĭ resurs] URL: <https://www.xuantibao.com/subject/detail?sid=8&wid=7749>
3. Aĭ Hujeĭzhun. Recepcija tvorcestva Dostoevskogo v kitaĭskih perevodah, hudozhestvennyh proiz-vedenijah i nauchnyh issledovanijah. Nauchnyĭ dialog. 2020. № 11. S. 154 – 176.
4. Versii perevodov romana «Besy». 360.dok: platforma po obmenu informaciej [Jelektronnyĭ resurs]. URL: http://www.360doc.com/content/12/0121/07/3759162_1055545577.shtml
5. Chzhungo chzhivan [Jelektronnyĭ resurs] URL: <https://www.cnki.net/>
6. Chzhao Hun, Dubkova O.V. Perevod i issledovanie tvorcestva F.M. Dostoevskogo v Kitae v NHI v. Kom-munikativnye issledovanija. 2021. T. 8. № 4. S. 671 – 686.
7. Gu Sjaojan'. «Intertekstual'noe prochtenie «Besov» Jemilem Zolja». Vajgo vjen'sjuje [Foreign literature]. 2018. № 3. S. 79.
8. Chjen' Luzhu. Percepcija proizvedenij Dostoevskogo v sovremennom Kitae. Vestnik Instituta Czjain. 2012. T. 34. № 4. S. 57 – 62.
9. Pjen Kjesjun'. Izuchenie hudozhestvennyh osobennostej romanov Dostoevskogo. Pekin: Izdatel'stvo Pe-kinskogo universiteta, 2006. S. 528.
10. Sobranie sochinenij F.M. Dostoevskogo. Pekin: Izdatel'stvo Vjen'guan shudjan' in'han, 1953. T. 1. S. 527.
11. Cjan Guzhun. O Dostoevskom: predislovie k perevodu «Djadjushkin son». Vestnik Vostochno-kitaĭskogo pedagogičeskogo universiteta. 1980. № 4. S. 49 – 52.
12. Dostoevskij F.M. Besy: per. s rus. Lou Czyljan [Lou Ziliang]. Shanhaj: Izdatel'stvo perevodnoj literatury, 2001.
13. «Transgranchnost' jazyka i myshlenija – sravnitel'nye issledovanija Dostoevskogo» Tjan' Cjuan'czin'. Shanhaj: Izdatel'stvo Fudan'skogo universiteta, 2010. 314 s.
14. Vahtangovskij teatr privez «Besov» v Kitaj. InterMedia: Novostnoj resurs [Jelektronnyĭ resurs] URL: <https://www.intermedia.ru/news/269940?ysclid=ldwp5bcyn4421517594>

*Rudykh A.V., Postgraduate,
Pacific State University*

F.M. Dostoevsky's novel "Demons" in the studies of literary critics of China

Abstract: the article is devoted to the publication and study of Dostoevsky's novel "Demons" in China. The introduction gives a brief overview of the studies, known only in Chinese, and describes the current state of Dostoevism in the China on the example of statistics on the activities of the Chinese Social Science Foundation and the Ministry of Education of the People's Republic of China. Then there is an excursion into the history of acquaintance of Chinese literary circles with the novel "Demons", as well as a list of translated editions in chronological order. The paper continues by exploring aspects of the novel's reception and the emphases of research interest, which include: religion, murder and suicide, F.M. Dostoevsky's political views, nihilism, terrorism, and the controversy surrounding the novel. Dynamics in the emphasis of scholarly study of this work are traced. An overview of the evolution of the critical position towards this novel in different socio-historical periods is given, and assumptions are made about the prerequisites for such evolution. The final section comments on articles and monographs free of ideological dogmas, and concludes that the practice of the first two decades of the twenty-first century indirectly indicates a weakening of ideological surveillance to the novel. The mention of the novel in Chinese literary circles is no more a dangerous thing. Such positive changes gives hope for the emergence of a new round of scholarly interest to this timely and perspective work in China. For the reading convenience the author uses tables.

Keywords: «Demons», China, Dostoevsky, ideology, reception, translation

For citation: Rudykh A.V. Dostoevsky's novel "Demons" in the studies of literary critics of China. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 160 – 165.

Ван Мэйянь, аспирант,
Пинежанинова Н.П., доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

Прямая и несобственно-прямая монологическая персонализация в функционально-стилистическом аспекте (на материале романа В.В. Набокова «Король, дама, валет»)

Аннотация: статья посвящена синтагматическому анализу художественной монологической речи в функционально-стилистическом аспекте. Особенное внимание обращается на дифференциальные языковые средства выражения и способы создания образа персонажа в прямом и несобственно-прямом монологах. В статье разработаны дискурсивные категории монологической нарратологии, разъяснены различные субъективные понятия, и установлены соответствующие речевые формы выражения монологических инстанций. В ходе анализа выделены авторская косвенная речь, собственно-прямой монолог персонажа и несобственно-прямая речь нарратора (лирического героя). В прямой и несобственно-прямой речи проанализированы блоки коммуникативных регистров и выявлены их структурные и функциональные отношения в трансляции концептуально-валерной системы монологической персонализации в художественном произведении. Несобственно-прямой монолог объясняет и обосновывает спонтанные речевые акты в прямом монологе персонажа и служит фундаментом возникновения его интенций. В несобственно-прямой речи нарратор восстанавливает художественную обстановку происходящего и воображаемое персонажем в репродуктивном регистре; излагает факты и аргументирует идеи, планы и решения персонажа в информативном регистре; объективно обсуждает мысли персонажа и даёт отстранённые суждения в генеритивном регистре. Персонаж в собственной прямой речи также поддерживает контакт реактивным или волюнтивным регистром с нарративной речью, выполняя контактоустанавливающую, контактоподдерживающую, реактивно-оценочную; контактомотивирующую, контактовоздействующую и контакторегулирующую функции. Между прямым и несобственно-прямым монологами установлены отношения согласования или рассогласования в точках зрения на обсуждаемые вопросы. Нарратор в несобственно-прямом монологе оценивает и комментирует голос персонажа, соответственно, прямая речь персонажа реагирует на нарративный монолог регулятивами или контрмерами. Языковые средства выражения прямой и несобственно-прямой речи отличаются по индивидуальной стилистике и образуют общую функционально-коммуникативную структуру в художественной персонализации.

Ключевые слова: прямой монолог, несобственно-прямая речь, коммуникативные регистры, персонаж, нарратор, монологическая персонализация, художественная речь

Для цитирования: Ван Мэйянь, Пинежанинова Н.П. Прямая и несобственно-прямая монологическая персонализация в функционально-стилистическом аспекте (на материале романа В.В. Набокова «Король, дама, валет») // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 166 – 175.

Монологическая персонализация разных субъективных речевых инстанций порождает функционально-стилистический дискурс автора, нарратора и персонажа в художественной речи. Тем не менее, иногда эти голоса буквально перетекают друг в друга, выбор слов и стиля речи позволяют читателям решить, кто говорящий и с чьей точки зрения оцениваются события. Несомненно, существуют монологи, содержащие в себе характерные для другого говорящего языковые средства и речевые выражения, которые можно уверенно атрибутировать автору, нарратору или персонажу [16].

По мнению Е.В. Падучевой, диагностика речевой формы говорящих требует анализа эгоцентрических элементов текста, к которым относятся дейксис, модальность, оценочные слова, диалогические слова и показатели экспрессии. Эгоцентрические элементы делятся на первичные (которые употребляются только в речевом режиме) и вторичные, которые допускают, наряду с речевой, синтаксическую и нарративную интерпретацию. И чтобы определить речевую форму в лингвистических терминах, достаточно охарактеризовать её по двум параметрам: 1) какие эгоцентрики допустимы в данной форме; 2) в чьем распоряжении они находятся, т.е. кто в тексте с данной формой замещает говорящего [19].

Прямой монолог персонажа и его несобственно-прямая речь позволяют гармонично совмещать дополняющие друг друга субъективный и объективный прямые голоса разных субъектов в едином хронотопе, такой авторский стилистический приём М.М. Бахтин назвал *двухголосие* [3]. Е.Я. Кусько считает, что такое речевое взаимодействие автора с персонажем создает смешанный монолог лирического героя, под влиянием которого, у читателей возникает ощущение, что автор находится где-то рядом в любой жизненной ситуации персонажа, наблюдая, оценивая, рефлексирова со стороны [13].

Прямой монолог персонажа фиксирует и передаёт его собственный голос без интерференции голоса автора, в то время как несобственно-прямая речь является скрытой формой вмешательства авторского голоса в персонажную речь. Один и тот же объект одновременно воспринимается и оценивается с субъективной (персонажной) и с объективной (нарративной) стороны, при этом, художественный монологический фон становится политипным [4].

Несобственно-прямая монологическая речь считается наиболее экономной формой раскрытия внутреннего образа персонажа [2] с учётом повышенной нарративной речевой экспликации [8]. В несобственно-прямой речи сосуществуют фрагменты речи от 1-го лица и от 3-го лица, а также нейтральные фрагменты речи, не имеющие явных маркеров лица [14]. Отстранённая нарратором вербализация монолога персонажа наряду с его собственной прямой речью вместе формируют механизм речевой трансляции концептуально-валерной системы [15] монологической персонализации. Концептуально-валерная система представляет собой совокупность одобряемых и разделяемых субъектами представлений о ключевых концептуальных понятиях, создающая основу для взаимопонимания [22].

С. И. Клецкая отмечает процессы объективации и субъективации художественной речи, которая в целом принадлежит одному субъекту-автору художественного произведения. Объективация речи представляет собой первичный повествующий голос в третьем лице. Субъективация речи всегда вторична и представляет собой своего рода устранение авторской инстанции и превращение автора в персонажа. Таким образом, граница между автором и персонажем стирается, и эта двойственная фигура – нарратор (*лирический герой*) оказывается одновременно и вне изображаемого им мира, и внутри него. Превращение героя, от лица которого ведётся повествование, в героя, о котором повествуется объективно [12].

Нарратор представляет некоторую воображаемую личность, обладающую цельностью голоса, тона и стиля, он отличается от автора и персонажа, варьирующего интонацию и стилистику и выступает в роли объединяющего элемента различных уровней художественной речи [25]. Нарратор, в отличие от автора и повествователя, принадлежит художественному миру, это до некоторой степени разрешает противоречие в субъективной дифференциации художественной речи. Для реального автора-повествователя сюжет художественного произведения является вымышленным, опосредованным творчеством, а для нарратора более реальным событием, непосредственным восприятием [7]. Нарратор знает все внешние факторы и внутренние изменения персонажа и может обсуждать одновременно настоящее, прошлое, а также забегать в будущее сюжетное развитие [1].

Нарративная модальность служит способом организации и дифференциации субъективных интенций художественной монологической речи. Ж. Женетт выдвинул термин «фокализация» и выделил соответственно три её типа: внешняя фокализация, внутренняя фокализация и нулевая фокализация. Внешнюю нарративную фокализацию представляет авторская косвенная речь от третьего лица. Нулевая нарративная фокализация означает момент, когда речи нарратора и персонажа полностью совпадают друг с другом – это собственная прямая речь персонажа. Внутренняя нарративная фокализация в несобственно-прямом монологе позволяет эксплицитное и посредственное дополнение, комплектование, анализ, комментирование и оценивание прямой речи персонажа, открыто выражая нарративную позицию. Выбранная нарративная фокализация часто изменчива и служит прямым выражением индивидуальной стилистики автора [9].

Исследование прямой и несобственно-прямой монологической речи в функционально-стилистическом аспекте предполагает рассмотрение отдельных компонентов монолога персонажа с точки зрения их роли в организации целостности речевого облика и учёт предварительной обусловленности авторского выбора тех или иных языковых средств выражения смысловой структуры художественного монолога, его видовой и стилистической целеустановкой [6]. Смены и переключения коммуникативных регистров позволяют считать фрагменты разного вида монолога композитивами и знаменуют границу между фрагментами композиций в прямой и несобственно-прямой речи, в чем выявляются их различительные функции и отражается речевая динамика и напряжённость [23]. Переход к другому плану высказывания обычно вызван отсутствием формальных показателей выделения: выделяется только следующая синтаксическая конструкция, другая реплика аутодиалога, иногда на разрыв просто указывает многоточие, тире и кавычки [17]. Придаточное предложение, передающее речь персонажа, в котором употребляются индикаторы речевого акта или показатели модальности или ситуативности высказывания, трактуется как придаточная несобственно-прямая речь, а не как косвенная речь автора [24].

В коммуникативной прагматике выделяются коммуникативные регистры, дифференцирующие художественную речь: реактивный регистр фиксирует непосредственную реакцию говорящего; волюнтивный регистр побуждает адресата к действию с целью внести изменения в существующее положение дел; репродуктивный (изобразительный) регистр воспроизводит наблюдаемое или переживаемое субъектом; информативный регистр излагает факты и ситуации; генеритивный регистр сообщает общие умозаключения и

абстрактные концепции. В результате функционального синтеза коммуникативных регистров появляются их контактные виды – сочетание двух или более коммуникативных регистров, такие как репродуктивно-описательный регистр: описание обстановки; репродуктивно-повествовательный регистр: изложение события; информативно-описательный регистр: констатация характеристик; информативно-повествовательный регистр: многократное действие [11]. В.А. Жеребков также выделяет ситуативный регистр, означающий всю непосредственную прямую речь; и тематический регистр, в котором представлена дистанцированная нарративная речь [10].

О.Е. Романовская выдвигает позицию, что нарративная стратегия В.В. Набокова отражает трансформации, которые наблюдаются в русской литературе XX века, особенно в постмодернистской направленности: эксплицитные авторские вмешательства и субъектная неопределенность создают «креативные рамки», прорыв во «внетекстовую» реальность и подчеркивание условности, контаминация различных форм и типов повествования [20]. Е.В. Падучева указывает на поразительность геометричности Набоковского построения хронотопа повествования, что в соотношении нарративной и персонажной речи проявляется характер несоответствия временно-пространственных отношений [19]. Б. Бойд замечает, что прошлое в романах В.В. Набокова соперничает с реальностью и одерживает над ней победу, оказываясь более ценным, чем настоящее [5].

В романе «Король, дама, валет» символика названия которого подчеркивает его игровую направленность, показаны немецкие буржуа в виде карточных фигур как неодушевленные существа, лишь внешне уподобленные людям: коммерсант Драйер (король), его жена Марта (дама) и провинциальный родственник Драйера Франц (валет). Прямые монологи персонажей зачастую сопровождается нарративная несобственно-прямая речь, которая вызывает иллюзии у читателей, что внутреннее «я» персонажей двойственно и содержит в себе два голоса – свой и чужой, создавая двуплановость монологической персонализации.

Ю.А. Рыкунина считает роман «Король, дама, валет» первым экспериментом В.В. Набокова с игровой поэтикой: повышается роль автора-творца, персонажи уподобляются марионеткам, а развитие сюжета подчиняется законам детерминизма. Полисубъектность и игровая поэтика романа строятся на противопоставлении всеведущего нарратора и слепых персонажей. Главной функцией использования перспектив прямой речи персонажей остается акцентирование незнания или непонимания ситуации по сравнению с всезнающим нарратором в несобственно-прямой речи [21].

Несобственно-прямой монолог нарратора обосновывает речевые интенции прямого монолога Марты (дама): *То же резвое сияние было для Марты просто вагонной духотой.* (здесь и далее косвенная речь автора отмечена полужирным шрифтом, собственный прямой монолог персонажа выделен жирным шрифтом, а несобственно-прямая речь нарратора / лирического героя подчеркиванием – В.М.) *В вагоне должно быть душно; это так принято и потому хорошо. Жизнь должна идти по плану, прямо и строго, без всяких оригинальных поворотов.* – генеритивные регистры обобщают обычный ход событий *должно быть; так принято* окружающей действительности и ассоциируются с жизненными законами *жизнь должна. Изящная книга хороша на столе, в гостиной или на полке. В вагоне, для отвода скуки, можно читать какой-нибудь ерундовый журнальчик.* – информативный регистр направлен на различие книги и журнала по их свойствам и сферам использования в повседневной жизни. Безличные формы изложения создают субъективную неопределенность лирического героя. *Но эдак вкушать и впивать... переводную новеллу, что ли, в дорогом переплете.* – реактивный регистр фиксирует спонтанную речевую реакцию Марты экспрессивным просторечием *эдак* и разговорным выражением сомнения *что ли* в увлеченности мужа чтением книги в вагоне. *Человек, который называет себя коммерсантом, не должен, не может, не смеет так поступать. Впрочем, возможно, что он делает это нарочно, назло. Еще одна показная причуда,* – информативный регистр описывает нормативную манеру поведения такой категории людей, как коммерсанты, а поведение мужа представлено как демонстративное исключение. Настоящее время предикаций *не должен; Еще одна показная причуда* и несовершенный вид глаголов *не может, не смеет; делает; называет* указывают на постоянные качества и характер Драйера. *Ну что ж, чуди, чуди* – в реактивном регистре разговорная конструкция с междометием *ну что ж* и повторные обращенные императивы *чуди* сохраняют интонацию Марты и усиливают её негативную оценочную модальность. *Хорошо бы сейчас вырвать у него эту книжку и запереть её в чемодан* [18], – в волюнтивном регистре сослагательное наклонение *бы* выражает скрытую интенцию Марты прекратить неприятное действие мужа. Наречие *сейчас*, выражающее актуальное время, указательное местоимение *эту* и совершенный вид глаголов *вырвать; запереть* демонстрируют пространственно-временную фокализацию персонажа – переход от общих размышлений о причине раздражения к желанию результативных действий. Смена регистров становится формой отражения размышлений, чувств и желаний в прямой монологической персонализации.

Несобственно-прямой монолог поясняет причины возникновения желания в прямом монологе Драйера (король): *Драйер, гуляя по платформе, мимоходом поиграл пальцами по оконному стеклу, но жена больше не улыбнулась, – и, пыхнув дымом, он двинулся дальше. Шел он неторопливой, чуть подпрыгивающей походкой, заложив руки за спину и выпятив сигару. Между прочим он подумал о том, что хорошо бы так прогуливаться под сводами незнакомого вокзала где-нибудь по пути в Андалузию, Багдад, Нижний Новгород... Можно хоть сегодня пуститься в путь.* – в волонтиивном регистре сослагательное наклонение *бы* выражает склонность Драйера к путешествию, но с некоторой нерешительностью. Затем уступительный союз *хоть* и временное наречие *сегодня* проявляют энтузиазм и побуждают его сразу действовать по желанию. *Земной шар огромен и кругл, – и денег достаточно на пять, а то и больше, полных обхватов* [18]. – информативный регистр отстранённо излагает объективные факты, объясняющие глобальность замысла и материальное положение Драйера как основание его мечты – путешествовать по миру. *Марта бы, впрочем, ни за что не поехала. Никак даже не скажешь ей: поедем, дела подождут.* – реактивные регистры выражают спонтанную досаду Драйера, возникнувшая из-за им самим предполагаемого потенциального отказа Марты от поездки. Единовременность и приватность монолога персонажа свидетельствуют виды и формы глаголов *бы не поехала; скажешь; поедем; подождут*, а также разговорный стиль речи *вро-чем; никак*.

Несобственно-прямой монолог нарратора интерпретирует подтекст за вопросом, заданным Мартой в её собственном прямом монологе: *«Когда же он наконец раскочается?»* – волонтиивный регистр выражает неудовольствие Марты и её желание видеть изменение в характере Франца – *и вместе с тем её забавляло и как-то даже трогало, что вот он такой неуверенный, бестолковый и что без её помощи он, пожалуй, не раскочается вовсе* [18] – информативно-описательный регистр со стороны определяет характерные черты Франца и даёт Марте повод вить из него верёвки. Придаточная форма *что,...* и местоимение третьего лица *её* демонстрируют отстранённость нарративной речи.

Прямой монолог конкретизирует реакции Франца (валет), вызванные излагаемым событием в несобственно-прямом монологе: *Ему стало неприятно, что её как будто тревожит отсутствие мужа.* – репродуктивно-описательный регистр косвенно воспроизводит ощущаемое персонажем и его замечание перед происходящим. *Опоздал так опоздал. Тем лучше. Она, собственно говоря, не имеет права* [18] – реактивные регистры фиксируют персональные раздражительные фразы, экспрессивно выражающие его собственные оценки.

Несобственно-прямой монолог комментирует прямой монолог Франца и отмечает невинность его исходной мысли: *Извне пришла и мысль о женитьбе. О, это была хорошая мысль.* – информативный регистр устанавливает появление и содержание мысли Франца, также включает в себя непосредственную оценку *хорошая мысль* лирического героя. Прошедшее время предикатов *пришла; была* показывает временную дистанцию несобственно-прямого монолога. *Если уже счастье – видеть Марту урывками, так какое же это будет огромное блаженство иметь её подле себя круглые сутки!* – реактивный регистр передаёт слово в слово то содержание мысли о женитьбе, пришедшей в голову Франца. Употребление местоимения *себя* склоняет речевую модальность к собственной персонажной. *Он употребил этот арифметический прием совершенно бесхитростно, – точно так же, как ребенок, любящий шоколад, воображает страну, где горы из шоколада: гуляешь и лижешь.* [18] – в репродуктивно-описательном регистре нарратор живо сравнивает воображающего Франца с наивным ребёнком, понимая и оправдывая его. Глагольные формы в третьем и втором лице доказывают объективность наблюдения и общность суждения нарратива.

Прямой монолог Марты представляет собой разовые и спонтанные собственные решения. А несобственно-прямой монолог отстранённо изображает внутренний процесс её размышления и выбора способа уничтожения Драйера, оценивает возможность осуществления её плана, давая подробную аргументацию: *Она понимала, как трудно мыслить логически, разворачивать простые и плавные планы,* – информативный регистр поясняет хаотичность мышления Марты и сложность её выбора. Придаточная форма склоняет речь к нарративной. *когда все в ней кричит и бушует. А что-нибудь нужно было сделать,* – волонтиивный регистр побуждает Марту приступить к действию. Инфинитив совершенного вида показывает однократность решения и решительность его совершения – *Драйер перед ней чудовищно разрастался, как пожар. Но оказывалось, что человеческую жизнь, как пожар, тушить опасно и трудно.* – в генеритивном регистре представлено осмысление концептуальной информации о человеческой жизни, исходящее из всеобщего опыта. Несовершенный вид глаголов создает универсальность и отвлечённость от пространственно-временной категории, а безличная форма сказуемых позволяет дистанцированно комментировать умозаключение, выраженное сравнением. *И, так недавно решив, что надобно действовать просто, отбросить обманчивые игрушки вроде яда, который найдет экспертиза, вроде револьвера, который годен только чтобы закурить сигару,* – информативный регистр излагает решения Марты и поясняет причины изгладить из памяти

предыдущие придуманные ей варианты убийства. Безличные формы предикации и перечисление сложно-подчинённых предложений создают тон лирического героя. *она вскоре заметалась еще пуще, как человек, увидевший, что горит занавеска, вот-вот займется вся комната, запыляет постель, – и уже лестница полна дыма, ступени исчезают, –* репродуктивный регистр восстанавливает воображаемую Мартой сценарию пожара на основе реально видимой комнаты и осязаемой опасности. Неодушевлённые существительные-подлежащие в придаточном предложении создают иллюзию нарративной речи. **Не выбраться...** [18] – реактивный регистр как отрицательный эмоционально-оценочный вывод, выраженный безличным возвратным глаголом совершенного вида подчёркивает ситуативную безысходность в размышлениях Марты и усиливает эффект завершенности персонажного монолога.

Несобственно-прямой монолог актуализирует значимость для Марты идеи о способе уничтожения Драйера; а прямая речь Марты откликается на несобственно-прямую речь и вмешивается в нее: *Но ее то-ропливость была теперь легкая. Кругом волны, сияние... грудь дышит так легко... на душе так ясно.* – репродуктивно-описательные регистры воспроизводят воображаемую Мартой картинку в голове, её физические ощущения и настроение. Вслед за авторским описанием, неодушевленные подлежащие делают высказывания достаточно объективными. *Одно слово «вода» все разрешило.* – информативный регистр утверждает момент прихода идеи и отмечает её важность и значимость для персонажа. *В ключе к сложнейшей задаче нас поражает прежде всего именно его простота, его гармоническая очевидность, которая открывается нам лишь после нескладных, искусственных попыток.* – в генеритивном регистре изучаются человеческие попытки преодоления трудностей на сопоставлении естественных и искусственных методов, из него выдвигается превосходство естественности. Употребление местоимения первого лица *нас*; *нам* включает речь к нарративу. *По этой простоте Марта и узнала разгадку. Вода. Ясность. Счастье.* – генеритивный регистр таит в себе скрытые градационные смыслы обычного объекта существования. *Она ощутила живейшее желание сию же минуту повидать Франца, сказать ему одно, все объясняющее слово, телеграфный шифр из жизни.* – генеритивный регистр придаёт названию простейшего объекта необыкновенно важное значение. *Но сейчас была полночь, таксомотор, Драйер,* – информативный регистр устанавливает факторы препятствия встрече Марты с Францем. **стоп**, – повторяющиеся волюнтивные регистры короткой возвратной директивой **стоп** интенсивно воздерживают Марту от действия. *ливень, калитка, стоп, передняя, лестница, спальня, стоп.* – чередование информативного перечисления и повтора волюнтивного приказа усиливает внутреннюю напряженность персонажа. **Сейчас было невозможно его увидеть! А завтра – воскресенье. Вот тебе на!** [18] – в реактивных регистрах восклицательные фразы и экспрессивно-окрашенная конструкция выражают сильную досаду и обиду Марты.

Несобственно-прямой монолог служит основой, на которой Драйер приходит к собственным оценкам и выводам, доказывая их правдивость: *Драйер вдруг улыбнулся. Он думал о том, каким нужно быть нудным, бездарным человеком, тупым однодумом или дураком-истериком, чтобы попасть в эту коллекцию.* – в реактивном регистре ряд оценочных прилагательных и существительных интенсивно выражает раздражение и пренебрежение Драйера к преступникам. *Мертвенная серость экспонатов, налет пошлого преступления на предмете мецанской обстановки, ни за что, ни про что обиженный столик, на котором нашли отпечаток грязного пальца, банка из-под варенья, тоже как-то замешанная, ржавые гайки, пуговицы, жестяной таз,* – в репродуктивно-описательном регистре восстановление нарратором обстановки экспонатов в криминальном музее даёт основание оценочных выражений персонажа и вызывает читательскую синестезию. *все это, в представлении Драйера, выражало самую сущность преступления. Сколько эти глупцы пропускают! Пропускают не только все чудеса ежедневной жизни, простое удовольствие существования, – но даже вот такие мгновения, как сейчас, способность с любопытством отнестись к тому, что само по себе – скучно. И, обыкновенно, все кончается судом, каторгой, казнью... Какие дураки! Коллекция дурацких физиономий и замученных вещей.* [18] – реактивные регистры фиксируют экспрессивные и выразительные оценочные высказывания Драйера, *сколько; не только..., но даже...; вот такие; какие; скучно; обыкновенно* демонстрируют экспрессивность и своевременность персональной речи.

Несобственно-прямой монолог ведёт и связывает прямой монолог персонажа; а прямая речь Франца содержит в себе различные собственные реакции и предпочтения, предложения и решения: *Вечером Франц не пошел ужинать. Он запер на ключ чемоданы, открыл окно и сел с ногами на подоконник. Как-нибудь нужно было пережить этот вечер, эту ночь.* – информативный регистр поясняет ход события, прошедшее время предиката показывает отстранённость нарративной точки зрения. **Лучше всего не двигаться, стараться не думать ни о чем, слушать дальние рожки автомобилей, глядеть на линияющую синеву неба, на дальний балкон,** – в волюнтивном регистре Франц пытается разными способами расслабиться и успокоиться, управляя самим собой. *где горит лампа под красным абажуром и, склоняясь над освещённым столом, двое играют в шахматы.* – репродуктивно-описательный регистр со стороны изображает тот

внешний вид, который Франц видит с подоконника. **Что будет завтра, послезавтра, через три, четыре, пять дней**, – реактивный регистр фиксирует заданный Францем себе вопрос. – *Франц вообразить не мог. Холодный блеск, и больше ничего*. – репродуктивный регистр описывает и передаёт ощутимый Францем страх. *Он знал, что против этого блеска идти нельзя*. – информативный регистр сообщает утверждённый факт Францем для себя. **Будет так, как она сказала**. – волюнтивный регистр служит мотивирующим решением Франца. *Панический трепет, как зарница*, – в репродуктивном регистре воспроизводится ощущение Франца. *прошел в его мыслях*. **Может быть, еще не поздно – написать матери, чтобы она приехала**, – волюнтивный регистр побуждает Франца действовать по собственной воле. *чтобы увезла его...* – в информативном регистре нарратор объясняет цель собственного предложения Франца. **Что это было в воскресенье?** – *ах, да – судьба чуть-чуть не спасла...* – реактивные регистры представляют интеральную рефлексивную диалогему персонажа. Междометие *ах* и разговорное выражение *чуть-чуть* создают персонажный тон. **Написать, или заболеть внезапно, – или вот, немножко нагнуться вперед, потерять равновесие и кинуться навстречу жадно подскочившей панели...** – в волюнтивных регистрах Франц себя провоцирует на разные варианты отступления от выполнения плана о убийстве Драйера, предложенного Мартой. Глаголы совершенного вида в настоящем времени демонстрируют однократность персонажных интенций. *Но зарница потухла*. – репродуктивно-повествовательный регистр синкретической метафорой демонстрирует резкую смену мысли персонажа. **Будет так, как она сказала**. [18] – волюнтивный регистр заставляет Франца сдаться перед Мартиной волей и представляется его конечным решением.

Прямой монолог Драйера адаптирует ситуацию, представленную в несобственно-прямой речи: *Потом Франц и Марта поплыли – далеко, далеко*, – информативно-описательный регистр передает наблюдаемое и оцениваемое Драйером действие. – *он стоял и смотрел с пляжа, а рядом какая-то незнакомая старушка в одном нижнем белье ужасно почему-то волновалась*. – репродуктивный регистр дополнительно восстанавливает сценарию события, в которой находится Драйер, с точки зрения незнакомки косвенно намекающий на измену Марты с племянником. **Надо непременно научиться плавать. Вот пройдет спина, и нужно будет начать серьезно**, – волюнтивные регистры представляют собой решения Драйера, зависящие от сложившейся ситуации. Нормативные наречия *надо*; *нужно* и краткие формы прилагательных *непременно*; *серьезно* придают персонажной речи обязательность и решительность. **Здорово жжжет. Никак не ляжешь удобно**. [18] – в реактивном регистре Драйер находит для себя отговорку не плавать, опираясь на непосредственное физическое ощущение.

В прямом монологе Франц оценивает обстановку, излагаемую в несобственно-прямом монологе и принимает собственные решения: *Он толкнул дверь. Шторы были спущены, Марта еще спала*. – репродуктивно-описательный регистр изображает картинку, открывающую перед Францем. Прошедшее время предикатов *были*; *спала* показывает временно-пространственную дистанцию нарративной речи. *Он сообразил, что Драйер уже уехал*. – информативный регистр сообщает тот факт, обнаруженный Францем на основе описанной обстановки, где он находится. Придаточная форма изложения свидетельствует речь нарратора. **Нужно тихонько уйти. Пускай спит**. – волюнтивные регистры представляются спонтанными и мотивирующими решениями Франца после восприятия и переосмысления установленных фактов. Уменьшительно-ласкательные разговорные слова *тихонько*; *пускай* передают интонацию персонажа. **Это хорошо. Можно спокойно полежать на пляже**. [18] – в реактивных регистрах выражены оценочные предпочтения Франца на собственных интересах *это хорошо*; *можно спокойно*.

Несобственно-прямая речь функционирует как подтекст прямого монолога Драйера после неожиданной смерти жены: *Он не решался вынуть платок, не решался показать Францу лицо. В темноте ночи, куда он глядел, было только одно: улыбка, – та улыбка, с которой она умерла, улыбка прекраснейшая, самая счастливая улыбка, которая когда-либо играла на её лице, выдавливая две серповидные ямки и озаряя влажные губы*. – репродуктивно-описательный регистр воспроизводит ту улыбку Марты, которую Драйер себе представляет в памяти. *Красота уходит, красоте не успеваешь объяснить, как её любишь, красоту нельзя удержать, и в этом – единственная печаль мира*. – генеритивным регистром представлено нарративное метонимическое комментирование смерти красавицы-жены персонажа. *Красота* не только символизирует жену Драйера, но и ассоциируется с всем прекрасным на свете. Обращение второго лица *не успеваешь* демонстрирует неопределённость и общность суждения. **Но какая печаль!** – реактивный регистр записывает аффективное оценочное высказывание Драйера. *Не удержать этой скользкой, тающей красоты никакими молитвами, никакими заклинаниями, как нельзя удержать бледнеющую радугу или падучую звезду*. – в генеритивном регистре представлено сравнение потери жены Драйера с исчезающими природными явлениями по их схожим универсальным законам. **Не нужно думать об этом, нужно на время ничего не видеть, ничего не слышать**, – в волюнтивном регистре Драйер уговаривает себя прекратить думать о смерти жены и перестать реагировать на окружающее. Параллелизм наречий *нужно* и *ничего* выра-

жают внутреннюю напряжённость и речевую категоричность персонажа. *Но что поделаешь, когда недавняя жизнь человека еще отражена на всяких предметах, на всяких лицах, и невозможно смотреть на Франца без того, чтобы не вспомнить солнечного пляжа и Франца с нею, с живою, играющую в мяч.* – информативный регистр перечисляет причины, по которым Драйер не может не вспоминать о покойной жене. Глагол второго лица *поделаешь* создаёт эффект нарративного обращения к читателям. – *Мяч, – сказал Драйер, не оборачиваясь. – Мяч...* [18] – в реактивных регистрах Драйер на подробном подтексте спонтанно называет повторяющимся дважды словом предмет, напоминая о жене. В сравнении с несобственно-прямой речью этот прямой монолог персонажа выделяется своей краткостью формы и компрессией смысла.

По результатам анализа прямой и несобственно-прямой монологической персонализации в романе В. В. Набокова «Король, дама, валет» можно сделать следующие выводы:

1. Несобственно-прямые монологи как субъективация нарративной речи связаны тематическими (объективными / изъяснительными) регистрами, в которые включаются в качестве подвидов информативный, репродуктивный и генеритивный регистры, также их смешанные варианты: информативно-описательный, репродуктивно-описательный, репродуктивно-повествовательный регистры; а собственные прямые монологи персонажа как объективация персонажной речи выражены исключительно в реактивных и волюнтивных регистрах, которые становятся подвидами ситуативных (субъективных / эмотивных) регистров, что является главным коммуникативно-структурным признаком прямой и несобственно-прямой монологической персонализации.

2. В нарративной несобственно-прямой речи (лирического героя) информативные регистры излагают многократно наблюдаемые факты или типичные явления повседневной жизни, указывают на постоянные свойства и характеристики предметов, а также характеры и манеры людей. Репродуктивные (изобразительные) регистры изображают текущую реалию, физическое ощущение и внутреннее переживание персонажа в едином хронотопе, восстанавливают наблюдаемые или воображаемые персонажем сценарии на основе его восприятий чувственных органов. Генеритивные регистры сублимируют смысл природных явлений или жизненных событий, подтверждающихся человеческим опытом или общими законами и представляют собой осмысление концептуально-валерной информации универсума. Информативно-описательные регистры перечисляют и оценивают внешние и характерные черты людей или характеристики и свойства предметов. Репродуктивно-описательные регистры изображают состояние и настроение персонажа, воспроизводят его физически ощущаемое, визуально замеченное, ментально воображаемое, восстанавливая художественные сценарии и вызывая читательскую синестезию. Репродуктивно-повествовательные регистры фиксируют смены действий персонажа или переключения событий.

Лингвистические индикаторы несобственно-прямого монолога представляют собой следующие речевые элементы: 1) изъяснительное наклонение и описательный стиль; 2) неодушевлённые существительные в роли подлежащего, создающие речевую объективность; 3) местоимения 3-го лица с придаточным предложением передают нарративную отстранённость; местоимения 1-го лица множественного числа и 2-го лица показывают общность речи и вызывают читательскую синестезию; 4) возвратные глаголы подчеркивают невольность и нейтральность речи; 5) безличные формы сказуемых придают речи субъективную неопределённость; 6) прошедшее время предикатов демонстрирует временно-пространственную дистанцию нарратива; 7) настоящее время предикации и несовершенный вид глаголов, указывающие на частотные действия и повседневные поведения.

3. В собственно-прямой монологической речи персонажа реактивные регистры фиксируют спонтанные и разовые эмоциональные реакции на конкретные ситуации, выполняя контактоустанавливающую, контактоподдерживающую и реактивно-оценочную функции; волюнтивные регистры выражают интенции персонажа внести изменение в действительность, побуждают к решению и действию или воздерживают от намерений и поступков, выполняя контактомотивирующую, контактовоздействующую и контакторегулирующую функции.

Лингвистическими индикаторами собственно-прямого монолога персонажа представляются следующие речевые элементы: 1) местоимение 1-го лица единственного числа конкретизирует субъекта речи; 2) разговорный стиль речи: разговорные наречия, просторечия, междометия создают речевой облик персонажа; 3) эмоционально-окрашенные средства: модальные глаголы и наречия, речевые повторы, восклицательная и вопросительная интонации демонстрируют аффективность персонажного голоса; 4) экспрессивно-оценочные средства: усилительные частицы, наречия степени, краткие формы предикативных прилагательных, описывающих локализованное состояние; 5) временные наречия и указательные местоимения подчеркивают речевую своевременность и конкретность; 6) совершенный вид глаголов, указывающий на разовые решения или действия; 7) сжатый объём речевого выражения с метонимической передачей смысла.

4. В монологической персонализации прямая речь и несобственно-прямая речь констатируются и взаимодействуют:

Несобственно-прямой монолог ведёт и связывает прямой монолог персонажа; обосновывает речевые интенции персонажа и представляющий основанием, на котором он приходит к собственным оценкам и выводам; поясняет причины возникновения желаний персонажа в собственном монологе; комментирует и доказывает значимость, правдивость или ошибочность персонажной точки зрения; отстранённо изображает процесс размышления, планирования и выбора персонажа и оценивает возможность его реализации, давая подробную аргументацию; интерпретирует подтекст за собственной прямой речью персонажа.

Собственно-прямой монолог персонажа адаптирует и оценивает несобственно-прямой монолог и представляет собой разовые и спонтанные речевые акты, которые откликаются на несобственно-прямую речь и вмещиваются в нее. Прямой монолог персонажа содержит в себе различные реакции и предпочтения, предложения и решения персонажа, вызванные излагаемым содержанием и представленной ситуацией в несобственно-прямом монологе.

В монологической персонализации художественного произведения прямой и несобственно-прямой речи свойственны индивидуально-стилистические особенности и общая функционально-коммуникативная структура. В несобственно-прямом монологе осуществляется прямая экспликация компонентов концептуально-валерной системы нарратора (лирического героя). Сохраняя интонацию и специфику прямой речи, нарратор в несобственно-прямом монологе излагает происходящие с персонажем события, комментирует его чувства и переживания, дополняет его размышления и оценивают его решения, дают отстранённые суждения о всеобщих ценностях и рефлексивном опыте.

Литература

1. Акимова Н.В. Роль внутреннего монолога и несобственно-прямой речи в создании образов героев в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Орёл, 2016. С. 104 – 109.
2. Артюшков И.В. Внутренняя речь и её изображение в художественной литературе. М., 2004. С. 9 – 31.
3. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 332 с.
4. Боднарук Е.В. Категория футуральности в современном немецком языке: семантико-прагматический и функционально-дискурсивный аспекты исследования. Архангельск, 2016. 39 с.
5. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. М.: Изд-во Независимая газета, 2001. 695 с.
6. Волгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
7. Донцова А.А. Композиционно-структурирующий потенциал внутреннего монолога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 218 – 221.
8. Евстафиади О.В. Коммуникативные регистры и виды речи // Наука и современность. Оренбург, 2010. № 51. С. 24 – 28.
9. Женетт Ж. Фигуры I. М.: Изд-ство имени Сабашниковых, 1998. 472 с.
10. Жеребков В.А. Коммуникативная модель как комплексный метазнак // Вопросы языкознания. М., 1985. № 6. С. 63 – 69.
11. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
12. Клецкая С.И. Специфика субъекта повествования в «Даре» В.В. Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: грамота, 2019. Т. 15. Вып. 6. С. 39 – 43.
13. Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы: Несобственно-прямая речь в лит. Львов, 1980. 207 с.
14. Левин Ю.И. О «Даре» // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 287 – 322.
15. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 2005. 306 с.
16. Лозинская Е.В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX-XXI веков: аналитический обзор. М., 2007. 160 с.
17. Мухин М.Ю. Сменность форм повествования как основной прием создания текстового синтагматического напряжения в романе В. Набокова «Дар» // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997. С. 100 – 112.
18. Набоков В.В. Король, дама, валет: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 250 с.
19. Падучева Е.В. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин» // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 916 – 931.

20. Романовская О.Е. Принципы повествования в рассказах В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2003. 18 с.
21. Рыкунина Ю.А. Специфика жанрово-стилевой системы романов В.В. Набокова "русского" периода: "Машенька", "Король, дама, вalet", "Защита Лужина", "Камера obscura", "Приглашение на казнь", "Дар": автореферат дис. кандидата филологических наук / РГГУ. Москва, 2004. 23 с.
22. Сидоренко С.Г. Взаимосвязь семантики и прагматика языкового абсурда (методы интерпретации) // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 1. С. 204 – 209.
23. Сысоева В.В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте: автореферат дис. кандидата филологических наук / Белгород. гос. ун-т. Белгород, 2004. 22 с.
24. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. М.: Прометей, 2001. 569 с.

References

1. Akimova N.V. Rol' vnutrennego monologa i nesobstvenno-prjamoj rechi v sozdanii obrazov geroev v romane F.M. Dostoevskogo «Idiot». Orjol, 2016. S. 104 – 109.
2. Artjushkov I.V. Vnutrennjaja rech' i ejo izobrazhenie v hudozhestvennoj literature. M., 2004. S. 9 – 31.
3. Bahtin M.M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 332 s.
4. Bodnaruk E.V. Kategorija futural'nosti v sovremenном nemeckom jazyke: semantiko-pragmaticeskij i funkcional'no-diskursivnyj aspekty issledovanija. Arhangel'sk, 2016. 39 s.
5. Boïd B. Vladimir Nabokov. Russkie gody. M.: Izd-vo Nezavisimaja gazeta, 2001. 695 s.
6. Volgina N.S. Teorija teksta: uchebnoe posobie. M.: Logos, 2003. 280 s.
7. Doncova A.A. Kompozicionno-strukturirujushhij potencial vnutrennego monologa. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: gramota, 2019. Tom 12. Vypusk 5. S. 218 – 221.
8. Evstafiadi O.V. Kommunikativnye registry i vidy rechi. Nauka i sovremennost'. Orenburg, 2010. № 51. S. 24 – 28.
9. Zhenett Zh. Figury I. M.: Izd-stvo imeni Sabashnikovyh, 1998. 472 s.
10. Zherebkov V.A. Kommunikativnaja model' kak kompleksnyj metaznak. Voprosy jazykoznanija. M., 1985. № 6. S. 63 – 69.
11. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka. M., 2004. 544 s.
12. Kleckaja S.I. Specifika sub#ekta povestvovanija v «Dare» V.V. Nabokova. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: gramota, 2019. T. 15. Vyp. 6. S. 39 – 43.
13. Kus'ko E.Ja. Problemy jazyka sovremennoj hudozhestvennoj literatury: Nesobstvenno-prjamaja rech' v lit. L'vov, 1980. 207 s.
14. Levin Ju.I. O «Dare». Levin Ju. I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. S. 287 – 322.
15. Leont'ev A.A. Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija. M., 2005. 306 s.
16. Lozinskaja E.V. Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX-XXI vekov: analiticheskiy obzor. M., 2007. 160 s.
17. Muhin M.Ju. Smennost' form povestvovanija kak osnovnoj priem sozdaniija tekstovogo sintagmaticeskogo naprjazhenija v romane V. Nabokova «Dar». Hudozhestvennyj tekst: struktura, semantika, pragmatika. Ekaterinburg, 1997. S. 100 – 112.
18. Nabokov V.V. Korol', dama, valet: roman. SPB.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 250 s.
19. Paducheva E.V. Igra so vremenem v pervoj glave romana V. Nabokova «Pnin». Jazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statej k 70-letiju T.M. Nikolaevoj. Red. V.N. Toporov. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. S. 916 – 931.
20. Romanovskaja O.E. Principy povestvovanija v rasskazah V. Nabokova: avtoref. dis. ... kand. filolog. Nauk. Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd, 2003. 18 s.
21. Rykunina Ju.A. Specifika zhanrovo-stilevoj sistemy romanov V.V. Nabokova "russkogo" perioda: "Mashen'ka", "Korol', dama, valet", "Zashhita Luzhina", "Kamera obskura", "Priglasenie na kazn'", "Dar": avtoreferat dis. kandidata filologicheskikh nauk. RGGU. Moskva, 2004. 23 s.
22. Sidorenko S.G. Vzaimosvjaz' semantiki i pragmatika jazykovogo absurda (metody interpretacii). Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. Stavropol', 2018. № 1. S. 204 – 209.
23. Sysoeva V.V. Narrativnyj potencial nesobstvenno-prjamoj rechi v hudozhestvennom tekste: avtoreferat dis. kandidata filologicheskikh nauk. Belgorod. gos. un-t. Belgorod, 2004. 22 s.
24. Trufanova I.V. Pragmatika nesobstvenno-prjamoj rechi. M.: Prometey, 2001. 569 s.

*Wang Meiyan, Postgraduate,
Pinezhaninova N.P., Associate Professor,
Saint Petersburg State University*

Direct and improper-direct monological personalization in the functional and stylistic aspect (based on the material of V.V. Nabokov's novel "King, queen, knave")

Abstract: the article is devoted to the syntagmatic analysis of literary monologue speech in the functional and stylistic aspect. Particular attention is paid to the differential linguistic means of expression and ways of interpreting the character's image in direct and improper-direct monologues. The article develops discursive categories of monological narratology, explains distinctive subjective concepts, and establishes speech forms of expression of different subjective monological instances. In the course of the analysis, the author's indirect speech, the actual direct monologue of the character and the improper-direct speech of the narrator (lyrical hero) are highlighted. In direct and improper-direct speech, blocks of communicative registers are analyzed and their structural and functional relationships in the translation of the conceptual-valerian system of monological personalization are revealed in the novel. Improper-direct monologue explains and justifies spontaneous speech acts in the direct monologue of the character and serves as the foundation for the emergence of his intentions. In improper-direct speech, the narrator restores the literary setting, what is happening to the character and what he imagines in the reproductive registers; sets out facts and argues ideas, plans and decisions of the character in the informative registers; discusses objectively the thoughts of the character and gives detached judgments in the generative registers. The character in his own direct speech also maintains contact with reactive or voluntary registers to narrative speech, performing contact-setting, contact-supporting, reactive-evaluative; contact-motivating, contact-acting and contact-regulating functions. Between direct and improper-direct monologues, the relations of agreement or disagreement in the points of view on the issues under discussion are established. The narrator in improper-direct monologue evaluates and comments on the character's voice, respectively, the direct speech of the character reacts to the narrative monologue with regulatives or countermeasures. The linguistic means of expressing direct and improper-direct speech differ in individual stylistics and form a common functional and communicative structure in literary personalization.

Keywords: direct monologue, improper-direct monologue, communicative registers, character, narrator, monologue personalization, literary speech

For citation: Wang Meiyan, Pinezhaninova N.P. Direct and improper-direct monological personalization in the functional and stylistic aspect (based on the material of V.V. Nabokov's novel "King, queen, knave"). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 166 – 175.

*Люй Вэньтин, аспирант,
Новосибирский государственный педагогический университет*

Метафорическая репрезентация концепта «Детство» (на материале русской и китайской фразеологии)

Аннотация: возраст – универсальная антропоцентрическая категория, присутствующая в картине мира представителей любой национальности. Однако восприятие возрастных периодов в каждой отдельной картине мира обладает своей спецификой. Важнейшую роль в этом играет языковое воплощение категории. Цель нашей работы – сопоставительный анализ особенностей метафоризации концепта «Детство» в русской и китайской языковой картине мира. Новизна исследования состоит в том, что репрезентация данного концепта в китайской и русской лингвокультуре получает систематическое и последовательное описание. Для выполнения поставленной цели следует решить ряд **задач:** описать теоретическую и методологическую базу исследования (определить понятия концепта, языковой картины мира, метафоры); собрать языковой материал и выделить тематические группы; выявить способы метафоризации детства в русской и китайской фразеологии. Устанавливается, что фразеологические единицы, репрезентирующие концепт «Детство», основаны на следующих группах метафор: «Пространство», «Время», «Животные», «Растения» и «Неодушевленные предметы». Делается вывод о том, что с когнитивной точки зрения функционирование концепта «Детство» оказывается схожим и в русской, и в китайской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, детство, метафора, фразеологизм, языковая картина мира, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Люй Вэньтин Метафорическая репрезентация концепта «Детство» (на материале русской и китайской фразеологии) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 176 – 181.

Введение

Для того, чтобы иметь возможность описания особенностей языковой картины мира, необходимо обозначить определение понятия «концепт», которым будет оперировать данная статья. С точки зрения когнитивной лингвистики концепт рассматривали, прежде всего, И.А. Стернин, З.Д. Попов, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, А. Соломоник, Д.С. Лихачев, С.А. Аскольдов и др. Согласно определению Е.С. Кубряковой, концепт является единицей «психических ресурсов нашего сознания и информационной структуры, отражающей знания и опыт человека; это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [8, с. 90]. По словам Д.С. Лихачева, концепт содержит «намек на возможное значение» и «отражение предшествующего языкового опыта человека» [11, с. 282]. Другими словами, концепт воспринимается как индивидуальный смысл, отличный от коллективного, лексически закрепленного значения. Совокупность концептов формирует концептосферу данного народа и, соответственно, данного языка.

В современной научной парадигме исследователи склонны изучать общие концепты и их комбинации, которые обладают заметными инвариантными классификационными характеристиками, ограниченными как общечеловеческими особенностями, так и влиянием этнической культуры, которые в основном отражаются в языке (языковых единицах). Языковая картина мира представляет собой сумму представлений и понимания внешнего мира языковым сообществом, включая объективную реальность, а также субъективную оценку этой реальности со стороны человека. «Возраст» – это один из концептов, относящихся к культурным универсалиям [7]. Он состоит из множества представлений о характеристиках возраста человека, которые являются как общечеловеческими (биологическая основа), так и специфическими для каждого народа (экономическими, социальными, этическими и т.д.).

Метафора и фразеология

По мнению Е.И. Абрамовой и В.С. Фоминой [1, с. 248], фразеологические единицы отражают длительный процесс культурного развития народа в своей семантике и передают культурные ценности и стереотипы, эталоны и архетипы из поколения в поколение. Фразеологизмы являются уникальными микромирами, содержащими «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [3, с. 37]. Концепт «Возраст», как и другие ментальные и культурные стереотипы, закреплен во фразеологической системе языка. Е.И. Абрамова отмечает: «В семантике фразеологических единиц зафиксированы разнообразные, в том числе оценочные, представления о возрасте, характеризующие обыденное сознание, а рассматривая концепт возраст, мы неизбежно приходим к

выводу, что его содержательные формы развиваются в культурном пространстве народной жизни» [1, с. 248].

Концепт «Детство» является важной составной частью концепта «Возраст», а также одной из значимых культурных универсалий. Для сравнения концептов «Детство» и «童年» в русском и китайском языках эффективным способом будет изучение фразеологизмов и метафор. В.А. Маслова, автор классического учебника «Лингвокультурология», пишет: «фразеологизмы, метафоры, символы... – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа...» [12, с. 68]. Дж. Лакофф и М. Джонсон ввели метафору в область исследований когнитивной лингвистики. В нашей работе используется их определение метафоры, которая также может называться «концептуальной метафорой». Лакофф и Джонсон, исследуя природу языка через призму метафор, обосновывали тесную связь между языком и когнитивной структурой метафоры на основе множества языковых фактов. Они рассматривали метафоры в повседневном языке, утверждая, что это – не только формы языка, но и универсальный способ мышления, процесс восприятия, понимания, осмысления и выражения одного объекта через другой, являющийся концептуальным. Когда люди используют структуру одной концептуальной области для понимания другой, отличной от нее, концептуальной области, это и есть процесс метафоризации [9, 2004]. Например, мы используем концепт «Время», чтобы понять «возраст» человека, что выражается в языке как фразеологическая единица *на закате жизни* – метафора заката используется для обозначения старости. Такой же метафорический подход используется в китайском языке с помощью выражения 暮年 *mùnián* ‘годы заката’, т.е. возраст старости.

Ю.Ю. Литвиненко высказала свою точку зрения на концепт «Возраст» в своей кандидатской диссертации, отметив, что «основными когнитивными категориями, определяющими содержание концепта возраст в русской языковой картине мира, являются категории времени, развития, градуальности» [10, с. 14-15]. Концепт «Возраст» представляет собой культурную микромодель, которая участвует в формировании представления об общей образ человека и позволяет выделить категорию «человек развивающийся» в языковой системе. [10, с. 14-15]. Выделенные Литвиненко категории можно использовать и при сопоставительном анализе русской и китайской картин мира. Опираясь на определение слова «детство» в словаре (важно, что китайское слово 童年 *tóng nián* ‘детство’ состоит из двух китайских символов: «童» – ребенок и «年» – возраст. Детский возраст в данной статье рассматривается как возраст от 0 до 12 лет); при анализе концепта «Детство» будем учитывать как метафоризацию семантики имени концепта («этап возрастного развития человека»), так номинацию человека в период детства («ребенок», «дети» и т.п.).

Язык может отражать когнитивные процессы человека, и несмотря на то, что различные когнитивные области независимы, они могут быть связаны с помощью метафорических средств. Субъективное познание человека также в значительной степени влияет на формирование метафор между двумя различными когнитивными областями. Например, концепт «Детство», отражаемый из исходной области (конкретная реальность) на область «Детство», позволяет воспринимать абстрактный концепт «Детство», конкретизируя его и выражая через метафору, которая сохраняется в памяти человека.

Концепт «Детство» (период возраста) и метафоры пространства

Анализ фразеологических единиц русского языка показывает, что «Детство» часто метафорически представляется как пространственная характеристика: *впасть/падать в детство (младенчество, ребячество); уходить из детства; возвращаться в детство*. В этом случае «Детство» выступает как нечто, имеющее собственную временную и пространственную границу. Как замечают А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев, пространственное измерение значимо для русской языковой картины мира. Пространственные свойства объектов, которые имеются в объективном реальном мире, метафорически отображаются как пространственные характеристики внутреннего мира человека [6, с. 424-433].

Китайский язык также использует пространственную семантику в метафорическом отображении «детства». Например, существует выражение 回到童年 ‘вернуться в детство’, но нет таких фразеологических единиц, которые использовали бы метафору, аналогичную русской. В китайском языке есть фразеологизм, похожий на «впасть в детство», но с совершенно другим значением, обладающим положительной коннотацией: «возвращение в детство» (返老还童 *fǎn lǎo huán tóng*), что значит «омолодиться, обрести вторую юность». Данное выражение описывает пожилых людей, полных жизненной энергии.

Концепт «Детство» (период возраста) и метафоры времени

Рассмотрим следующую группу ФЕ: *с колыбели; от пеленок/с пеленок; всасывать/всосать (впитывать/впитать) с молоком матери; с первых шагов*. Значимо, что данные русские фразеологические единицы основаны в первую очередь на метонимии, а затем на метафоре. «Колыбель», «пеленки», «сосать молоко», «учиться ходить», – все это предметы или действия, связанные с детьми. Если проанализировать семантическое поле концепта «Детство», то все эти признаки относятся к семантической группе «Младенче-

ство». «Колыбель», «пеленки», «сосать молоко», «учиться ходить» (шаги детей) метонимически обозначают детей или детство. Затем они используются вместе с концептом «Время» в качестве метафоры, чтобы выразить значение «с детства» или «с самого начала какой-либо деятельности». Это можно увидеть на данных примерах, взятых из Национального корпуса русского языка: «И дети и девушки слушали эту брань и нисколько не смущались, и видно было, что они привыкли к ней с колыбели» (Чехов. Мужики); «Уважать ветеранов, относиться к ним с величайшим вниманием – этому учат нас со школьной скамьи, чувство благодарности к ним мы впитываем, можно сказать, с молоком матери» (В. Каджая. Неоплатный долг); «Мы и тут отстаем с первых же шагов от других стран, – вырвалось с досадой у Вари» (А. Степанов. Семья Звонаревых).

Устойчивым атрибутом являются и «пеленки». Интересно обыгрывание фразеологизма в данном примере: «А они с Анной настоящие подружки, при встрече и расставании очень смешно обнимаются, дружат они, что называется, с пеленок, точнее, с памперсов» (Вячеслав Фетисов. Овертайм).

Та же ситуация происходит и в китайском языке. Метафоры 摇篮 yáolán ‘колыбель’, 襁褓 qiǎngbǎo ‘пеленки’, 吃奶 chīnǎi ‘сосать молоко’ и 学走路 xué zǒulù ‘учиться ходить’ встречаются в китайском языке, но не являются частью фразеологического целого, могут употребляться свободно. Ср. следующие контексты:

«在被称为西方文化摇篮的古希腊, 公元前 8 世纪左右问世的荷马史诗, 就相当鲜明地表达了某些伦理观念» («В Греции, которая считается колыбелью западной культуры, около VIII века до нашей эры появился гомеровский эпос, который довольно ясно выражает некоторые этические принципы» (Ма Чунаньюань. «Введение в этику»));

«不过, 当时的生理学, 刚从襁褓中诞生不久, 由于实验的缺乏和指导思想的混乱, 致使人们常常用错误的学说和虚假的概念去解释生理事实»。 («Однако физиология в то время только зарождалась [букв.: «была в пеленках»], и из-за отсутствия экспериментов и путаницы руководящей идеологии для объяснения физиологических фактов часто использовались неправильные теории и ложные представления» (Чжан Жуйкунь. «Введение в историю современного естествознания»);

«他感觉到爷爷那只滚烫的大手在轻轻抚摸着他的头, 父亲想起十几年前在奶奶怀中吃奶的情景» («Он почувствовал, как бабушкина обжигающе горячая рука гладит его по голове, и вспомнил, как больше десяти лет назад сосал материнскую грудь» (Мо Янь. Красный гаолян)).

Концепт «Детство» (наименование человека) и зооморфные метафоры. В данную группу входят такие выражения, как, например, желторотый птенец (РЯ), 黄口小儿 huángkǒuxiǎoér ‘желторотый юнец, сосунок, молокосос’ (КЯ) и 初生牛犊不怕虎 chūshēng niúdú bú pà hǔ ‘новорожденный теленок тигра не боится’ (КЯ) («о молодежи, совершающей необдуманные и дерзкие поступки, не задумываясь над их последствиями; не имеющий опыта не боится нового дела» [2, с. 24]).

Данная группа метафор фактически основывается на том, что детеныши животных сравниваются с человеческими детьми. Однако и в китайском, и в русском языках есть много слов, которые также относятся к метафорической группе «ребенок» – «животное». В китайском языке наименования некоторых детенышей животных выступают в качестве метафор для детей, и, как правило, это уничижительные метафоры. Среди зооморфных образов встречаются домашние (鸡崽子 jīzǎizi ‘цыпленок’, 狗崽子 gǒuzǎizi ‘щенок’) и дикие животные (猴崽子 hóuzǎizi ‘детеныш обезьяны’, 熊孩子 xióngháizi ‘медвежонок’, 小王八蛋 xiǎowángbādàn ‘черепашьё яйцо»). Напротив, детеныши сказочных животных из китайской мифологии, таких как 麒麟 qílín ‘цилинь’ («зверь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого чешуей: согласно легендам отличается добротой и бережным обращением со всеми видами живой природы, является предвестником счастливых событий, дарует детей бездетным супругам; когда показывается людям, то этим предвещает появление гениального исторического деятеля» [4, с. 107]), 龙子 lóngzǐ ‘детеныш дракона’ и 凤子 fèngzǐ ‘детеныш феникса, – это ласковые прозвища для детей, выражающие хорошее отношение говорящего (родителя).

Концепт «Детство» (наименование человека) и фитоморфные метафоры. И в русском, и в китайском языке существует группа метафор, основанных на уподоблении человека и растения: дети – цветы жизни (РЯ), 拔苗助长 bámiáo zhùzhǎng ‘тянуть ростки, помогая расти’ – забегать вперед, перестараться, переусердствовать, погубить дело торопливостью (КЯ).

В русском языке само слово «возраст» этимологически подразумевает связь с растительным кодом: «... оно было заимствовано из старославянского языка и впервые появилось в Остромировом евангелии 1056 года в форме “възрасть” (безаффиксальное образование от древнеславянского глагола “възрастити”). Более позднее среднерусское “взрост” от глагола “взростити” зафиксировано в известном словаре В.И. Даля»

[14, с. 142]. «Фитоморфное» значение встречается и среди русских слов с семей «возраст»: зрелость, расцвет, увядание.

Отметим, что растительная метафора детства является общеевропейской. Еще Ян Амос Коменский сравнивал детей с растениями, а учителя с садовником; в XIX в. Ф. Фребель кодифицировал это в своем неологизме *kindergarten* (русская калька – *детский сад*) [15]. Восходящее к той же традиции выражение «дети – цветы жизни» (его популяризацию приписывают М. Горькому или его пасынку режиссеру Ю. Желябужскому) обладает особым статусом в русской лингвокультуре – является постоянным объектом иронического переосмысления и пародии. Как замечает Е.Д.В. Диас, в современном языке случаи использования данной ФЕ обладают «пейоративно окрашенной коннотацией: “дети – цветы жизни, но лучше, когда они стоят на чужом подоконнике”, “дети – цветы жизни, только дурно пахнут”» [5, с. 18]. Отметим, что деконструкция данной метафоры способна стать и способом организации художественного целого. Так, в рассказе В. Шукшина «Чудик» комический герой оказывается носителем детского мировоззрения в гротескном антимире: «Город <...> принципиально отчуждает детство <...> сосед Чудика в самолете – глубокомысленно заявляет: “Дети – цветы жизни, их надо сажать головками вниз”, телеграфистка также вырывает Чудика из его детского состояния: “Вы – взрослый человек, не в детсаде” <...> Сажать цветы-детей головками вниз – значит поворачивать вспять естественный процесс развития – от жизни к смерти, лишать его способности вечного обновления» [13, с. 92-94].

Концепт «Детство» (наименование человека) и группа метафор «Неодушевленные предметы»

При анализе фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Детство», можно отметить, что многие из них основаны на метонимиях, а не метафорах. Метафора должна использовать сходство источника и цели, в то время как метонимия – это перенос по смежности. Эта смежность относится к соотношению между замененным и замещающим элементами. В данном случае замещающий элемент должен принадлежать объему лексико-семантического поля «Детство».

Например, в некоторых фразеологизмах в китайском языке метонимический перенос связан с номинацией отдельных предметов и явлений, относящихся к детству. **Детское поведение** любить рыбалку – 钓鱼之地 *diào yú zhī dì* ‘родные места, где бродил и рыбачил в детстве’, игра с игрушками – 鸩车竹马 *jiū chē zhú mǎ* ‘голуби, колесницы и бамбуковые кони’, игра с песком – 聚沙之年 *jù shā zhī nián* ‘собирают песок’ (обр. о поре детства); **детские физиологические особенности**: прическа – 垂髫之年 *chuí tiáo zhī nián* ‘носить свисающие волосы’ (обр. в знач.: в детском возрасте), зубы – 始龀之年 *shǐ chèn zhī nián* ‘возраст смены зубов’; **характеристика невежества детей** – 蒙以养正 *méng yǐ yǎng zhèng* ‘правильное воспитание надо давать с того времени, когда дети еще невежественны’; **характеристика непослушных детей, когда им семь или восемь лет** – 狗嫌之年 *gǒu xián zhī nián* ‘год собачьей неприязни’.

В русском языке для обозначения детей также **используется детское поведение**: грудное вскармливание – *молоко на губах не обсохло*, частый насморк – *нос не дорос, под носом мокро, еще сопли не обсохли*; **физические особенности детей**: мягкие ногти – *с младых ногтей*, низкий рост – *от горшка три (два) вершка, от земли не видать, под стол пешком ходит* и так далее.

Заключение

Поскольку мыслительные процессы человека в значительной степени метафоричны, благодаря своей включенности в понятийную систему человека метафоры детства зачастую становятся устойчивыми, пополняя фразеологический запас того или иного языка. Рассмотрев ряд фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Детство», мы выделили следующие группы метафор: «Пространство», «Время», «Животные», «Растения» и «Неодушевленные предметы». Среди первых трех метафоры детства в русском и китайском языках в целом совпадают, разница состоит в том, что не все аналогичные друг другу устойчивые метафоры образуют фразеологизмы в обоих языках, но с когнитивной точки зрения семантика концепта «Детство» оказывается схожей и в русской, и в китайской языковых картинах мира. Некоторые метафоры групп «Растение» и «Неодушевленный предмет» уникальны для соответствующих лингвокультур.

Литература

1. Абрамова Е.И., Фомина В.С. Концепт возраст в русской фразеологической картине мира // Слово во времени и пространстве. К 95-летию со дня рождения профессора М.Г. Булахова: материалы Междунар. науч. конф. 12-13 ноября 2014 г. Минск: БГПУ, 2014. С. 248 – 251.
2. Арекеева Ю.Е. Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 21 – 29.
3. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: Русский язык, 1954. 176 с.

4. Дамдинова Б.-Х.В., Самбуева О.В. Трудности перевода лексических лакун с китайского языка на русский // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 104 – 110.
5. Диас Е.Д.В. Семантический анализ фразеологических единиц, обозначающих детский возраст в английском и русском языках // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 1. С. 16 – 22.
6. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
7. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече: АСТ, 2003. 512 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Литвиненко Ю.Ю. Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 256 с.
11. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280 – 287.
12. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
13. Ольховая А.Ю. «Регрессивный» и «Агрессивный» типы комического героя в рассказе В.М. Шукшина «Чудик» // Филология и человек. 2007. № 3. С. 89 – 96.
14. Щербо П.А. К вопросу о возможности сопоставительного анализа фрагментов языковых картин мира (на примере понятия «Возраст» в русском, английском и французском языках) // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. Т. 3. № 2. С. 138 – 145.
15. Kindergarten narratives on Froebelian education: transnational investigations / ed. by H. May, K. Nawrotzki and L. Prochner. London: Bloomsbury, 2017. 204 p.

References

1. Abramova E.I., Fomina V.S. Koncept vozrast v russkoj frazeologicheskoj kartine mira. Slovo vo vremeni i prostranstve. K 95-letiju so dnja rozhdenija professora M.G. Bulahova: materialy Mezhdunar. nauch. konf. 12-13 nojabrja 2014 g. Minsk: BGPU, 2014. S. 248 – 251.
2. Arekeeva Ju.E. Chjen#juj v sisteme kitajskoj frazeologii i paremiologii. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. № 1. S. 21 – 29.
3. Buslaev F.I. Russkie poslovice i pogovorki, sobrannye i ob#jasnennye. M.: Russkij jazyk, 1954. 176 s.
4. Damdinova B.-H.V., Sambueva O.V. Trudnosti perevoda leksicheskikh lakun s kitajskogo jazyka na russkij. Filologija: nauchnye issledovanija. 2019. № 2. S. 104 – 110.
5. Dias E.D.V. Semanticheskij analiz frazeologicheskikh edinic, oboznachajushhh detskij vozrast v anglijskom i russkom jazykah. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatisheva. 2018. Т. 1. № 1. S. 16 – 22.
6. Zaliznjak A.A., Shmelev A.D. Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 544 s.
7. Kononenko B.I. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii. M.: Veche: AST, 2003. 512 s.
8. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke. Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforj, kotorymi my zhivem. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
10. Litvinenko Ju.Ju. Koncept vozrast v semanticheskom prostranstve obraza cheloveka v russkoj jazykovoj kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2006. 256 s.
11. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka. Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija. M.: Academia, 1997. S. 280 – 287.
12. Maslova V.A. Lingvokul'turologija: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M.: Akademija, 2001. 208 s.
13. Ol'hovaja A.Ju. «Regressivnyj» i «Agressivnyj» tipy komicheskogo geroja v rasskaze V.M. Shukshina «Chudik». Filologija i chelovek. 2007. № 3. S. 89 – 96.
14. Shherbo P.A. K voprosu o vozmozhnosti sopostavitel'nogo analiza fragmentov jazykovyh kartin mira (na primere ponjatija «Vozrast» v russkom, anglijskom i francuzskom jazykah). Izvestija Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta MAMI. 2012. Т. 3. № 2. S. 138 – 145.
15. Kindergarten narratives on Froebelian education: transnational investigations. ed. by H. May, K. Nawrotzki and L. Prochner. London: Bloomsbury, 2017. 204 p.

*Lyu Wenting, Postgraduate,
Novosibirsk State Pedagogical University*

Metaphorical representation of the concept of “Childhood” (based on Russian and Chinese phraseology)

Abstract: age is a universal anthropocentric category present in the picture of the world of representatives of any nationality. However, the perception of age periods in each individual picture of the world has its own specifics. The most important role in this is played by the linguistic embodiment of the category. This paper is devoted to the comparative analysis of the features of the metaphorization of the concept of “Childhood” in the Russian and Chinese linguistic picture of the world. The novelty of the study lies in the fact that the representation of this concept in Chinese and Russian linguistic culture receives a systematic and consistent description. To achieve this goal, a number of tasks should be solved: to describe the theoretical and methodological base of the study (define the concepts of the concept, language picture of the world, metaphor); to collect language material and highlight thematic groups; to identify ways of metaphorizing childhood in Russian and Chinese phraseology. This paper suggests that the phraseological units representing the concept of “Childhood” are based on the following groups of metaphors: “Space”, “Time”, “Animals,” “Plants,” and “Inanimate objects.” This paper concludes that, from a cognitive point of view, the functioning of the concept of “Childhood” is similar in both Russian and Chinese linguistic picture of the world.

Keywords: concept, childhood, metaphor, phraseology, linguistic picture of the world, cognitive linguistics

For citation: Lyu Wenting Metaphorical representation of the concept of “Childhood” (based on Russian and Chinese phraseology). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 176 – 181.

*Вяльяк К.Э., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения*

Синтаксические особенности испаноязычного рекламного текста

Аннотация: актуальность данного исследования обуславливается значительным интересом современной лингвистики к экспрессивным средствам рекламы и механизмам языкового воздействия на реципиента. В последнее время появились работы, посвященные рассмотрению языковых единиц, участвующих в оформлении рекламных текстов, которые содержат слова и конструкции, выражающие высокую степень экспрессивности. Однако на материале испанского языка лингвисты ограничивались изучением единиц отдельных уровней – фонетического, лексического, что, собственно, и обусловило цель данного исследования – определить особенности синтаксических средств в испаноязычных рекламных текстах. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть синтаксические средства, используемые в рекламных текстах, во-вторых, выявить механизм сохранения экспрессивности. Научная новизна исследования заключается в выявлении синтаксических средств, используемых при создании рекламных текстов на материале испанского языка, а также механизмов сохранения экспрессивности. Материалом исследования послужили рекламные тексты из журналов Elle, COSMO, Marie Claire и др. за 2022 и 2023 гг., а также тэглайны к испанским кинофильмам, большая часть которых были созданы в 2022 году. В результате проведенного исследования выявлено, что синтаксические модели имеют в испанском языке особую вариативность, что подтверждается примерами. Также для сохранения экспрессивного эффекта прибегают в агломерации языковых средств в рамках одного высказывания. Результаты исследования могут быть использованы в рамках курсов «Практическая грамматика» и «Основы перевода» для студентов лингвистических специальностей.

Ключевые слова: синтаксические средства, экспрессивный эффект, рекламные тексты, неполные структуры, парцелляция, агломерация, синтаксический повтор

Для цитирования: Вяльяк К.Э. Синтаксические особенности испаноязычного рекламного текста // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 182 – 186.

Развитие лингвистических исследований начала XXI века, безусловно, можно связать с перенесением фокуса внимания исследователей на стремительно развивающийся язык рекламы, характерной особенностью которой является четкость, емкость и лаконичность. Для данной работы особую важность имеет коммуникативная функция рекламы, то есть процесс передачи сообщения от производителя рекламной продукции конечному потребителю, которая, как и коммуникативная функция речи, осуществляется прежде всего посредством синтаксических конструкций, что и обусловило синтаксическую ориентацию исследования.

Теоретической базой исследования послужило положение о том, что при актуализации высказывания на материале испанского языка особое разнообразие принадлежит синтаксическим моделям, о чем подробнее – в работах отечественных и зарубежных лингвистов (Зеликов М.В. [4, 5, 6]; Fant L. [10]; Vigara Tauste A.M. [11]). В работе использовались следующие методы исследования: описательный метод и метод лингвистического наблюдения с последующей интерпретацией и теоретическим обобщением полученных данных.

При рассмотрении рекламных текстов обращают на себя внимание языковые средства, с помощью которых передается основная идея рекламируемого продукта, а также оказывается эмоциональное воздействие на конечного потребителя. Среди языковых средств, участвующих в оформлении рекламных текстов, следует выделить синтаксические конструкции, поскольку на материале испанского языка особое разнообразие имеет место именно на уровне синтаксиса простого предложения. В наибольшей степени это касается феноменов эллипсиса и эмфазы, как важнейших манифестаций двух основных законов развития, становления и функционирования любого языка – экономии и расширения [4]. Не отрицая возможность единиц других уровней участвовать в выделении, что ранее было рассмотрено в работах Величковой Л.В., Абакумовой О.В. [2], Дзюбы А.В. [3], Топорковой Ю.А. [8], мы хотели бы отметить, что более естественным в испанском языке является использование именно синтаксических структур.

В современных исследованиях распространена точка зрения, согласно которой наиболее часто в рекламных слоганах используется простое, повествовательное, невосклицательное, распространенное, членное, утвердительное, односоставное, неполное предложение. Подробнее – в работе Е.В. Медведевой [7]. К наиболее экспрессивным синтаксическим конструкциям относят явление парцелляции, сегментации, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений, а также особые случаи словорасположения [1, с. 113].

Рассмотрим экспрессивные синтаксические конструкции на материале испанских рекламных текстов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эллиптические опущения различных компонентов простого предложения весьма частотны в рекламных слоганах. Наиболее распространенным является опущение части сказуемого. Например, *Siempre en la primera fila* (Marie Claire 02.2023) ← *Siempre estás en la primera fila* «Ты всегда (находишься) в первом ряду». *Siempre conectada* (Elle 03.2023) ← *Siempre estás conectada* «Ты всегда (находишься) на связи». *Cerca de ti para todo lo que importa* ← *está cerca de ti para todo lo que importa* «(находится) рядом с тобой для всего, что имеет значение». Таким образом, для испанских рекламных текстов характерно опущение глагола *estar*, являющегося структурным центром простого предложения.

Также отметим и другие случаи опущения глагольного компонента в рекламном дискурсе. Так, в рекламном слогане *Tantas proteínas como un huevo* ← *tiene / incluye tantas proteínas como un huevo* (InStyle 03.2023), «имеет/содержит столько же белка, как и одно яйцо» имеет место опущение глагольного компонента, который легко восстанавливается реципиентом.

Рассматривая случаи опущения глагольного компонента в рекламном тексте, следует указать еще один пример: *Comienza el año, cuidándote* «Начинается год, позаботься о себе» (Cosmo 03-04.2023), в котором имеет место опущение компонента во второй части слогана, а именно: *cuidándote* ← *estás cuidándote* (Presente de Indicativo), что при восстановлении явно предполагает использование вопросительного предложения, то есть ¿estás cuidándote? «а ты следишь за собой (за своей внешностью)/ заботишься о себе?», основное назначение которого – воздействие на собеседника, провокация его реакции.

Кроме того, вторая часть выше указанного рекламного слогана может восприниматься и как повеление. В этом случае структуру *estás cuidándote* следует рассматривать как аналитическую модель повелительного предложения изъявительного наклонения *estar+gerundio*. Подробнее – в работе профессора М.В.Зеликова [5, с.133], и переводить как «Следи за собой/Заботься о себе!». Именно переход на «ты» позволяет рекламодателям создавать с потребителем доверительные и дружеские отношения.

Следует указать, что создатели рекламного текста прибегают к агломерации языковых средств для повышения экспрессивного эффекта. Так, воздействие на реципиента в рекламном слогане *Stop caída. Reanimar el cabello* (InStyle 03.2023) «Останови выпадение. (Надо) восстановить волосы» осуществляется за счет использования английского глагола *stop* в форме Imperativo Afirmativo вместо испанского *detener* (*evitar*) в первой части слогана, а также опущения глагольного компонента во второй, а именно: *Reanimar el cabello* ← *Hay que reanimar el cabello*, то есть возможно восстановление модальной модели *hay que+infinitivo*. Однако более вероятен переход на «ты» за счет использования конструкции *tener que+infinitivo*. Речь идет о том, испанцы могут восстановить эллиптированную часть слогана до *Tienes que reanimar el cabello*, где использование глагола в форме 2 лица единственного числа обеспечивает эмоциональное сближение с конечным потребителем рекламируемого товара.

Кроме того, носители языка могут воспринимать вторую часть слогана не как эллиптированную модальную модель повеления, а как более редкую модель повеления – императивный инфинитив, «известный в латыни и во всех романских языках» [5, с. 141]. В таком случае вторую часть слогана следует переводить как «(Надо) Возродить/оживить волосы!», которая в оригинале звучит «не очень вежливо» и рассматривается многими испанскими грамматистами как вульгаризм.

Другим примером агломерации средств воздействия на конечного потребителя рекламного текста является слоган *Las inyecciones de adelgazar ¿Funcionan?* «Иньекции для похудения. Действуют?» (Cosmo 03-04.2023), в котором имеет место компрессия при сегментации вопросительной модели: *Las inyecciones de adelgazar ¿Funcionan?* ← *¿En cuanto a las inyecciones de adelgazar (cómo) funcionan?* «И относительно инъекций для похудения как они действуют?». Здесь следует указать инверсивное изменение исходной структуры *¿(Cómo) funcionan las inyecciones de adelgazar?* Экспрессивность достигается за счет нарушения порядка слов, то есть топиализации субъекта высказывания. Сегментация предиката обусловлена намерением рекламодателя заставить потребителей подтвердить факт того, что инъекции для похудения работают и результат очевиден.

Среди наиболее употребительных и эффективных средств воздействия на слушающего выделяют вопросительные предложения, поскольку, как отмечает В.Байнхауер, утверждение в вопросительной форме воспринимается живей и убедительней [9, с. 340]. Исследователь приходит к выводу о силе психологического воздействия вопроса как стилистического средства при эмоциональном общении. Так, отметим использование вопросительных моделей в качестве рекламных строчек к фильмам: *¿Qué escogerías cien mil euros ahora o un millón dentro de diez años?* «Что бы ты выбрал сто тысяч евро сейчас или миллион через десять лет?» (фильм *El test/Тест*, реж. Дани де ла Орден, 2022). Вопросительная форма тэглайнов создает имитацию дружеской беседы с потенциальным зрителем. В некоторых случаях рекламная строчка имитирует во-

прос, который может прозвучать только от очень близкого человека: ¿Hasta dónde llegarías para encontrar lo que has perdido? «Как далеко ты зайдешь, чтобы найти то, что потерял» (фильм *Objetos/Хранитель тайн*, реж. Хорхе Дорадо, 2022). То же и в заголовке к рекламной статье ¿Ligar cara a cara o por Internet? «Флиртовать наедине или по интернету?» (Marie Claire 09.2022).

Кроме того, отметим использование дубитативно-вопросительных моделей с *si* в испанском рекламном дискурсе: ¿Y si empiezas a ser fiel ... a ti misma? (InStyle 02.2023) «Может начнешь быть верной ... себе?», где вопросительное предложение, созданное для пробуждения интереса и вовлечения реципиента в размышление над предложенной информацией, является компрессивным вариантом сложноподчиненного предложения.

Также отметим использование компрессивных вопросительных моделей, имитирующих характерные для диалогической речи вопросно-ответные единства. Так, название заголовка к рекламной статье для путешественников *Dónde quedarse. Málaga*. «Где (можно) остановиться. Малага» (National Geographic Traveler México 03-05 2023) представляет собой пример зевгмы, при этом зевгматическим является как первая, так и вторая часть диалогического единства. ¿Dónde quedarse? ← ¿Dónde se puede quedarse? (опущение первого компонента сказуемого) и Málaga ← Se puede quedarse en Málaga (опущение всех компонентов предложения, кроме обстоятельства места). То же и в другом рекламном заголовке: *De excusión. Róterdam* «На экскурсию. Роттердам» (там же).

Отметим и другие примеры эллиптических опущений компонентов вопросительного предложения. Например, в заголовке рекламной статьи для авиапассажиров: ¿Una nueva era para los viajes aéreos? «Новая эра для авиаперелетов?» (National Geographic Traveler México 03-05 2023) ← ¿Quieres decir que empieza una nueva era para los viajes aéreos? «Хочешь сказать, что ... » (опущение в составе сложного периода).

Кроме того, следует отметить примеры, представляющие собой реакцию с частичным повтором фразы имплицитного собеседника. Например, в тэглайне ¿Terapia de pareja? «Семейная терапия?» (фильм *Ni de soña/Ни за что!*, реж. Фернандо Айллон, 2020) ← ¿Necesitamos la terapia de pareja? «Нам нужна семейная терапия?» подразумеваемые элементы легко восстанавливаются. С помощью опущения элементов создается эмоционально и информационно наполненный тэглайн: зрителям ясно указывается на то, что фильм о проблемах семейной пары.

Восклицательные предложения, выражающие повышенно эмоциональное отношение к предмету речи, в рекламных текстах могут соединяться с другими синтаксическими структурами. Ранее мы рассматривали пример ¡Siempre conectada! «Ты всегда на связи!», являющийся неполным восклицательным предложением.

Другой тенденцией, направленной на сохранение экспрессивного эффекта, является парцелляция восклицательного предложения. Например, *Mata tu estrés ... ¡Con yogur!* (Cosmo 02.2023) «Избавься от стресса ... с помощью йогурта!», где парцеллят усиливает смысловое и экспрессивное значение, участвует в выделении коммуникативно важного компонента высказывания. То же и в другом примере: *Este número es una ¡fiesta!* «Этот номер – это просто ... праздник!» (Marie Claire 03.2023).

Отметим также примеры синтаксических повторов. На синтаксическом уровне повтор заключается в том, что структура первой части рекламной строчки повторяется во второй части с другим или частично другим наполнением. Собственно, имеет место параллельная организация предложений. Например, ¡El perseguidor que tomó un pueblo! ¡El contrabandista que sabotó un tren! ¡La tigresa que sedujo a un ejército! «Преследователь, захвативший деревню! Контрабандист, который подорвал поезд! Тигрица, соблазнившая армию» (фильм *Les falta sólo 100 rifles/Им не хватает только 100 винтовок*, реж. Том Гриес, 1969).

Также параллельные конструкции часто сопровождаются лексическим повтором. Например, *Donde amas. Donde sueñas. Donde engañas* (фильм *En la cama/В постели*, реж. Матиас Бизе, 2005) «Где любишь. Где мечтаешь. Где обманываешь». В указанном примере имеет место анафорический повтор, в основе которого лежит повтор в каждом отрезке тэглайна начального слова *donde*.

Таким образом мы приходим к следующим выводам. Проведенный анализ выявил наиболее употребительные в испанских рекламных текстах синтаксические конструкции, среди которых эллиптические модели, вопросительные сегментированные и неполные структуры, восклицательные неполные и парцеллированные структуры, синтаксический повтор. В рекламных текстах имеет место агломерация языковых средств для более эффективного воздействия на реципиента, а лингвокреативность, используемая при создании рекламы, не позволяет ему оставаться исключительно потребителем информации о продукте или услуге, но вынуждает расшифровать языковой код, содержащийся в рекламном тексте.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в более подробном рассмотрении особенностей функционирования экспрессивных синтаксических языковых средств на материале испанских рекламных текстов, а также составлении их классификации по уровню экспрессивности.

Литература

1. Акимова Г.Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 109 – 121.
2. Величкова Л.В., Абакумова О.В. Звуковой образ телевизионной рекламы (на материале испанского и русского языков) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 558 – 560.
3. Дзюба А.В. Объектно-ориентированная классификация игры слов в рекламе (на материале испанского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17. № 2. С.107 –115.
4. Зеликов М.В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб., Филол. фак-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 443 с.
5. Зеликов М.В. Синтаксис испанского языка: Особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания. СПб.: КАРО, 2005. 304 с.
6. Зеликов М.В. Синтаксическая эмфаза в испанском языке. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1987. 82 с.
7. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: ЛКИ, 2004. 277 с.
8. Топоркова Ю. А. Лексические средства выразительности в испанском рекламном дискурсе // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 1. С.87 – 93.
9. Beinhauer W. El español coloquial. Madrid: Gredos, 1963. 445 p.
10. Fant L. Estructura informativa en español. Estudio sintáctico y entonativo. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1984. 224 p.
11. Vigarra Tauste A.M. Morfosintaxis del español coloquial. Esbozo estilístico. Madrid : Gredos, 1992. 507 p.

References

1. Akimova G.N. Razvitie konstrukcij jekspressivnogo sintaksisa v russkom jazyke. Voprosy jazykoznanija. 1981. № 6. S. 109 – 121.
2. Velichkova L.V., Abakumova O.V. Zvukovoj obraz televizionnom reklamy (na materiale ispan-skogo i russkogo jazykov). Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2022. № 6 (97). S. 558 – 560.
3. Dzjuba A.V. Ob#ektno-orientirovannaja klassifikacija igry slov v reklame (na materiale is-panskogo jazyka). Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2018. T. 17. № 2. S.107 –115.
4. Zelikov M.V. Kompessija kak faktor struktury i funkcionirovanija iberoromanskih jazykov. SPb., Filol. fak-t S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. 443 s.
5. Zelikov M.V. Sintaksis ispanskogo jazyka: Osobennosti struktury predlozhenij po harakteru kommunikativnoj ustanovki i celi vyskazyvanija. SPb.: KARO, 2005. 304 s.
6. Zelikov M.V. Sintaksicheskaja jemfaza v ispanskom jazyke. L.: Izd-vo Leningr. gos. ped. in-ta im. A.I. Ger-cena, 1987. 82 s.
7. Medvedeva E.V. Reklamnaja kommunikacija. M.: LKI, 2004. 277 s.
8. Toporkova Ju. A. Leksicheskie sredstva vyrazitel'nosti v ispanskom reklamnom diskurse. Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2022. № 1. S.87 – 93.
9. Beinhauer W. El español coloquial. Madrid: Gredos, 1963. 445 p.
10. Fant L. Estructura informativa en español. Estudio sintáctico y entonativo. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1984. 224 p.
11. Vigarra Tauste A.M. Morfosintaxis del español coloquial. Esbozo estilístico. Madrid : Gredos, 1992. 507 p.

*Vyalyak K.E., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg State University of Cinema and Television*

Syntactic features of the Spanish-language advertising text

Abstract: the relevance of this study is due to the significant interest of modern linguistics in expressive means of advertising and the mechanisms of linguistic influence on the recipient. Recently, there have been works devoted to the analysis of linguistic units involved in the advertising texts creation, which contain words and constructions expressing a high degree of expressiveness. However, using the material of the Spanish language, linguists limited themselves to studying units of seplevels – phonetic, lexical (Velichkova L.V., Abakumova O.V. [2]; Dzyuba A.V. [3]; Toporkova Yu.A. [8]), which, in fact, determined the purpose of this study – to determine the features of syntactic means in Spanish-language advertising texts. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: firstly, to consider the syntactic means used in advertising texts, and secondly, to identify a mechanism for preserving expressiveness. The scientific novelty of the research lies in the identification of syntactic means used in the creation of advertising texts based on the material of the Spanish language, as well as mechanisms for preserving expressiveness. The research material was advertising texts from magazines Elle, COSMO, Marie Claire, etc. for 2022 and 2023, as well as taglines for Spanish films, most of which were created in 2022. As a result of the conducted research, it was revealed that syntactic models have a special variability in the Spanish language, which is confirmed by examples. Also, in order to preserve the expressive effect, they resort to agglomeration of linguistic means within the framework of a single utterance. The results of the research can be used in the framework of the courses "Practical Grammar" and "Fundamentals of Translation" for students of linguistic specialties.

Keywords: syntactic means, expressive effect, advertising texts, incomplete structures, parcellation, agglomeration, syntactic repetition

For citation: Vyalyak K.E. Syntactic features of the Spanish-language advertising text. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 182 – 186.

Ильина О.Ю., аспирант,
Московский государственный лингвистический университет

Образ Германии в оде «Хвала немцам» („Das Lob Germaniens“, 1727) И.К. Готтшеда

Аннотация: статья посвящена образу Германии в одическом произведении немецкого поэта И.К. Готтшеда. В оде «Хвала немцам» различаются исторические портреты, не лишённые хвалебных торжественных штрихов. Деятелем немецкого Просвещения воспеты в произведении исторические личности традиционно значимые для национальной культуры. Образу Германии и выдающимся представителям немецкой нации отведено значимое место не только в лирике, но и в истории. Анализ произведения осуществляется в рамках сравнительно-исторического и описательно-аналитического методов и позволяет прийти к следующим положениям: И. Готтшед приложил немало усилий для восстановления немецкой культурной и языковой идентичности, а также в осмыслении трагических и фатальных фактов исторического прошлого.

Ключевые слова: ода, И.К. Готтшед, историческая хроника, герой, жанр

Для цитирования: Ильина О.Ю. Образ Германии в оде «Хвала немцам» („Das Lob Germaniens“, 1727) И.К. Готтшеда // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 187 – 190.

Введение

Ода «Хвала немцам» создана немецким поэтом, деятелем раннего Просвещения в качестве яркого примера традиционной и распространённой в XVIII столетии лирики высокого стиля, создаваемой в честь территориальных немецких князей и приуроченной к государственным, религиозным и культурным праздникам.

В рамках данного исследования ставится цель – выявить и описать связь между отношением к историческому прошлому и пониманием действительности периода жизни и творчества автора.

Образ Германии в оде «Хвала немцам» („Das Lob Germaniens“, 1727) И.К. Готтшеда

Ода «Хвала немцам» („Das Lob Germaniens“), 1727 – пронизана чувством национальной гордости за совершённые деяния предков и современников.

По утверждению Готтшеда немецкая нация с древних времен без страха и сомнений прошла неизведанные пути истории, открыла в умах потаённые миры, научилась смотреть восторженным взглядом на прошлое и опираться на жизненный опыт предков:

*«Germanien, Du Königin der Welt,
Vor deren Thron sich hundert Völcker schmiegen,
Auf deren Winck sich tausend Fürsten biegen,
Der Ost und West gebückt zu Fusse fällt...» [5]
(«Германия, ты Королева мира!
Перед тронem ее сто народов покорены,
По одному взмаху руки тысячи князей склоняют головы,
Восток и Запад пали к ногам...») (Перевод автора статьи)*

В стремлении воссоздать панораму событий, автор создает в оде монументальные образы исторических и мифологических героев: «Besang Homer den Eifer von Atriden, // Beschrieb Virgil Aeneens Helden-Zug» - в 149 -ой и 150-ой строке 19- го восьмистишия упомянут Гомер, «воспевший Атридов», то есть сыновей греческого царя Атрида: Агамемнона и Менелая и воспет Вергилий, «который описал поход Энея».

В свою очередь следует обратить внимание, что автор несколько неожиданно показал себя певцом былых времен, виртуозно соединив историческую хроника с современностью:

*«Vergebens prahlt ein stolzer Pythagor,
Die Harmonie des Himmels-Laufs zu wissen.*

Dis Lob wird ihm von deutscher Hand entrissen» [5] // «Напрасно хвастался гордый Пифагор, познать гармонию небесных сфер, но эта слава перехвачена немецкою рукой». (Перевод автора статьи) К чести немецкого поэта следует сказать, что И. Готтшед – ученый с энциклопедическим кругозором и указание имени древнегреческого ученого Пифагора символично для эпохи Просвещения, в XVIII столетии формулировались центральные идеи просветителей: осознание основополагающей роли знания.

В тексте второго восьмистишия слышим возврат к далекому прошлому – к римскому имперскому трону, который должен стать частью германского наследия. Упоминание Карла Великого (768-814) («Und unsern

Carl, den tapfern Helden-Sohn») так же указывает на связь древних веков с современностью поэта. По представлению Готтшеда – император франков из эпохи раннего Средневековья мог господствовать над чрезвычайно разрозненным миром Нового времени, объединив германские земли единой централизованной властью.

Деятель раннего Просвещения постоянно вплетает в лирическое повествование прямые обращения к читателю. Эта направленность порождает риторические вопросы: «*Wer half euch sonst im Forschen auf die Spur?*», «*Wer hat uns denn den Vorzug abgewonnen?*» и подобные, а внимание автора к аудитории создает особую лирико-патетическую интонацию оды.

Меркнет перед глазами читателя и былая слава Священной Римской империи. К концу второго века до н.э. Рим был сильнейшей державой Европы и Средиземноморья. В 113 году до н.э. римские легионы впервые встретились с кимврами (*die Cimbri*) – северными соседями римских провинций. Историки относят данную группу этноса к германской. Привыкшая к победам Римская республика узнала череду военных поражений. Прямое этому подтверждение в этих одических строках:

*«Was seh ich dort? Die Helden grauer Zeit
Die Cimbri sind, die Welschland sonst erstritten;
Der Angeln Heer, der Trost-bedrängter Britten:*

Die Welt erschreck vor beyder Tapferkeit» [5] // «Что вижу я там? Это кимвры-герои былых темных времен. Войско англо(англосаксов) теснило бриттов, отвоевав Уэльс, и мир был напуган отвагой обоих». (Перевод автора статьи)

Далее следует обратить внимание, что И. Готтшед, воспевая героическое прошлого немецкого народа, традиционно указывает на Германа/Арминия – первого национального героя, который появился на исторической арене в I веке н.э. Герман открывает новую страницу в истории зарождения и развитии германской народности:

«*Wo Herrmann schlägt, da weiß man nicht zu schonen.*

Erwegt den Fall so vieler Legionen, // Die Varus dort so schändlich eingebüßt» – в строках седьмого восьмистишия оды излагается известный исторический факт – Арминий умышленно ввел в заблуждения римского наместника Квинтилия Вара. Он сообщил Вару, что для сбора налогов удобнее будет вторгнуться во владения германских племен. Продвижение по непроходимому лесу таило на каждом шагу опасность. Попав в западню в глухом Тевтобургском лесу, римский наместник увидел разгром трех римских легионов и, окончательно упав духом, Публий Квинтилий Вар покончил. [4]

Арминий по оценке автора выступает как национальный герой, призвавший разрозненные германские племена к сплочению в борьбе с врагами. Римляне потеряли свою армию, самого Вара, но что в особенности важно, – потеряли тот грозный авторитет, почти единовластное положение, которым до победы Арминия пользовались римляне на территории германских племен.

С древних времен Германия не живет спокойно. Страну постоянно раздрают и ослабляют междоусобные стычки и войны с соседними государствами. В одних случаях Германская империя сама подвергалась нападению и вынуждена была непосредственно участвовать в вооруженной борьбе, в других случаях ее территория оказалась лишь ареной военных действий между армиями соседних государств. [2] В шести строках оды «Хвала немцам» предостережения мудрого и дальновидного человека. Автор убежден в миролюбивой политике своей нации. Смелые германцы пресыщены оружием бога войны Марса, и нет у них сил воздать хвалу этому божеству, лишь дикие варвары («*die wildesten Barbaren*») могут поклоняться «огнем и мечом» («*Stahl und Gluth*»), это их способ языческого поклонения «иметь кулаки (силу), но быть духовно скудными» («*An Fäusten starck und schwach am Geiste seyn*»). Упоминания античного бога войны сближает германцев с виргилевскими участниками похода.

В зарождении нового миропонимания приняло активное участие естествознание. Целый ряд открытий был результатом нового взгляда на Вселенную.

Галерея известных и мало известных немцев-ученых, философов, государственных и общественных деятелей непрерывной цепочкой сквозит через одические строки произведения. Просветитель И. Готтшед считает своим долгом указать в оде на истинных первооткрывателей-ученых и авторов немецкой литературы.

Карл Великий (768-814) основатель империи Каролингов с незыблемым авторитетом, названный Готтшедом почтенным сыном рода Туискона. Автор приветствует императора Карла высокопарным одическим словом – «да, здравствуй!» («*Auf, grosser Carl! Thuiscons ächter Sohn,*

Auf! rüste dich...»), ученые астрономы: Н. Коперник, И. Кепплер, И. Гевелиус [6], О. фон Герике, Э. Чирнхаус [1], Х. Гюгенс [3] – всем воздана почесть в благородном деле – в просвещении немецкого народа

и в важных научных открытиях. В строках оды заключено намерение автора передать читателю искренний авторский пафос о славе Германии и ее великих сынов. Из содержания оды следует: Н. Коперник, работая в Германии, на прусской земле прославил открытиями себя и прусское княжество («Und hat sich selbst und deinen Ruhm erhoben»). Перед И. Кепплером может преклониться великий Архимед («Vor Kepplern muß ein Archimedes weichen»)

Заслуга Лейбница также не забыта в оде: «Ein Leibnitz trotz den Frantzen und den Britten, Was hat er nicht vor Wunder ausgedacht!

Die Rechnung bloß die er hervor gebracht,

Hat uns den Preis der Wissenschaftt erstritten», – перевод текста гласит следующее – «Один только Лейбниц бросил вызов французам и англичанам, чего только волшебного он не изобрел! Счет, который он вывел, принес нам ценные знания». (Перевод автора статьи)

И. Готтшед увековечил соратников по поэтическому ремеслу – немецких поэтов: Опица, Даха, Хофманнсвальда, Лойэншталя, Канитца, Питча.

И. Готтшед в тексте данной оды делает акцент на языке, во фрагменте гордость за то, что немецкая речь, благодаря военной экспансии глубоко проникала на территории европейских государств:

«Man spürt ja noch der Deutschen Sprache Rest,

So weit das Schwerdt Germaniens gedrungen;

Europa hört von aller Völcker Zungen,

Was uns der Nord bis Island hören läßt.

Von Griechenland bis zu den Portugiesen

Trifft man die Spur der deutschen Mund-Art an» [5]

В центре внимания фрагмента – распространение немецкой речи на территории других государств. Географический охват зон проникновений – масштабен. От севера до Исландии («Was uns der Nord bis Island hören läßt») вероятно, Готтшед имеет в виду европейский север, находящийся северо-западнее Исландии и южные границы – от Греции до Португалии («Von Griechenland bis zu den Portugiesen») – и на этой огромной территории оставлены следы немецкой речи.

Автор обращается в последнем восьмистишии к поэтическому языку, побуждающему к патриотизму и национальному объединению. В первой строке этого фрагмента слова, говорящие о величии Германии, о растущей славе отечества.

Заключение

У поэта эпохи первой половины XVIII века видится стремление сделать строки оды ведущими за собой в просветительской деятельности. Важно пояснить, что в композиции оды лежит идея поэтического восторга, соотнесенного с образом Германии, что у автора И. Готтшеда несет рациональное начало.

И. Готтшед приложил немало усилий для восстановления немецкой культурной и языковой идентичности, а также в осмыслении трагических и фатальных фактов исторического прошлого. В словах текста произведения, одических по жанру и пафосных по содержанию, открывающих новую эпоху в культурной истории человечества, несомненно, большой поэтический труд И. Готтшеда.

В немецкой национальной литературе эпохи раннего Просвещения только зарождается личностная и художественная эмансипация – как содержания, так и формы. Художественная эмансипация тождественна принципам античной поэтики; И. Готтшед в своих лирических произведениях и в оде «Хвала немцам» их абсолютизирует.

Литература

1. Боголюбов А.Н. Чирнхаус Эренфильд Вальтер фон // Математики. Механики. Биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1983.
2. История средних веков | Под ред. проф. А.Д. Удальцова, Е.А. Косминского и О.Л. Вайнштейна, Академия наук СССР. Ин-т истории. М.: Соцэкгиз, 1938-39. Т. 2. С. 412.
3. Кузнецов Б.Г. Галилео Галилей. М.: Наука, 1964. С. 165, 174.
4. Савин Н.А. Германо-Ретийский лимес и Рейнская армия Рима. СПб.: Алетей, 2020. С. 181 – 183.
5. Johann Christoph Gottsched: Gedichte. Berliner Ausgabe, 2013. 340 p.
6. Lüdwig Günter – Wurstenwalde. „Johannes Hevelius: Tin Lebensbild aus dem XVII Jahrhundert“, Himmel und Erde: illustrierte naturwissenschaftliche Monatsschrift. 1903. № 15. P. 529 – 542.

References

1. Bogoljubov A.N. Chirnhaus Jerenfil'd Val'ter fon. Matematiki. Mehaniki. Biograficheskij spravocnik. Kiev: Naukova dumka, 1983.
2. Istorija srednih vekov | Pod red. prof. A.D. Udal'cova, E.A. Kosminskogo i O.L. Vajnshtejna, Akademija nauk SSSR. In-t istorii. M.: Socjkgiz, 1938-39. T. 2. C. 412.
3. Kuznecov B.G. Galileo Galilej. M.: Nauka, 1964. S. 165, 174.
4. Savin N.A. Germano-Retijskij limes i Rejnskaja armija Rima. SPb.: Aletejja, 2020. S. 181 – 183.
5. Johann Christoph Gottsched: Gedichte. Berliner Ausgabe, 2013. 340 p.
6. Lüdwig Günter – Wurstenwalde. „Johannes Hevelius: Tin Lebensbild aus dem XVII Jahrhundert“, Himmel und Erde: illustrierte naturwissenschaftliche Monatsschrift. 1903. № 15. P. 529 – 542.

*Ilyina O.Yu., Postgraduate,
Moscow State Linguistic University*

The image of Germany in the ode “Praise to the Germans” (“Das Lob Germaniens”, 1727) by I.K. Gottsched

Abstracts: the article is devoted to the image of Germany in the Ode work by the German poet I.K. Gottshed. In the Ode "Praise to the Germans" there are historical portraits, not devoid of laudable solemn touches. The German Enlightenment celebrates historical figures traditionally significant for national culture. The image of Germany and the outstanding representatives of the German nation have a significant place not only in poetry but also in history. The work is research within the framework of comparative-historical and descriptive-analytical methods and allows us to arrive at the following points: I. Gottshed made considerable efforts to restore German cultural and linguistic identity, as well as to understand the tragic and fatal facts of the historical past.

Keywords: oda, I.K. Gottshed, historical chronicle, hero, genre

For citation: Ilyina O.Yu. The image of Germany in the ode “Praise to the Germans” (“Das Lob Germaniens”, 1727) by I.K. Gottsched. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 187 – 190.

Магомедова П.А., доктор филологических наук, профессор,
Итуева М.Т.,
Дагестанский государственный университет

К вопросу о религиозном концепте *молитва* в арабском и русском языках

Аннотация: статья посвящена постановке проблемы языковой объективации религиозного концепта МОЛИТВА в арабской и русской лингвокультурах. Основная цель исследования – установление сходств и различий в языковой репрезентации одного из основных коммуникативных жанров религиозного общения мусульман и православных христиан – МОЛИТВЫ, которая рассматривается как жанр религиозного дискурса в различных конфессиях, а также как религиозный концепт. Понятийный и ценностный компоненты данного концепта обнаруживают в сопоставляемых лингвокультурах существенный контраст, по аналогии с различиями в содержании и внешней объективации в различных конфессиональных картинах мира. Анализу подвергаются лексемы-репрезентанты данного концепта в каждом из сопоставляемых языков, при этом выявляются сходства и различия в структуре и содержании исследуемого концепта в разноструктурных языках.

Ключевые слова: религиозный дискурс, русский язык, арабский язык, концепт, МОЛИТВА, намаз, мольба

Для цитирования: Магомедова П.А., Итуева М.Т. К вопросу о религиозном концепте *молитва* в арабском и русском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 191 – 195.

Актуальными на сегодняшний день признаются, по мнению многих ученых-лингвистов, исследования междисциплинарного характера, т.е. исследования на стыке языкознания и других научных областей, это в особенности касается лингвокультурологических и дискурсивных исследований в рамках новой науки – теолингвистики, предметом изучения которой является религиозный дискурс. Последнее понимают как сложное коммуникативное явление, охватывающее текст и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта и т. п.) [1, 2]. При социолингвистическом подходе к дискурсу, учитывающем разнообразные социальные факторы, прежде всего сложившиеся в данном обществе гражданские институты, В.И. Карасик относит религиозный дискурс к институциональному дискурсу, так как он обслуживает речевое взаимодействие внутри института. Для данного дискурса, по мнению ученого, характерны следующие признаки: жесткая иерархия базовых участников коммуникации (Бог, священник, прихожанин), четко определенный хронотоп (местом общения выступает храм, время регламентировано ходом богослужения), открытое утверждение ценностей и норм поведения (в качестве ключевого ценностного концепта выступает концепт «вера»), наличие прецедентных текстов, жанров, четких целей и соответствующих им коммуникативных стратегий, использование принятых в религиозном общении клише и оборотов [3].

«Все содержание емкого понятия «религия» находит отражение в религиозном дискурсе, имеющем свою неповторимую специфику [4, с. 163]. Согласно с мнением, что «на языковом уровне происходит накопление и концентрация смыслов, образов, концептов, канонических установок определенной конфессии, фиксирующихся в памяти и языковом сознании народа» [5, с. 153]. На сегодняшний день в лингвистической науке представлен широкий диапазон научных трудов, рассматривающих религиозный дискурс в различных аспектах, следует отметить, что предметом исследования этих работ является христианский (православный, католический и др.) дискурс (О.А. Прохвятилова, В.И. Постовалова, А.А. Буевич, И.В. Бугаева и др.), чего нельзя сказать об исламском дискурсе религиозного языка, разработки данного предмета представлены единичными работами [6].

Мы рассмотрим один из видов религиозной коммуникации, присутствующий во всех конфессиях, понятие МОЛИТВА. «Молитва является элементом религиозного культа и индивидуальной религиозности, как таковая она характерна для всех религий... Основные типы или аспекты молитвы: поклонение Богу как Высшему Существо, от которого в конечном счете зависит духовная судьба человека; благодарение – за дар жизни, ее блага, а также за водительство Божие; покаяние в грехах и отступлении от указанного Богом пути; прошения, касающиеся каких-либо сторон человеческой жизни, а также божественной милости и благоволения в целом [7]. «Молитва, будучи стержнем религиозной практики, является одним из способов того, как человек выражает свою веру, одновременно она представляет и мировоззренческую матрицу, в которой проявляется личностное отношение к Богу» [8, с. 32].

Безусловно, понятие МОЛИТВА, представляя основной формат реализации религиозной практики верующих, их конфессиональную коммуникацию, релевантно как в русскоязычном православном дискурсе,

так и в арабоязычном исламском дискурсе. Сразу отметим, что мы не занимались специальным исследованием русскоязычного православно-христианского дискурса, так как достаточно широко и многосторонне разработан данный вопрос, нами привлекался материал указанного дискурса в вопросе сопоставления концепта МОЛИТВА в русском и арабском языках.

Специфика концепта МОЛИТВА состоит в его многоплановости, сложной структуре: он может рассматриваться как жанр религиозного дискурса в различных конфессиях, форма коммуникации верующих, а также как религиозный концепт в каждом из сопоставляемых языков.

Рассмотрим лексический объем слова *молитва* в русском языке согласно словарю С.А. Кузнецова:

1. «сущ. к молиться (1 зн.); моление. 2. Установленный текст, произносимый верующим при обращении к Богу, к святым, а также при религиозных обрядах» [9].

Т.Ф. Ефремова выделяет среди лексико-семантических вариантов лексемы молитва: «1) а) Хвалебное, благодарственное или просительное обращение к Богу, святым; б) устар. Мольба, горячая просьба о чем-л.

2) Установленный текст, читаемый или произносимый верующим при обращении к Богу, к святым» [10].

Согласно арабско-русскому словарю Баранова Х.К. понятие молитва в арабском языке реализуется через лексему:

صَلَوَاتٌ мн. صَلَاةٌ

1) молитва, *الغائب* ~ молитва по усопшему; *الجمعة* ~ пятничная молитва; *الصلوات الخمس* пять ежедневных молитв; *الغداة* ~ или *الفجر* ~ или *الشاهد* ~ или *الصباح* ~ утренняя молитва; *الظهر* ~ полуденная молитва; *العصر* ~ послеполуденная молитва; *المغرب* ~ молитва при заходе солнца; *العشاء* ~ вечерняя молитва; *التراويح* ~ молитва, читаемая по ночам в месяце Рамадане; *الرحمة* ~ молитва за упокой (кого *على*); ~ *كتاب* молитвенник; *العيد* ~ совершать праздничную молитву; 2) мольба; благословение [11]

Лексема *саяят* в «его лексическом и терминологическом смысле упоминается в Коране девяносто девять раз (М.Ф. Абдульбаки, аль-Муджам)» [12]

Семантика лексемы *саяят* не объясняется в Коране, а арабские филологи и богословы классического периода так и не пришли к общему мнению относительно ее происхождения. Лингвисты делали попытки отыскать начальные контексты употребления слов с корнем «сад-лям-вав» *ل-يام-ص*, имевшие значение молитвы с определенными положениями тела. Выявлено всего несколько примеров доисламского употребления слов с корнем «сад-лям-вав» для указания на христианскую молитву и иудейскую.

В терминологии ислама *саяят* обозначается как «совершение поклонения всем телом, начатое с такбира и законченное *саямом*» [12]. Слово *намаз* с семантикой «поклонение, молитва» восходит к персидскому языку и считается синонимом арабского слова *саяят*, переводимого как «мольба, поклонение, дуа». Следует заметить, в русскоязычном мусульманском пространстве при религиозной коммуникации отдается предпочтение лексеме персидского происхождения *намаз*. Эта лексема представлена во многих словарях и справочниках как адаптированное к системе русского языка лексическое заимствование.

Молитва – это важнейшая часть духовной жизни верующего человека, независимо от того, христианин или мусульманин, обращение, призыв прежде всего к Богу/Аллаху, упование на Его милость и могущество, молитва способствует возникновению и укреплению истинной любви к Создателю. Как указывают теологи, молитва может быть как словесной (вербальной), так и мысленной (невербальной). По терминологии православных богословов, молитва может быть как внешней, так и внутренней.

Каноническая мусульманская молитва – араб. *саяят*; перс., рус., общедаргест. *намаз* – является одним из столпов Ислама, обязательным действием для каждого мусульманина (пятикратная молитва – *фарз/д*). Намаз – ритуальная последовательность определенных телодвижений и чтение кратких или длинных молитвенных формул с упоминанием имени Аллаха, чтением аятов из Корана.

Сравнительный анализ изучаемого понятия в христианской и исламской картинах мира свидетельствует об их серьезных различиях и специфике структуры, словесном воспроизведении, жесткой регламентированности молитвы в мусульманском сознании, диктуемой канонами исламского права. К примеру, различаются следующие виды молитвы в исламе: обязательные – *фард*; желательные – *сунна*; необходимые – *ваджиб*; дополнительные – *нафиль*. Вся арабская терминология используется путем калькирования в русском и других языках.

«Основную структурную единицу намаза называют *ракаатом* (циклом). Любой намаз состоит из определенного количества *ракаатов*» [13, с. 58].

Концептуальные признаки МОЛИТВЫ в арабоязычной концептосфере, представляющие понятийную составляющую религиозного понятия, сводятся к следующим обязательным каноническим элементам (араб. *рукн*, во мн.ч. *арканы*):

- 1) «Направление молящегося»: (лицом и грудью) к Каабе;
- 2) «Намерение»: словесное и мысленное (завершается *такбиром* (араб.) «Аллаху акбар»);

- 3) «Стояние» с одновременным чтением суры «Аль-Фатиха» (первой суры Корана);
- 4) «Поясной поклон» (араб.: *руку'*) с одновременным произнесением *такбира*;
- 5) «Выпрямление» (араб.: *и'тидаль*) с произнесением «Сами'аллаhu лиманхамидах»;
- 6) «Земной поклон» (араб.: *суджуд*) с произнесением *такбира* (дважды);
- 7) «Сидение» и одновременное чтение араб.: *ташаххуда* («Ат-Тахийят»);
- 8) «Заключительный *Салям*».

Соблюдение определенного времени совершения того или иного намаза, количества *ракаатов* в нем является регламентированным каноном веры.

Рассмотрим лексемы-репрезентанты ядерной зоны номинативного поля МОЛИТВА в арабском языке.

سَجَدَ I u سَجُودٌ 1) кланяться, падать ниц; 2) поклоняться;

سَجْدَةٌ 1) поклон; 2) поклонение;

سَاجِدٌ мн. سَاجِدٌ поклоняющийся.

Суджуд – склонять голову, поклоняться, совершать в намазе земной поклон. Согласно Корану, все мироздание совершает поклоны Аллаху: «Разве ты не видел, что Аллаху поклоняется и тот, кто в небесах, и кто на земле: и солнце, и луна, и звезды, и горы, и деревья, и животные, и много людей: и много тех, для кого заслужено наказание» (22: 18) *أَلَمْ تَرَ أَنَّ اللَّهَ يَسْجُدُ لَهُ مَنْ فِي السَّمَاوَاتِ وَمَنْ فِي الْأَرْضِ وَالشَّمْسُ وَالْقَمَرُ وَالنُّجُومُ وَالْجِبَالُ وَالشَّجَرُ* (22: 18) *وَالدَّوَابُّ وَكَثِيرٌ مِّنَ النَّاسِ وَكَثِيرٌ حَقَّ عَلَيْهِ الْعَذَابُ*.

О потребности земных поклонов мусульман упоминается и в аяте Корана: «О вы, которые уверовали! Кланяйтесь и падайте ниц, поклоняйтесь вашему Господу и творите добро, - может быть вы будете счастливы» (22: 77) *[14]* *يَا أَيُّهَا الَّذِينَ آمَنُوا ارْكَعُوا وَاسْجُدُوا وَاعْبُدُوا رَبَّكُمْ وَافْعَلُوا الْخَيْرَ لَعَلَّكُمْ تُفْلِحُونَ* (22: 77).

Земной поклон осуществляется лишь Аллаху. В Исламе запрещаются земные поклоны человеку. Для номинации человека, который поклоняется Аллаху используют термин *сәәд* «поклоняющийся».

Вместе с тем необходимо отметить, что *руку* (араб. *ركوع*), обозначая поясной поклон при совершении молитвы мусульман, имеет еще одно значение, можно сказать омонимичную семантику: *руку* также обозначает цельную группу аятов, объединённых одной темой. К примеру, первые семь аятов суры Корана составляют одну *руку*. В некоторых изданиях их помечают знаком *ع*. Целью такого деления является чтение Корана в молитве без прерывания смыслового повествования (то есть после этой группы стихов совершают следующий элемент молитвы – поклон *руку*).

Рассмотрим более подробно один из репрезентантов концепта МОЛИТВА лексему арабского происхождения – *дуа*.

Ду'а (араб. *دعاء*) «мольба, взывание. Мольба возносится Аллаху тогда, когда человек чувствует свою слабость и ничтожность перед Его всемогуществом. Во время молитвы, раб может попросить помощи у Аллаха в каком-либо деле; либо молить Его о том, чтобы Он отвел от него беду; либо же мольба может означать выражение любви верующего к своему Творцу. Правверные мусульмане в своей повседневной жизни всегда молят Аллаха о помощи, когда начинают какое-либо дело» [15].

Согласно арабско-русскому словарю Баранова:

دَعَا I u دُعَاءٌ 1) «звать, призывать (к чему *ل*); взывать, вызывать; *الله* ~ взывать к Аллаху; *إذا ما دعت الضرورة إلى* цифра, вызывающая смех; смехотворная цифра; 2) приглашать (на что *3*; *إلى*); называть; (*بزيد*); он назвал его Зейдом; 4) страд. называться, именоваться; 5) побуждать (к чему *إلى*); требовать 6) благословлять (кого); призывать благословение (на кого *ل*); желать (добра, успеха *ب* кому *العمر*); *له بطول البقاء (العمر)* ~ желать кому-л. долгой жизни; *له بسفر سعيد* пожелать кому-л. счастливого пути; 7) содействовать (кому *ل*) проклинать (кого *على*)» [11].

В Коране сказано: «*Ваш Господь сказал: Взывайте ко Мне, и Я отвечу вам*» – «*ادْعُونِي أَسْتَجِبْ لَكُمْ*». В связи с этим в Сунне пророка Мухаммада есть много примеров того, как и в каких случаях желательно обращаться к Аллаху, чтобы заслужить его милость, благословение и защиту» [16]. Мусульманская молитва *дуа* или мольба – это прошение к Аллаху, которая является произвольной или взятой из молитв Пророка Мухаммеда, при ее произнесении нет канонических ограничений: времени, омовения (очищения), выбор языка и др. Верующие произносят *дуа* в самых разных ситуациях жизни после того, как совершен ритуальный намаз, после совершения зикра, в разных ситуациях. Читая *дуа*, мы поклоняемся Аллаху, просим Его о милости, очищении от грехов, исцелении от болезней, укреплении веры (имана), заступничестве в Судный день. Как сказал в Коране Всевышний: «Обращайтесь ко Мне с *дуа* – и Я отвечу вам» (сура Гафир Прощающий) [14]. В Сунне Пророка Мухаммада неоднократно было сказано о том, когда к Аллаху следует обращаться и в каких случаях, чтобы милость его, благословение и защиту снискать.

Таким образом, сопоставление сущности понятия МОЛИТВА в арабском и русском языках, показало, что, во-первых, необходимо дифференцировано рассматривать МОЛИТВУ как коммуникативный жанр

религиозного языка (тогда будет рассмотрен предмет в дискурсивно-коммуникативном аспекте) и как лингвокультурологический концепт МОЛИТВА (рассмотрение в семантико-когнитивном аспекте); во-вторых, сходством в христианской и исламской картинах мира является двунаправленность концепта МОЛИТВА: а) каноническая молитва (*саяят, намаз*), ритуализованная в соответствии с правилами каждой религии; б) молитва-просьба (*дуа*), обращенная к Всевышнему в произвольной форме; в-третьих, основные различия исследуемых концептосфер свидетельствуют о многочисленных контрастных свойствах концептуального поля молитвы в каждом из сопоставляемых языков, что обосновывается прежде всего системой языка, объективирующей религиозные понятия мусульман и христиан.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5 – 32
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика". Москва: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008, № 1. С. 162 – 167.
5. Магомедова П.А. Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 150 – 182.
6. Магомедова П.А., Гасанова М.А., Гаджихмедов Н.Э., Кангиева А.М. Исламский дискурс в мультиязыковом пространстве: теолингвистический подход. Махачкала: Алеф, 2023. 318 с.
7. Кырлежев А.И. Молитва // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / Научно.-ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М., Мысль. 2010. Т. 1-4. 2816 с. [Электронный ресурс]. Код доступа: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fb2dd8032818c2096bb (дата обращения: 10.01.2023)
8. Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А., Еврокатов А.М. Молитва в системе религиозного культа // Вестник омской православной духовной семинарии. 2021. № 2 (11). С. 31 – 45
9. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1535 с.
10. Молитва / Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. Код доступа: classes.ru/all-russian/russiandictionary-Efremova-term-46727.htm (дата обращения: 10.01.2023)
11. Арабус (арабско-русский и русско-арабский словарь под ред. Баранова Х.К.). URL: <http://arabus.ru/>
12. URL: <https://m.islam-today.ru/veroucenie/poklonenie/skolko-raz-v-korane-upominaetsa-slovo-namaz/>
13. Намаз – опора религии: По мазхабу имама аш-Шафи'ий. (Отдел исламского просвещения Духовного управления мусульман Дагестана). Махачкала, 2006. 136 с.
14. Кулиев Э.Р.: пер. смыслов Э.Р. Кулиев. 6-е изд., испр. М.: Умма, 2007. 688 с.
15. Али-заде А.А. Дуа // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.
16. Ат-Тирмизи А-Д. Сунан Ат-Тирмизи]. Бейрут: Дар аль-Муассаса ар-Рисаля ан-Наширун, 2015. 413 с.

References

1. Arutjunova N.D. Metafora i diskurs. Teorija metaforoy. M., 1990. S. 5 – 32
2. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGG «Gnozis», 2003. 280 s.
3. Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Nauch.-issled. lab. "Aksiol. lingvistika". Moskva: GNOZIS, 2004. 389 s.
4. Bobyрева E.V. Religioznyj diskurs: cennosti i zhanry. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008, № 1. S. 162 – 167.
5. Magomedova P.A. Opyt semantiko-kognitivnogo modelirovaniya religioznoj kartiny mira v raznostrukturnyh jazykah (na primere koncepta HARAM). Nauchnyj dialog. 2023. T. 12. № 4. S. 150 – 182.
6. Magomedova P.A., Gasanova M.A., Gadzhiahmedov N.Je., Kangieva A.M. Islamskij diskurs v mul'tijazykovom prostranstve: teolingvisticheskiy podhod. Mahachkala: Alef, 2023. 318 s.
7. Kyrlezhev A.I. Molitva. Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4-h t. Nauchno.-red. sovet: V.S. Stjopin, A.A. Gusejnov, G.Ju. Semigin, A.P. Ogurcov. 2-e izd., ispr. i dopol. M., Mysl'. 2010. T. 1-4. 2816 s. [Jelektronnyj resurs]. Kod dostupa: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6fb2dd8032818c2096bb (data obrashhenija: 10.01.2023)
8. Sulejmanov T.F., Kashapov U.A., Evroatov A.M. Molitva v sisteme religioznogo kul'ta. Vestnik omskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii. 2021. № 2 (11). S. 31 – 45

9. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. sost. i gl. red. S.A. Kuznecov; RAN, In-t lingvist. issled. Sankt-Peterburg: Norint, 1998. 1535 s.
10. Molitva. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolково-slovoobrazovatel'nyj [Jelektronnyj resurs]. Kod dostupa: classes.ru/all-russian/russiandictionary-Efremova-term-46727.htm (data obrashhenija: 10.01.2023)
11. Arabus (arabsko-russkij i russko-arabskij slovar' pod red. Baranova H.K.). URL: <http://arabus.ru/>
12. URL: <https://m.islam-today.ru/veroucenie/poklonenie/skolko-raz-v-korane-upominaetsa-slovo-namaz/>
13. Namaz – opora religii: Po mazhabu imama ash-Shafi'ij. (Otdel islamskogo prosveshhenija Duhovnogo upravlenija musul'man Dagestana). Mahachkala, 2006. 136 s.
14. Kuliev Je.R.: per. smyslov Je.R. Kuliev. 6-e izd., ispr. M.: Umma, 2007. 688 s.
15. Ali-zade A.A. Dua. Islamskij jenciklopedicheski slovar'. M.: Ansar, 2007. 400 s.
16. At-Tirmizi A-D. Sunan At-Tirmizi]. Bejrut: Dar al'-Muassasa ar-Risalja an-Nashirun, 2015. 413 s.

*Magomedova P.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Itueva M.T., Postgraduate,
Dagestan State University*

On the question of the religious concept of *prayer* in the Arabic and Russian languages

Abstract: the article is devoted to the formulation of the problem of linguistic objectification of the religious concept PRAYER in Arabic and Russian linguistic cultures. The main goal of the study is to establish similarities and differences in the linguistic representation of one of the main communicative genres of religious communication between Muslims and Orthodox Christians – PRAYER, which is considered as a genre of religious discourse in various denominations, as well as a religious concept. The conceptual and value components of this concept reveal a significant contrast in the compared linguistic cultures, by analogy with differences in content and external objectification in various confessional pictures of the world. The lexemes-representatives of this concept in each of the compared languages are analyzed, while similarities and differences in the structure and content of the studied concept in languages with different structures are revealed.

Keywords: religious discourse, Russian language, Arabic language, concept, PRAYER, prayer, supplication

For citation: Magomedova P.A., Itueva M.T. On the question of the religious concept of prayer in the Arabic and Russian languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 191 – 195.

Узенцова Е.А., кандидат филологических наук,
Молчанова С.Е., кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия

Некоторые особенности репрезентации концепта *легкость* в рекламе

Аннотация: целью данной статьи является изложение результатов исследования особенностей репрезентации концепта *легкость* в текстах телевизионных рекламных сообщений. Глубокий смысл понятия концепт стимулирует интерес ученых к его всестороннему изучению и систематизации представлений о нем. В условиях развития языка содержание концепта неисчерпаемо, что обуславливает актуальность его как объекта лингвистических исследований. Не менее востребованы для изучения и вопросы языкового оформления рекламных сообщений, поскольку реклама ощутимо влияет на жизнь современного человека. В данной работе представлен краткий обзор теоретических подходов к изучению концепта с позиций лингвистики, отражены взгляды ученых на природу концепта. В соответствии с методикой семантико-когнитивного анализа авторами проведено детальное изучение специфики реализации значений полисемичного слова-репрезентанта в текстах, сопровождающих коммерческие рекламные видеосюжеты. На основании лексикографической информации, авторами сформулированы значения, которые детерминируют концепт *легкость*. В статье детально рассмотрены значения, наиболее вариативно объективированные в ядерной и периферийной зонах номинативного поля концепта.

Ключевые слова: концепт, семантико-когнитивный анализ, семантика, репрезентация концепта, трансформация значения, сема

Для цитирования: Узенцова Е.А., Молчанова С.Е. Некоторые особенности репрезентации концепта *легкость* в рекламе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 196 – 201.

В современной науке изучение концептов является одним из актуальных направлений исследований в различных областях знания. Многоплановость природы данного явления обращает на себя внимание и лингвистической науки в том числе. Несмотря на существенные достижения в сфере изучения концептов, ученым до сих пор не удалось прийти к единому толкованию данного понятия, поскольку его содержание варьируется в разных научных взглядах лингвистов. Е.С. Кубрякова рассматривает концепт как единицу «ментального лексикона» и отмечает выраженность наиболее важных концептов в языке [5, с. 90-92]. В.И. Карасик подчеркивает ментальность концепта и его способность отражать фрагменты жизненного опыта, хранящиеся в памяти человека [12]. С.Г. Воркачев характерными чертами концептов считает репрезентированность в языке и наличие этнокультурной специфики [9, с. 43]. З.Д. Попова, И.А. Стернин полагают, что языковое выражение и этнокультурная отнесенность не являются обязательными, поскольку существует множество невербализованных и бытовых, не обладающих этнокультурной спецификой концептов. Так же, они считают целесообразным рассматривать концепт как единицу мышления, а не памяти [3].

Непрерывное развитие языка, качественная и количественная трансформация его лексического состава наряду с жесткостью и своего рода открытостью структуры усиливают интерес к изучению особенностей языковой объективации концептов на определенных этапах развития общества. Рассмотрение вербализации концепта целесообразно начинать с описания номинативного поля, к которому относится ключевое слово-репрезентант в его прямом и переносном осмыслении; его системные и контекстуальные синонимы; однокоренные слова различной морфологической, семантической и синтаксической принадлежности; окказиональные авторские номинации; свободные, устойчивые, фразеологически связанные словосочетания; паремии; номинации, созданные с использованием метафорического переосмысления или устойчивых сравнений; ассоциаты, а также более сложные синтаксические конструкции, отражающие содержание концепта. Все эти элементы распределяются в ядерной и периферийной зонах номинативного поля в зависимости от способности эксплицитировать содержание концепта непосредственно или опосредованно, в определенных коммуникативных ситуациях.

Реклама как разновидность массовой коммуникации имеет своей целью информирование, привлечение внимания и управление потребительским спросом путем передачи сведений о рекламируемом объекте с применением различных сигналов, к числу которых относится и рекламный текст [1]. Исследования теории рекламного текста отмечают ряд его характерных черт, а именно: конкретность, целенаправленность, доказательность, логичность построения, доходчивость, лаконичность, оригинальность, информативность, действенность, а также литературная грамотность [6]. Эти характеристики можно рассматривать в качестве требований к организации текста для его максимальной функциональной и прагматической эффективности.

Реализация информативной, регулятивной и манипулятивной функций в рамках ограниченного рекламного пространства и времени обуславливает необходимость качественной организации рекламного текста и актуализирует концепт с его ментальным характером.

Трансформации современной действительности привели к тому, что социальное бытие справедливо описывать такими характеристиками как «...гибкость, и изменчивость, а также многообразие, множественность, вариативность и сложность...» [4]. Своеобразным ответом на «тяжесть» бытия и мироощущения современного человека звучит мотив легкости, отличающийся от обыденного и тем самым привлекающий внимание и обнадеживающий. Это противопоставление, на наш взгляд, становится одним из наиболее востребованных в рекламной деятельности, поскольку помогает продемонстрировать отличие и превосходство рекламируемого объекта в сравнении с уже известными аналогами. Данное наблюдение обусловило выбор темы нашего исследования и вызвало интерес к рассмотрению особенностей репрезентации концепта *Легкость* в рекламе.

Основываясь на предложенной З.Д. Поповой, И.А. Стерниным [3] методике семантико-когнитивного анализа в качестве ключевого слова концепта нами установлена лексема *легкость*, поскольку она максимально полно отвечает требованиям к репрезентанту: она обладает определенной степенью абстрактности, стилистически нейтральна, имеет субстантивную форму. Анализ лексикографической информации свидетельствует о ее многозначности. «Толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова [11] предлагает следующие значения:

1. отвлеч. сущ. к *легкий* во всех знач., кроме 8.
2. Чувство внутренней (физической или психической) свободы, радостного покоя.
3. Ловкость, подвижность (книжн.).
4. Легкомыслие, несерьезность (шутл.)

Отсылка к толкованию имени прилагательного, позволяет сформулировать в качестве рабочих вариантов следующие значения репрезентанта *Легкость*:

1. Незначительность по весу, размеру, толщине и т.п.
2. Простота для усвоения, доступность понимания
3. Незначительность по силе, степени проявления, влияния
4. Поверхностность
5. Мягкость характера, уживчивость
6. Непринужденность, игривость, изящество
7. Плавность, гладкость (о движении)
8. Чувство внутренней (физической или психической) свободы, радостного покоя

Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [2] в толковании лексемы *легкость* также отсылает к соответствующему прилагательному, однако перечень значений последнего расширен дефинициями «достигающийся без особого физического напряжения; без труда, без усилий» и «не вызывающий ощущения тяжести в желудке (о лёгкой перевариваемости пищи)». Это позволяет нам дополнить перечень рабочих вариантов следующими формулировками:

9. Возможность сделать что-либо без физического напряжения, без усилий
10. Способность пищи перевариваться организмом, не вызывая при этом ощущения тяжести.

С учетом полисемии, парадигматических корреляций и широких словообразовательных возможностей номинативной поле концепта *Легкость* может быть представлено десятками единиц: невесомость, воздушность, эфирность, простота, несложность, элементарность, доступность, необременительность, безболезненность, изящество, несерьезность, легкомысленность, легкий, безрассудный, беззаботный, беспечный, маловесный, сподручный, портативный, нетрудный, небольшой, нежный, слабый, тонкий, грациозный, легко, просто, без труда, с легким сердцем и т.д.

В целях нашего исследования методом сплошной выборки в потоке телеэфира было отмечено более 200 рекламных видеороликов, в которых объективируется концепт *Легкость*. Анализ материала позволил сделать вывод о том, что в современной рекламе данный концепт номинируется неоднородно, некоторые элементы значения мало представлены, в то время как другие репрезентированы единицами разных языковых уровней.

Изучения содержания рекламных продуктов показывает частотность и разнообразие репрезентаций концепта *Легкость* в сформулированном выше значении «способность пищи перевариваться организмом, не вызывая при этом ощущения тяжести». Демонстрация такой особенности продуктов питания чаще всего осуществляется с помощью лексемы *легкий*. Однако стоит отметить некоторое расслоение данного значения в рекламном тексте, в зависимости от вида рекламируемого продукта актуализируются разные семы. Ряд рекламных текстов подчеркивают такой оттенок значения как «низкое содержание веществ, способ-

ствующих увеличению веса человека». Так, например, низкое содержание жировых веществ в продукте объективирует концепт через такие единицы как *всего 17% жирности, не полнит* (реклама сыра Oltermanni), *гуру легкости, меньше калорий* (реклама сыра Arla Natura) *невинное удовольствие, никакой расплаты, беззаботное удовольствие* (реклама творожных продуктов «Даниссимо»), *на 50% меньше жира, запеченные* (реклама чипсов LAY'S «Из печи»), *без лишнего жира и калорий, фитнес-серия* (реклама фитнес-продуктов «Молком») и др. Низкое содержание сахара или его полное отсутствие в продукте вербализуется в рекламе посредством сочетаний *без сахара, без калорий* (реклама напитков марки Coca-Cola), *на 30 % меньше сахара и меньше калорий* (реклама йогурта Valmiera), *ничего лишнего, отличный вкус вместо калорий* (реклама напитков марки Pepsi), *вдвое меньше калорий и без добавления сахара* (реклама шоколада Red), *легкие рецепты, 1 хлебец – 17 калорий, вкусный перекус без угрызений совести* (реклама хлебцов Dr.Korner). Примечательно, что в одних рекламных текстах упоминание о низком количестве или отсутствии сахара в продукте акцентирует внимание на снижении риска увеличения веса, в то время как в других сахар позиционируется как вредный для здоровья продукт (реклама каши Nestle – *чистая рецептура без сахара*)

Нередко упомянутая выше часть значения репрезентанта концепта *Легкость* выражается с помощью англоязычных лексем *zero* и *light*. Первая в переводе на русский язык означает «ноль» и отражает лишь часть значения, указывая на отсутствие какого-либо вещества в продукте. Слово *light* характеризуется полисемичностью и в английском языке выражает разные значения, частично совпадающие с толкованием русского прилагательного *легкий*. Подчеркнем, что, несмотря на множественность вариантов перевода и значений английского слова, в русскоязычной рекламе наблюдается его использование лишь в значении *легкий*. Не менее популярным становится ее употребление и в виде переданного с помощью средств русской графики слова *лайт*. Такие единицы номинируют малое количество жировых веществ в продуктах марки «Индилайт», отсутствие сахара в популярных напитках, а также уровень содержания этилового спирта в безалкогольных напитках (реклама напитка Abrau Light Zero).

В ходе изучения рекламных текстов выявлено, что концепт *Легкость* характеризует не только рекламируемые объекты, но и физическое состояние человека как результат их употребления. К числу единиц, вербализующих исследуемый концепт, можно отнести непосредственно само слово-репрезентант *легкость*, а также лексемы и сочетания *почувствуй легкость, ощути легкость, сбрось оковы пищеварения, очищение, комфортное пищеварение, здоровый кишечник, надежное облегчение, никакой тяжести, хорошее настроение, настроение на высоте, праздник, комфорт, движение, комфортно, легко, летать как пушинка, порхать* и др. Полагаем, что именно прагматические особенности рекламного текста позволяют относить некоторые единицы к числу вербализаторов концепта *Легкость*. Так, например, стереотипно слово *праздник* в контексте упоминания о приеме пищи ассоциируется с перееданием, обжорством, ощущением тяжести. В тексте *Чувствуй праздник, а не тяжесть* (реклама продуктов марки Activia) окказиональная антонимия формирует новое понимание и помогает передать уникальность рекламируемого продукта по отношению к привычному восприятию.

Описание желаемого физического состояния средствами объективации концепта *Легкость* встречается в рекламе не только продуктов питания и напитков, но и различных лекарственных средств. В этой категории концепт репрезентирован единицами *почувствуйте легкость, надежное облегчение, легкое утро, дарит комфорт и легкость* (реклама лекарственных средств для пищеварительной системы), *облегчение симптомов, конец эпохи женской боли* (реклама обезболивающих препаратов), *легкое дыхание без боли, насморка и дискомфорта, дыши легко, облегчает дыхание, дыши здоровьем, способствует избавлению от ощущения тяжести в голове* (реклама средств против заложенности носа), *оказаться в невесомости, побежали, легкость ног, легкий шаг, походка легка, устраняет симптомы, французская легкость ваших ног, облегчение боли, отеков и тяжести* (реклама препаратов при нарушениях кровотока в ногах). В отличие от ранее приведенных примеров, где концепт *Легкость* репрезентирован в контексте взаимосвязи пищи и физического состояния, здесь по большей части реализуются сформулированные нами рабочие значения 8 и 9.

Анализ содержания отобранного для исследования материала показал частотность репрезентации концепта *Легкость* в контексте описания способности не отягощать и незначительного веса рекламируемого продукта. Данное значение в рекламных текстах преимущественно вербализуется с помощью таких частотных единиц как *легкость, невесомость, невесомый объем, ультралегкая текстура, невесомая текстура, комфортная текстура, дышащая формула, воздушная формула, легкая текстура, нежирная текстура, легкий флюид, не утяжеляет, не оставляет нежелательного утяжеления, без эффекта маски, естественно* и единичных употреблений *не дает эффекта штуркутки, неосязаемое естественное покрытие, невесомая вуаль тона* (реклама тональных средств марки L'Oreal), *воздушная тональная пенка, невесомое совершенство, насыщена молекулами кислорода* (реклама тонального мусса марки Maybelline NY), *невесо-*

мость цвета (реклама губной помады марки Avon), воздушная пенка, 0% утяжеления (реклама средства для волос марки Pantene) и др.

Определенную популярность в современной рекламе приобретает мотив легкости в продвижении различных услуг и сервисов. Внимание потребителя привлекается за счет описания возможности сделать что-либо без физического напряжения, без усилий с помощью таких конструкций как *вклад «Раз, два, три» для легкого преумножения денежных средств* (реклама услуг банка ТХБ), *роуминг налегке, не надо разбираться в местных тарифах и брать две симкарты* (реклама услуг связи Beeline), *одним пальцем, в один клик* (реклама услуг банка ВТБ), *подать онлайн-заявку за один клик* (реклама сервисов Сбербанка), *всегда рядом, быстро и с комфортом* (реклама услуг МФЦ), *чтобы продать или купить, не надо далеко ходить* (реклама торговой платформы Юла). Аналогичное осмысление изучаемого концепта представлено и в рекламе технологических особенностей новых технических разработок, например, *без особых усилий, беспроводная передача данных, без кабеля, легко использовать* (реклама техники LG), *путешествуй налегке* (реклама планшета Yoga Book), *помогать друг другу легко и просто, справится даже ребенок* (реклама техники для дома марки Veine Liebe). Возможность без усилий добиться желаемого эффекта репрезентируется и в рекламе бытовой химии: *уже после первой стирки, эффективен с первого раза* (реклама отбеливающего порошка Vanish), *легко справится, идеально чисто с первого раза* (реклама моющего средства Fairy) и др. Единичны репрезентации и в рекламе косметических средств: *минимум усилий* (реклама тонального крема Mary Kay), *ты сама себе мастер; сделай клик, маскируй, выделяй, корректируй* (реклама косметики марки Maybelline).

Целесообразно отметить, что телевизионная реклама в отличие от других ее разновидностей обладает способностью передавать информацию о предмете вербально и невербально [7], что значительно расширяет возможности реализации рекламной стратегии. По мнению Т.Г. Утробинной, визуальное представление информации в рекламном сообщении эффективно «для текстов, доминантным вербальным концептом которых является семантически абстрактное слово, не имеющее прямых денотативных связей с изображением» [10]. Проведенное исследование показало, что в концепт *Легкость* репрезентируется в рекламе не только за счет вербального выражения. Авторы нередко прибегают к использованию некоторых образов, метафорическое переосмысление которых усиливает акцент на концептуальное содержание сообщения. Так, например, в рекламе продуктов, не вызывающих ощущения тяжести и не способствующих увеличению веса, фигурируют образы балерины (реклама майонеза «Calve легкий»), гимнастки (реклама обезжиренных продуктов марки «Молком»), статуи Венеры (реклама мягкого BioBalance), спортивной тренировки, не сопряженной с изнуряющей физической активностью (реклама чипсов LAY'S «Из печи»), прямо отражающие основную идею. Способность улучшать физическое состояние поддерживается демонстрацией разрывающихся цепей, полета в невесомости, бега, танца и др.

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что полисеманτικότητα ключевого слова концепта *Легкость* позволяет ему объективироваться в разноуровневых вербальных единицах ядерной и периферийной зоны номинативного поля. При этом единицы ядерной зоны можно считать универсальными для разных семантических интерпретаций, в то время как репрезентанты периферийной зоны варьируются в значительной степени. В современной рекламе элементы значения концепта *Легкость* вербализуются неравномерно, что объясняется способностью в некоторых значениях выступать характеристикой более абстрактных, непредметных, неосязаемых явлений, не нуждающихся в продвижении и активизации к себе потребительского интереса.

Литература

1. Брянская О.Л. Реклама как форма маркетинговых коммуникаций // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 5 – 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-forma-marketingovyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 30.04.2023)
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-203-3> (дата обращения: 06.05.2023)
3. З.Д. Попова И.А. Стернин. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
4. Кармазина Е. В. «Невыносимая легкость» современности // Идеи и идеалы. 2013. № 4 (18). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevynosimaya-legkost-sovremennosti> (дата обращения: 19.03.2023)
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

6. Розенталь Д., Кохтев Н. Язык рекламных текстов : учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высш. шк., 1981. 127 с.
7. Седова Н.А. Концепт "часть целое" в рекламных текстах и способы его репрезентации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 3 (23). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chast-tseloe-v-reklamnyh-tekstah-i-sposoby-ego-reprezentatsii> (дата обращения: 24.03.2023)
8. Стрельникова Е.С. Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2006. № 5. С. 62 – 68. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-obekt-izucheniya-v-sovremennoy-lingvisticheskoy-literature> (дата обращения: 30.03.2023)
9. Счастье как лингвокультурный концепт: монография. Москва: Гнозис, 2004. 236 с.
10. Утробина Т.Г. Психолингвистическое моделирование смысла визуализации вербальных концептов в рекламе // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskoe-modelirovanie-smysla-vizualizatsii-verbalnyh-kontseptov-v-reklame> (дата обращения: 20.05.2023)
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка/ под ред. Н. Ф. Татьянченко. – Москва: Аль-та-Пресс, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-ushakov/fc/slovar-203-3> (дата обращения: 02.05.2023)
12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика". Москва: ГНОЗИС, 2004. 389 с.

References

1. Brjanskaja O.L. Reklama kak forma marketingovyh kommunikacij. Nauka bez granic. 2017. № 5 (10). S. 5 – 11. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-forma-marketingovyh-kommunikatsiy> (data obrashhenija: 30.04.2023)
2. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij jazyk, 2000. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-203-3> (data obrashhenija: 06.05.2023)
3. Z.D. Popova I.A. Sternin. Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka: Monografija. Voronezh: izd-vo «Istoki», 2007. 250 s.
4. Karmazina E. V. «Nevynosimaja legkost'» sovremennosti. Idei i idealy. 2013. № 4 (18). [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevynosimaya-legkost-sovremennosti> (data obrashhenija: 19.03.2023)
5. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. Pod obshh. red. E.S. Kubrjakovoj. Moskva: Filol. fak. MGU, 1996. 245 s.
6. Rozental' D., Kohtev N. Jazyk reklamnyh tekstov : ucheb. posobie dlja vuzov po spec. «Zhurnalistika». M.: Vyssh. shk., 1981. 127 s.
7. Sedova N.A. Koncept "chast' celoe" v reklamnyh tekstah i sposoby ego reprezentacii. Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologija. 2013. № 3 (23). [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-chast-tseloe-v-reklamnyh-tekstah-i-sposoby-ego-reprezentatsii> (data obrashhenija: 24.03.2023)
8. Strel'nikova E.S. Reklama kak ob#ekt izucheniya v sovremennoj lingvisticheskoy literature. Vestnik VolGU. Serija 2, Jazykoznanie. 2006. № 5. S. 62 – 68. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-obekt-izucheniya-v-sovremennoj-lingvisticheskoy-literature> (data obrashhenija: 30.03.2023)
9. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept: monografija. Moskva: Gnozis, 2004. 236 s.
10. Utrobina T.G. Psiholingvisticheskoe modelirovanie smysla vizualizacii verbal'nyh konceptov v reklame. Jazyk i kul'tura (Novosibirsk). 2012. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskoe-modelirovanie-smysla-vizualizatsii-verbalnyh-kontseptov-v-reklame> (data obrashhenija: 20.05.2023)
11. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka/ pod red. N. F. Tat'janchenko. – Moskva: Al'-ta-Press, 2005. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-ushakov/fc/slovar-203-3> (data obrashhenija: 02.05.2023)
12. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. Nauch.-issled. lab. "Aksiol. lingvistika". Moskva: GNOZIS, 2004. 389 s.

*Uzentsova E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Molchanova S.E., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate professor,
Russian State University of Justice*

Some peculiarities of representation of the concept "lightness" in advertising

Abstract: the purpose of this article is to present the results of a study of the features of representing of the concept Lightness in the texts of television advertising messages. The deep meaning of the concept stimulates the interest of scientists in its comprehensive studying and systematizing of ideas about it. Under the conditions of language development, the content of the concept is inexhaustible; this fact determines its relevance as an object of linguistic research. No less in demand for study are the issues of the language design of advertising messages, since advertising significantly affects the life of a modern person. This paper presents a brief overview of theoretical approaches to the study of the concept from the standpoint of linguistics, reflects the views of scientists on the nature of the concept. In accordance with the methodology of semantic-cognitive analysis, the authors carried out a detailed study of the specifics of the realization of the meanings of a polysemic word-representative in texts accompanying commercial advertising videos. Based on lexicographic information, the authors formulate meanings that determine the concept of Lightness. The article considers in detail the meanings objectified in the nuclear and peripheral zones of the nominative field of the concept in the most variable way.

Keywords: concept, semantic-cognitive analysis, semantics, concept representation, meaning transformation, seme

For citation: Uzentsova E.A., Molchanova S.E. Some peculiarities of representation of the concept "lightness" in advertising. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 196 – 201.

**Керимов К.Р., доктор филологических наук, профессор,
Шихшалилов М.П.,
Дагестанский государственный университет**

Грамматические конструкции сравнения в арабском, даргинском и русском языках

Аннотация: статья посвящена категории сравнения, которую чаще называют в современной лингвистике категорией компаративности. Компаративность выражается в языках при помощи грамматических и неграмматических средств. Под грамматическими средствами мы имеем в виду морфологическую грамматическую категорию, структурированную оппозицией граммем сравнительной семантики. Так, в арабском и русском языках компаративные конструкции строятся при помощи специализированного средства – грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, выражающих различие между сравниваемыми объектами. В даргинском языке такой категории нет, различие выражается при помощи синтаксической конструкции. Специализированными формами, построенными при помощи морфем *-ван*, *-цад*, *-гъуна*, в даргинском языке выражается признак *сходства* (*равенства*, *идентичности*) поля компаративности. Т.е., компаративность состоит из двух семантических компонентов – *равенства* (*сходства*, *идентичности* и т.п.) и *неравенства* (*различия*, *супериорности* либо *инфериорности* и т.п.).

Ключевые слова: компаративность, даргинский язык, арабский язык, степени сравнения, различие, идентичность

Для цитирования: Керимов К.Р., Шихшалилов М.П. Грамматические конструкции сравнения в арабском даргинском и русском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 202 – 204.

Исследования языков, которые генетически и типологически далеки друг от друга, в последнее время стали обретать актуальность. Это обусловлено тем, что выявление и систематизация сравнительных конструкций, отражающих картину мира носителей языка, является одной из актуальных задач лингвистики.

Как указал А.Е. Кибрик, малые языки, сохраняющие атрибуты более архаичного состояния, предоставляют необходимые данные для проверки и корректировки представлений человека о праязыковой системе, которые также позволяют приблизиться к проблеме взаимосвязи языка и сознания. Особый интерес в этом отношении представляет материал языков Дагестана, которые обладают замечательной системой ценностей, прозрачной и гармоничной, представляющей интерес не только с морфологической, но и с семантической точки зрения [7, с. 112].

Функционально-семантическая категория компаративности (сравнения) складывается из разных семантических признаков, которые формируются в результате мыслительной операции сравнения объектов окружающего мира. Сравнение – это понятие равенства-неравенства, большей или меньшей степени качества, выражающееся как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии. Это языковая форма, которая сравнивает один объект с другим, который, как считается, имеет знак, аналогичный первому [2, с. 450]. Эти семантические варианты могут получить в языке как грамматические так и неграмматические (лексические, синтаксические) выражения. К грамматическим способам выражения относятся выражения семантики сравнения стандартными регулярными средствами (морфологическими показателями, специальными синтаксическими конструкциями, предназначенными именно для выражения этой семантики).

Как правило, грамматической категорией, предназначенной для выражения семантики сравнения, считается категория степеней сравнения, представленная в арабском, русском и многих других языках. Она выражается специальными морфологическими формами сравнительной, превосходной степеней прилагательного, наречия. Например, в арабском языке сравнительная степень выражается с помощью слов, образованных по модели *أفعل من* (*'af'lu min*), например *زيد أكبر من أحمد* (*Zaid akbaru min Ahmad*) «Зейд больше Ахмада». То есть, она оформляется лексически. В русском языке степень сравнения имеет следующий вид: *Этот двигатель мощнее прежнего*, где суффикс *-ее* в прилагательном *мощный* указывает на большую степень.

Однако во многих языках форма степеней сравнения прилагательного и наречия отсутствует. Так, имена прилагательные в даргинском языке не имеют степеней сравнения. Они могут даваться в языке описательно, либо при помощи формантов *-си*. Например: *ил галга ахъси саби* «это дерево высокое» (букв.: это дерево высокое есть). В этом примере прилагательное *ахъси* «высокое» с глагольной связкой *саби* «есть», которое выражает утверждение, выступает в роли предикативного члена предложения и просто подтверждает, что дерево высокое. Когда необходимо показать преимущество качественных характеристик одного

объекта над другим, то используются специальные форманты, например: *ишичиб итил галга ахъси саби* «чем это, другое дерево выше» (букв.: Чем это, другое дерево выше есть). Здесь *ахъси саби* «выше есть» не имеет грамматического отличия от предикативного члена предложения, данного в первом примере, так как в обоих примерах прилагательное *ахъси* морфологически образовано совершенно одинаково – при помощи суффикса *си*; та же грамматическая форма используется в именном значении, без сравнительных грамматических формант. Сравнение во втором примере выражается с помощью частицы *-ил*, которая добавляется к указательному местоимению *ит* «это», дабы указать на то, что другой объект в большей степени обладает этим качеством.

Другой равнозначной различию частью категории компаративности является семантический признак сходства (идентичности). Этот семантический признак имеет шансы на грамматическое проявление в языках такие же, как и признак различия. Пример такого явления можно найти в лакском языке: *мухIкунмасса* / «серповидный», *шаркунмасса* / «шарообразный», где слово *куна-сса* «подобный» выражает сходство (идентичность). Рассмотрим примеры из фразеологии: *ккаччи кунасса* / «подобный собаке» (букв.: собакоподобный); *хIурульин кунмасса шяравудуи* «девушка, словно гурия» (букв.: гурии подобная сельская девушка); *...накI кунмасса зурул чаннаву...* «в свете месяца, что подобен молоку» (букв.: молоко подобный месяца в свете) [1, с. 22, 28, 44]. Из указанных примеров видно, что слово *куна-сса* (*кунма-сса*) в лакском языке пишется раздельно. В даргинском языке признак сходства, как мы полагаем, тоже выражается аналогичными единицами, к которым относятся слитные частицы *-ван*, *-цад*, *-гъуна*, имеющие общее для всех значение «словно», «как». Но стоит отметить, что между этими компаративными частицами есть небольшое семантическое различие. Частицы *-ван* и *-гъуна* больше подчеркивают само сходство, а частица *-цад* указывает на уподобление не как особому понятию, предмету, а как некоему явлению в целом, частью которой выступает состояние или объект. Приведем примеры из фразеологии: *эмхIеван узес* «трудиться как ишак», *бецIван кайзес* «смотреть как волк» (букв.: стоять как волк). В этих примерах можно обнаружить обстоятельственное сравнение. В других примерах, как *-бягIлигъуна кIунтIбар* «красивая девушка с красивыми» (букв.: с губами, словно черешня), *бецIгъуна мурул* «отважный мужчина» (букв.: подобный волку мужчина) прослеживается атрибутивное сравнение. В приведенных примерах мы видим, что аффиксы *-ван* и *-гъуна*, хоть и содержат в себе несколько видов сравнения, подчеркивают уподобление в общем, тогда как формант *-цад* в примере *Бугъацад ваилригу хIу, илди биштIатачил хIязта виркъес* – «ты же, здоров как бык, не подобает тебе с детьми играть», также имея такие же виды сравнения, указывает на уподобление в ситуации, в которой явление или предмет является частью. Частица *-цад* в даргинском языке встречается реже, чем *-ван*, но в некоторых фразеологических конструкциях ей отдается предпочтение.

Необходимо также указать, что даргинские конструкции сравнения с формантом *-гъуна* обладают структурным вариантом, который обусловлен наличием формы множественного числа у данной частицы, т.е. – *гъунти*. Так, данный аффикс, выступающий в функции определения и изменяющийся в словоформах, имеет разные формы в единственном и множественном числах. Например, в предложении *лямцIгъуна уриши -лямцIгъунти уриши* «ловкие юноши» (юноши словно молния), аффикс *-гъуна* согласуется с числом определяемого предмета. Однако остальные компаративные частицы даргинского языка, такие как *-цад* и *-ван*, не образуют форм множественности.

Таким образом, в арабском и русском языках, грамматическое выражение специальными морфологическими средствами получает признак различия категории компаративности. В даргинском языке этот признак выражается синтаксическими конструкциями.

Грамматическое выражение морфологическими средствами в даргинском языке получает семантический признак сходства.

Обобщающим термином для обозначения этих конструкций можно считать термин категория идентичности. Если в конструкциях какого-либо языка семантический признак сходства выражается специальными морфологическими формами идентичности, и если эти конструкции имеют регулярный характер, то эти средства можно, следуя теории морфологических грамматических категорий, считать категорией идентичности, т.е., и категория степеней сравнения и категория идентичности являются компонентами единой функционально-семантической категории компаративности.

Литература

1. Аминов М.-З. Чарххудай из Хосреха (на лакском языке). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 312 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 1966. 608 с.
3. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М. Русс. яз., 1985. 944 с.
4. Гасанова У.У. Фразеологический словарь даргинского языка. Махачкала, 2018. 300 с.

5. Гранде Б.М., Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточная литература, 2001. 592 с.
6. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. Москва: Изд-во МГУ, 1990, 366 с.

References

1. Aminov M.-Z. Charhjudaj iz Hosreha (na lakskom jazyke). Mahachkala: Dag. kn. izd-vo, 1995. 312 s.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaja jenciklopedija. 1966. 608 s.
3. Baranov H.K. Arabsko-russkij slovar'. M. Russ. jaz., 1985. 944 s.
4. Gasanova U.U. Frazeologicheskij slovar' darginskogo jazyka. Mahachkala, 2018. 300 s.
5. Grande B.M., Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii. M.: Vostochnaja literatura, 2001. 592 s.
6. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopotavitel'noe izuchenie dagestanskih jazykov. Imja. Fonetika. Moskva: Izd-vo MGU, 1990, 366 s.

*Kerimov K.R., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Shikhshalilov M.P.,
Dagestan State University*

Grammatical constructions of comparison in Arabic, Dargin and Russian

Abstract: the article is devoted to the category of comparison, which is often called the category of comparative in modern linguistics. Comparativeness is expressed in languages by means of grammatical and non-grammatical means. By grammatical means we mean a morphological grammatical category structured by the opposition of grammes of comparative semantics. Thus, in Arabic and Russian, comparative constructions are built with the help of a specialized tool – the grammatical category of degrees of comparison of adjectives and adverbs that express the difference between the compared objects. There is no such category in the Dargin language, the difference is expressed with the help of a syntactic construction. Specialized forms built with the help of morphemes -van, -tsad, -guna in the Dargin language express a sign of similarity (equality, identity) of the field of comparativeness. That is, comparability consists of two semantic components – equality (similarity, identity, etc.) and inequality (difference, superiority or inferiority, etc.).

Keywords: comparability, the Dargin language, the Arabic language, degree of comparison, difference, identity

For citation: Kerimov K.R., Shikhshalilov M.P. Grammatical constructions of comparison in Arabic, Dargin and Russian. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 202 – 204.

*Крашенинников А.Е., кандидат филологических наук, доцент,
Нарбут Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Щептева В.Э.,
Северо-Восточный государственный университет*

Особенности представления темы судьбы поэта в творчестве Гэ Мая

Аннотация: статья посвящена исследованию темы поэта и его судьбы в поэзии китайского поэта Гэ Мая. Данная тема имеет свое развитие в современной китайской поэзии в творчестве таких авторов, как Хай Цзы, Ши Чжи и др. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях развития добрососедских отношений с КНР растёт интерес китайской культуре. Однако отечественных исследований, посвященных современной китайской поэзии и, в частности, анализу творчества Гэ Мая, на сегодняшний день крайне недостаточно. Переводы значительного корпуса его произведений на русский язык также практически отсутствуют. Переводы двух поэтических текстов Гэ Мая на русский язык представлены в антологии современной китайской поэзии «Азиатская медь» (2007). В процессе исследования использовался биографический метод, позволивший определить место Гэ Мая в современном литературном процессе Китая. Мотивный и интертекстуальный анализы приводят авторов к выводу, что тема поэта является сквозной в поэзии Гэ Мая. В его поэтических текстах показана нелёгкая судьба и тяжёлый путь творца об обретения идеалов до полного их краха.

Ключевые слова: Гэ Май, поэтика, современная китайская поэзия, авангардная поэзия, декаданс, образ поэта

Для цитирования: Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Особенности представления темы судьбы поэта в творчестве Гэ Мая // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 205 – 208.

В 1978 году в Китае начинает публиковаться первый авангардный журнал «Сегодня» (кит. «今天»). Это событие считается отправным пунктом существования феномена современной китайской поэзии (кит. 当代诗). Говоря о ней, как правило, подразумевают поэзию последних тридцати лет. В этот период на поэтической сцене Китая появляется ряд известных не только в Поднебесной имён: Бэй Дао (кит. 北岛), Ман Кэ (кит. 芒克), Шу Тин (кит. 舒婷), Хайцзы (кит. 海子) и др. Однако осталось немало талантливых поэтов, чьи имена не вышли за пределы внимания узкого круга читателей. К последним относится Гэ Май (кит. 戈麦, 08.08.1967 – 24.09.1991).

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях динамично развивающихся добрососедских отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в нашей стране растёт интерес к Китаю и китайской культуре. Однако до сих пор лишь немногие отечественные исследования посвящены современной китайской поэзии. Это касается, в частности, рецепции творчества Гэ Мая. Переводы произведений этого поэта на русский язык практически отсутствуют. Единственный обнаруженный нами источник русских переводов – это антология современной китайской поэзии «Азиатская медь» [1], где представлены переводы двух стихотворений Гэ Мая. Его личность упоминается в научной работе российского филолога и переводчика китайской литературы Ю.А. Дрейзис [3], однако анализ творчества поэта отсутствует.

Настоящее Гэ Мая – Чжу Фуцзюнь (кит. 褚福军). Начал писать стихи в 1985, когда поступил на факультет китайской литературы Пекинского университета. За недолгий период творчества создал ряд значительных поэтических текстов. Гэ Мая сравнивают с Хай Цзы, одним из самых известных и талантливых поэтов после «культурной революции». Сам Гэ Май, вероятно, не был о себе такого высокого мнения. Перед тем, как совершить самоубийство (поэт утопился в реке Ваньцюань в западном пригороде Пекина), он собрал свои рукописи и выбросил их в общественный туалет. Только после тщательной работы его друзей стихотворения удалось опубликовать в издательстве «Саньянь» в Шанхае (кит. 上海三联书店).

Несмотря на свой талант, Гэ Май не получил широкую известность, но люди, знакомые с его творчеством, отмечают, что качество его произведений не хуже, чем у Хай Цзы. По их мнению, в стихотворениях Гэ Мая чувствуется необыкновенная атмосфера, несмотря на тоскливый, меланхоличный фон. Его произведения наполнены исследованиями тайн вселенной и глубины человеческой души, непоколебимостью моральных принципов, но при этом его творчество не носит дидактический характер. Оно отличается необычайной верой в высокую духовность. Когда эта вера пропадает, поэт страдает не только из-за самого себя,

но и из-за тяжёлого положения духа всего человечества. Уникальная структура и высокие чувства его произведений никогда не устареют с течением времени [11].

Современные китайские поэты также отмечают высокий талант Гэ Мая. Цзан Ди (кит. 臧棣; род. 1964) так высказался о поэте: «В смерти Гэ Мая или Хай Цзы нас больше всего пугает внезапное прекращение блестящего художественного таланта» [10].

Поэтический взгляд Гэ Мая ясно выражен в его небольшой статье «О поэзии» (кит. «关于诗歌»), где он писал: «Поэзия должна быть острым топором языка, способным рассечь ледяную реку души. В создании слов, их слиянии, сплаве, распаде, противостоянии ослепительный свет языка непременно осветит человеческое существование. Поэзия непосредственно подчинена фантазии, она может расширить возможности души и существования, одновременно делая невозможное возможным» [4]. Гэ Май возвышал поэзию, подчёркивал её важную роль в жизни человека.

Через стихотворения Гэ Мая можно почувствовать его тягу к возвышенному и последующее её истощение. Это упадническое настроение полностью овладевает поэтом и не оставляет его до конца жизни.

Помимо тем мироздания и духовности, в своих произведениях Гэ Май затрагивает тему поэта и поэзии. К этой теме также обращались в своём творчестве Ши Чжи (кит. 食指), Мао Сю-пу (кит. 毛秀璞), Хай Цзы и др.

Стихотворение «Покойный поэт» (кит. «已故诗人», 12.1987) [9] Гэ Мая обращено некоему поэту, который указал автору на «чудеса, которые заставили его поверить» (кит. «相信的奇迹»). «Покойный поэт» помог лирическому герою пройти через все переживания, однако потом «взял всё одиночество на себя» (кит. «全部的孤独由你担当»). Стоя у могилы поэта, герой сожалеет, что встреча с покойным не состоялась: «Почерк гибели/Никогда не заменит несостоявшейся встречи» (кит. «衰亡的字迹/没有见到的总无法代替») (здесь и далее перевод наш – *ЩВЭ*).

Здесь слово «поэт» приобретает значение родственной души, проводника через горести и беды, берущего на себя тяжёлое бремя.

В стихотворении «Лебедь» (кит. 天鹅, 1990) [8] Гэ Май сам выступает поэтом – лирическим героем. Лебедь в китайской культуре – символ солнца, мужского начала *ян*, но также он и символизирует одиночество, убежище и является птицей поэтов [2, с. 75]. У Гэ Мая образ лебедя является неотъемлемой, основополагающей частью его поэтики. Когда поэт являет своё творчество миру, лебедь «приходит в движение и вихрем взлетает на своих святых крыльях» (кит. «振动神仙般的翅膀扶摇直上»). Его образ пронизывает произведения поэта: «Ватный лебедь, в тексте, написанном мной» (кит. «我亲手写下的文字之中棉朵一样的天鹅»).

Гэ Май подчёркивает, что в его произведениях присутствует отзвук предыдущих поколений: «Мои стихи немного устланы пылью классиков» (кит. «我的诗歌一点点布满典籍应有的灰尘»). Его творчество будет «воспеваться чистым голосом будущих поколений» (кит. «后世的人清声颂唱»).

Однако далее Гэ Май пишет, что от его стихотворений остался только след, каждая строка исчезла, лебедь «летит далеко в бескрайнюю бездну» (кит. «飞往遥旷的深渊»). Стихотворения поэта остались только в его снах, лебедь стал «несбывшейся мечтой предыдущего поколения» (кит. «上一代人没有实现的梦想»).

В своём стихотворении Гэ Май показывает путь, пройденный поэтом, начиная от взлёта до падения и полного забвения.

Схожая идея присутствует в стихотворении «Возвышение» (кит. 高处, 1990) [6]. Оно начинается со слов: «С этого дня я больше не поднимусь на вершину поэзии» (кит. «从今日起, 我不再攀登诗歌的顶峰»). Поэт больше не стремится достичь высот поэзии, «не желает вечности» (кит. «我不再祈望永恒»). Он высказывается о предыдущих поколениях поэтов, как о «великанах солнечного города, королях царства поэзии» (кит. «太阳城的巨子, 诗国的天王»), которые завоевали свою славу и восхищение будущих поколений. Поэт пишет, что вышел из их среды, но, достигнув высот, он понимает, что «всё рухнуло из-за превосходства» (кит. «一切皆因超拔而虚脱»). Теперь всё, что нужно поэту – это тёплый дом. Он хочет стать обычным счастливым человеком. Он «с грохотом упал на землю» после многолетнего труда, за что ему стыдно. Поэт пишет о своём конце, который, «может, наступит завтра» (кит. «沉伏于明朝»), свет его звезды не будет «исходить от святого» (кит. «不来自于神圣»). Его источником станет всё сущее, включая душу поэта. После смерти он достигнет возвышенного и тогда обретёт покой.

В стихотворении «Слепой поэт» (кит. «盲诗人», 1990.12) [7] лирический герой также выступает в роли поэта. Потеря им зрения символизирует потерю веры и прекращение творческой деятельности. Стихотворение начинается со строк: «Ради бледного света на тетради, ради минувшего будущего/Я потерял краси-

вые глаза, окна плотно закрылись» (кит. «为了卷册上惨白的烛光, 为了未来到以往/我已失去了美丽的双目, 窗棂紧闭»). Поэт долгое время жил в своём мире иллюзий, откуда черпал вдохновение и веру, но «это стало тем, с чем он простился» (кит. «这些都已成为我告别过的事情»). Он всё ещё может видеть издали красоту окружающего мира, «его мимолётные образы обнаружили в пустыне его сердца» (кит. «在我内心的旷野上出现了短暂的景象»), но поэт уже прошёл путь, полный вдохновения и идеалов, и вернулся в действительность.

В стихотворении «Когда я состарюсь» (кит. «当我老了», 1991) [5] Гэ Май выражает свои чувства, связанные с ожиданием старости. Он пишет о своих сожалениях, о невысказанных чувствах и переживаниях. Стихотворение изобилует природными образами, и герой испытывает грусть из-за того, что, когда он состарится, он не сможет больше «увидеть сумерки» (кит. «再也见不到黄昏»). Тема поэзии здесь не основная. Лирический герой создал слишком много иллюзий, его жизнь была «ослеплена поэзией» (кит. «一生被诗歌蒙蔽»). В настоящий момент его фантазии разрушены, лирический герой вернулся в реальность, где у всего, включая молодость, есть свой срок существования.

Таким образом, тема поэта является сквозной в творчестве Гэ Мая. В своих произведениях он показывает тяжёлую судьбу творца, его путь от обретения веры до её потери. Лирический герой в роли поэта страдает, переживает, его идеалы рушатся. Также было определено, что в произведениях Гэ Мая присутствуют некоторые черты, свойственные литературе декаданса: пессимизм, уход в мир отдельной личности, мотив смерти и др. Не опровергая причисление творчества поэта к современной авангардной поэзии, можно предположить, что в основе его метафизики лежит идея упадка, однако эта теория нуждается в подтверждении дальнейшими исследованиями.

Литература

1. Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / Сост. Лю Вэнь-фэй. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. 256 с.
2. Дж. Купер. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1995. 401 с.
3. Дрейзис Ю.А. Современная китайская авангардная поэзия (1980-е гг. – начало XXI в.) // Общество и государство в Китае. 2014. № 2. С. 809 – 817. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kitayskaya-avangardnaya-poeziya-1980-e-gg-nachalo-xxi-v> (дата обращения: 08.05.2023)
4. 戈麦 // Baidu. 2023. URL: <https://baike.baidu.com/item/戈麦/6572834> (дата обращения: 08.05.2023)
5. 戈麦. 当我老了 // 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/502.htm> (дата обращения: 08.05.2023)
6. 戈麦. 高处 // 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/407.htm> (дата обращения: 08.05.2023)
7. 戈麦. 盲诗人 // 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/415.htm> (дата обращения: 08.05.2023)
8. 戈麦. 天鹅 // 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/404.htm> (дата обращения: 08.05.2023)
9. 戈麦. 已故诗人 // 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/101.htm> (дата обращения: 08.05.2023)
10. 戈麦: 孤悬的时刻 // 新诗评论. // 搜狐. 2017. URL: https://www.sohu.com/a/205496075_227314 (дата обращения: 08.05.2023)
11. 诗人 戈麦 现代诗歌精选七首 // 澎湃新闻. 2020. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_7948731 (дата обращения: 08.05.2023)

References

1. Aziatskaja med': Antologija sovremennoj kitajskoj poezii. Sost. Lju Vjen'fej. SPb.: «Peterburgskoe Vos-tokovedenie», 2007. 256 s.
2. Dzh. Kuper. Jenciklopedija simbolov. M.: Associacija duhovnogo edinenija «Zolotoj vek», 1995. 401 s.
3. Drezjis Ju.A. Sovremennaja kitajskaja avangardnaja poezija (1980-e gg. – nachalo XXI v.). Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. 2014. № 2. S. 809 – 817. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kitayskaya-avangardnaya-poeziya-1980-e-gg-nachalo-xxi-v> (data obrashhenija: 08.05.2023)
4. 戈麦. Baidu. 2023. URL: <https://baike.baidu.com/item/戈麦/6572834> (data obrashhenija: 08.05.2023)
5. 戈麦. 当我老了. 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/502.htm> (data obrashhenija: 08.05.2023)
6. 戈麦. 高处. 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/407.htm> (data obrashhenija: 08.05.2023)

7. 戈麦. 盲诗人. 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/415.htm> (data obrashhenija: 08.05.2023)
8. 戈麦. 天鹅. 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/404.htm> (data obrashhenija: 08.05.2023)
9. 戈麦. 已故诗人. 中华诗库. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/gemai/101.htm> (data obrashhenija: 08.05.2023)
10. 戈麦: 孤悬的时刻. 新诗评论. // 搜狐. 2017. URL: https://www.sohu.com/a/205496075_227314 (data obrashhenija: 08.05.2023)
11. 诗人戈麦现代诗歌精选七首. 澎湃新闻. 2020. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_7948731 (data obrashhenija: 08.05.2023)

*Krashennnikov A.E., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Narbut E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Schepteva V.E.,
North-Eastern State University*

Peculiarities of representation of the theme of the poet's fate in the work of Ge Mai

Abstract: the article is devoted to the study of the theme of the poet and his fate in the poetry of the Chinese poet Ge Mai. This topic has its development in modern Chinese poetry in the works of such authors as Hai Ti, Shi Zhi, etc. The relevance of the research topic is due to the fact that in the context of the development of good-neighborly relations with the PRC, interest in Chinese culture is growing. However, domestic research on modern Chinese poetry and, in particular, the analysis of Ge Mai's work, is extremely insufficient today. Translations of a significant body of his works into Russian are also practically absent. Translations of two poetic texts of Ge Mai into Russian are presented in the anthology of modern Chinese poetry "Asian Copper" (2007). In the process of research, a biographical method was used, which made it possible to determine the place of Ge Mai in the modern literary process of China. Motive and intertextual analyzes lead the authors to the conclusion that the theme of the poet is a cross-cutting one in Ge Mai's poetry. His poetic texts show the hard fate and the difficult path of the creator of acquiring ideals until their complete collapse.

Keywords: Ge Mai, poetics, modern Chinese poetry, avant-garde poetry, decadence, image of a poet

For citation: Krashennnikov A.E., Narbut E.V., Schepteva V.E. Peculiarities of representation of the theme of the poet's fate in the work of Ge Mai. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 205 – 208.

Степанов А.А., аспирант,
Московский государственный лингвистический университет

Музыкальные инструменты и музыканты в сонетах Уильяма Шекспира как разновидность образа музыки

Аннотация: статья посвящена проблеме выявления разновидностей образа музыки в сонетах У. Шекспира, а именно наиболее яркой группе – «Музыкальные инструменты и музыканты». Данная группа была выделена автором благодаря системному разбору и сравнительному анализу. В качестве теоретической основы использовались труды Шилина В.В., а также Стернина И.А., Розенфельда М.Я и др. Таким образом, рассматриваются сонеты 71, 102 и 128, в которых упоминаются музыкальные инструменты и музыканты, реализующие образ музыки.

Ключевые слова: Шекспир, сонеты, образ, образ музыки, разновидности, музыкальные инструменты, музыканты

Для цитирования: Степанов А.А. Музыкальные инструменты и музыканты в сонетах Уильяма Шекспира как разновидность образа музыки // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 209 – 212.

Введение

Великий английский поэт и драматург Уильям Шекспир уделял немалое внимание образу музыки в своих произведениях. Музыка звучит как строках поэта в виде различных музыкальных образов и описаний, так и во время постановок спектаклей по пьесам Шекспира. В данной статье нами будут подробно рассмотрены разновидности образа музыки в сонетах Шекспира. Несмотря на то, что тема образов и мотивов музыки в творчестве Шекспира так или иначе описывались такими литературоведами как Сененко О. В. («Темы и вариации» в контексте раннего творчества Б. Пастернака: поэтика лирического цикла и книги стихов»), Пиккулева И.А. («Проблема синтеза в литературном наследии Обри Бердсли») и др., до сих пор не было дано конкретной классификации разновидностям образа музыки в сонетах Шекспира. Именно в этом заключается новизна данной статьи.

Образ музыки

Одним из важнейших образов в поэзии всегда являлся образ музыки. Еще с давних времен люди начали замечать тесную связь между музыкой и поэзией. Об этом свидетельствуют по меньшей мере древнегреческие мифы и легенды о Евтерпе, дочери Зевса и Мнемозины. Евтерпа, будучи одной из девяти муз, покровительствовала как музыке, так и лирической поэзии. С течением веков данная мысль получала все большее развитие. В средние века стали появляться трубадуры, миннезингеры, барды. Советский поэт-песенник Михаил Васильевич Исаковский писал: «Музыка – это то, что с помощью мелодии устанавливает особый контакт между человеческим сердцем и поэтическим словом».

Однако прежде чем дать определение образу музыки, следует установить, что в целом понимается под словом «образ» в литературоведении.

Под поэтическим образом можно понимать обобщенное и наглядное изображение человека, природы или каких-либо иных явлений «по законам красоты» [10, с. 341]. Поэты видят мир через призму образов, оперируя на уровне образно-пространственного мышления. Именно благодаря способности к образному мышлению и представлению между поэтом и читателем устанавливается контакт.

В процессе изучения сонетов Шекспира нам встретились следующие разновидности образа по Шилину В.В.: образная метафора, образное сравнение, образный параллелизм, образная перифраза и др.

В большинстве случаев приходилось сталкиваться с первыми тремя разновидностями образа. Согласно Шилину В.В. под образной метафорой понимается такая метафора, в которой сохраняется как внутренняя форма, так и двуплановость содержания. Образное сравнение представляет собой сопоставление одного предмета понятия или явления с другим в целях достижения особой наглядности и образительности при описании. Образный параллелизм отражает аналогию между образом и каким-либо явлением в жизни [10, с. 343]. Обратимся к отрывку из сонета 8, представляющему собой обращение к некому герою:

“Music to hear, why hear'st thou music sadly?”

В первом случае слово «музыка» возможно отнести к образной метафоре или сравнению, т.к. с ней сравнивается адресат. Далее музыка играет роль вводного компонента образного параллелизма. Таким образом, музыка, которую герой намеренно слушает, несмотря на возникающую при этом печаль, отождествляет все то, что человек делает с большим энтузиазмом, заранее зная о последующей за этим тоске. Именно это и раскрывается в заключительной части образного параллелизма:

“...*Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly, Or else receiv'st with pleasure thine annoy?..*”

Литературоведы также выделяют такое явление как «Слово и образ». Согласно Шилину В.В. «Слово и Образ» несет в себе художественное отражение человеческих характеров, событий и других явлений с помощью того или иного слова в конкретной индивидуально-образной форме. «Слово и образ» может представлять собой отдельное слово, словосочетание, абзац или даже целое произведение [10, с. 342]. Иными словами «Слово и образ» – это та или иная лексическая единица, обладающая образностью.

Стернин И.А. и Розенфельд М.Я. в своей монографии, посвященной исследованию соотношения слова и образа, пишут о том, что в некоторых случаях проще указать на обозначенный словом предмет, что сразу формирует у слушающего наглядный образ [9, с. 11].

Опираясь на упомянутое ранее определение образа, возможно сформулировать следующее определение для образа музыки:

Образ музыки – это совокупность понятий, явлений и других реалий, связанных с музыкой, которые дают обобщенное и наглядное представление о человеке, природе или какой-либо другой составляющей нашего мира.

По итогам литературоведческого анализа всех 154 сонетов Шекспира на предмет наличия в них образа музыки нами были выделены следующие шесть групп: «Музыка и песни», «Музыкальные инструменты и музыканты», «Боги, божества и другие герои, связанные с музыкальной образностью», а также «Птицы, изображающие образ музыки», однако в данной статье речь пойдет лишь о второй группе, т.е. о «Музыкальных инструментах и музыкантах», т.к. она является наиболее ярким и интересным примером реализации образа музыки в сонетах английского драматурга.

«Музыкальные инструменты и музыканты» в сонетах Шекспира как разновидность образа музыки

Образ музыкальных инструментов часто встречается в произведениях поэтов различных эпох и культур. Именно данный образ как ничто иное может передать характер человека или природы. Музыкальные инструменты являются частыми атрибутами и в произведениях Шекспира. Например, в сонете 102 упоминается флейта в контексте образа героини древнегреческих мифов Филомелы, музыка которой звучит лишь весной, т.к. поздним летом флейта Филомелы замолкает. С помощью этого образа Шекспир показывает, что все самые яркие и звучные песни рождаются исключительно весной, т.е. в молодости, а потом, со временем музыка, равно как и энергия человека, постепенно затухает:

“...*As Philomel in summer's front doth sing, And stops his pipe in growth of riper days...*”

В сонете 71 встречается такой музыкальный образ как “bell” («колокол»). В данном случае звон колокола изображает последнюю песню, которой провожают человека в мир иной. Именно благодаря слову “bell”, которое сопровождается эпитетом “sullen” («угрюмый»), у читателя сразу и без дополнительных описаний возникает в воображении картина церкви, сцена отпевания и дальнейшая похоронная процессия:

“...*No longer mourn for me when I am dead Than you shall hear the surly sullen bell...*”

В сонете 128 Шекспир, помимо множества других музыкальных образов, упоминает еще и такое слово как “jack”. Согласно англо-русскому словарю музыкальных терминов Барченковой М.Д., Осипенковой А.Т. “jack” – это часть механизма клавесина, спинета или верджинела, которая в русском языке называется «прыгунок» или «толкачик» [1, с. 82]. Толкачики или прыгунки прикреплены к концам каждой клавиши клавесина. При нажатии на клавишу толкачик поднимается, демпфер освобождает струну, а плектр ее зачищивает, что и порождает музыкальное звучание инструмента.

С.Я. Маршак передает “jacks” с помощью метода генерализации, переводя данное слово как «клавиши», что не лишено логики, т.к. согласно сюжету сонета музыкант, которым бесконечно восхищается лирический герой, может напрямую взаимодействовать при помощи пальцев лишь с внешними механизмами клавесина (т.е. клавишами), а не с внутренними толкачиками или прыгунками. В данном сонете мы так же можем наблюдать образный параллелизм. Уверенные соприкосновения пальцев музыканта с «клавишами» (“jacks”) сравниваются Шекспиром со смелыми и жаркими поцелуями между двумя людьми. Именно поэтому лирический герой даже завидует этим «пляшущим дощечкам» (“dancing chips”), поражаясь их смелости:

“...*Do I envy those jacks that nimble leap, To kiss the tender inward of thy hand /.../*

“*To be so tickled, they would change their state And situation with those dancing chips...*”

Помимо “jacks” и “dancing chips” Шекспир также обозначает не только клавиши, но и музыкальный инструмент в целом словосочетанием “blessed wood” («блаженная древесина»), что вносит дополнительное разнообразие в образность слова “jacks”:

“*How oft when thou, my music, music play'st,*

“*Upon that blessed wood whose motion sounds With thy sweet fingers when thou gently sway'st...*”

Как можно было заметить из предшествующего отрывка из сонета 128, Шекспир использует еще один немаловажный музыкальный образ, связанный с музыкантами и музыкальными инструментами, а именно с тем, без чего музыкант не смог бы мастерски порождать прекрасные звуки музыки. Речь пойдет о «пальцах» музыканта (“*fingers*”). С помощью образа ловких пальцев музыканта Шекспир изображает мастерство человека, достигаемое путем множества упражнений. Лирический герой наслаждается музыкой, порождаямой «нежными пальцами» возлюбленного музыканта:

“...*With thy sweet fingers when thou gently sway'st
The wiry concord that mine ear confounds...*”

Герой замечает, что прикосновение изящных пальцев его возлюбленной придает живительную силу мертвому дереву клавиш, делая его счастливее человеческих губ:

“...*O'er whom thy fingers walk with gentle gait,
Making dead wood more bless'd than living lips...*”

В коде сонета несчастный рассказчик уже согласен на то, что нежные и прекрасные пальцы его возлюбленной будут всецело утопать в поцелуях «танцующих дощечек» клавесина, однако только при одном условии: свои губы возлюбленная должна будет беречь лишь для него самого:

“...*Since saucy jacks so happy are in this,
Give them thy fingers, me thy lips to kiss.*”

Заключение

В заключение следует отметить, что при систематизации разновидностей музыкальных образов в сонетах Шекспира, возможно утверждать, что именно благодаря музыкальной образности великому английскому поэту удастся на внеязыковом уровне метафорично, красочно и подробно изобразить характер человеческой души, а также различные ее состояния. Именно благодаря музыкальным образам читатель не нуждается в дополнительных описаниях и может сам во всех деталях увидеть в своем воображении задуманную автором картину.

Литература

1. Барченкова М.Д., Осипенкова А.Т. Англо-русский словарь музыкальных терминов. 2-е изд., стер. Ъ.: Флинта, 2014. 160 с.
2. Борисова Е.Б. О содержании понятий ‘художественный образ’ и ‘образность’ в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 20 – 26.
3. Борухович В.Г. Аполлодор Мифологическая Библиотека. Изд-во «Наука» Ленингр. отд-е. Ленинград, 1972. 216 с.
4. Гондольера – Корсов. М.: Клавесин // Советская энциклопедия: Советский композитор, 1974. (Энциклопедии. Словари. Справочники: Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю.В. Келдыш; 1973-1982, Т. 2.
5. Исаковский М.В. Вернуть песне музыку и поэтическое слово // Вопросы литературы. 1967. № 8. С. 47.
6. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей: по Любкеру: [русский перевод обширного немецкого сборника: Friedrich Lübker's Reallexicon des klassischen Alterthums für Gymnasien] / под ред. чл. О-ва классич. филологии и педагогики Ф. Гельбке, Л. Георгиевского и др. Санкт-Петербург: Общество классической филологии и педагогики, 1885. [2], IV, 1552 с.
7. Тахо-Годи А.А. Античные гимны / Под ред. А.А. Тахс-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1988. 362 с.
8. Топоров В.Н. (1928-2005). Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва: Прогресс: Культура, Б. г. (1995). 621 с.
9. Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Монография / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: «Истоки», 2008. 243 с.
10. Шилин В.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 680 с.

References

1. Barchenkova M.D., Osipenkova A.T. Anglo-russkij slovar' muzykal'nyh terminov. 2-e izd., ster. Ъ.: Flinta, 2014. 160 s.
2. Borisova E.B. O sodержanii ponjatij ‘hudozhestvennyj obraz’ i ‘obraznost’ v literaturovedenii i lingvistike. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 35 (173). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 37. S. 20 – 26.

3. Boruhovich V.G. Apollodor Mifologicheskaja Biblioteka. Izd-vo «Nauka» Leningr. otd-e. Leningrad, 1972. 216 s.
4. Gondol'era – Korsov. M.: Klavesin. Sovetskaja jenciklopedija: Sovetskij kompozitor, 1974. (Jenciklopedii. Slovare. Spravochniki: Muzykal'naja jenciklopedija: v 6 t. gl. red. Ju.V. Keldysh; 1973-1982, T. 2.
5. Isakovskij M.V. Vernut' pesne muzyku i pojeticheskoe slovo. Voprosy literatury. 1967. № 8. S. 47.
6. Ljubker F. Real'nyj slovar' klassicheskikh drevnostej: po Ljubkeru: [russkij perevod obshirnogo nemeckogo sbornika: Friedrich Lübker's Reallexicon des klassischen Alterthums für Gymnasien]. pod red. chl. O-va klassich. filologii i pedagogiki F. Gel'bke, L. Georgievskogo i dr. Sankt-Peterburg: Obshhestvo klassicheskoi filologii i pedagogiki, 1885. [2], IV, 1552 s.
7. Taho-Godi A.A. Antichnye gimny. Pod red. A.A. Taha-Godi. M.: Izd-vo MGU, 1988. 362 s.
8. Toporov V.N. (1928-2005). Mif. Ritual. Simvol. Obraz : issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: izbranoe. Moskva: Progress: Kul'tura, B. g. (1995). 621 s.
9. Sternin I.A., Rozenfel'd M.Ja. Slovo i obraz. Monografija. Pod red. I.A. Sternina. Voronezh: «Istoki», 2008. 243 s.
10. Shilin V.V. Slovar' literaturovedcheskih terminov. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2019. 680 s.

*Stepanov A.A., Postgraduate,
Moscow State Linguistic University*

Musical instruments and musicians in Shakespeare's sonnets as a form of the image of music

Abstract: the article is devoted to the problem of identifying the music image forms in W. Shakespeare's sonnets, namely to the most vivid group – “Musical instruments and musicians”. This group has been distinguished by the author through taking the system-oriented approach and comparative analysis. As the theoretical basis for the problem of image itself, the author uses the works of V. Shilin, I. Sternin and M. Rosenfeld, etc. The article basically deals with the sonnets 71, 102 and 128, in which musical instruments and musicians are mentioned.

Keywords: Shakespeare, sonnets, image, image of music, forms, musical instruments, musicians

For citation: Stepanov A.A. Musical instruments and musicians in Shakespeare's sonnets as a form of the image of music. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 209 – 212.

*Чэнь Исинь,
Российский университет дружбы народов*

Теория «трех миров» Мао Цзэдуна в новостном дискурсе

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию проблемы теории «трех миров» Мао Цзэдуна как новостной парадигмы во время зарождавшихся СМИ в Китае. Теория «трех миров» оказала огромное влияние не только на внутреннюю политику и стратегическое планирование страны, но и на новостной дискурс, что обусловило актуальность данной работы. В ходе исследования автор рассматривает идеи Мао Цзэдуна в рамках партийной идеологии, а также дает обобщенную характеристику теории «трех миров» Мао Цзэдуна, главным стратегическим планом которого было не разделение миров, а объединение государств третьего мира как единой движущей силы в борьбе против гегемонии и сдерживании позиций господствующих стран. Автором проделан анализ, который позволил выделить особенности транслирования идей теории «трех миров» Мао Цзэдуна. Обосновывается мысль о том, что теория «трех миров» эксплицируется в плоскости новостного дискурса с помощью адаптивных под политическую идеологию СМИ – печатных изданий, радио и телевидения, как один из основополагающих методов взаимодействия с китайским слушателем.

Ключевые слова: теория «трех миров», новостной дискурс, китайские СМИ, Коммунистическая партия Китая, внутренняя и внешняя политика Китая

Для цитирования: Чэнь Исинь Теория «трех миров» Мао Цзэдуна в новостном дискурсе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 213 – 217.

Актуальность проблемы

В современную информационную эпоху неотъемлемой частью общества является СМИ как один из способов передачи и транслирования информационных повесток. Обращая внимание на развитие средств массовой информации в современном Китае, новостной дискурс естественным образом осуществляется с привлечением идейно-политических установок. Так, одной из основополагающих теорий, которая помогла превратить информационный капитал в политический, является теория «трех миров» – политическая доктрина, выдвинутая Мао Цзэдуном в 1970-х гг. Теория оказала огромное влияние не только на внутреннюю политику и стратегическое планирование страны, но и на новостной дискурс, который в то время только начал формироваться. Поэтому, актуальность в данном исследовании, по нашему мнению, обусловлена необходимостью в анализе теории «трех миров» как политической доктрины, которая оказала огромное влияние на развитие китайского новостного дискурса.

Предмет исследования – теория «трех миров» Мао Цзэдуна.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании теории «трех миров» Мао Цзэдуна в рамках новостного дискурса Китая, а также в анализе особенностей теории «трех миров» в контексте партийной идеологии.

Методология исследования

Данная работа базируется на междисциплинарном подходе, синтезирующем знания журналистики, теории коммуникаций, лингвокультурологии, философии, при этом использованы как общенаучные методы (метод анализа, синтез), так и специальные методы исследования (системный метод).

Изложение основного материала

Для всестороннего анализа заявленной проблемы следует рассмотреть теорию «трех миров» Мао Цзэдуна 毛泽东《三个世界》[Máo Zédōng “sān gè shìjiè”]. В 1974 году государственный, военный и партийный лидер Китая Дэн Сяопин в своем выступлении на шестой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН впервые изложил миру теорию Мао Цзэдуна [9, с. 26]. Идея данной теории заключается в делении стран на «миры»: США и СССР составляют «первый мир», развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки, а также других регионов – «третий мир», развитые страны, расположенные между этими двумя мирами, – «второй мир» [7, с. 98]. В рамках настоящей теории Китай относится к «третьему миру».

При этом на выездном совещании Компартии в 1979 году Ден Сяопин заявил, что «стратегия трех миров Мао Цзэдуна строится на принципах укрепления единства с государствами третьего мира против колониализма, империализма и гегемонии», которая способствует улучшению международной обстановки и повышению международного престижа Китайской Народной Республики [4, с. 43]. Таким образом, теория «трех миров» Мао Цзэдуна фундаментально строится на разделении мира на три части, в рамках которых главенствующую роль занимали СССР и США, а Китай относился к странам «третьего мира». Но несмотря на

это, главным стратегическим планом было не разделение миров, а объединение государств третьего мира как единой движущей силы в борьбе против гегемонии и сдерживании позиций господствующих стран.

Министр иностранных дел Китая Ван И в 2021 году во время новогоднего визита уже 31-й раз подряд выбирает Африку для своего первого посещения, демонстрируя решимость Китая всегда принадлежать к «третьему миру». Таким образом, Китай укрепляет отношения с развивающимися странами в противостоянии гегемонии и защите принципа многосторонности.

Ранее было сказано, что фокус теории «трех миров» сконцентрирован на положении о разделении трех миров с точки зрения экономических условий и положения на международной арене. Однако, данная теория не ограничивается вышеуказанными положениями. В данном случае фокус направлен на внешнюю политику. Ниже мы предлагаем рассмотреть ценностные ориентации теории «трех миров» с точки зрения ее внутренних составляющих.

Как утверждает Шэнь Лянцзюнь, теория «трех миров» содержит отчетливые ценностные концепции, включающие: независимость, автономию, мир, развитие, открытость, толерантность [11, с. 25]. Вышеупомянутые ценности не только определяют аксиологическое направление международных отношений Китая с другими странами, но и являются частью основных ценностей теории «трех миров» в рамках внутренней политики Китая.

Независимость и автономия являются первыми принципами доктрины «трех миров». Во-первых, независимость государства превыше всего. Уроки истории Китая за последние сто лет заставили Мао Цзэдуна, как лично, так и в качестве лидера Китая, поставить независимость страны превыше всего. Мао Цзэдун сказал: «Так называемые великие дела мира – это освобождение, независимость, демократия, мир и дружба, прогресс человечества». Легко заметить, что он считал, что все страны, захваченные империализмом, должны сначала добиться полного национального освобождения в национально-революционной борьбе, прежде чем будет достигнута реальная национальная независимость [6, с. 484].

Мир и развитие являются целями теории «трех миров». Как говорил Мао Цзэдун: «Нашей стране и всем социалистическим странам нужен мир, как и народам всего мира» [6, с. 115]. Поэтому, когда Мао Цзэдун руководил внешней политикой Китая, его позиция и цель состояли в том, чтобы представлять интересы мирового пролетариата и трудового народа и способствовать миру во всем мире и долгосрочному развитию.

Ценности открытости и толерантности, содержащиеся в теории «трех миров», сыграли чрезвычайно важную роль в идеологическом управлении для китайской революции и последующей конструкции, а также для политики реформ и открытости. Во-первых, тот факт, что страна была закрыта для внешнего мира, стал объективной причиной, согласно которой Китай не развивался. Во-вторых, Мао Цзэдун на личном опыте осознал серьезную опасность системы железного занавеса, который делал народ невежественным и неосведомленным и вел страну к отставанию как экономическому, так и культурному. Поэтому, данные ценности являются завершающим «кирпичиком» в создании полноценной ценностно-ориентированной системы под названием теория «трех миров».

Главные задачи Китая в «третьем мире», по мнению В.Л. Жданова, понимались как созидательные, социально-экономические, мирохозяйственные. Не претендуя на лидерство, Китай становится выразителем экономических интересов этих стран [5, с. 20].

Таким образом можно указать, что теория «трех миров» является не только идейно-политической доктриной, направленной на внешний сектор отношений Китая с другими странами, но и важным является то, что теория оказала огромное влияние на формирование ценностных ориентиров китайского общества того времени. Так, ценностные ориентиры данной теории представляют созидательный характер, который направлен не только на внешние отношения Китая и других стран, но и на китайское общество, которое претерпело огромные трансформации за последние десятилетия.

Транслирование данных идей в общество осуществлялось посредством различных способов, актуализирующихся в сфере массмедиа, в частности – через печатные СМИ, радио и телевидение.

Как известно, этот период был озаглавлен «культурной революцией» (1966-1976 гг.), поэтому, как утверждает Н.В. Ткачева, большую часть печатных СМИ представляло издания КПК, центральная народная радиостанция Китая половину времени своего вещания отводила политическим передачам и др. [8, с. 85]. На основе вышесказанного легко заметить, что теория «трех миров» Мао Цзэдуна одновременно с этим находила свое отражение в политическом медиадискурсе. Как и любая в то время политическая концепция, теория «трех миров» базировалась на идеях марксизма-ленинизма и древней китайской философии, тем самым стратегически объединяя идеологию коммунистической партии и культурную парадигму китайского общества.

В период «культурной революции» флагманом китайской периодики выступали такие издания, как официальное печатное издание ЦК КПК «Жэньминь жибао» 《人民日报》 [rénmín rìbào], журнал «Китай» 《人民画报》 [rénmín huàbào], газета «НОАК» 《解放军报》 [jiěfàngjūnbào], ежемесячник «Красное знамя» 《红旗》 [hóngqí] и т.д. Данная периодика представляла основной канал транслирования политических убеждений от лидеров партии к гражданам КНР [12, с. 11]. Схематически данная модель выглядит следующим образом:

Рис. 1. Модель основного канала транслирования политических убеждений от лидеров партии к гражданам КНР

Вышесказанное позволяет заметить, что данные периодические издания обладали высшими полномочиями для участия в функционировании политической власти и имели достаточно широкую организованную пропагандистскую сеть для донесения политической идеологии коммунистической партии.

Так, идеи теории «трех миров» Мао Цзэдуна транслировались через печатные издания и находили своего слушателя в лице китайского народа. При этом, Мао Цзэдун считал, что необходимо победить в этой идеологической полемике и захватить господство в международном коммунистическом движении. Важным проявлением доминирования международного коммунистического движения была его идеологическая ортодоксальность. Поэтому, Мао Цзэдун активно использовал средства массовой информации и через них доносил идеи теории «трех миров» до масс [2, с. 111].

Следует добавить, что нетрадиционным способом транслирования идей Мао Цзэдуна, включая теорию «трех миров», является, по мнению Ву Цзяху, создание так называемых классов по изучению мысли Мао Цзэдуна, которые возникли по всей стране [3, с. 240]. 12 октября 1967 года в «Жэньминь жибао» была опубликована редакционная статья «Уроки изучения мысли Мао Цзэдуна по всей стране», передающая его идеи по проведению учебных занятий, когда Мао Цзэдун инспектировал Северный Китай, Центральный Юг и Восточный Китай. Таким образом, любая деятельность, связанная с пропагандой идей Мао Цзэдуна, постоянно находила свое отражение в обзорах периодических изданий коммунистической партии Китая.

Помимо публикации в периодических изданиях идеи Мао Цзэдуна, включая теорию «трех миров», транслировались через радио и телевидение. 24 января 1942 года Мао Цзэдун, обсуждая работу газеты «НОАК» на заседании Политбюро ЦК, указал, что редакционные статьи, новости и радиовещание должны быть одинаково важны [10, с. 82]. Поэтому, в период социалистической революции и строительства идеология радио и телевидения КПК возникла и перешла в практическую плоскость, направляя и возглавляя работу радио и телевидения Китая. На этом этапе основным источником идеологии радио и телевидения КПК было центральное руководство, чьим главным идейным вдохновителем были лидеры, чье мышление часто основывалось на политических убеждениях, чье понимание общей картины и общей ситуации занимало видное место, и кто играл ведущую роль в государственной системе. Исходя из вышесказанного можно заключить, что идеи Мао Цзэдуна как лидера идеологической повестки включались в новостную повестку радио и телевидения.

Проделанный анализ позволил выделить особенности транслирования идей теории «трех миров» Мао Цзэдуна, а именно одним из главных способов передачи политической идеологии выступает СМИ – печатные издания, радио и телевидение. В рамках того времени радио и телевидение только зарождалось. В 1974 году появилось цветное телевидение, немного ранее в 1929 году зародилась первая радиостанция. Но несмотря на это, радио и телевидение стало настолько адаптивным под политическую идеологию, что большая часть их времени была отдана для транслирования коммунистических повесток Мао Цзэдуна и др. Это был один из основополагающих методов взаимодействия с китайским слушателем, который приносил свои довольно значимые плоды. Таким образом, теория «трех миров» Мао Цзэдуна является неотъемлемой частью политической идеологии, которая, как и остальные доктрины были распространены с помощью средств массовой информации.

Литература

1. Ахмадеева Я.М. Теория «трех миров» в контексте современной внешнеполитической концепции КНР [Электронный ресурс] // Terra Linguistica. 2018. № 2. С. 56 – 63. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-treh-mirov-v-kontekste-sovremennoy-vneshnepoliticheskoy-kontseptsii-knr> (дата обращения: 29.11.2022)
2. Ван Дали Агитационно-пропагандистская стратегия Мао Цзэдуна: дис. ... канд. журн. наук / Хуачжунский университет науки и технологий. 2014. 194 с.
3. Ву Цзяху Революция и перевоспитание: микрокосмическое исследование сельской культуры в эпоху маоизма: дис. ... докт. наук. Нанкайский университет, 2012. 260 с. Кит. яз. Авт. перевод.
4. Ден Сяопин Построение социализма с китайской спецификой. Народное издательство. 1984. 118 с.
5. Жданов В.Л. Концепция «трех миров» Мао Цзэдуна в контексте традиционных политических доктрин Китая: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. 188 с.
6. Мао Цзэдун Собрание сочинений (том VI). Пекин: Народное издательство, 1999. 500 с.
7. Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2001. С. 93 – 143.
8. Ткачева Н.В. Этапы формирования китайской медиасистемы [Электронный ресурс] // Российско-китайские исследования. 2019. № 1. С. 83 – 89. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-formirovaniya-kitayskoj-mediasistemy> (дата обращения: 02.01.2023)
9. Ху Синьминь Мао Цзэдун и теория трех миров // Сборник истории Коммунистической партии. Отдел исследований истории партии Комитета Коммунистической партии Китая провинции Хэбэй. 2021. № 3. С. 22 – 26.
10. Цинь Синган Историческая эволюция и опыт просветительской мысли Коммунистической партии Китая на радио и телевидении // Академическая периодика радио и телевидения Китая. 2022. № 4. С. 81 – 98.
11. Шэнь Лянцзюнь Современные ценности и философское значение теории «трех миров» Мао Цзэдуна: магистр. дис. ... канд. филос. наук / Гуанчжоуский университет. 2020. 65 с.
12. Ю Пинлянь Исследование по обзору двух газет и одного журнала: дис. ... канд. журн. наук / Хуачжунский университет науки и технологий. 2016. 159 с.

References

1. Ahmadeeva Ja.M. Teorija «treh mirov» v kontekste sovremennoj vneshnepoliticheskoy koncepcii KNR [Elektronnyj resurs]. Terra Linguistica. 2018. № 2. S. 56 – 63. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-treh-mirov-v-kontekste-sovremennoy-vneshnepoliticheskoy-kontseptsii-knr> (data obrashhenija: 29.11.2022)
2. Van Dali Agitacionno-propagandistskaja strategija Mao Czjeduna: dis. ... kand. zhurn. Nauk. Huachzhunskij universitet nauki i tehnologij. 2014. 194 s.
3. Vu Czjahu Revoljucija i perevospitanie: mikrokosmicheskoe issledovanie sel'skoj kul'tury v jepohu maoizma: dis. ... dokt. nauk. Nankajskij universitet, 2012. 260 s. Kit. jaz. Avt. perevod.
4. Den Sjaopin Postroenie socializma s kitajskoj specifikoju. Narodnoe izdatel'stvo. 1984. 118 s.
5. Zhdanov V.L. Koncepcija «treh mirov» Mao Czjeduna v kontekste tradicionnyh politicheskikh doktrin Kitaja: dis. ... kand. polit. nauk. Ekaterinburg, 2005. 188 s.
6. Mao Czjedun Sbranie sochinenij (tom VI). Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 1999. 500 s.
7. Svешnikov A.A. Koncepcii KNR v oblasti vneshnej politiki i nacional'noj bezopasnosti. Kitaj v mirovoj politike. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (Universitet); «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN). 2001. S. 93 – 143.
8. Tkacheva N.V. Jetapy formirovaniya kitajskoj mediasistemy [Elektronnyj resurs]. Rossijsko-kitajskie issledovanija. 2019. № 1. S. 83 – 89. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-formirovaniya-kitayskoj-mediasistemy> (data obrashhenija: 02.01.2023)
9. Hu Sin'min' Mao Czjedun i teorija treh mirov. Sbornik istorii Kommunisticheskoy partii. Otdel issledovanij istorii partii Komiteta Kommunisticheskoy partii Kitaja provincii H'jeb'ej. 2021. № 3. S. 22 – 26.
10. Cin' Singan Istoricheskaja jevoljucija i opyt prosvetitel'skoj mysli Kommunisticheskoy partii Kitaja na radio i teledenii. Akademicheskaja periodika radio i televeshhanija Kitaja. 2022. № 4. S. 81 – 98.

11. Shjen' Ljanczjun' Sovremennye cennosti i filosofskoe znachenie teorii «treh mirov» Mao Czjeduna: magistr. dis. ... kand. filos. Nauk. Guanchzhouskij universitet. 2020. 65 s.

12. Ju Pinljan' Issledovanie po obzoru dvuh gazet i odnogo zhurnala: dis. ... kand. zhurn. Nauk. Huachzhunskij universitet nauki i tehnologii. 2016. 159 s.

*Chen Yixin,
Peoples' Friendship University of Russia*

Mao Zedong's theory of «three worlds» in news discourse

Abstract: the article is devoted to a comprehensive study of the problem of the "three worlds" theory of Mao Zedong as a news paradigm within the framework of the emerging media in China. The theory of "three worlds" had a huge impact not only on the domestic policy and strategic planning of the country, but also on the news discourse, which at that time was just beginning to take shape, which determined the relevance of this work. In the course of the study, the author considers the ideas of Mao Zedong within the framework of the party ideology, and also gives a generalized description of the theory of "three worlds" of Mao Zedong, whose main strategic plan was not the division of the worlds, but the unification of the third world states as a single driving force in the struggle against hegemony and containment positions of the dominant countries. The author has made an analysis that has made it possible to highlight the features of the translation of the ideas of the "three worlds" theory of Mao Zedong. The idea is substantiated that the theory of "three worlds" is explicated within the framework of news discourse with the help of the media – print media, radio and television broadcasting, as one of the fundamental methods of interaction with the Chinese listener.

Key words: theory of "three worlds", news discourse, Chinese media, Chinese Communist Party, domestic and foreign policy of China

For citation: Chen Yixin Mao Zedong's theory of «three worlds» in news discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 213 – 217.

*Джиоева З.Е., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова*

Специфика криминалистической терминологии в русском и осетинском языках

Аннотация: в статье рассматривается специфика криминалистической терминологии в русском и осетинском языках. С целью изучения данной научной проблемы автором статьи проведено корпусное исследование криминологических терминосистем русского и осетинского языков с помощью сопоставительного анализа. Методология исследования основана на лингвокультурном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, дедукция, индукция); а также ряд специальных методов: сопоставительный анализ, семантический анализ, методы корпусного частотного исследования, терминологический и этимологический методы. По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: большинство терминов в осетинском языке – это вторичные заимствования из русского, в котором, в свою очередь, данная терминология появилась из английского языка, а изначально – из латыни. В криминологической терминологии в русском и осетинском языках относятся к двум семантическим полям (процедура расследования и судебная медицина). Термины данных групп имеют англо-саксонское происхождение и заимствованы осетинским языком из русского в виде отдельных слов, реже встречаются в форме шаблонных речевых оборотов и клише.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, терминология, терминосистема, осетинский язык, русский язык, криминалистика

Для цитирования: Джиоева З.Е. Специфика криминалистической терминологии в русском и осетинском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 218 – 223.

Актуальность темы исследования заключается в том, что криминалистика является основой для всей системы доказательств в процессе

отправления правосудия. Жестко закрепленная семантика каждого термина в данной области позволяет давать максимально объективную экспертную оценку всем компонентам, участвующим в системе доказательств, обвинения и защиты в суде. Таким образом, единая терминосистема криминалистики является необходимым инструментом для успешного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. В самом общем понимании криминалистика – это «наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средств и методах раскрытия, расследования и предотвращения преступлений» [2, с. 6].

В данной профессиональной сфере разработан четкий терминологический и научно-понятийный аппарат, который представляет собой комплекс специализированных слов и соответствующих значений. Более того, криминалистика как наука, возникшая в англосаксонском мире [2, с. 7], содержит термины международного уровня, которые используются в системе правосудия практически в каждой стране [3, с. 462]. То есть, как в русском, так и в осетинском языках присутствуют как международные термины (калька с английского языка в русском и соответствующее заимствование в осетинском языке, так называемое «вторичное заимствование»), так и собственно национальные термины, используемые в области криминалистики.

Например, до конца прошлого века в осетинской криминалистике различались несколько видов нанесения ранений в область головы: «магъзæргом» – черепно-мозговая травма; «тагъзæргом» – ранение до кости черепа; «цæсты къахт» – ранение глаза и «хъусы хауд» – отсечение уха и т.п. Каждое из ранений имело различную степень наказания по степени уголовной ответственности [7, с. 4]. Как отмечают исследователи, в осетинском языке в области криминалистике характерно наличие собственной национальной терминосистемы, в которой отмечаются вторичные заимствования из английского языка через русскоязычное калькирование [7, с. 6].

Необходимо отметить, что в рамках кросс-культурных исследований криминалистическая терминология – это в большей степени международная система терминов, большинство из которых имеют аналоги и однозначно трактуются при переводе на разные языки.

В рамках настоящего исследования автор руководствуется пониманием «терминологии» как 1) вторичному заимствованию в осетинский язык из русского, 2) национальным терминам, являющимися однозначными аналогами для международной англосаксонской терминологии в области криминалистики. Под терминосистемой в научной литературе понимается совокупность терминов специального языка в определен-

ной области знания [2, с. 4]. При этом в каждой терминосистеме существует несколько семантических полей, в рамках которых можно проводить частотные корпусные исследования для выявления наиболее часто используемых групп терминов.

Историография темы исследования достаточно обширна и включает в себя работы как российских, так и зарубежных исследователей. В частности, общетеоретические аспекты криминалистики как науки и особенности ее терминосистемы рассмотрены в работах таких авторов, как Е.В. Бурцева, И.П. Рак, А.В. Селезнев, Э.В. Сысоев [1], А.Д. Досумова [2], Д.В. Жмуров, В.И. Поклад [3]. В работах данных авторов приведены основные трактовки понятий «криминалистика», «терминосистема», «вторичное заимствование» и т.п.

В рамках исследуемой темы методологический интерес представляют работы таких исследователей, как Н.Л. Мишатица [4] и В.А. Номоконов, Т.М. Судакова [5], которыми успешно применяются методы сопоставительной лингвистики.

Анализ криминалистической терминосистемы русского языка представлен в работах Т.В. Толстухиной, Д.В. Панарина [9]. Терминологические исследования осетинского языка проведены такими авторами, как Л.К. Парсиева и Л.Б. Гацалова [7]. В зарубежной сопоставительной лингвистике основное внимание исследователей посвящено эмпирическому изучению корпусов различных языков для выявления международного блока терминов в современной криминалистике. К числу таких работ можно отнести исследования Н.П. Дамаскена, М.К. Сильва [10], Т. Крайвака [11], М. Лая [12], П. Вальде и Б. Велльма [13]. Тем не менее, несмотря на достаточно обширную историографию, сопоставительный анализ осетинского и русского языков с точки зрения выявления особенностей криминалистической терминосистемы проводится крайне редко. Для пополнения числа такого рода работ в настоящей статье представлены результаты эмпирического корпусного исследования осетинского языка.

Материалами для анализа стали 250 лингвистических единиц, входящих в терминосистему «криминалистика» в осетинском и русском языках. Отбор проведен на основе метода частотности с помощью механической выборки в текстах соответствующего содержания (по принципу каждая 10-я лексическая единица из одного семантического поля). Частотность каждой лексической единицы, имеющей сему «криминал», была выявлена на основе данных национального корпуса осетинского языка [6]. Для выявления международных терминов в составе русского и осетинского языков в сфере криминалистики был применен принцип средней частотности по каждой терминологической группе в определенных семантических полях.

Основную единицу анализа составила лексико-семантическая группа терминов (терминосистема), объединенных в два семантических поля: «судебно-медицинская экспертиза» и «доказательная база расследования». Данные поля были выбраны по принципу наличия аналогов в переводе международной группы терминов англо-саксонского происхождения с латинскими корнями (например, «криминал» от *criminal* и т.п.).

Критериями анализа стали основные лексико-семантические группы терминов в двух семантических полях:

- 1) термины, обслуживающие сферу судебно-медицинской экспертизы;
- 2) термины, обслуживающие процедуру расследования в части доказательной базы (табл. 1).

Таблица 1

Результаты анализа криминалистической терминосистемы в русском и осетинском языках

Наименование терминологической группы	Примеры лексики			Коннотации
	Осетинский язык	Индекс частотности по корпусу осетинского языка	Аналог в русском языке	
Термины судебно-медицинской экспертизы	Фæсмæрдон	97	Посмертный	Лексика, обслуживающая процесс проведения судебно-медицинской экспертизы
	Медицинон	437	Медицинский	
	Патологи	304	Патология	
	Скъæртт кæнын	231	Проводить вскрытие	
	Мард	128	Труп	
	Архайæн фыд ракæнд	87	Орудие преступления	
	Хъæн диаметр	98	Диаметр раны	
	Медицинон экспертизæ	250	Медицинская экспертиза	
	Магъзæргом	82	Черепно-мозговая травма	
Термины процедуры расследования в части доказательной базы	Æвдисæнад (мн. æвдисæнадтæ)	144	Доказательство	Международные термины, имеющие аналоги в русском и осетинском языках, обеспечивающая процедуру расследования в части сбора доказательной базы
	Криминалон	219	Криминальный	
	Фыдракæнддзинад Фыд ракæнд	96	Преступление, преступное деяние	
	Æвзæр кæнын	82	Совершать преступление	
	Æвдисæндзинад (мн. æвдисæндзинадтæ)	102	Свидетельство	
	Æрфæрсын	132	Допрашивать	
	Æвдисæн лæууын	88	Выступать в качестве свидетеля	
	Слестгæнæг Прокурор	298 372	Следователь Прокурор	

Методология исследования основана на лингвокультурном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, дедукция, индукция); а также ряд специальных методов: сопоставительный анализ, семантический анализ, методы корпусного частотного исследования, терминологический и этимологический методы.

Частотность выявленных терминологических групп в сфере криминалистики в корпусе осетинского языка была проанализирована с помощью программы Neural Designer для расширенного статистического анализа. Полученные результаты были отображены в графическом формате, в виде сводной диаграммы. Частотность соответствующей лексики в каждой терминологической группе оценивалась по следующему принципу: 1-3 балла – низкий уровень частотности, 4-6 баллов средний уровень частотности, 7-10 баллов – высокий уровень частности по исследуемой группе терминов.

Предложенная методика анализа позволила обобщить количественные данные о частотности вторичных заимствований из русского языка (калька с английских терминов, имеющих латинское происхождение), состоящих в основном из одного слова и реже – из профессиональных клише. Данное эмпирическое исследование проведено с 1 по 18 марта 2023 года.

В процессе проведения эмпирического исследования было выявлено 15% вторичных заимствований из русского языка в общем объеме выборки терминологических групп в 125 экземпляров (примеры с индексом частотности выше 200). Данные заимствования были выявлены в двух группах: сфера судебной медицины и термины доказательной базы расследования (рис. 1).

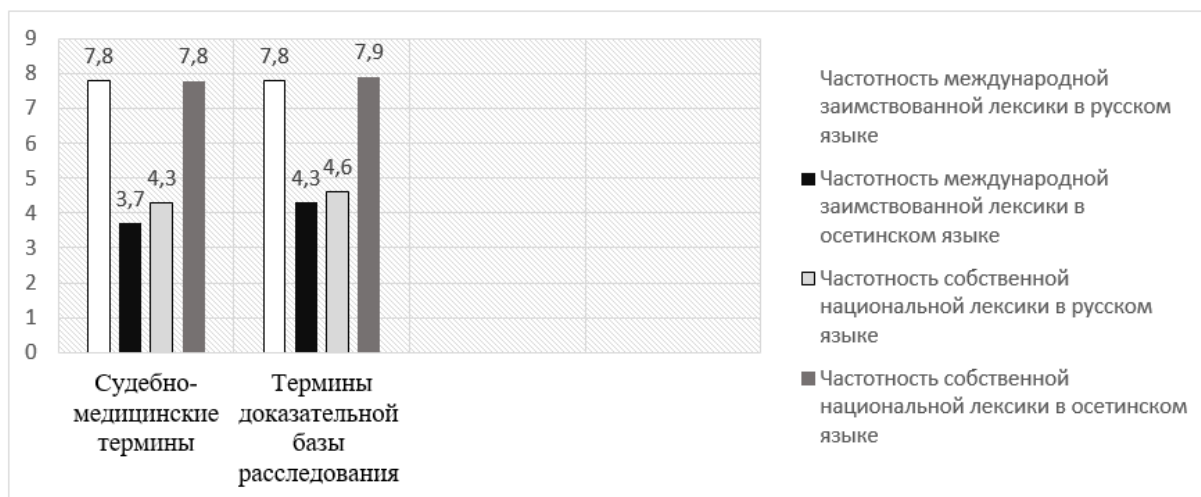

Рис. 1. Частотность терминов криминалистики в русском и осетинском языках

Насколько можно судить по полученным данным, представленным на рис. 1, наибольшую частотность в русском языке обнаруживают международные термины (точнее – их заимствование в виде калькирования из английского языка) как в сфере доказательной базы, так и в семантическом поле судебно-медицинской экспертизы.

В осетинском языке, напротив, по уровню частотности на первом месте находится группа терминов национального происхождения (аутентичная терминология). Только 15% от всего объема криминалистической лексики составляют вторичные заимствования из русского языка. Самый низкий уровень частотности выявлен в группе судебно-медицинских терминов, что означает сформированность данной терминосистемы в профессиональном осетинском языке криминалистов. Перевод данных терминов имеет прямые аналоги в русском языке, что, несомненно, существенно облегчает процесс обмена данными по криминалистической экспертизе между соответствующими русско- и осетино-язычными специалистами.

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Анализ корпуса осетинского языка доказал, что в современной криминалистической терминологии присутствует небольшой процент вторичных заимствований из русского языка (калька с англоязычной терминологии латинского происхождения), однако в большей степени используются аутентичные осетинские термины. При этом в осетинском языке существует собственная база терминов, которые имеют однозначные аналоги в русском языке.

2. Значение дальнейших исследований в области специальной терминологии заключается в том, что четкое понимание и однозначная трактовка терминосистем русского и осетинского языков облегчает взаимодействие между специалистами в области криминалистике при работе с экспертными заключениями и доказательными базами.

Литература

1. Бурцева Е.В., Рак И.П., Селезнев А.В., Сысоев Э.В. Криминалистика М.: «Инфра-М», 2020. 364 с.
2. Досумова А.Д. К проблеме вариантности при переводе терминов в области криминалистики // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 6. С. 2 – 10.
3. Жмуров Д.В., Поклад В.И. Новые термины в криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 460 – 466.
4. Мишатица Н.Л. Методическая лингвоконцептология и ее терминосистема // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 1. С. 3 – 19.
5. Номоконов В.А., Судаковая Т.М. Криминология будущего – позитивная криминология? // Lex Russica. 2019. № 9. С. 29 – 31.
6. Осетинский национальный корпус. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 12.01.2023).
7. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Функционирование юридических терминов в осетинском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9. С. 2 – 10.

8. Светличный А.А. Терминологические модели криминалистики: исторические аспекты формирования и современное состояние // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 141 – 150.
9. Смушкин А.Б. Принципы криминалистики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 22 – 45.
10. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Основные научные направления терминоведения общей теории судебной экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4. С. 52 – 60.
11. Damascena N.P., Silva M.K. Recommendations for procedures related to the evidence chain of custody in forensic anthropology. 2022. Vol. 3. P. 96 – 107.
12. Krayvak T. The issue of variance in translation of terms in the field of criminalistics and forensic examination. *International Linguistic Journal*. 2022. Vol. 7. P. 47 – 58.
13. Lai M. Transcribing and translating forensic speech evidence containing foreign languages. *Frontiers in Communication*. 2023. Vol. 6. Pp. 102-128.
14. Walde P., Völlm B. Measuring Restrictiveness in Forensic Mental Health. *European Psychiatry*. 2023. Vol. 65(1). P. 755 – 777.

References

1. Burceva E.V., Rak I.P., Seleznev A.V., Sysoev Je.V. *Kriminalistika M.: «Infra-M»*, 2020. 364 s.
2. Dosumova A.D. K probleme variantnosti pri perevode terminov v oblasti kriminalistiki. *Social'no-jekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i jurisprudencija: teorija i praktika*. 2016. № 6. S. 2 – 10.
3. Zhmurov D.V., Poklad V.I. Novye terminy v kriminologii. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2019. № 3. S. 460 – 466.
4. Mishatina N.L. Metodicheskaja lingvokonceptologija i ee terminosistema. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2018. № 1. S. 3 – 19.
5. Nomokonov V.A., Sudakovaja T.M. Kriminologija budushhego – pozitivnaja kriminologija? *Lex Russica*. 2019. № 9. S. 29 – 31.
6. Osetinskij nacional'nyj korpus. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru (data obrashhenija: 12.01.2023).
7. Parsieva L.K., Gacalova L.B. Funkcionirovanie juridicheskikh terminov v osetinskom jazyke. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2015. № 9. S. 2 – 10.
8. Svetlichnyj A.A. Terminologicheskie modeli kriminalistiki: istoricheskie aspekty formirovanija i sovremennoe sostojanie. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*. 2022. № 2. S. 141 – 150.
9. Smushkin A.B. Principy kriminalistiki. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019. № 2. S. 22 – 45.
10. Tolstuhina T.V., Svetlichnyj A.A., Panarina D.V. Osnovnye nauchnye napravlenija terminovedenija obshhej teorii sudebnoj jekspertizy. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*. 2018. № 4. S. 52 – 60.
11. Damascena N.P., Silva M.K. Recommendations for procedures related to the evidence chain of custody in forensic anthropology. 2022. Vol. 3. P. 96 – 107.
12. Krayvak T. The issue of variance in translation of terms in the field of criminalistics and forensic examination. *International Linguistic Journal*. 2022. Vol. 7. P. 47 – 58.
13. Lai M. Transcribing and translating forensic speech evidence containing foreign languages. *Frontiers in Communication*. 2023. Vol. 6. Pr. 102-128.
14. Walde P., Völlm B. Measuring Restrictiveness in Forensic Mental Health. *European Psychiatry*. 2023. Vol. 65(1). P. 755 – 777.

*Dzhioeva Z.E., Postgraduate,
North Ossetian State University named after K. Khetagurov*

Criminalistic terminology features in the Russian and Ossetian languages

Abstract: the article reveals specifics of forensic terminology in the Russian and Ossetian languages. In order to study this scientific problem, the author of the article carried out corpus research in criminological terminological systems of the Russian and Ossetian languages using a comparative analysis. The research methodology is based on the linguocultural approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, deduction, induction); as well as a number of special methods: comparative analysis, semantic analysis, methods of corpus frequency research, terminological and etymological methods. Based on the research results, the author of the article came to the following conclusions: most of the terms in the Ossetian language are secondary borrowings from Russian, in which, in turn, this terminology appeared from English, and initially from Latin. In criminological terminology in Russian and Ossetian languages, they refer to two semantic fields (investigation procedure and forensic medicine). The terms of these groups are of Anglo-Saxon origin and are borrowed by the Ossetian language from Russian in the form of separate words; they are less common in the form of stereotyped speech turns and clichés.

Keywords: comparative linguistics, terminology, term system, the Ossetian language, the Russian language, criminalistics

For citation: Dzhioeva Z.E. Criminalistic terminology features in the Russian and Ossetian languages. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 218 – 223.

*Дровосекова И.Н., учитель, аспирант,
Удмуртский государственный университет*

Мир семьи в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»

Аннотация: в данной статье раскрывается мир семьи на примере романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история». Автор подчеркивает, что в отечественной традиции семья считается главным источником нравственных норм и духовных ценностей, которые передаются многие годы из поколения в поколение. В статье приводится краткое исследование значения «семьи» в разные исторические периоды. Но главным объектом исследования выступает роман «Обыкновенная история», который является первым большим произведением и блистательным дебютом великого русского писателя И.А. Гончарова. Вот уже второе столетие роман не перестает волновать и восхищать именно своей «обыкновенностью», вечно актуальным сюжетом о столкновении мечтаний, семейных ценностей, идеалов и надежд с обыденностью, с тем, что люди привыкли называть «правда семейной жизни». Автором подчеркивается, что мир семьи в романе воплощают собой семьи Анны Адуевой и Петра Адуева, а также второстепенные героини романа – три возлюбленных Александра: Наденька, Юлия и Лиза. И основной акцент в статье делается именно на отношениях между данными героями. В завершении автор приходит к выводу о том, как сильно и пагубно повлияла на мир семейных ценностей европеизация. Проблема, поставленная И.А. Гончаровым в художественном произведении «Обыкновенная история», достигла своего пика в современном обществе. Кризис духовности является одним из наиболее важных и значимых вопросов и, осознавая это, общество уже делает первые шаги в направлении восстановления традиционных ценностей семьи.

Ключевые слова: семья, роман, И.А. Гончаров, мир семьи, «Обыкновенная история», отношения

Для цитирования: Дровосекова И.Н. Мир семьи в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 224 – 228.

В отечественной традиции семья – главный источник нравственных норм и духовных ценностей, которые передаются из поколения в поколение. После принятия христианства первое определение брака встречается в Кормчей книге «Брак есть мужеве и жене сочетание, сбытие во всей жизни, божественныя и человеческия правды общение» [9] Становится существенно важной религиозно-юридическая составляющая семьи. Постепенно церковь побеждает пережитки язычества: многоженство и наложничество. С середины XVI в. В России появляется «Домострой», где собраны правила и советы по обустройству семейной жизни, ведению хозяйства и построению гармоничных отношений в семье.

С.В. Троицкий в «Христианской философии брака» [8] разделяет идеалистическую и реалистическую теории. В России и в православной части Европы, согласно исследованию Троицкого, получила распространение идеалистическая теория брака, по которой сущность семьи – возможность человека совершенствоваться в браке. То есть, идеалистическое понимание брака – стремление к совершенствованию, целостности, целомудрию, духовному единению. Основой такой теории выступают библейские истины, реализуемые в православной духовной концепции. В дохристианской эпохе мы можем найти подтверждение этой теории в работах Платона.

Реалистическая теория видит сущность семьи и брака в деторождении, а в менталитете дворянства – в приумножении капиталов. Отказ от эмоциональной составляющей при создании семьи породил к концу XII в. в Западной Европе такое явление как куртуазная любовь, получившее широкое распространение на территории будущей Франции, Германии, Испании, Италии в феодальном и впоследствии дворянском обществе. Литература отразила это явление, и именно куртуазная литература стала прародительницей тех самых французских романов и водевилей, которые будоражили воображение героинь русской литературы (Софья в «Горе от ума», Татьяна в «Евгений Онегин», Марья в «Метели»). Наступившая позже эпоха Возрождения только усилила внимание к чувственной стороне любви. Браки большей частью заключались по расчету, на основе сословных отношений и супружеская верность не являлась ценностью. В связи с этим стоит упомянуть распространенную практику родственных браков.

К XVIII в. Ведущие западные философы Руссо и Кант – представители периода Просвещения, сошлись в мысли о том, что в браке должно преобладать рациональное начало. Это те прогрессивные ценности в области брачно-семейных отношений, которые европейская культура могла предложить России.

Иван Александрович Гончаров был идеалистом. За идеями рационализма, материализма и нигилизма, входящими в русское общество через столичный Петербург, следил с тревогой. Однако он понимал, что ассимиляция и европеизация образа жизни произойдет неизбежно.

В это время выходит в печать роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история». «Обыкновенная история» - как известно, первый из трех романов Ивана Александровича Гончарова. Опубликован был в журнале «Современник» весной 1847 года в мартовском и апрельском номерах. Это был литературный дебют писателя в жанре романа, и он оказался весьма успешным.

В письме к издателю Краевскому в мае 1848 г. Гончаров пояснял значение словосочетания «обыкновенная история» как «история- так по большей части случающаяся». Ситуация касалась переводимого английского романа и его публикации в журнале «Отечественные записки», и Гончаров отстаивал оригинальность названия своего романа, уже вышедшего в «Современнике» [1].

Мир семьи в романе воплощают собой семьи Анны Адуевой, Петра Адуева, а также второстепенных героинь романа – трех возлюбленных Александра: Наденьки, Юлии и Лизы.

В.Г.Белинский назвал Александра Адуева трижды романтиком «по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни». Рассмотрим, как семья повлияла на формирование его характера. С первых строк романа предстает перед читателем полноправной хозяйкой положения мать семейства, Анна Павловна. Она – первое лицо в своем имении. Пока сын спит, мать занимается организацией его запланированного отъезда. Из эпитетов мы видим «небогатая помещица» и «раздраженная львица» (при условии неповиновения). Гончаров пишет: «Анна Павловна отпускала сына в Петербург на службу, или, как она говорила, людей посмотреть и себя показать. Убийственный для нее День! От этого она такая грустная и расстроенная.» Об отъезде Александра читатель узнает также с позиции Анны Павловны, таким образом понимая, что она на момент начала повествования является главным, принимающим решения лицом. Впрочем, семья Адуевых и состоит лишь из двух человек: мать и сын. Мать в романе является олицетворением семьи и воплощением безусловной любви.

Е.В. Краснова определяет архетип матери в романе «Обыкновенная история» как мать-родительницу (соответственно мать-жена в романе «Обломов» и бабушка (мать матери) в романе «Обрыв»). Вспомним слова Анны Павловны Адуевой, обращенные к сыну: «Мне самой ничего не надо. Отними Бог у меня все: здоровье, жизнь, пошли слепоту – тебе лишь подай всякую радость, всякое счастье и добро...».

Как видим, именно материнская забота о благе сына составляет суть характера Анны Павловны. Именно материнские чувства определяют содержание её жизни, придавая ей смысл и полноту: «Не тужи: у тебя есть мать, <...> последний вздох отдам, последнюю слезу выплачу за тебя, моего друга» [3].

Забота о хозяйстве, о кухне, об удобстве и комфорте домашней жизни – все это делается только ради сына и не имеет никакого смысла само по себе. И богатые урожаи, и доход от продажи леса, и обилие дичи в лесах и рыбы в озерах важны постольку, поскольку могут обеспечивать покойную и безбедную жизнь любимому сыну. Именно поэтому Анна Павловна уделяет хозяйству такое внимание [6].

Упоминание о муже мы встречаем дважды. В сопроводительном письме, написанном Анной Павловной к деверю Федор Иванович упоминается с любовью, именуется «голубчиком». В конце произведения мать рассказывает воспоминание о том, как отец сам работал в поле, а она ждала его, как порол крепостного, обидевшего маленького сына.

Семья Анна Павловны с отъездом Александра распадается, и она остается одна в своем имении. Три года мать только из переписки узнает состояние его дел. Спустя это время Александр возвращается, но это уже не тот восторженный белокурый мальчик. То, что Петр Иванович расценивал как благое дело для племянника, оказалось делом губительным. И впоследствии Александр укоряет его: «вы сейчас подросли с теорией и показали мне, что это общий порядок, – и я, в двадцать пять лет, потерял доверенность к счастью и к жизни и состарелся душой» [3].

Полысевший и похудевший, потеряв красоту физическую, он потерял и красоту своей души. То, что не было необходимо для выживания в городе, попросту умерло в Александре. Слова Петра Адуева: «Посмотри-ка, – взывает он, – на нынешнюю молодежь: что за молодцы! Как все кипит умственной деятельностью, энергией, как ловко и легко расправляются они со всем этим вздором, что на вашем старом языке называется треволнениями, страданиями... и черт знает что еще!» [3].

Гончаров щадит Анну Павловну и избавляет ее от второго прощания с сыном. Вместо этого сын прощается с ней. Событие не представлено как трагическое и описано в контексте намерений и желаний Александра. В то время как у него стали появляться мысли о второй поездке в Петербург, и он искал мотивы для объяснения с матерью «...мать вскоре избавила его от этого труда: она умерла» [3]. И опять читатель видит, что эта последняя из возможных жертва словно принесена для исполнения желаний сына.

В.И. Мельник интерпретирует изменения, происходящие в Александром в Петербурге как притчу о «блудном сыне». При этом «смысл притчи не абсолютен и не исчерпывает содержания нравственного урока, так как Гончаров рассматривает не только духовный, но и «земной», «житейский» аспект человеческой судьбы» [2].

Петербург показал Александру новую жизнь и новую семью. Семья Петра Ивановича Адуева – это его жена Лизавета Александровна, которую он доводит до чахотки своим бездушием. Лизавета Александровна – положительный образ, верная жена, хорошая хозяйка, старающаяся напоминать о нравственных ценностях и мужу и племяннику. Она принимает свою судьбу как неизбежность, понимая, что ей не под силу изменить Адуева-старшего. «...это насмешка судьбы. Она всегда, будто нарочно, сведет нежного, чувствительного человека с холодным созданием!» [2]. Перед лицом мужа Лизавета Александровна выступает как адвокат Александра (созвучие имен не случайно). Ее натура и характер проявляются во второй части романа, когда Александр начинает тонуть в «омуте» Петербурга и нуждается в поддержке.

Е.А. Краснощекова пишет: «Роль матери-утешительницы, терпеливой няньки при незадачливом инфантильном племяннике занимала бездетную женщину, но была и иная причина ее сочувствия страданиям Александра: окруженная роскошью, освобожденная от всех забот, героиня не была счастлива, хотя и не решалась признаться в этом себе. В сетованиях Александра на судьбу она «находила сочувствие собственному сердцу, слышала в его жалобах на любовь голос не чуждых и ей страданий» [1]... «Воспитание чувств» через радости и страдания – примета нормально развивающейся жизни, а серьезность чувств и формы их проявлений зависят от глубины натуры. Лизавета Александровна страдала молча, проживая юность без отклика на свое желание любить и быть любимой. Поэтому, замечая элемент игры в излишних Александры, она, тем не менее, искренне утешала его, этим утешая... себя. Думая о муже, Лизавета Александровна часто мыслями обращалась и к племяннику, пытаясь через сравнение старшего и младшего Адуевых постичь тайну мужского характера. Таким образом, в «Обыкновенной истории» эта героиня является и объектом анализа (женское сердце в годы взросления), и активным участником (наряду с самим автором) постижения психологии других персонажей» [4].

Именно ей пишет Александр письмо перед тем как вернуться в Петербург. Он ищет у тетушки душевного тепла, дружеского участия и приятия. Изменения в себе Александр оправдывает взрослением. Критерием его нравственной чистоты может служить отношение к Антону Ивановичу (Вечному Жиду), лицемерному человеку, который вхож в каждый приличный дом и везде с удовольствием ест и пьет, но не чувствует искреннего участия ни к кому. Видя эту фальшь, Адуев смиряется с ней. И даже хвастается тетушке в письме своей терпимостью. Равнодушие и неискренность уже не раздражают его, они становятся приемлемы и нормальны.

Проследив за изменением натуры главного героя, отметим, что влияние семьи здесь является характерообразующим. Выйдя из нежных материнских объятий чутким и кротким юношей, Александр попадает под влияние рационализма своего дядюшки. Все его порывы разбиваются о камень сердца (значение имени Петр – камень). Вторая ассоциация с камнем – это город, собственно Петербург. Фамилия «Адуев» интентирована В.И. Мельником как производное от слова «ад» [2].

Обе рассмотренных семьи патриархальны. Упомянутая ранее европеизация отражается в рассуждениях Петра о том, что любовь и женитьба не должны быть связаны. Чувство, по его мнению, мешает формированию крепких семейных отношений. Брак должен быть один, а любить сердце может несколько раз.

Такая позиция Адуева-старшего не соответствует традиционным семейным ценностям и не является правильной с точки зрения нравственности. В православной религиозной концепции приветствуется верность – это добродетель твердости и постоянства в выполнении взятых на себя обязательств и неизменному сдержанию данного слова. Множество любви не соответствует этой концепции.

Анализируя семейные отношения Адуева-младшего и Адуева-старшего, мы видим оппозицию провинция-центр и, соответственно, оппозицию религиозность-светскость. Но не только эти две семьи показаны в романе.

Семья Надежды Александровны Любецкой – это ее мать Марья Михайловна, «одна из тех добрых и нехитрых матерей, которые находят прекрасным всё, что ни делают детки» [1]. Вновь перед нами архетип матери-родительницы. Марья Михайловна говорит о дочери: «я сама занималась ее воспитанием, строго смотрю, от себя ни на шаг, и могу сказать, что Наденька чувствует это...» [1]. Почти в той же формулировке мать повторяет свои слова еще несколько раз. Тем не менее, дочь бывает и на вечерних прогулках с Александром и на трехчасовых катаниях на лошадях с графом. Мать говорит, их совсем не так воспитывали, чтоб девушке ездить верхом. Показательно осуждающее отношение Марьи Михайловны к соседке, позволяющей себе курить на балконе своего дома, не стесняясь проезжающих мимо экипажей. «Всё от французов...» – вздыхает она. И тут же просит Александра принести ей новый французский роман. Можно предположить, что Наденька – живая и активная натура, не только по воспитанию маменьки, но по врожденной сметливости и находчивости найдет свое место в жизни.

Семья Юлии Павловны Тафаевой, напротив, не занималась ее воспитанием, доверившись нанятым педагогам. О родителях в романе не сказано. А учителя были выписаны по тогдашней моде: из Франции и Гер-

мании. Наиболее преуспел в своей работе французский гувернер, и вновь литература стала ключом к девичьему сердцу. Только «Евгений Онегин» выдержал конкуренцию с французскими романами и «был выучен наизусть и не покидал изголовья Юлии». Муж ее оказался человеком обыкновенным, но брак был недолгим, и в двадцать три года Юлия стала вдовой. В это время разгорелся ее бурный роман с Александром. Они планировали супружество, но не видели его ценности. Охлаждение чувств Александра она не смогла понять. Отсутствие семейных ценностей и серьезных задач в жизни, замена всего этого поиском чувственной любви из романов привело Юлию к болезни и потере чувства собственного достоинства.

В отличие от предыдущих героинь, Лиза появляется в романе сразу вместе со своим отцом. Причем отец первичен «...стоял старик, под руку с ним хорошенькая девушка...». Имени у него нет, Александр называет его «отец», «старик», «Эдип». Но он вежлив, достаточно обеспечен, поскольку снимает дорогую дачу и, нарекая его Эдипом, Адуев признает его величие. Воспитывалась Лиза в пансионе, как и Юлия, читала много современных книг, и вкус ее также был испорчен. Но отец Лизы чутко следил за ее настроением и боролся за честь и репутацию дочери, не хвалясь своими заслугами. Такого отца очень не хватало Вере из «Обрыва». Внимателен к дочери он был всегда: «знаю ее с пелен..», и всегда ее любил. Именно такая направляющая отеческая любовь станет для Лизы залогом удачной семейной жизни. К сожалению, к моменту встречи с Лизой Александр уже развращен и испорчен и, даже осознавая греховность своих желаний, не может противостоять им.

Единственным нравственным ориентиром Александра в Петербурге были детские воспоминания. Чистота помыслов и ясность желаний связаны только с родной усадьбой.

Как отмечено Г.В. Мосалевой [7], только в храме Александр вспоминает о вере, о Боге и понимает, что младенческие искренние и чистые верования утеряны. ««Детские воспоминания» Александра целомудренны, литургичны и теплы, не случайно они приводят его к мысли о необходимости веры, и это лучшие духовные чувства, из всех тех, которые герой испытывает на протяжении всего романа: «Ах! Если б я мог еще верить в это! – думал он. – Младенческие верования утрачены, а что я узнал нового, верного... ничего: я нашел сомнения, толки, теории... и от истины еще дальше прежнего... К чему этот раскол, это умничанье?.. Боже!.. когда теплота веры не греет сердца, разве можно быть счастливым! Счастливее ли я?» [1]».

Это мгновение просветления не повторится в романе. Сын не вернется в родное гнездо и не приведет в отчий дом новую хозяйку. То есть связь поколений и преемственность традиций будет нарушена. Семья Александра, созданная впоследствии на основе меркантильных расчетов, не принесет ему успокоения и не станет для него источником благодати, радости и покоя. Из эпилога известно, что женится он на богатой наследнице, и жить будет в доме ее родителей. То есть, Адуев реализует реалистическую теорию брака.

На этом примере мы видим общую тенденцию того, что семья становится более светской и нравственно-религиозные ценности уходят из нее. Нет более общего стремления к целостности и духовному единению.

«Обыкновенную историю» Гончаров заканчивает необыкновенным случаем. В отношении Александра – это просьба к дядюшке о деньгах на свадебные расходы, а в отношении дяди – желание обнять племянника, ведь он наконец стал его достойным преемником. Человеком, потерявшим нравственные ориентиры и заменившим их работой ума.

В настоящее время мы видим, как пагубно повлияла на мир семейных ценностей европеизация. Проблема, поставленная Гончаровым в художественном произведении, достигла своего пика в современном обществе. Кризис духовности является одним из важнейших вопросов. Осознавая это, мы уже делаем шаг к восстановлению традиционных ценностей семьи и общества.

Литература

1. Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 8. С. 194.
2. Мельник В.И. «Обыкновенная история» И.А. Гончарова в ракурсе религиозной концепции Теория традиции: христианство и русская словесность сост. Г.В. Мосалева «Удмуртский университет» Ижевск 2009. 357 с.
3. Гончаров И.А. Обыкновенная-история. [Электронный ресурс] <https://онлайн-читать.рф/гончаров-обыкновенная-история> (дата обращения: 28.03.2023 г.)
4. Краснощекова Е.А. «И.А. Гончаров: Мир творчества». Пушкинский фонд. Санкт-Петербург, 1997. 496 с.
5. Дмитрийчук А.Ю. Образ семьи в европейской и российской культурной традиции: философско-антропологический анализ: дис. ... канд. философ. наук. Белгород, 2018. 25 с.
6. Краснова Е.В. «Материнская сфера» в романах И.А. Гончарова // Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 193.

7. Мосалева Г.В. «Храмовая тетралогия И.А. Гончарова: истоки поэтичности» Ижевск: Удмуртский университет, 2023. 138 с.

8. Троицкий С. В. Христианская философия брака. Клин, 2001. 221 с.

9. Белякова Е.В. и др. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.

References

1. Goncharov I.A. *Sobranie sochinenij*. T. 8. S. 194.

2. Mel'nik V.I. «Obyknoennaja istorija» I.A. Goncharova v rakurse religioznoj koncepcii Teorija tradicii: hristianstvo i russkaja slovesnost' sost. G.V. Mosaleva «Udmurtskij universitet» Izhevsk 2009. 357 s.

3. Goncharov I.A. Obyknoennaja-istorija. [Elektronnyj resurs] <https://onlajn-chitat'.rf/goncharov-obyknoennaja-istorija> (data obrashhenija: 28.03.2023 g.)

4. Krasnoshhejkova E.A. «I.A. Goncharov: Mir tvorcestva». Pushkinskij fond. Sankt-Peterburg, 1997. 496 s.

5. Dmitrijučuk A.Ju. *Obraz sem'i v evropejskoj i rossijskoj kul'turnoj tradicii: filosofsko-antropologičeskij analiz: dis. ... kand. filosof. nauk*. Belgorod, 2018. 25 s.

6. Krasnova E.V. «Materinskaja sfera» v romanah I.A. Goncharova. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 190-letiju so dnja rozhdenija*. Ul'janovsk: Korporacija tehnologij prodvizhenija, 2003. S. 193.

7. Mosaleva G.V. «Храмовая тетралогия И.А. Гончарова: истоки поэтичности» Ижевск: Удмуртский университет, 2023. 138 с.

8. Троицкий С. В. Христианская философия брака. Клин, 2001. 221 с.

9. Белякова Е.В. и др. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.

*Drovosekova I.N., Teacher, Postgraduate,
Udmurt State University*

The world of the family in the novel by I.A. Goncharov "Ordinary History"

Abstract: this article reveals the world of the family on the example of I. A. Goncharov's novel "Ordinary History". The author emphasizes that in the domestic tradition, the family is considered the main source of moral norms and spiritual values that have been passed down from generation to generation for many years. The article provides a brief study of the meaning of "family" in different historical periods. But the main object of research is the novel "Ordinary History", which is the first great work and brilliant debut of the great Russian writer I. A. Goncharov. For the second century now, the novel has not ceased to excite and delight precisely with its "ordinary", eternally relevant story about the collision of dreams, family values, ideals and hopes with the ordinary, with what people used to call "the truth of family life". The author emphasizes that the world of the family in the novel is embodied by the families of Anna Adueva and Pyotr Aduev, as well as the minor characters of the novel - Alexander's three lovers: Nadenka, Yulia and Lisa. And the main emphasis in the article is on the relationship between these characters. In conclusion, the author comes to the conclusion about how strongly and detrimentally Europeanization has affected the world of family values. The problem posed by I. A. Goncharov in the work of art "Ordinary History" has reached its peak in modern society. The crisis of spirituality is one of the most important and significant issues and, realizing this, society is already taking the first steps towards restoring the traditional values of the family.

Keywords: family, novel, I.A. Goncharov, the world of the family, "Ordinary history", relationships

For citation: Drovosekova I.N. The world of the family in the novel by I.A. Goncharov "Ordinary History". *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (5). P. 224 – 228.

*Сюе Хунъянь, старший преподаватель, аспирант,
Сианьский нефтяной университет, Китай,
Сианьский университет иностранных языков, Китай*

О переводе и издании на русском языке китайской научно-фантастической литературы XXI века

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос перевода и издания на русском языке новейшей китайской научно-фантастической литературы XXI века. В статье приводится обзор наиболее ярких и значимых произведений китайской научно-фантастической литературы, опубликованных в период с 2000 года. Также в исследовании рассматривается текущее состояние перевода, распространения и восприятия китайской научно-фантастической литературы в России и анализируются факторы, обеспечивающие успех в распространении и восприятии китайской научно-фантастической литературы. Особое внимание в исследовании уделяется оценке и анализу восприятия китайской научно-фантастической литературы читателями, как китайскими, так и на территории Российской Федерации. Также в статье рассматривается отношение читателей и рецензии к различным произведениям рассматриваемого жанра. Выявлено, что при переводе и издании на русском языке учитывается широкий спектр факторов, в том числе художественные достоинства произведений, получение китайскими писателями престижных литературных наград, издание произведений крупнейшим издательством, экранизация произведений. Выявлено, что за последние 5 лет китайские научно-фантастические произведения стали наиболее продаваемыми и популярными среди всей современной китайской литературы в России.

Ключевые слова: китайская научная фантастика, перевод, издание, восприятие, Лю Цысинь, Россия

Для цитирования: Сюе Хунъянь О переводе и издании на русском языке китайской научно-фантастической литературы XXI века // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 5. С. 229 – 233.

В августе 2015 года известный китайский писатель-фантаст Лю Цысинь получил премию «Хьюго» – наиболее престижной награды в области научной фантастики и фэнтези за роман «Задача трех тел», став первым азиатским писателем, удостоившимся такой чести. Год спустя Хао Цзинфан стала лауреатом литературной премии «Хьюго» в номинации «Лучшая короткая повесть». Таким образом, китайские научно-фантастические произведения активно завоевывают международные награды, что способствует распространению китайской научной фантастики за рубежом.

На сегодняшний день выпущено более 100 версий китайских научно-фантастических произведений на иностранных языках. С 2015 года по настоящее время в России было переведено и издано в общей сложности 35 китайских научно-фантастических произведений с английского языка тиражом почти 50 000 экземпляров, а некоторые романы Лю Цысиня становятся бестселлерами на российском книжном рынке. Превзойдя Мо Яня по количеству читателей и популярности в России, писатель-фантаст Лю Цысинь стал для российского читателя образцом современной китайской литературы. Данная статья посвящена переводу на русский язык новейшей китайской научной фантастики и её распространению в России.

Историю перевода китайской научно-фантастической литературы в России можно проследить с конца 1960-х годов прошлого века. В 1969 году перевод романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» был опубликован в шестом номере журнала «Новый мир», тираж которого превышал 130 тыс. экземпляров. Затем роман вышел отдельным изданием тиражом 50 тыс. экземпляров и стал пользоваться беспрецедентной популярностью в России. С 1969 г. и по настоящее время в России роман переиздавался восемь раз, общий тираж составил более 780 тыс. экземпляров [1].

В марте 2015 года повесть «Забота о Боге» Лю Цысиня на русском языке впервые напечатана в журнале «Мир фантастики». Произведение было переведено на русский язык с издания на английском переводчиком фантастики Ильей Сухановым. Два года спустя, в 2017 году, перевод романа «Задача трех тел» на русский язык был опубликован издательством «Эксмо» – одной из двух крупнейших книгоиздательских компаний России. Произведение также было выполнено с английского языка [2]. Роман «Задача трех тел» в России сначала был издан тиражом 5000 экземпляров, книга стремительно завоевывала популярность у русских читателей, за 2 года было напечатано в общей сложности 15 000 экземпляров. В дополнение к бумажной версии романа была выпущена электронная версия и аудиокнига. О популярности перевода романа «Задача трех тел» его переводчица – Глушкова, упомянула в предисловии к русскому переводу третьей книги трилогии «Вечная жизнь Смерти»: "Первая книга трилогии – «Задача трех тел» – приобрела большую популярность, и читатели попросили перевести следующую – «Темный лес»" [3].

В 2018 году, через год после публикации первой книги трилогии «Задача трех тел», издательство «Эксмо» выпустила вторую книгу трилогии «Темный лес» и третью – «Вечная жизнь Смерти». Переводчиком русского перевода «Темный лес» является Дмитрий Накамура, роман был переведен на русский язык с из-

дания на английском Джоэла Мартинсена. Перевод Накамуры получил положительные отзывы от читателей. «Темный лес» изначально был издан тиражом 4000 экземпляров, а затем было напечатано еще 5500 экземпляров.

Перевод книги «Вечная жизнь Смерти» выполнили два переводчика-соавтора: О. Глушкова, ранее переведшая «Задачу трех тел», и Д. Накамура, переведший «Темный лес». Роман был переведен на русский язык с английского перевода Кена Лю, и его тираж составил 7000 экземпляров. На данный момент общий тираж трилогии «Задача трех тел» уже достиг 35 500 экземпляров. После того как трилогия «Задача трех тел» опубликовалась и продвигалась издательскими гигантами в России, её читательская аудитория постепенно расширилась от любителей научной фантастики до массового читателя. В предисловии к переводу романа «Темный лес» Накамра отметил: «Как и первая книга трилогии, этот роман переведен на русский с издания на английском. Когда работавшие над книгой люди сомневались в точности английского перевода, на помощь приходил специалист-китаевед, свободно читающий по-китайски. С его помощью удалось восстановить важный фрагмент текста оригинала, потерянный в английском переводе, и исправить несколько других ошибок» [4].

В феврале 2019 года медиагигант Netflix приобрёл права на трансляцию научно-фантастического фильма «Блуждающая Земля», снятого в Китае на основе одноименной повести Лю Цысиня. Фильм был переведен на более 28 языков и показан более чем в 190 странах по всему миру. «Блуждающая Земля» получила высокие оценки от зрителей, и популярность китайской научной фантастики начала расти по всему миру.

В июне 2019 года издательство «Эксмо» выпустило русский перевод романа «Шаровая молния», предысторию трилогии «Задача трех тел», и трилогию «Воспоминания о прошлом Земли». Переводчиком «Шаровой молнии» является известный русский переводчик научной фантастики Сергей Саксин. Роман был выполнен с издания на английском Джоэла Мартинсена. Объем издания «Воспоминания о прошлом Земли» в страницах составляет 1056 страниц, а тираж – 3000 экземпляров. Трилогия «Задача трех тел» многократно переиздавалась.

2020 год оказался успешным и плодотворным для распространения китайской научной фантастики в России «Эксмо» выпустила четыре перевода научно-фантастических произведений на русский язык: «Эпоха сверхновой» Лю Цысиня, «Возрождение времени» Баошу, «Мусорный прибор» Чэнь Цюфаня и антологию «Сломанные звёзды. Новейшая китайская фантастика». «Эпоха сверхновой» переведена Сергеем Саксиним с английского перевода Джоэла Мартинсена. Тираж составил 6000 экземпляров. В том же году издательством «Эксмо» тиражом 3000 экземпляров опубликован русский перевод романа «Возрождение времени» Баошу, одного из крупнейших китайских писателей-фантастов последнего поколения. Переводчиком также является Глушкова. «Возрождение времени» является по сути фанфиком по циклу «Воспоминания о прошлом Земли» Лю Цысиня. «Мусорный прибор» Чэнь Цюфаня, представителя нового поколения китайских писателей-фантастов, был переведен М. Новышим и опубликован тиражом 2500 экземпляров. Стоит отметить, что, помимо названия романа и имени автора, на обложке русского перевода романов «Возрождение времени» и «Мусорный прибор» размещены рекламные надписи для привлечения читателей:

- "Продолжение трилогии «Воспоминания о прошлом Земли» Лю Цысиня";
- "Лю Цысинь: «Апофеоз научной фантастики ближайшего будущего»!"

Издательство намерено использовать коммерческую капитализацию Лю Цысиня и популярность трилогии «Задача трех тел» для продвижения романов на российский книжный рынок.

В дополнение к переводу трех вышеупомянутых научно-фантастических романов, в 2020 году «Эксмо» также опубликовало русский перевод антологии «Сломанные звёзды. Новейшая китайская фантастика» под редакцией Кена Лю тиражом 3000 экземпляров. В переводе данного сборника рассказов участвовали М. Головкин, О. Глушкова и М. Новыш. В книгу вошли 16 рассказов от 14 китайских выдающихся писателей-фантастов, в том числе Ся Цзя («Спокойной ночи, меланхолия»), Лю Цысинь («Лунный свет»), Тан Фэй («Сломанные звёзды»), Чен Цзинбо («Манящее небо»), Баошу («Что пройдет, то будет мило»), Чжан Рэн («Снегопад в Цзиньяне»), Регина Канью Ван («Мозговой ящик»), Хан Сон («Подводные лодки», «Сэлинджер и корейцы»), Хао Цзинфан («Новогодний поезд»), Фэй Дао («Робот, который любил рассказывать небылицы»), Анна У (У Шуан) («Ресторан на краю вселенной»), Ма Бойон («Игры Первого императора»), Гу Ши («Отражение»), Чэнь Цюфань («Свет, сходящий с небес», «История болезней будущего»). Составитель Кен Лю включил в книгу три эссе от специалистов по китайской фантастике для читателей, которых интересует контекст. Данные эссе рассказывают об истории и современном состоянии китайской фантастики, о том, как усиливающийся коммерческий успех китайской научной фантастики и интерес к ней со стороны читателей повлияли на сообщество поклонников и писателей научно-фантастической литературы в Китае.

В 2021 году издательство «Эксмо» выпустило сборник рассказов и повестей Лю Цысиня «Блуждающая Земля» тиражом 5000 экземпляров. В сборник входят две повести и восемь рассказов, созданных Лю Цысинем с 1998 года. Переводчиком сборника является известный русский переводчик-фантаст Назира Х. Ибрагимова, которая перевела более 150 романов. Русский перевод сборника основан на англоязычном переводе, выполненном Кеном Лю. Фильм «Блуждающая Земля» вышел в прокат в 2019 году, экранизация произведения косвенно стимулировала продажи книги.

Таким образом, с 2015 года произошёл мощный количественный рост в переводах современной китайской научно-фантастической литературы в России после продолжительного застоя с 1969 по 2015 года.

С января 2020 по январь 2021 года «Задача трех тел» занимала первое место в рейтинге “Зарубежной фантастики” книжного интернет-магазина “Лабиринт”, трилогия «Воспоминания о прошлом Земли» – шестое место, а «Темный лес», «Вечная жизнь Смерти» и «Эпоха сверхновой» заняли десятое, одиннадцатое и двенадцатое места. С 2017 года каждое произведение китайской научной фантастики, выходящее в России, вызывало шум на сайтах литературных обзоров и платформах социальных сетей, таких как fantlab.ru, mirf.ru, fantasy-worlds.org.

С 2019 по 2021 год в русских научных журналах опубликовано более десятка научных статей о писателе Лю Цысинь и его произведении «Задача трех тел» [5-8]. Данные статьи посвящены исследованию вопросов, связанных с идейным содержанием произведения и научно-фантастическими элементами творчества Лю Цысиня и демонстрируют высокий интерес не только российских ценителей научно-фантастической литературы к китайским произведениям, но и интерес научного сообщества.

Помимо оценок специалистов и учёных, оценка читателей является одним из важнейших показателей популярности китайской научной фантастики. На основании данных сайта LiveLib.ru, крупнейшего ресурса, где более 3 млн библиофилов и читателей выражают свое мнение, выполнен сопоставительный анализ рецензий на произведения Лю Цысиня и лауреата Нобелевской премии Мо Яня, результаты которого (табл. 1) [9].

Таблица 1

Результаты анализа рецензий читателей на произведения Лю Цысиня и Мо Яня

Автор	Название книги	Год выпуска	Кол-во оценок	Средняя оценка	Кол-во рецензий
Лю Цысинь	«Задача трёх тел»	2017	8168	4,3	418
	«Тёмный лес»	2018	4141	4,6	150
	«Вечная жизнь смерти»	2018	3183	4,4	126
Мо Янь	«Страна вина»	2012	845	3,4	73
	«Перемены»	2014	680	3,6	51
	«Лягушки»	2020	639	3,7	36

Как мы видим из табл. 1, на сайте LiveLib.ru. более 15 000 русскоязычных читателей дали свою оценку трилогии Лю Цысиня, книги трилогии в среднем получили 4,43 балла (из 5 баллов). По сравнению с произведениями Лю Цысиня, три самого читаемого произведения Мо Яня на сайте получили 3,56 балла (из 5 баллов) от 2164 читателей. Произведения Лю Цысиня превосходили Мо Яня по количеству читателей и популярности. В целом можно констатировать, что китайская научная фантастика действительно завоевала огромную популярность на российском книжном рынке, о чем свидетельствуют многочисленные рецензии российских читателей.

Продвижение китайской научно-фантастической литературы в России идёт в правильном направлении, переводы добились больших успехов в распространении и восприятии по сравнению с другими жанрами современной литературы. Резкий рост переводов научно-фантастической литературы с 2017 года по 2021 год обуславливается несколькими факторами. Художественные достоинства и идейное содержание произведения являются важным, но не единственным фактором, который обеспечивает успех в переводе, издании и распространении литературы. Необходимо отметить другие факторы, повлиявшие на результат.

Во-первых, получение китайскими писателями престижных литературных наград. В 2015 году китайский фантаст Лю Цысинь стал первым азиатским лауреатом литературной премии «Хьюго» в номинации «Лучший роман». Как указывает доцент Восточного факультета СПбГУ Алексей Родионов: «В последнее же десятилетие ни идеологические, ни академические факторы уже не оказывали существенного влияния на выбор произведений для перевода на русский язык. Гораздо большей значимостью обладали признания конкретного писателя в Китае и за его пределами (ориентация на литературные премии), личная активность писателя и переводчика, позиция издательства и грантодателя» [10]. В 2012 году Мо Янь был награждён

Нобелевской премией по литературе, и в 2016 году детский писатель Цао Вэньсюань получил премию имени Г.Х. Андерсена. Произведения трёх лауреатов стали самыми издаваемыми книгами современной китайской литературы в России. По данным Радионова, если составить рейтинг по тиражу отдельных изданий в 2009–2018 гг., то первое место займёт Мо Янь (37 000 экз.), второе – Лю Цысинь (20 000 экз.), а четвертое – Цао Вэньсюань (15 800 экз.) [10]. Таким образом, чтобы способствовать продвижению современной китайской литературы за рубежом, важно выдвигать произведения китайских писателей не только на международные литературные премии, но и на национальные премии, в том числе и на российские.

Во-вторых, издание произведений крупнейшим издательством. Анализ изданий китайской научной фантастики показывает, что все произведения были выпущены издательством «Эксмо». Известно, что издательство «Эксмо» – это самая крупная издательская группа в России, занимающая более 20% российского книжного рынка. Именно такие крупные издательства, как «Эксмо», имеют широчайшие возможности по продвижению своих публикации по всей России. Сегодня в России большинство китайских произведений выпускают нишевые издательства «Шанс», «Гиперион» и «Восточная литература», которые специализируются на восточной литературе и не имеют мощных каналов продвижения своих книг, что привело к недостатку информации о новых переводах. Массовый читатель даже не знает, какие произведения переведены с китайского языка и что стоит читать. Если в будущем всё больше китайских произведений смогут выпускаться такими издательствами, как «Эксмо», это может многое поменять в распространении современной китайской литературы.

В-третьих, экранизация произведений. Как пишет Родионов: «Более активное вовлечение китайских литераторов в культурную жизнь России, их номинация на российские литературные премии, опора на кинематографию будут способствовать продвижению новейшей китайской литературы» [6]. Радует, что на данный момент несколько научно-фантастических произведений Лю Цысиня уже экранизировали. В 2019 году в Китае вышел на экраны научно-фантастический фильм «Блуждающая Земля», основанный на одноименной повести Лю Цысиня. В январе 2023 года в прокат Китая, США и других странах вышел фильм Франта Гво «Блуждающая Земля 2», приквел фантастического триллера «Блуждающая Земля». В начале 2023 года китайская компания Tencent выпустила научно-фантастический сериал по мотивам романа Лю Цысиня «Задача трех тел», сериал приобрёл огромную популярность в Китае. Сейчас в производстве находится еще один сериал по мотивам романа «Задача трех тел» от компании Netflix. Экранизация доводит произведения до более широкого круга читателей и подстёгивает интерес больше читателей к китайской научной фантастике, более того, она и способствует продвижению и распространению всей современной китайской литературы по всему миру.

Таким образом, после длительной паузы в переводе китайской научной фантастики с 1969 по 2015 год произошёл мощный количественный рывок и в переводах, и в изданиях современной китайской научно-фантастической литературы в России. Китайские научно-фантастические произведения уже стали наиболее продаваемыми среди современной китайской литературы в России. Некоторые произведения являются бестселлерами на российском книжном рынке в течение нескольких лет. Что касается факторов, обуславливающих успех в распространении и восприятии китайской научно-фантастической литературы, то можно констатировать, что, помимо художественных достоинств и идейного содержания произведений, важными являются такие факторы, как получение китайскими писателями престижных литературных наград, издание произведений крупнейшим издательством, экранизация произведений.

Литература

1. Ли Чуньюй. «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ в России: перевод и изучение // Сборник материалов VI Междунар. науч. конф. СПб., 2014. С. 85 – 97.
2. Лю Цысинь. Задача трёх тел. Глушкова О., пер. М.: Э: Fanzon, 2017. 464 с.
3. Лю Цысинь. Вечная жизнь Смерти. Глушкова О., Накамура Д., пер. М.: Э: Fanzon, 2018. 688 с.
4. Лю Цысинь. Тёмный лес. Накамура Д., пер. М.: Э: Fanzon, 2018. 640 с.
5. Ищенко В.С., Декань К.Ю. 2019. Особенности китайской научной фантастики как жанра в романе Лю Цысинь «Задача трёх тел» в условиях межкультурного пространства // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2, 8 (ноя. 2019). С. 276 – 281.
6. Ищенко В.С. Жанровые особенности научной фантастики на материале романа Лю Цысинь "Задача трех тел" // Сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых ФГАОУ ВО КФУ им. В.И. Вернадского. 2019. С. 268 – 269.
7. Замалиева З.И., Файзерахманова Р.Р. Развитие современной китайской фантастической литературы в XXI веке // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 3. С. 243 – 253. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sovremennoy-kitayskoy-fantasticheskoy-literatury-v-xxi-veke> (дата обращения: 29.03.2023)

8. Хуа Мэньжоу. Распространение и развитие китайской научной фантастики в России (на примере научно-фантастического романа Лю Цысиня) // Образование и право. 2020. № 7. С. 210 – 214. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-i-razvitie-kitayskoy-nauchnoy-fantastiki-v-rossii-na-primere-nauchnofantasticheskogo-romana-lyu-tsysinya> (дата обращения: 29.03.2023)

9. Задача трёх тел. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002611710-zadacha-trjoh-tel-lyu-tsysin> (дата обращения: 22.02.2023)

10. Родионов А.А. О переводе и издании на русском языке новейшей китайской прозы в 2009-2018 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 398 – 430.

References

1. Li Chun'juj. «Zapiski o Koshach'em gorode» Lao Shje v Rossii: perevod i izuchenie. Sbornik materialov VI Mezhdunar. nauch. konf. SPb., 2014. S. 85 – 97.

2. Lju Cysin'. Zadacha trjoh tel. Glushkova O., per. M.: Je: Fanzon, 2017. 464 s.

3. Lju Cysin'. Vechnaja zhizn' Smerti. Glushkova O., Nakamura D., per. M.: Je: Fanzon, 2018. 688 s.

4. Lju Cysin'. Tjomnyj les. Nakamura D., per. M.: Je: Fanzon, 2018. 640 s.

5. Ishhenko V.S., Dekan' K.Ju. 2019. Osobennosti kitajskoj nauchnoj fantastiki kak zhanra v romane Lju Cysin' «Zadacha trjoh tel» v uslovijah mezhkul'turnogo prostranstva. Social'naja integracija i razvitie jetnokul'tur v evrazijskom prostranstve. 2, 8 (noja. 2019). S. 276 – 281.

6. Ishhenko V.S. Zhanrovyje osobennosti nauchnoj fantastiki na materiale romana Lju Cysin' "Zadacha treh tel". Sbornik trudov nauchno-prakticheskoj konferencii dlja studentov i molodyh uche-nyh FGAOU VO KFU im. V.I. Vernadskogo. 2019. S. 268 – 269.

7. Zamalieva Z.I., Fajzerahmanova R.R. Razvitie sovremennoj kitajskoj fantasticheskoj literatury v XXI veke. Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2020. № 3. S. 243 – 253. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sovremennoj-kitayskoy-fantasticheskoj-literatury-v-xxi-veke> (data obrashhenija: 29.03.2023)

8. Hua Mjen'zhou. Rasprostranenie i razvitie kitajskoj nauchnoj fantastiki v Rossii (na primere nauchno-fantasticheskogo romana Lju Cysin'ja). Образование и право. 2020. № 7. С. 210 – 214. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-i-razvitie-kitayskoy-nauchnoy-fantastiki-v-rossii-na-primere-nauchnofantasticheskogo-romana-lyu-tsysinya> (data obrashhenija: 29.03.2023)

9. Zadacha trjoh tel. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002611710-zadacha-trjoh-tel-lyu-tsysin> (data obrashhenija: 22.02.2023)

10. Rodionov A.A. O perevode i izdanii na russkom jazyke novejshej kitajskoj prozy v 2009-2018 gg. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2019. Т. 11. Vyp. 4. S. 398 – 430.

*Xue Hongyan, Senior Lecturer, Postgraduate,
Xi'an Shiyou University, China,
Xi'an International Studies University, China*

Translation and publication in the Russian language of the Chinese science fiction of the XXI century

Abstract: this article deals with the issue of translating and publishing in Russian the latest Chinese science fiction literature of the 21st century. The article provides an overview of the most striking and significant works of Chinese science fiction literature published since 2000. The study also examines the current state of translation, distribution and acceptance of Chinese science fiction literature in Russia and analyzes the factors that ensure success in the dissemination and perception of Chinese science fiction literature. Particular attention in the study is paid to the assessment and analysis of the perception of Chinese science fiction literature by readers, both Chinese and in the territory of the Russian Federation. The article also discusses the attitude of readers and reviews to various works of the genre under consideration. It was revealed that when translating and publishing in Russian, a wide range of factors are taken into account, including the artistic merit of works, the receipt of prestigious literary awards by Chinese writers, the publication of works by the largest publishing house, and the film adaptation of works. It was revealed that over the past 5 years, Chinese science fiction works have become the best-selling and most popular among all modern Chinese literature in Russia.

Keywords: Chinese science fiction, translation, publication, Liu Cixin, Russia

For citation: Xue Hongyan Translation and publication in the Russian language of the Chinese science fiction of the XXI century. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (5). P. 229 – 233.